СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ *Курского края*

1

Комитет по культуре Администрации Курской области
Курский государственный областной музей археологии

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ *Курского края*

А.В. Зорин
А.Г. Шпилев

Курск 2019

ББК 63.3(2-4Кус)
З-86

Книга издается в информационных, научных, учебных и культурных целях.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В.Ф. Блохин (Брянский университет им. академика И.Г. Петровского)

доктор исторических наук, профессор А.М. Дубровский (Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского)

доктор исторических наук, профессор Н.А. Тропин (Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина)

Зорин, Александр Васильевич.
Страницы истории Курского края [Текст] / А. В. Зорин, А. Г. Шпилев ; Ком. по культуре Адм. Курской обл., Курский гос. обл. музей археологии. — Курск : Издательство ПОЛСТАР Курск, 2019.
Т. 1. — 2019. — 260 с. : ил., цв. ил., карты, портр., факс. — ISBN 978–5–906415–10–3.
18+.

Книга посвящена прошлому Курского края, охватывая период с конца XVI до середины XIX вв. Богато иллюстрированное научно–популярное издание представляет читателю всестороннюю и полную картину истории края, основанную на новейших археологических и исторических исследованиях. Предназначена для студентов, преподавателей истории, краеведов и всех интересующихся историей своего Отечества.

ISBN 978–5–906415–10–3

Печать ООО «Издательство ПОЛСТАР Курск»
ИНН4632156546
Тел.: 8-910-210-21-07
Подписано в печать 04.02.2019 г.
Формат 60x90 1/8
Бумага мелованная
Гарнитура Helios
Печать офсетная. Тираж 400 экз.
Заказ № 8.

© Курский государственный областной музей археологии, 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Дизайн издания Л.А. Фролова, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *(А.В. Зорин)* 4

На рубежах Московского царства *(А.В. Зорин)* 5

Курск — крепость на границе *(А.В. Зорин)* 14

Освоение окраин *(А.В. Зорин)* 20

Пленники Дикого Поля *(А.В. Зорин)* 28

«Было двенадцать разбойников, был атаман Кудеяр». Курские разбойники XVI–XVII веков *(А.Г. Шпилев)* 34

«Нет у Белого Царя вора супротив курянина». Из курских нравов XVII века *(А.Г. Шпилев)* 37

Возвращение царевича *(А.В. Зорин)* 42

«Северияне и вси мятежници» *(А.В. Зорин)* 50

Великая осада 1612 г. *(А.В. Зорин)* 56

Набег лисовчиков *(А.В. Зорин)* 62

Степная опасность *(А.В. Зорин)* 70

Битвы Смоленской войны *(А.В. Зорин)* 76

Загадка Красной Поляны *(А.В. Зорин)* 82

Поход Вишневецкого *(А.В. Зорин)* 86

Татарская гроза *(А.В. Зорин)* 92

Восстание 1648 г. *(А.В. Зорин)* 98

Куряне на Земских Соборах *(А.В. Зорин)* 102

Гаврила Малышев и его избиратели *(А.В. Зорин)* 105

Воевода князь Ромодановский *(А.В. Зорин)* 108

Борьба за Украину *(А.В. Зорин)* 113

Иов Льговский *(А.В. Зорин)* 122

Курские книжники *(А.В. Зорин)* 126

На исходе столетия *(А.В. Зорин)* 135

Курская крепость в 1722 г. *(А.В. Зорин)* 141

Гетман Мазепа — курский помещик *(А.Г. Шпилев)* 145

Первая курская фабрика. Путивльская (Глушковская) суконная мануфактура в XVIII веке *(А.Г. Шпилев)* 154

Курская вотчина графов Шереметевых *(А.Г. Шпилев)* 161

Курские дворяне в XVIII веке *(А.Г. Шпилев)* 168

Курские крестьяне в XVIII — первой половине XIX века *(А.Г. Шпилев)* 178

Курское купечество *(А.В. Зорин)* 191

Курское духовенство в XVIII веке *(А.Г. Шпилев)* 199

Курские чиновники *(А.Г. Шпилев)* 211

Курск и куряне в XVIII — первой половине XIX века *(А.Г. Шпилев)* 222

Геральдика Курского края *(А.Г. Шпилев)* 236

От уезда к губернии. Административно–территориальные реформы в Курском крае XVIII века *(А.Г. Шпилев)* 246

Источники и литература 256

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2014 г. к 80–летию образования Курской области сотрудниками Курского государственного областного музея археологии было подготовлено и выпущено в свет издание, посвящённое далёкому прошлому нашего края — «Курский край сквозь века». Богато иллюстрированная книга представляла собой серию научно–популярных очерков, охватывающих события местной истории от древнейших времён и вплоть до XVII в. Это издание быстро снискало известность среди всех, кто интересуется прошлым Курской земли.

Прямым продолжением этой книги и являются предлагаемые ныне читателю «Страницы истории Курского края». Они также содержат под одной обложкой серию популярных очерков, повествующих об основных событиях истории края с конца XVI в. до 1860–х гг. Под Курским краем авторы подразумевают территории современных Курской области и западной части Белгородской области (Россия), а также Путивльского района и Миропольского с/с Краснопольского района Сумской области (Украина), до 1920–х — 1950–х гг. входивших в состав Курской губернии/области.

Первый том книги посвящён периоду конца XVI–XVIII вв. Начиная рассказ с основания Курской крепости в 1596 г., книга охватывает события Смутного времени, повествует о пограничных войнах с татарами и Речью Посполитой, описывает освоение порубежных земель, быт и нравы местных жителей, говорит о курянах, оставивших значимый след в истории России. В последующих главах излагается влияние на Курский край петровских преобразований, на курском материале даётся характеристика основным сословиям русского общества XVIII в.

Второй том книги посвящён преимущественно персоналиям, а также отдельным ярким эпизодам истории Курского края в период XVIII–XIX вв., доводя изложение событий до отмены крепостного права. В состав этой части книги входят очерки, посвящённые писателям и учёным, путешественникам и военным, жизнь которых связана с Курским краем, а также очерки, освещающие роль края и его жителей в крупных политических событиях отечественной истории: движении декабристов, Отечественной войне 1812 г., Крымской и Кавказской войнах.

Отличием этого издания от «Курского края сквозь века» является преимущественная опора уже не на данные археологии, а на сведения письменных источников, которых сохранилось неизмеримо больше, нежели от предшествующих тысячелетий местной истории. Авторы использовали и актовый материал, и мемуарную литературу, и, разумеется, труды своих предшественников, изучавших те или иные этапы и явления прошлого Курского края. Всюду в тексте сохранены даты юлианского календаря, которым пользовались в России на протяжении XVIII — начала XX вв. Для соотнесения их с современными датами григорианского календаря читателю следует помнить, что разница между ними составляет 10 дней для XVII в., 11 дней для XVIII в. и 12 дней для XIX в.

Авторы надеются, что новое издание будет столь же тепло принято читателями, как и предшествующая книга, а также на то, что она внесёт свой вклад в расширение знаний и пробуждение интереса к историческому прошлому родного края.

За оказанную помощь в работе над «Страницами истории Курского края» авторы выражают искреннюю благодарность председателю Комитета по культуре Курской области В.В. Рудскому, директору Курского государственного областного музея археологии к.и.н. Г.Ю. Стародубцеву, сотрудникам Курского областного краеведческого музея: генеральному директору И.В. Лоташовой, зам. директора по научной работе к.и.н. И.М. Плаксину, научному сотруднику В.И. Склярукy, младшему научному сотруднику С.А. Пахомову, хранителю фонда редкой книги М.И. Каменевой, ведущему научному сотруднику Курской государственной картинной галереи имени А.А. Дейнеки к.иск. М.С. Тарасовой; главному архивисту отдела использования и публикации документов Государственного архива Курской области В.К. Виноградовой, директору и главному хранителю фондов Железногорского краеведческого музея Т.Г. Моталыгиной и О.В. Белашовой, архивариусу Свято–Троицкого монастыря, секретарю Историко–архивной комиссии Курской епархии монахине Иустине (Трофимовой).

НА РУБЕЖАХ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

Курские земли, вошедшие в состав Московского государства в начале XVI в., лежали на рубеже леса и степи. По направлению к югу леса уступали постепенно место бескрайним степям, переходя от сплошных массивов к отдельным рощам в оврагах и балках, по берегам рек. Поселения тут встречались всё реже. Начиналось Дикое Поле. По его просторам круглый год, зимой и летом, бродили во множестве разбойничьи шайки «воровских людей» и хищные чамбулы татар.

По водоразделам рек проходили проторенные татарами сакмы и шляхи. Через Курский край пролегали важнейшие из этих военных троп, которые вели от татарских кочевий к русским городам и сёлам. От самого причерноморского Перекопа до Тулы протоптан был крымцами самый знаменитый — Муравский шлях. Он шёл по водоразделу Днепровского и Донецкого бассейнов, между верховьев Ворсклы и Северского Донца, между Тимом и Кшенью на Ливны и далее к Оке. Промеж верховий Нежеголи и Осколом на территорию Курского края вступала Изюмская сакма, которая сливалась с Муравским шляхом у Семских Котлубанов. Крайний восток Курской области захватывала и третья большая военная тропа татар — Кальмиусская сакма. Помимо них татары пользовались и другими дорогами, более локального значения — Пахнуцкой дорогой, Свиной дорогой, Бакаевым шляхом.

Пахнуцкая дорога являлась ответвлением Муравского шляха и проходила по водоразделу Сейма и Сосны вдоль истоков правых притоков верхнего Сейма и правых притоков Сосны, уводя далее на север мимо истоков Сосны на правобережье верхней Оки. Началом дороги являлась переправа через Сейм на Меловом броду, который располагался на промежутке между Ржавой Семицей и Лещином.

Свиная дорога вела от Днепра мимо Рыльска, а затем её направление маркируется истоками рек Снежеть, Кромы, Ицка, Цон, Орёл, Неполодь, Нугрь. Таким образом, она пролегала по водоразделу бассейнов Оки и Десны. Свиная дорога нередко упоминается в связке с Бакаевым шляхом или с именем самого мурзы Бакая, вышедшего на неё собственным маршрутом. По этой причине иногда понятия Бакаевой и Свиной дорог смешиваются между собой. «А Свиною дорогою прихаживали от Днепра Белогородцкие татаровя на Рыльские, и на Карачевские, и на Орловские, и на Болховские уезды, хаживал Бакаи мурза, как не было Польских городов», — сообщает «Книга Большому Чертежу».

Название своё Бакаев шлях получил по имени предводителя белгородских татар Бакая–мурзы, совершившего набег на южнорусские уезды осенью 1570 г. Путь этот, исходя из свидетельств источников и данных топонимики, шёл из–за Днепра, проходя в междуречье Псла и Ворсклы. Далее он пролегал между Пслом и Голтвой, затем,

Конный русский воин. 2–я половина XVI в. Рисунок Л. де Гира.

Перекрестье сабли. XVI в. г. Льгов.

Нож с костяным навершием рукояти, кресало–отвертка, часть совни. XVI–XVII вв. Поселение Переверзево–II (Золотухинский район). Раскопки А.И. Пузиковой. Курский государственный областной музей археологии.

приближаясь к окрестностям современных Сум, проходил в верховьях рек Сухой Груни, Бобрика, Крупца, Суровицы (Сыроватки), Любани, Черторыя. Огибая верховья Боромли, поворачивал в проход между Пслом и Ворсклицей, где «из–под него» вытекали реки Бобрава (приток Псла), Готня (приток Ворсклы) и Ракитна (приток Пены). Шлях пересекал Пену по «татарским бродам», оказывался в поле зрения курско–белгородской сторожи «на ростанех верх Липового Донца», после чего, вероятно, поворачивал к Пслу и пересекал его в районе Обояни (в 40 верстах от Муравского шляха), причём ответвление его, вероятно, сливалось у «росстаней» с Муравским шляхом.

Попасть с Муравского шляха на Бакаев можно было также пройдя по водоразделу Сейма и Псла мимо верховьев Ивицы (притока Сейма). В междуречье Псла и Сейма шлях проходил вдоль правого берега Реута мимо верховьев Полной и Млодати, выходил к переправе через Сейм у Городенского городища в 40 верстах ниже Курска, после чего проходил между истоками Прутища и Рогозны, двигался между Усожей с одной стороны и верховьями Курицы, Обмети и Сновы с другой, а затем входил в коридор между верховьями Усожи и Оки. Здесь его контролировали орловско–карачевские сторожи, стоявшие «верх Боброка» и переезжавшие через шлях до устья Желени. Отсюда шлях сближался со Свиной дорогой и сливался с ней в узком проходе у «речки Молодовой», в верховьях которой также стояла орловско–карачевская сторожа.

Судя по всему, до похода Бакая в 1570 г., обычным путём набегов белгородских татар была Свиная дорога. Бакай–мурза запомнился тем, что вышел в Карачевские и Орловские места не Свиной дорогой и не по Муравскому шляху, а совершенно новым путём, который с тех пор и получил его имя. Во второй половине XVII в. Бакаев шлях был известен также и под названием Сагайдачного — вероятно, из–за движения по нему войск запорожского гетмана Петра Сагайдачного в 1618 г.

По ним приходили степняки на русскую землю, и по ним возвращались они, уводя в неволю толпы пленников, увозя иное награбленное добро. Пути эти из Поля на Русь в те времена бывали зачастую не так уж и далеки, особенно для отборной конницы.

Угроза московскому порубежью исходила со стороны Крымского ханства и зависимой от него Ногайской орды, кочевавшей в степях от Дуная до Кубани. Походы татар бывали зимние и летние. Зимой татары легко преодолевали водные преграды по ледяному «мосту», а копыта их некованых лошадок не разбивались о мёрзлую землю, плотно прикрытую мягким покровом снега. В зимний поход крымский хан мог вывести от 40 до 80 тысяч воинов. До границ своих владений орда двигалась неторопливой колонной, растянувшись миль на десять, имея фронт в 100 всадников и 300 лошадей — каждый татарский всадник вёл с собой еще двух заводных коней. Летние походы предпринимались в середине лета, в разгар полевых работ. В такие набеги отправлялись гораздо меньшие силы — 15–20 тысяч всадников. Не доходя до границы, войско разделялось на 10–12 отрядов, чтобы русские дозоры не поняли истинной численности нападающих.

Северские земли, Рыльск и Путивль на карте Джакомо Гастальди. 1550 г.

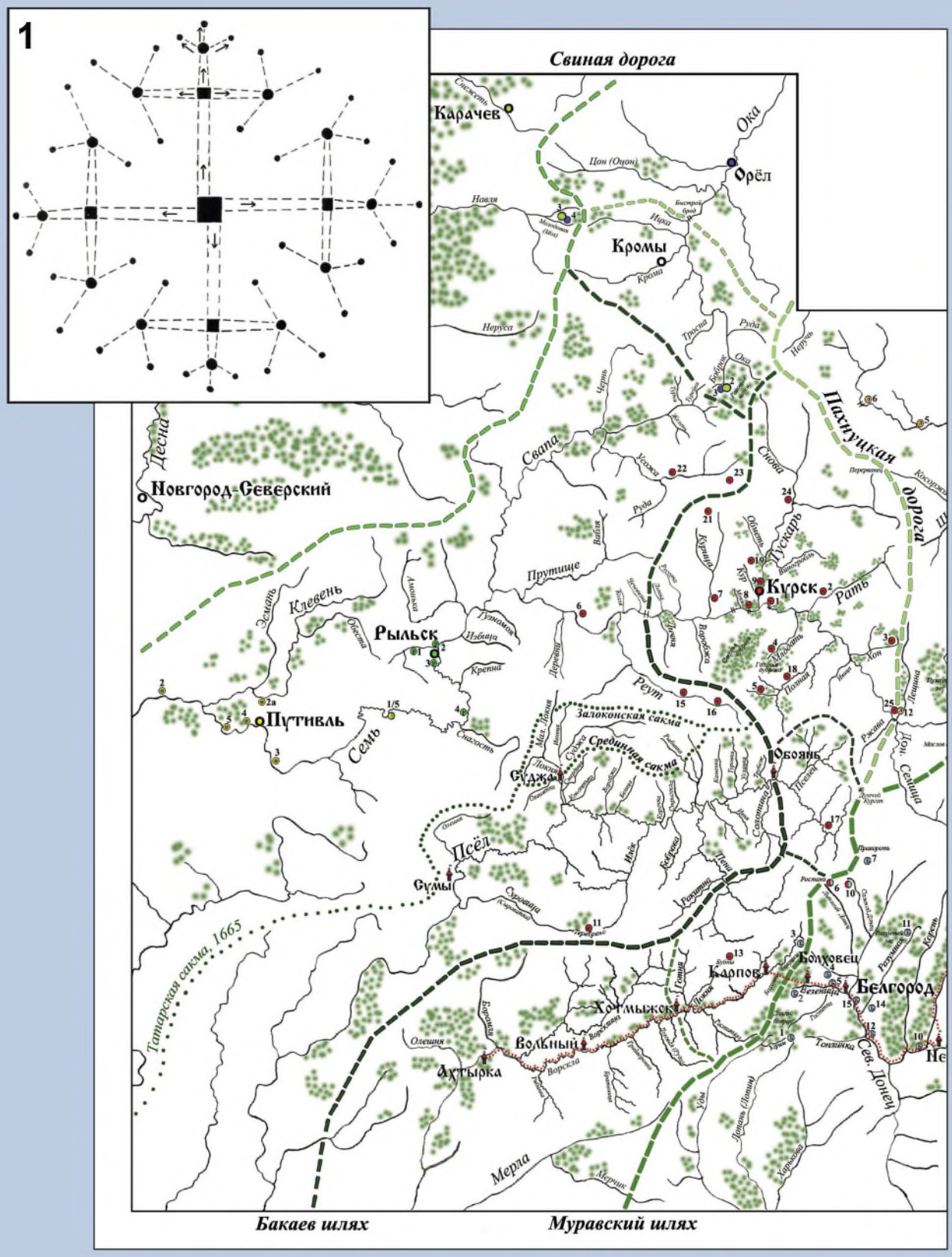
Знатный русский воин XVI в.
Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

Приблизившись к границам русских поселений, орда рассыпалась на отдельные отряды; те, в свою очередь, рассеивались на ещё более мелкие шайки. В конечном итоге они точно частой сетью накрывали и опустошали избранный для разорения район. «Все эти разделения и все разбеги, — пишет известный украинский историк Д.И. Яворницкий, — совершались на всём скаку и не более как в полтора часа: от быстроты и бдительности зависел весь успех их набегов, от замедления и неосмотрительности — гибель и истребление. Но хищники очень опытны в своих маневрах и, по замечанию очевидца, так же были знакомы со степями, как искусные лоцманы — с гаванью... следы же, оставленные ими по степной траве, исчезали, точно круги от брошенного в воду камня».

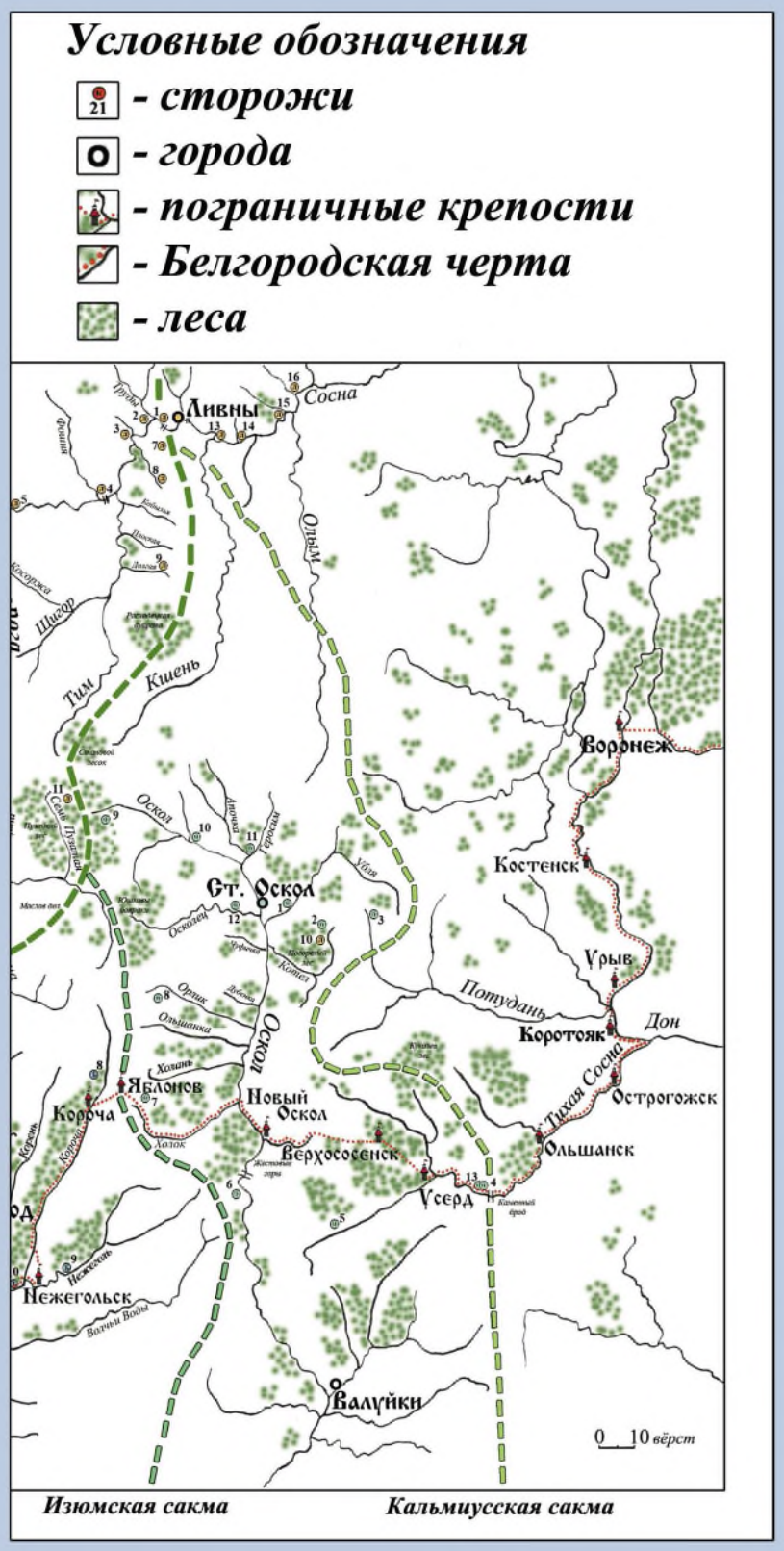
Помимо татар беспокоили порубежье и украинские казаки — «воровские черкасы». В военном отношении они были противником не менее, а то и более опасным, чем татары. Современный исследователь А.И. Папков пишет: «Черкасы обладали хорошими военными навыками, огнестрельным оружием, стремились нападать внезапно, использовать численное превосходство и, как правило, не ввязывались в затяжные бои. В отличие от татар, они штурмовали российские укрепления. Для крымцев основной целью нападений был людской полон, а черкасы не стремились проникать вглубь российской территории, их вполне устраивали деньги, имущество и вооружение, которое можно было отбить у посольств, сторожей и станиц в приграничном районе».

Кроме того, своевольные польские магнаты, имея в своём распоряжении сильные надворные войска, вполне могли себе позволить вести на пограничье собственную войну. Одним из таких магнатов был князь Александр Вишневецкий. Он активно создавал личное удельное владение на спорных землях русско–литовского порубежья. В Москву из пограничных крепостей шли одно за другим сообщения о его враждебной активности. В 1592 г. сообщалось, что Александр Вишневецкий, основав крепость Лубны, высылает оттуда своих урядников в набеги на московские пределы.

Московское государство принимало меры по охране своих южных пределов. Ещё в середине XVI



1 — Схема рассеивания татарской орды во время набега (по Г. де Боплану)

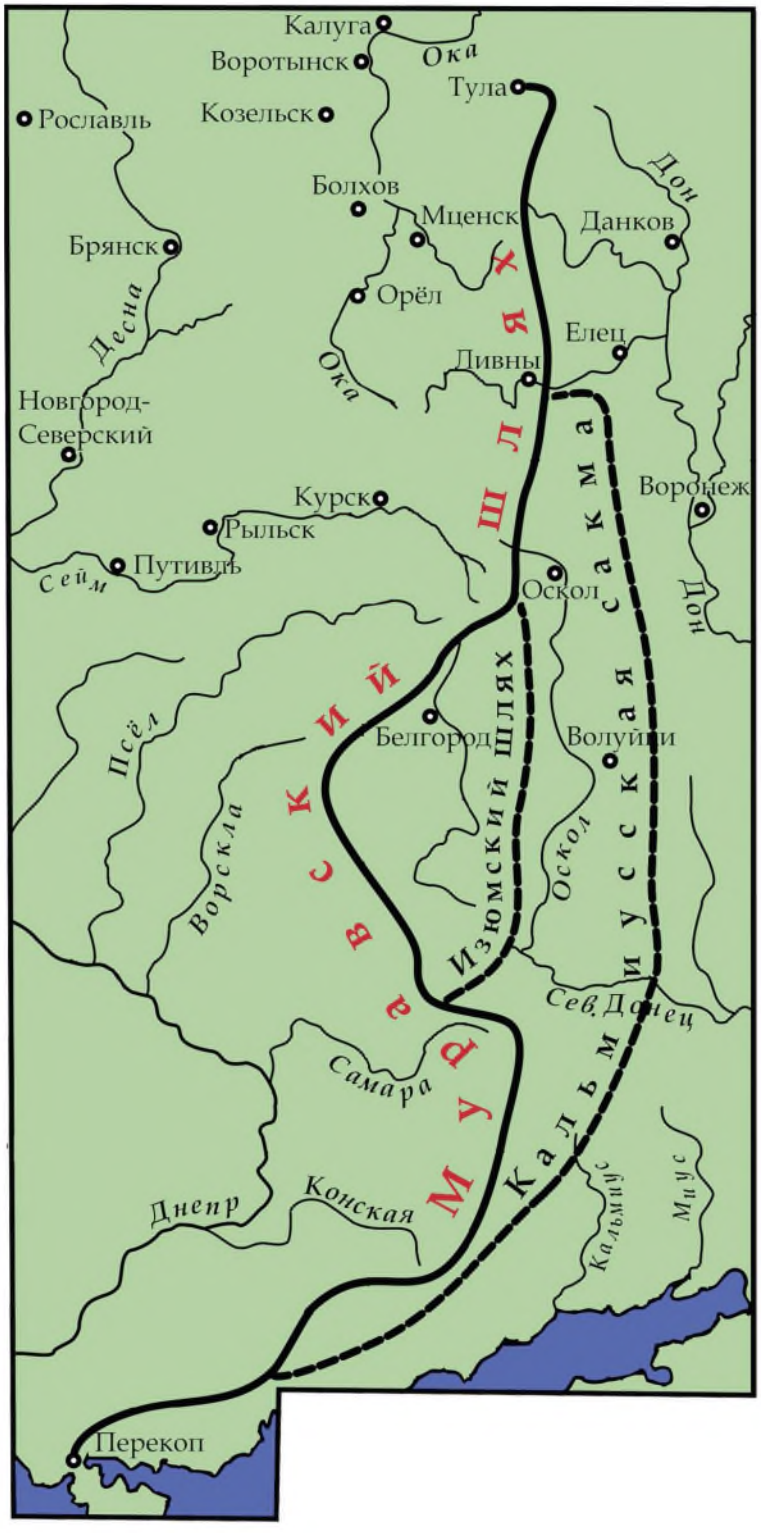


Курский край и сопредельные земли в XVII в.

Крепость Старый Оскол на русской карте XVII в.

в. южная линия обороны Московского государства — Засечная черта — проходила по Оке, между Мещерскими и Брянскими лесами. Она шла от Рязани к Веневу, Туле, Одоеву, Белеву и завершалась в верховьях Жиздры. Но уже тогда русские войска ежегодно выдвигались далеко за Оку для предупреждения внезапных татарских набегов.

Из порубежных городков высылались в Дикое Поле отряды служилых людей, которые должны были отыскивать татарские сакмы и следить за передвижениями врага. Одни из этих отрядов — сторожи — включали в себя от 2 до 6 человек и выставлялись караулами на обычных местах пролегания сакм, у приметных одиноких деревьев, откуда вели наблюдение за закреплённым участком. Более крупными и подвижными отрядами являлись станицы, объезжавшие дозором Поле. Каждая станица состояла из 50–100 всадников, которые должны были патрулировать обширные пространства Степи. Наезженные татарские сакмы перекрывались фор-



Татарские шляхи Днепровского Левобережья — Муравский, Изюмский, Кальмиусский. Прямые пути набегов крымских и ногайских татар на русские земли.

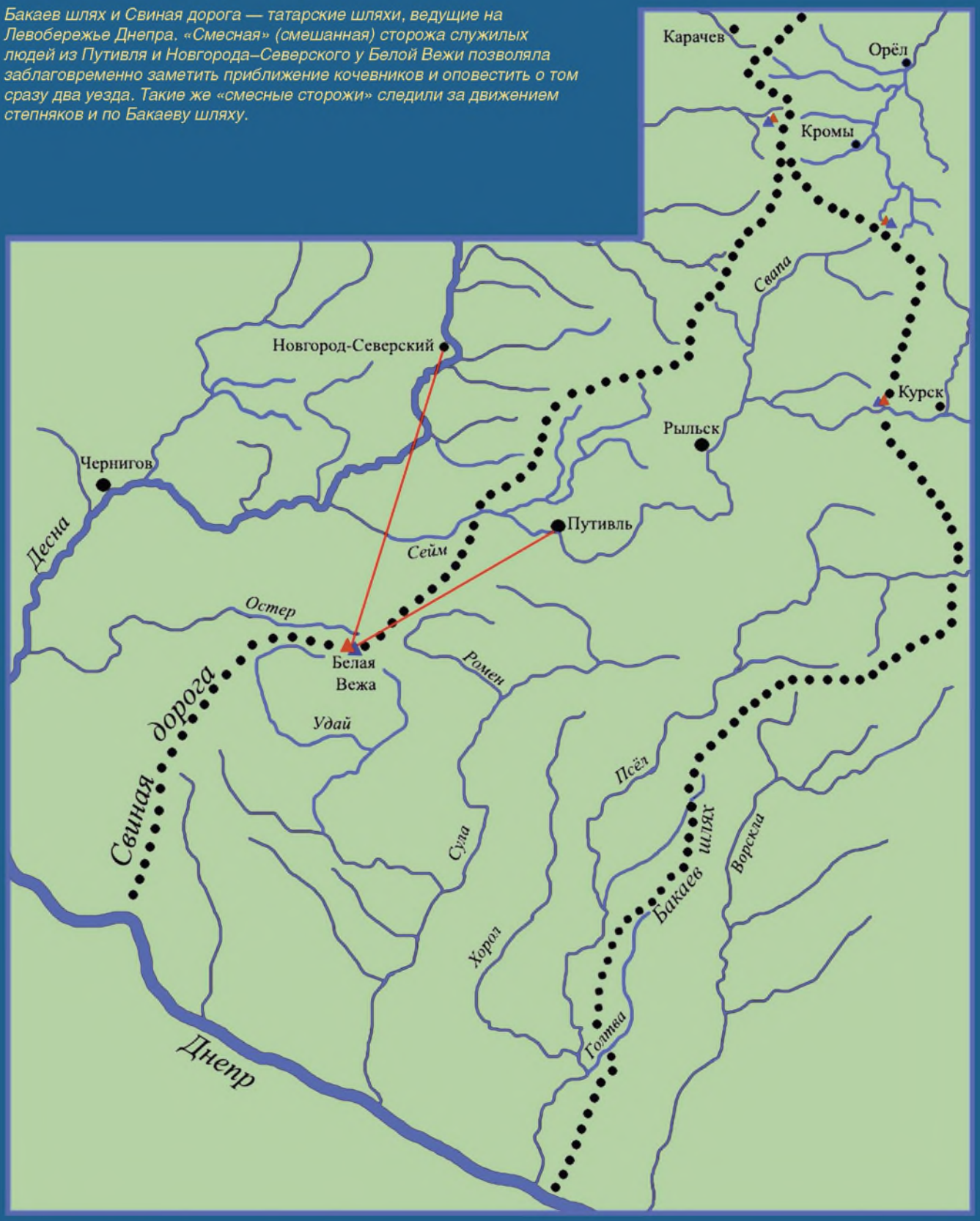
тами–острогами, обычно у бродов через крупнейшие водные артерии пограничья.

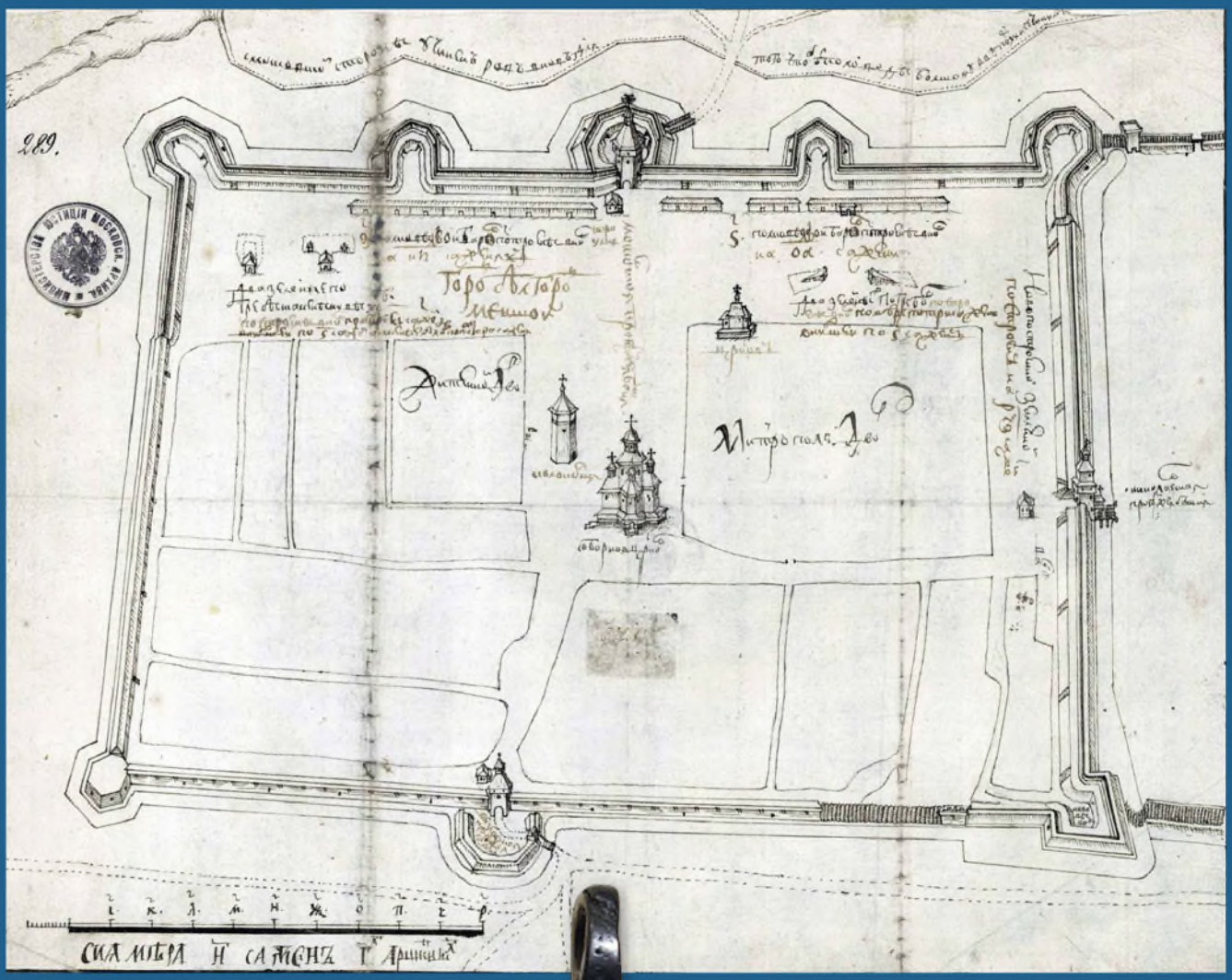
В 1580–1590 гг., после смерти Ивана Грозного и завершения Ливонской войны, московское правительство всерьёз берётся за усиление южной границы царства, ее продвижение к югу, вглубь враждебного Руси Поля. Вновь укрепляются старые города на кромке последнего, а среди них — Рыльск, Путивль, Курск. Ранее Курск, судя по всему, служил лишь временным пристанищем для войск, выдвигаемых по весне в Дикое Поле. Должно быть, по причине ветхости, ненадежности стен этого города, в качестве постоянной крепости он почти не упоминается в источниках вплоть до конца XVI в. Известно лишь, что в 1556–1557 гг. здесь стояли отряды воевод Михаила Репнина и Петра Татева. Только в 1596 г. в город по царскому указу прибывают воевода Иван Полев и голова служилых людей Нелюб Огарёв вместе с переселенцами из Мценска, Орла и других городов. Заново укрепляется старое «Курское городище», возводятся новые острожные стены, пополняется курский гарнизон.

Беспрестанные набеги татар и «литовских людей» вынудили, наконец, московские власти в 1630–1640–х годах предпринять грандиозное строительство новой мощной оборонительной линии, протянувшейся на сотни и сотни вёрст — Белгородской черты.

Белгородская черта протянулась на 800 км — от верховий Ворсклы до Дона и далее, на северо–восток, вдоль реки Воронеж к Цне. Современным историком эти укрепления сравниваются с Великой Китайской стеной, также построенной против кочевников, — «с одной лишь разницей: их появление означало уже не оборону, а начало собственно русского, медленного, но верного движения на степь». В состав Черты вошло 27 городов–крепостей, не считая более мелких опорных пунктов. Умело используя рельеф местности и прочие природные особенности края, строители применяли разнообразные типы укреплений, связанные между собой в единую цепь. Среди них широко были распространены деревянные остроги — ограды из вертикально поставленных брёвен высотой до трёх саженей. С внутренней стороны такого частокола крепились кровати — деревянный помост для защитников крепости. Над оградой устанавливались обламы — выступающие вперёд бревенчатые навесы. В стене и в обламе проделывались бойницы. Именно та-

Бакаев шлях и Свиная дорога — татарские шляхи, ведущие на Левобережье Днепра. «Смесная» (смешанная) сторожа служилых людей из Путивля и Новгорода–Северского у Белой Вежи позволяла заблаговременно заметить приближение кочевников и оповестить о том сразу два уезда. Такие же «смесные сторожи» следили за движением степняков и по Бакаеву шляху.





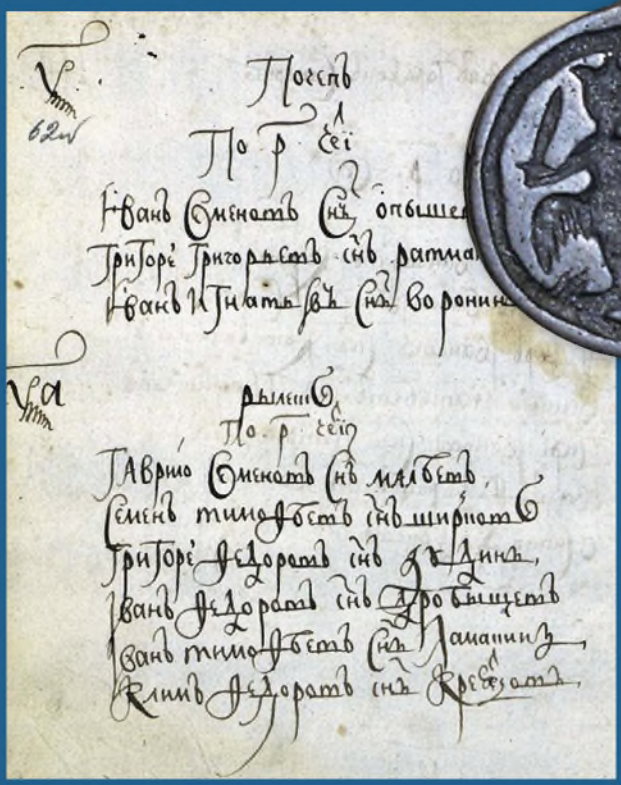


Чертёж Малого острога Белгорода («город Белгород Меньшой»). Конец XVII в.

«Верстальная десятня новиков всех городов верстания». 1596 г. Страница с перечнем новиков Рыльска (новики — молодые дети боярские, как правило, в возрасте 15 лет, впервые записанные в службу и верстанные поместным и денежным окладом).

Подвесная печать с изображением женщины–птицы Алконоста с мечом и сигнальной трубой на лицевой стороне и зеркальной четырёхстрочной надписью «ПДО БРАЧЕ ЛОВЕК ЯНЯ» [«Печать добря человек Яня»] на оборотной стороне. 2–я половина XVI в. д. Липина (Октябрьский район).

На сторожевой границе Московского государства. Художник С.В. Иванов.

Русский всадник с саблей. Денга Ивана IV (1533–1584 гг.)

ким образом были укреплены, например, Хотмыжск и Старый Оскол. Иногда острог дополнительно укреплялся рвом и надолбами. В наиболее опасных точках линии стены крепостей рубились «по–городовому», как то было в Карпове и Короче. В этом случае стена состояла из прямоугольных срубов–клетей и также снабжалась обламами и бойницами.

Участки между городками и естественными преградами — реками, лесами, болотами — перекрывались насыпными валами, которые пересекали татарские сакмы и шляхи, закрывая степной коннице путь вглубь российских уездов. В высоту они имели 3,2–3,7 м. На вершине валов стояли сторожевые башни. В лесах, чтобы превратить их в непреодолимую преграду на пути набегов, устраивались засеки — завалы из срубленных деревьев. В дно рек вбивался частик, что делало переправу вброд невозможной. На опасных участках дополнительно устанавливались и надолбы — вкопанные в землю два–три бревна, крестом соединённые между собой и скреплённые воедино поперечными брёвнами–связями.

Строительство Белгородской черты растянулось с 1635 г. по 1658 г. После её завершения Курский край прикрывался участком от Вольного до Нового Оскола. Длина его составляла 354 км. Западный отрезок Черты с центром в Вольном шёл по правому берегу Ворсклы. Хотя река в своём верхнем течении была неглубока, а летом сильно мелела, зато правый берег её был высок и лесист. Левый же, напротив, был низменным и болотистым. Уже одно это создавало надёжную преграду на пути татарской конницы. По лесу шла цепь надолбов и засек, часто встречались деревянные острожки. Подобная картина наблюдалась до самого Карпова. Далее ситуация резко менялась. Необходимо было перекрыть степной коридор — междуречье Ворсклы и Донца, где пролегал страшный Муравский шлях.

На основе гарнизонов крепостей Белгородской черты был создан Белгородский полк — армия, прикрывающая южное порубежье Московского государства. Командование этими силами 8 июня 1658 г. было официально поручено окольничему князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому. Именно ему предстояло в ближайшем будущем фактически руководить всем ходом военных действий на территории Украины, сражаясь против казаков, поляков, турок и татар одновременно.

Воевода Белгородского полка ведал не только обороной края, но и являлся здесь по сути дела царским наместником. Он осуществлял тут также судебную и административную власть. В Москве управление порубежными землями находилось в ведении специально созданного приказа Белгородского разряда, который действовал наравне с такими приказами, как Сибирский или Казанский. На 1677 г. в Белгородском разряде числился 61 город. В целом Белгородский полк был мощной военно–административной единицей Московского царства, предназначенной оборонять и осваивать новые порубежные земли.

КУРСК — КРЕПОСТЬ НА ГРАНИЦЕ

Издавна считается, что монгольское нашествие привело к запустению Курска и город был воссоздан заново только на исходе XVI в. *«В то же время и сему граду Курску, пленению до основания раззорену сущу бывшу, и оттоле многия годы пребывая пустея и от многих лет запустения, положения того града Курска и уезд велиим древесем поростоша и многим зверям обиталища быша»*, — писал во второй половине XVII в. неизвестный монах, автор «Повести о граде Курске». Основываясь на этой традиции, многие учёные отрицали существование какого–либо поселения на территории Курска в XIV–XVI вв. Они даже утверждали, что разрыв между временем существования древнерусского города и крепости XVI века настолько велик, что невозможно воспринимать их историю как единое целое. Но так ли это?

Запись в Разрядной книге за 7104 год от сотворения мира (1596 г.) гласит: *«государь царь и великий князь Фёдор Иванович всеа Руссии указал поставить на поле новых три городы: на Донце на Северском на Белогородье город да на Осколе усть Оскольца другой город, да на Семи на старом на Курском городище третей город… На Семь на Курское городище посланы города ставить воевода Иван Полев да голова Нелюб Огарев, да подъячей Яков Окатьев. И по государеву… указу те воеводы и головы поставили на поле три городы… тое же осени»*.

Было ли «старое Курское городище» просто поросшим травой мысом или же тут имелись и какое–то население, и какие–либо укрепления? К сожалению, археологический материал XV–XVI вв. для нашей территории изучен крайне слабо и пока нет возможности выделить его из общего массива позднесредневековых находок. Несколько лучше обстоит дело с письменными источниками. Даже если не говорить о немногочисленных свидетельствах конца XIII–XV вв., о существовании Курска непосредственно в XVI в. упоминается в целом ряде документов. Это договорная грамота великого князя литовского Сигизмунда с крымским ханом Саип–Гиреем (1540 г.), указ Ивана IV Грозного о ссылке ябедников в «украинные города Севск и Курск» (1582 г.), а также сообщение Разрядной книги 1475–1598 гг., где говорится о том, что в 1557 г. в Курске стоял отряд воевод М.П. Репнина и П.И. Татева. Кроме того, в перечне стрелецких голов и сотников времён Ивана Грозного упоминается Постник Суворов, который «был в Курске у пятисот человек», и упоминание это датируется периодом между 1557 и 1571 гг. Имеется также челобитная курянина Василия Степанова сына Розинина, поданная царю Михаилу Федоровичу в 1622 г. В ней утверждается, что сам он до 1607 г. жил в Курске с отцом, а его «деды и прадеды» служили «в стрельцах с Курска, а в крестьянех ни за кем не бывали». Исходя из этого можно сделать вывод, что

предки Василия служили в Курске задолго до восстановления крепости в 1596 г. Весьма маловероятно и то, что рать Репнина и Татева могла хоть какое-то время прокормиться в полностью безлюдных местах. О наличии здесь населения косвенно свидетельствует факт, отмеченный ещё видным курским историком и краеведом А.А. Танковым: уже в начале XVII в. здесь имелось немало церквей, а значит, проживало и большое число людей, которое не могло появиться тут за короткий промежуток времени после основания крепости.

Царь Фёдор Иоаннович. Реконструкция М.М. Герасимова по черепу из погребения.

Сторонники основания нового Курска на пустом месте, доказывая несостоятельность этих аргументов, заявляют, что упоминания имени города в документах XIV — начала XVI вв. носят «чисто условный характер», поскольку не связаны с описанием конкретных событий, а лишь служат для определения владельческой принадлежности этих земель. Правда, при этом не объясняется, почему название «несуществующего» города оказывается в одном ряду с вполне реальными городами, жители которых должны приносить своему владетелю вполне реальные доходы и оказывать вполне ощутимую военную поддержку. Говорится также, что Курск, в отличие от Рыльска или Мценска, не упоминается в духовных грамотах русских великих князей и царей XVI в. Однако то, что некий населённый пункт не упоминается в определённых документах, вовсе не свидетельствует о том, что его вообще не существует. Так, например, археологические данные говорят о существовании на территории нынешней Курской области целого ряда крупных древнерусских городов, ни один из которых не попал на страницы летописей. Скорее всего, они занимали подчинённое положение в отношении центра округи и потому перечислять их в документах общего характера не считалось нужным. Курск же в XVI в. явно уступал в значимости и Рыльску, и тому же Мценску.

Отвергается рядом историков и достоверность известной фразы из указа от 12 марта 1582 г.: *«А который в жалобнице или в суде лжет и составляет ябеду, ино того — казнити торгового казнью, да написати в казаки в украйные города Севск и Курск»*. Доказывая, что Севск был основан лишь при Борисе Годунове, они заявляют, что название городов является позднейшей вставкой в текст документа. Однако даже в этом случае остаётся неясным смысл подобной уточняющей правки, а также то, отчего вставкой считаются имена обоих городов, а не лишь одного из них?

Этими же исследователями безоговорочно отвергается и достоверность документов, подобных челобитной Розинина, на том лишь основании, что временами в них встречаются неточности. Но в данном случае никаких конкретных свидетельств, которые заставили бы усомниться в достоверности челобитной Василия Розинина, у нас нет. Кроме того, в описании Курского острога 1652 г. воевода Д.И. Плещеев сообщает о существовании внутри крепости «старой городовой осыпи», на которой располагался «рубленый город», а не обычный частокол, которым был обнесён в то время Курск. Известно также, что в ходе осады города в 1612 г. защитники крепости укрылись в малом остроге, стены которого были настолько ветхими, что для их срочной починки пришлось разобрать несколько построек. Весьма маловероятно, чтобы стены, возведённые в 1596 г., пришли в подобное состояние уже через шестнадцать лет.

Таким образом, можно предположить, что некое поселение с остатками ветхих укреплений на месте Курска существовало, а Полев и Огарёв просто расширили его площадь, обновив стены «малого острога» и добавив к нему новый, «большой острог». Возведена крепость была по обычным для того времени стандартам и напоминала выстроенные тогда же новые укрепления Путивля и Белгорода. С определёнными изменениями эти сооружения просуществовали до первой четверти XVIII в.

Линия укреплений Курской крепости XVII — начала XVIII вв. тянулась с юга на север вдоль выходящего к реке Тускарь склона примерно параллельно современной ул. Сонина (от автостоянки до поворота на ул. Луначарского), затем резко сворачивала к дому 2/4 по Красной площади (в районе которого находилась Пятницкая башня). Затем она продолжалась в квартале снесённых ныне домов между ул. Луначарского и Дзержинского и, повернув, выходила к Никитской башне у южного склона мыса. Отсюда линия укреплений тянулась в сторону Тускаря вдоль кромки мыса, постепенно

Строительство русской крепости. Русская миниатюра XVI в.

Русские. 2–я половина XVI в. Рисунок Л. де Гира.

спускаясь к южной оконечности стрелки в район современной автостоянки, где тогда высилась Меловая башня. Позднее на этом месте возвели бастион Белгород. А в 1677 г., когда произошло столкновение России с Османской империей и турецкие войска осаждали Чигирин, известный военачальник Патрик Гордон выстроил в городе дополнительные укрепления, построив перед воротами «Курского замка» равелин.

Согласно описанию воеводы Д.И. Плещеева, в середине XVII столетия треугольный Курский острог имел 8 дубовых рубленых башен. Со стороны Московской дороги (позднее ул. Большая Московская, ныне ул. Ленина) стояла Пятницкая проезжая башня. От неё к обрыву над Тускарем шла стена *с отводами* — выступами для фланговой стрельбы по штурмующим (всего таких отводов в крепости было 14). Высота стен доходила до двух саженей (более 4 м). Стена шла параллельно современной Красной площади до наугольной глухой Кривой (Красной) башни, а затем сворачивала вниз по течению реки. На отрезке до следующей наугольной Меловой башни находилось ещё три башни — воротняя Пьяная, глухая Тускарная (позднее, после ликвидации Пьяной, ставшая воротней) и воротняя Оскольская (Виденеева). Третья стена имела две башни — Куровую и Никитскую (Никитские ворота). Никитская была самой высокой в крепости — «четыре сажени без локтя» (около 8 м). Её и Пятницкую увенчивали дозорные площадки — «клетки с окны». Башни имели тесовую шатровую кровлю. С двух сторон Курск защищали крутые обрывистые берега Кура и Тускари, а с севера шёл глубокий ров, засыпанный лишь в конце XVIII в. Через него от ворот Пятницкой башни был переброшен «городовой мост». Учитывая размеры рва (до 15 м глубиной и до 70 м шириной), следует предположить, что он был сооружён на основе естественного оврага. На случай осады в крепости имелся ход к воде: *«Тайник подведён под острожную стену к реке Тускари от острожной стены с южной стороны до колодезя к реке Тускари 24 сажени [51,8 м]. В нём выкопан колодезь, поставлен сруб»*. Этот «тайник», согласно требованиям фортификационного искусства того времени, представлял собой траншею с деревянным перекрытием, которое засыпалось сверху грунтом и маскировалось дёрном. Такой ход прокладывался вниз по склону крепостного мыса до уровня залегания грунтовых вод. В месте достижения этого уровня и выкапывался колодец. Находился «тайник», скорее всего, на участке между Меловой и Оскольской башнями.

В отписке воеводы Плещеева упоминается также находящийся внутри стен крепости вал — «старая городовая осыпь», по гребню которого идёт стена из клетей («рубленый город»). Эта «осыпь» имела протяжённость в 345,6 м и, вероятно, представляла собой остатки первоначальных укреплений Курска. Можно предположить, что изначально Курская крепость занимала только наиболее возвышенную часть мыса и была вписана в участок между рвом (оврагом) и обрывистым склоном к реке Тускарь.

Следы поздних укреплений Курска были выявлены в ходе археологических раскопок в центре города в 2005 г. Тогда на месте оборонительного вала и рва удалось проследить траншею, прорезавшую насыпь вала. Она имела ширину около 1,4 м, наклонные стенки и округлое дно. В траншее археологи выявили цепочку округлых столбовых ям с отвесными стенка-

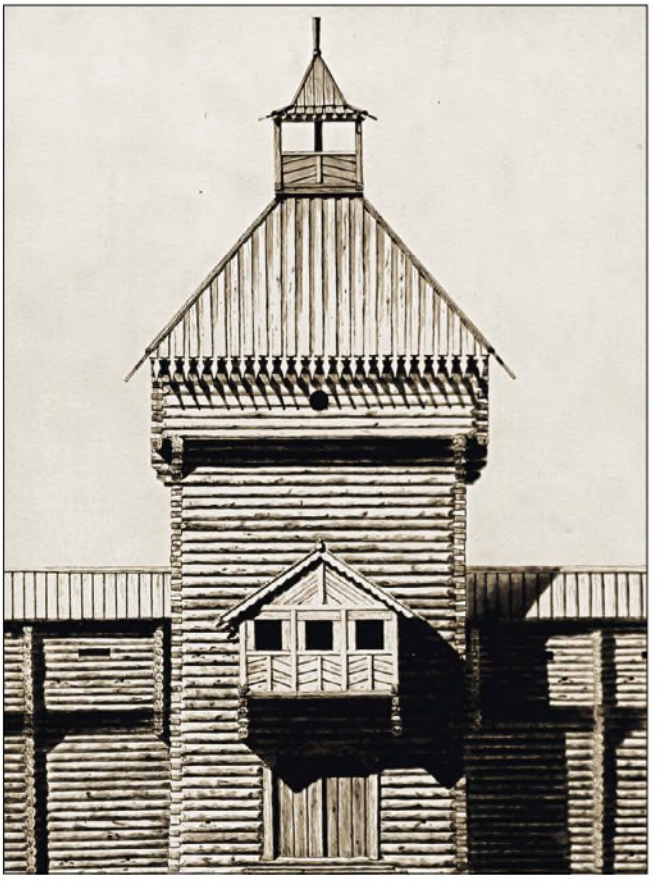
ми и плоским дном при диаметре до 0,2 м и глубине до 1,6 м от уровня фиксации. В одной из них хорошо сохранились остатки установленного здесь дубового столба длиной 1 м и толщиной до 11 см. Хуже сохранившиеся остатки столбов и древесный тлен прослеживались и в других столбовых ямках. Судя по наличию этих ямок в дне траншеи, она появилась в связи с возведением на данном участке вала оборонительного сооружения, имевшего столбовую конструкцию, проще говоря, частокола.

При этом интересно отметить, что ниже по склону вдоль современной ул. Луначарского траншея в валу не прослеживается. Дело, видимо, в том, что здесь частокол устанавливался одновременно с возведением земляной насыпи, когда столбы засыпались со всех сторон одним и тем же грунтом. Данный участок («рукав к реке Куру») был пристроен к уже существовавшей крепости, вероятно, в 1596 г., когда территория возобновлённой Курской крепости оказалась расширена.

В конце XVI в., помимо этой цитадели (малого острога), город, как уже упоминалось, имел также укреплённый посад (большой острог), как имели его и ряд других порубежных городов, например, Белгород и Путивль. Укрепления большого острога, как и укрепления острога малого, включали в себя стены, воротние и глухие башни, а также оборонительный ров. Однако после разгрома 1612 г. эти укрепления более не восстанавливались. В 1634 г. войска Вишневецкого атаковали стены крепости непосредственно с территории посада, занять который им ничто не воспрепятствовало. Учитывая данные топонимики, следует предположить, что линия стен большого острога, защищавших городской посад, проходила в районе нынешней ул. Серафима Саровского. Далее располагался Троицкий женский монастырь и «на сто и более сажен», где–то до нынешней Можаевской улицы, тянулась Божедомская слобода. От неё, через Княжой лес, Большая Московская дорога вела «к Тагину, во Мценеск и на Кромы, и на Орёл», а верстах в 12 от города, «промеж речки Кура и речки Обмети… промеж лесов» находились Валки — укреплённая надолбами застава, охранявшая город от неожиданного появления татар. Всё это делало Курск мощной крепостью, способной устоять как против внезапного набега, так и против правильной осады.

Таким образом, данные археологии и письменных источников позволяют сделать вывод, что первоначальное ядро укреплений Курска располагалось в районе наиболее высокой части мыса между обрывистым берегом Тускаря и рвом с напольной стороны. С остальных сторон укреплённую площадку защищал невысокий земляной вал («старая городовая осыпь»), образовавшийся, возможно, в результате разрушения забутованных грунтом рубленых клетей деревянной стены

Курская крепость XVII в. План. Реконструкция А.В. Зорина.



Проездная башня деревянной русской крепости XVII в. Реконструкция Н.П. Крадина (по Н.П. Крадину, 1988).

Русский городовой казак. Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

«Балта» — боевой топор конного воина. XVI–XVII вв. Стрелецкая слобода (г. Курск). Курский государственный областной музей археологии.

Нательный крест. 2-я половина XVII в. г. Курск. Раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии.

Поясная пряжка. Фрагмент. XVII в. с. Шумаково (Солнцевский район).

Кресало. XVII в. Поселение Переверзево II (Золотухинский район). Раскопки А.И. Пузиковой. Курский государственный областной музей археологии.

древнерусского времени. В конце XVI в. площадь крепости расширяется за счёт протянувшегося к устью Кура «рукава». Вал, как древний, так и возведённый в конце XVI в., был невысок, что хорошо заметно на изображении крепости на «абрисе» 1722 г. Высота его составляла, вероятно, не более 1,5–2 м, что объясняется существованием мощных природных укреплений в виде обрывистых высоких склонов, а также глубокого и широкого рва, основой которому послужил естественный овраг. Во второй половине XVII в. по гребню насыпи проходил частокол, высота которого «от осыпи» колебалась в пределах 1,5–2 сажен (около 3–4 м).

Вокруг укреплённого центра размещались слободы и посад, а дополнительными опорными пунктами при обороне города служили монастыри. На посаде стоял Троицкий девичий монастырь, а за Куром — Троицкий мужской, окончательно разорённый во время набега Вишневецкого в 1634 г. Пригородных слобод в XVII в. первоначально насчитывалось три: Ямская, Казацкая и Пушкарная, а также две слободки на отшибе — Божедомская на Московской дороге и Троицкая монастырская за Куром. Позднее, в конце XVII–XVIII вв., к ним добавились ещё слободы Стрелецкая, Кожевенная, Рассыльная, Подьяческая, Малороссийская, Городовая.

Курск XVII века был мощной крепостью, которую ни разу не удалось взять штурмом ни одному неприятельскому войску, многократно подступавшему под его стены.

Налобная часть женского головного убора. XVII в. Приходское кладбище Курского Свято–Троицкого женского монастыря.

Русский женский головной убор «Кика». Россия. Конец XVIII в. Коллекция Н.Л. Шабельской (с сайта «The Metropolitan Museum of Art»).

Счётный жетон рейхспфеннинг. Медь. 1637–1668 г. Нюрнберг, Германия. Немецкое подражание экю французского короля Людовика XIV. Служило нагрудным детским украшением. Приходское кладбище Курского Свято–Троицкого женского монастыря.

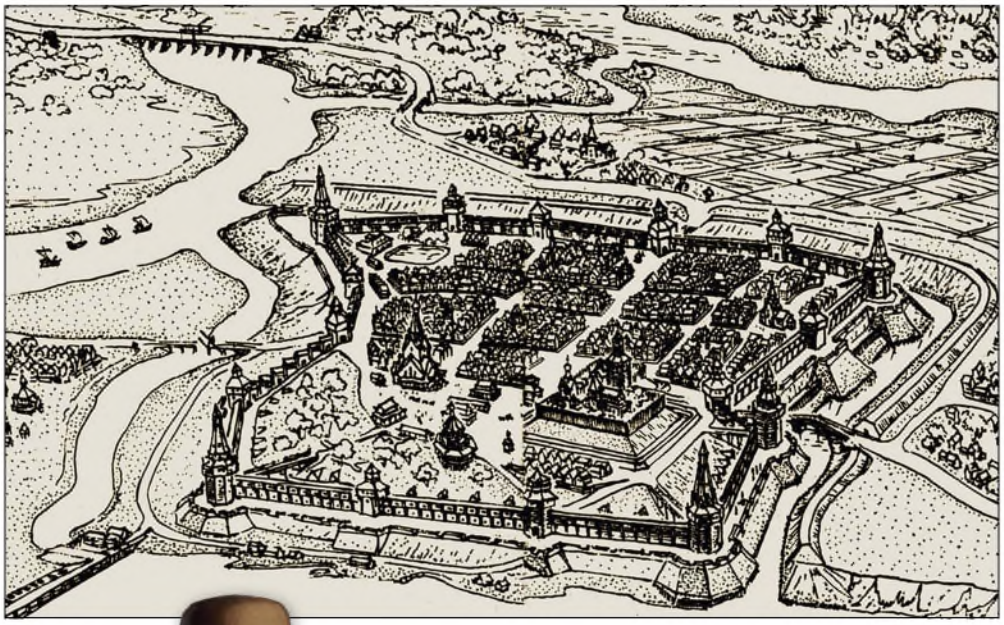
ОСВОЕНИЕ ОКРАИН

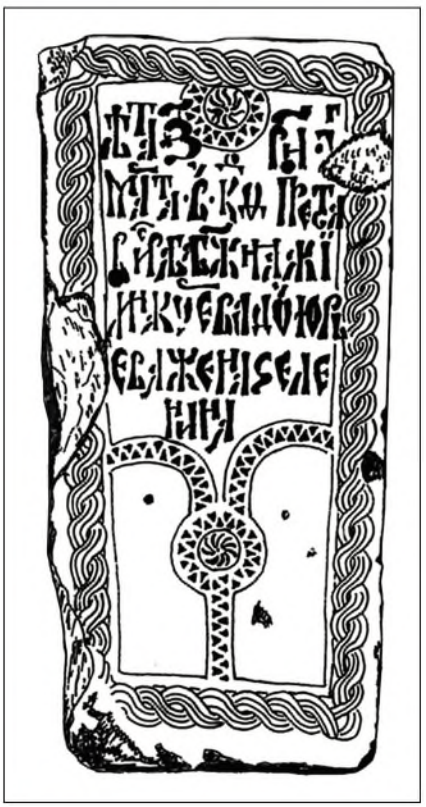
Население огромных территорий лесостепи, вошедших в первой половине XVI в. в состав Московского государства, было относительно невелико. От вражеских набегов оно укрывалось за стенами небольших городков, подобных Рыльску, или же под защитой лесов и болот в стороне от татарских шляхов. Форпостами Московского царства на степной границе стояли старинные *города северские* — Стародуб, Рыльск, Путивль, *города украинные* — Орёл, Мценск, Новосиль и *города рязанские* — Данков, Ряжск, Шацк. Далее расстилался безбрежный океан Поля — до поры до времени царство кочевников. С конца XVI в. оседлое земледельческое население начинает колонизацию этих земель, как вольную, так и государственную. Сюда шли искатели вольной жизни, шли и государевы служилые люди. Именно сочетание этих двух потоков колонизации и придало населению Курского края ту пестроту, какой отличалось оно в XVII столетии, да и позднее. Даже в XIX в. здесь существовали различные по диалекту, одежде и обрядам группы крестьянского населения — саяны, цуканы, горюны, — происходившие как от переселенцев эпохи Московского царства, так и от исконных обитателей края, севрюков.

Русский воевода. Гравюра А. де Брейна. 2–я половина XVI в.

Суджа в XVII в. Реконструкция К.К. Лопяло.

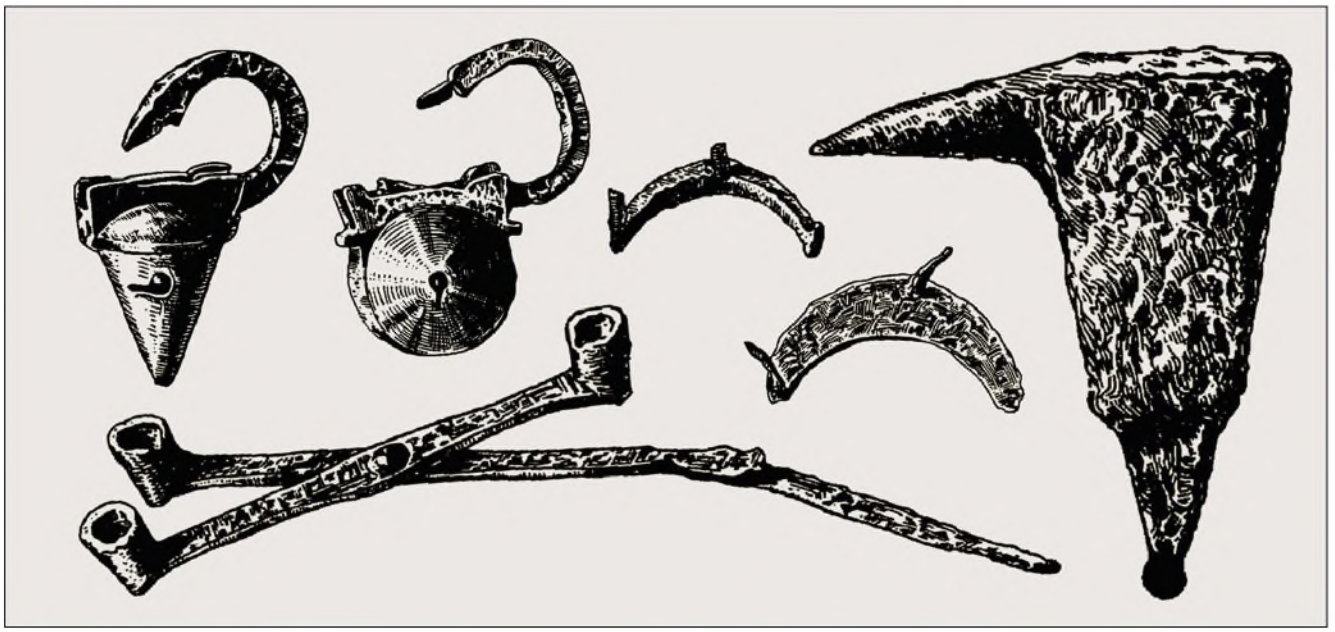
Русский мужчина. 1576 г. С западноевропейской ксилографии «Русское посольство к императору Священной Римской империи Максимилиану II в Регенсбурге»





Надгробие дворянки А.К. Зелениной. 1643 г. с. Капыстичи (Рыльский район).

Знатная русская женщина. XVI в. Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко. Рисунок выполнен на основе гравюры Ч. Вечеллио 1598 г.



Замки, светец, сапожные подковки, наковальня. Обнаружены на территории Белгородской крепости, уничтоженной в 1612 г. Раскопки А.В. Никитина (по А.В. Никитину, 1962).

Поясная накладка с изображением птицы. XVII в. Курская область.

Бритва, ложкарь, светец, кресало и костяной гребень. XVII в. Поселение Переверзево II (Золотухинский район). Раскопки А.И. Пузиковой. Курский государственный областной музей археологии.

Новые города здесь заселялись прежде всего путём принудительной отправки туда жителей внутренних уездов России. Их в приказном порядке *сводили* со старого места жительства на новое, отчего они и получили название *сведенцы*. Так, в Обоянь были сведены так называемые *дети боярские* — землевладельцы низшего ранга — из Орла и Курска; в Белгороде в 1629 г. имелись три казацкие слободы, названные по именам тех рязанских городов, откуда вышли их обитатели — Ряжская, Михайловская, Пронская.

Столь же принудительно отправлялась на новое место жительства и ещё одна категория населения порубежного края — *ссыльные*. Ещё в 1582 г. был издан царский указ, согласно которому «тех, кто в суде лжёт и составит ябеду», следовало бить кнутом, а потом «написать в казаки в украйные города Севск и Курск».

Одновременно с государственным заселением шёл процесс вольной колонизации свободных зе-

Русские горожане. С русской миниатюры 1673 г.

Русская девушка из зажиточной городской семьи и мальчик в праздничной рубахе. XVII в. Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

Щиток серьги с изображением птиц. XVII в. Конышевский район. Курский государственный областной музей археологии.

Серьга. XVII в. Россия.

мель Юга. Добровольные поселенцы, *сходившиеся* сюда, именовались здесь *сходцы*. На порубежье прибывали не только помещики, которым за их службу жаловались тут наделы, но и крестьяне. В первые десятилетия XVII в. население располагалось в основном в двух районах — Курском (севернее Сейма и Быстрой Сосны) и Воронежском. Сюда прибывали крестьяне из уездов Карачевского, Белевского, Алексинского, Болховского, Орловского, Козельского, Брянского, то есть поречий Верхней Оки, Десны, низовий Сейма. Курские и белгородские воеводы из–за нехватки личного состава своих полков и вспомогательных служб охотно принимали на службу добровольцев — служилых людей, посадских и крестьян, не особенно интересуясь тем, откуда и почему они сбежали сюда.

Особую роль сыграла в освоении края колонизация *монастырская*. Монастыри — Молченская Софрониева *пустынь* под Путивлем, Николаевский монастырь в Рыльске, Троицкая девичья обитель в Курске и другие — являлись крупными землевладельцами и весьма заботились о привлечении населения на свои угодья. Монахи зазывали на свои земли переселенцев, выпрашивали у властей в дар уже населённые местности, закабаляли крестьян ссудами под проценты.

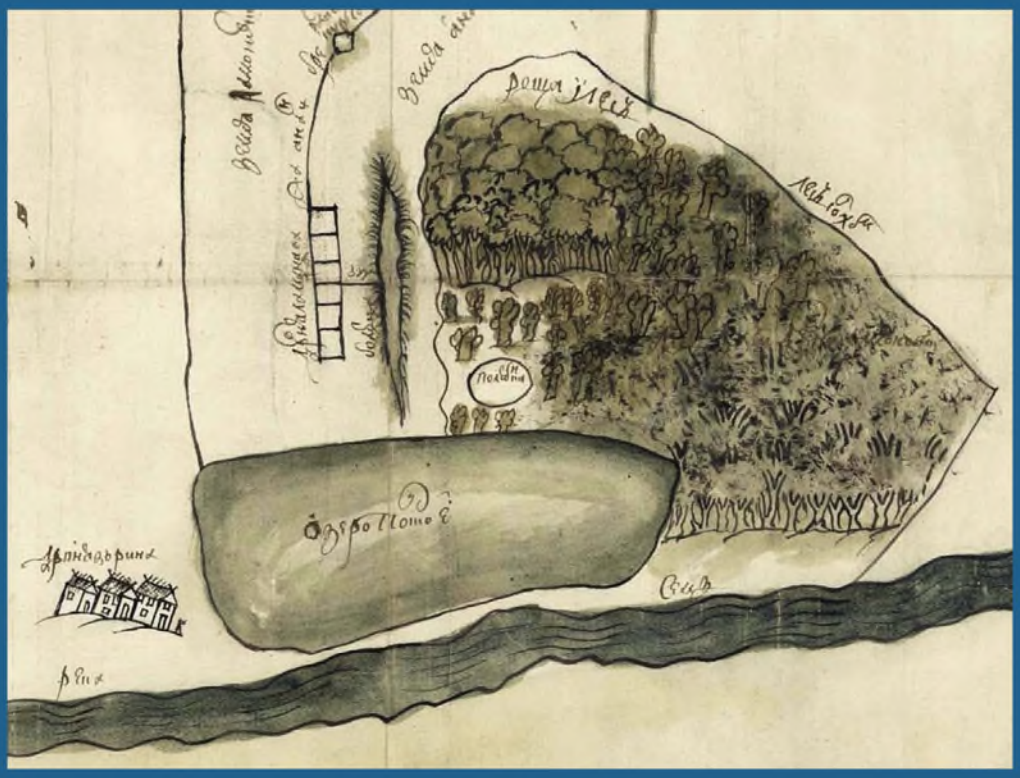
Большую роль в освоении новых земель сыграли служилые люди, оборонявшие край от врагов. В то время они подразделялись на две категории: «служилых людей по отечеству» (то есть по происхождению) и «служилых людей по прибору» (по набору). Первые из них — мелкие дворяне, «дети боярские», — получали на степном рубеже денежное и поместное жалованье, за что обязаны были нести военную службу. Больше всего их было в северных уездах «полевой Украины», в том числе и в Курском. Южнее, в Белгородском и Оскольском уездах, проживало больше служилых второй категории — стрельцов, пушкарей, казаков, драгун,

Село Банищи на карте XVII в.

Рубленый терем в орловском поместье князя Ф. Хотетовского на чертеже XVII в.

Сошник и топор, обнаруженные на территории Белгородской крепости, уничтоженной в 1612 г. Раскопки А.В. Никитина (по А.В. Никитину, 1962).

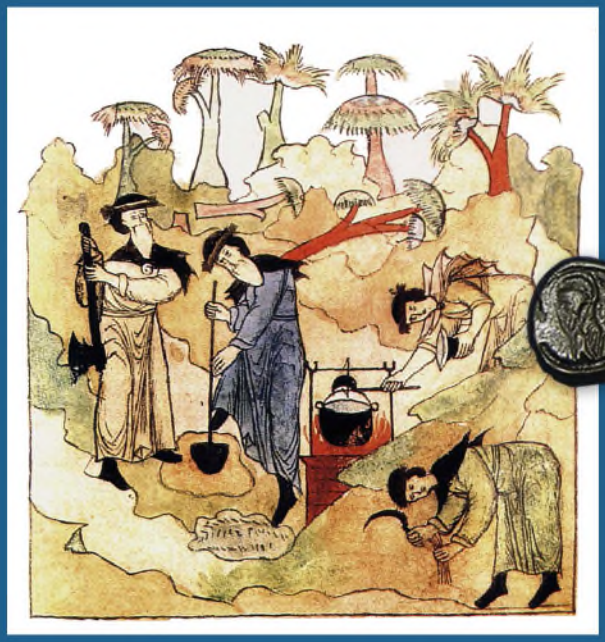
Кувшинчик. XVII в. Курская область. Курский государственный областной музей археологии.



Пахота. Русская миниатюра XVII в.

Курский крестьянин и крестьянка– «саянка». XVII в. По этнографическим материалам конца XIX в. Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

Деревни Ламаново и Зорино на реке Семь (Сейм) и озере Полском. Чертёж XVII в.



Полевые работы монахов. Русская миниатюра XVII в.

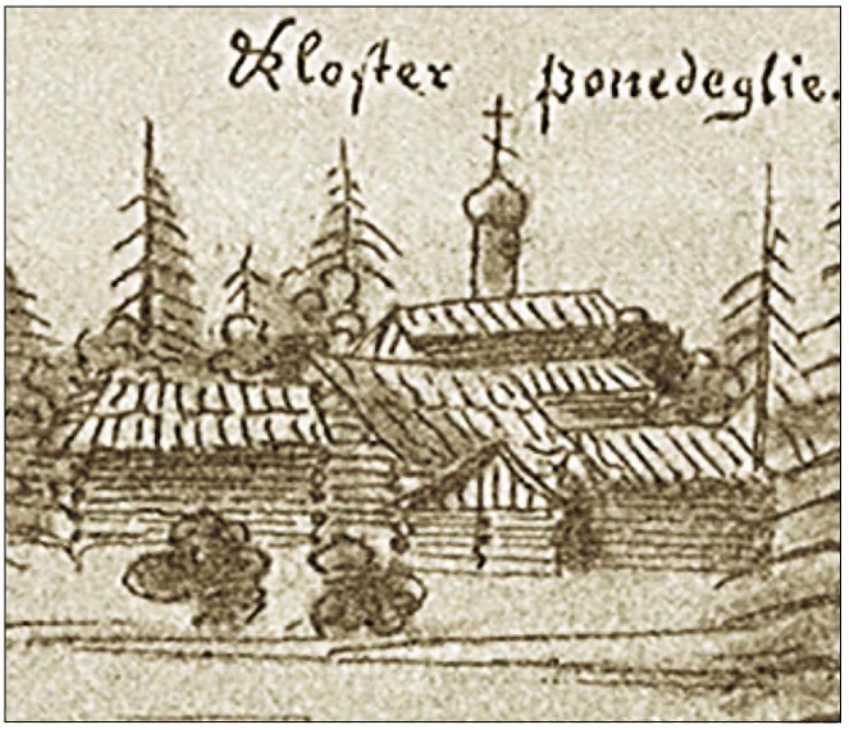
Нательный крест. XVI–XVII вв. г. Курск. Раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии.

Нательная иконка «Святой Никита, побивающий беса». XVII в. Октябрьский район.

солдат. Вместо денежного жалованья их наделяли землёй. Каждому причиталось от 8 до 20 четвертей. За это они несли военную службу и платили хлебный налог. Именно они, в большинстве своём, и составили впоследствии прослойку *однодворцев*, промежуточную между крестьянством и дворянством.

Помимо переселенцев важной составляющей населения Курского края являлись и его коренные жители — *севрюки*. Красочную характеристику дал им знаток курской старины, писатель и историк Евгений Львович Марков: «Постоянная жизнь на пустынных рубежах земли русской, среди глухих лесов и болот, вечно настороже от воровских людей, вечно на коне или в засаде с ружьём или луком за спиною, с мечом в руке, постоянные схватки с степными хищниками, ежедневный риск своей головой, своей свободой, всем своим нажитком, — выработали в течение времени из севрюка такого же вора и хищника своего рода, незаменимого в борьбе с иноплеменными ворами и хищниками, все сноровки которых им были известны как свои собственные». До того как в Поле стали периодически высылаться московские войска, именно на севрюков была возложена обязанность охраны рубежей Северской земли. В Диком Поле они имели свои стоянки–*ухожаи*, откуда выезжали патрулировать степи, отыскивать татарские сакмы.

Помимо сведенцев, сходцев и ссыльных немалую роль в заселении степной окраины сыграли выходцы из–за рубежа Московских владений — *прочане*, переселившиеся сюда из пределов Польско–Литовского государства (Речи Посполитой). *Черкасы*, как тогда называли украинцев, ухо-



Русский монастырь. Европейская гравюра XVII в.

Русский монах. XVII в. Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

дили под защиту московского царя, спасаясь от религиозного и национального гнёта польского шляхетства.

Ради закрепления на новых местах прочанам предоставлялись различные льготы: они освобождались от податей, торговых пошлин, им даровалось право свободно заниматься винокурением. Из–за этого и сами поселения их назывались *слободами*. Особенно много их было основано в нижнем Посеймье — в окрестностях Путивля, Суджи, Мирополья. Там селились выходцы из Нежина, Прилук, Ромен, Смоленска, Глухова, Дашева, Умани, Гадяча, Лохвицы и даже Вильно и Львова. Были среди них и белорусы, потомки которых оставили на территории Курского края особую этнографическую прослойку среди крестьян — *горюнов*. В XVII–XVIII вв. южные уезды Курского края входили в состав так называемой *Слободской Украины (Слобожанщины)*, на территории которой в 1670–х гг. было даже сформировано 4 казачьих полка — Острогожский, Ахтырский, Сумской и Харьковский. Все они находились в подчинении у белгородского воеводы.

Вольные и малонаселённые земли, лежавшие на пути к Дону, особенно влекли к себе тех, кто был не в ладах с законом, тех, кто бежал от крепостной зависимости. Беглые составили особую группу в населении Порубежья. Более 20 000 человек бежало сюда в голодное время 1601–1603 гг. Не ослабевал приток беглых и позднее. Одни из них поступали на службу в гарнизоны пограничных городков, другие предпочитали вольную жизнь. Иные подавались в разбойники, которых немало бродило по степям. О себе они говаривали: «На распутье дуб, на нём три грани, едина в Крым, другая в Русь, а третья в наши станы».

В целом же пёстрое и беспокойное население приграничного края вполне оправдывало сложившуюся в те времена поговорку: *«Нет у Белого Царя вора супротив курянина»*.

ПЛЕННИКИ ДИКОГО ПОЛЯ

«Татары не вели правильных войн, — отмечал известный историк Д.И. Багалей, — а потому соседи боялись их не как врагов, с которыми сладить нельзя, а как огня, от которого трудно уберечься. Если кто из соседей не присылал установленной дани, то татарами это принималось как вызов к набегу». Они шли сами собирать дань, и самой ценной добычей для них был *ясырь* — пленники, обречённые на рабство. «Захваченных в неволю людей, — пишет историк запорожского казачества Д.И. Яворницкий, — татары расставляли в ряды по нескольку человек, связывали им назад руки сыромятными ремнями, сквозь ремни продевали деревянные шесты, а на шеи набрасывали верёвки; потом, держа за концы верёвок, окружали всех связанных цепью верховых и, подхлёстывая нагайками, безостановочно гнали по сухой, чёрной, выжженной солнцем степи, убивая на месте слабых и питая сырою и дохлою кониною живых». Иногда пленников подвергали жестоким мучениям. Некоторых использовали как мишени для стрельбы из лука, а рылянину Рогулину «татаровя, наругаючись над ним, обрубили ноги и оставили на таборище под Нежином замертво». Но обычно излишних жестокостей не допускалось — *ясырь* был слишком дорогим товаром.

Дележ полона производился тотчас, едва татары оказывались на безопасном расстоянии от погони. *«Самое бесчеловечное сердце тронулось бы жалостью при виде того, как разлучаются муж с женою, мать с дочерью, без надежды когда–нибудь увидеться и идут в жалкую неволю к язычникам мусульманам, которые наносят им всякие оскорбления,* — пишет французский военный инженер Гильом де Боплан. — *Зверство татар таково, что они совершают множество самых грязных поступков, как например, насилуют девушек и женщин в присутствии их отцов и мужей и на глазах у родителей обрезывают детей в честь Магомета. У самых бесчувственных людей дрогнуло бы сердце, слушая крики и песни победителей среди плача и стонов этих несчастных русских, которые плачут, произнося с напевом причитания».*

Тяжёл был путь в рабство, но ещё тяжелее была сама неволя. Иных пленников держали ради выкупа, иных продавали на галеры–каторги, где они до самой смерти приковывались к огромным вёслам. Многих силой заставляли принимать мусульманство, но некоторые меняли веру сами, чтобы улучшить своё положение. Так, крестьянин Корней Иванов, проданный еврею, «веру держал жидовскую и в жидовский храм ходил»; оказавшись у

Курск и пограничные земли на карте Н. Висшера. 1649 г.

турка, «веру держал татарскую», а попав, наконец, к греку — «веру держал с греченином вместе русскую».

Освободиться из неволи пленники могли путём выкупа, обмена или бегства. Местом обмена пленных долгое время были Волуйки, а когда окрестное русское население возросло и татары стали опасаться приводить туда своих пленников, то для «розмена» подыскали место поближе к Крыму — Азов, Тор, Переволочну. Прибывая на обмен, служилые люди устраивали себе укреплённый лагерь, держа наготове пушки. Настороже были и татары. Они считали «московитян» племенем упорным и коварным, и потому даже на рынках старались выдавать их за поляков или украинцев — «народ королевский» считался более кротким. Бдительность с обеих сторон не бывала лишней. Иной раз пленники совершали дерзкие побеги прямо на «розменном месте». Так, в 1649 г. из татарского становища «ушёл средь бела дня на лошади в Валуйку» 12–летний сын боярский из Новгорода–Северского Андрей Лукашёв. В плену мальчик провёл три года. Иногда, впрочем, татары сами отпускали пленников, как отпустили они после двухлетней неволи в 1645 г. курского осадного голову Ларю Петрова — «за крестное целование для сбору выкупа». Другим везло меньше — белгородский дворянин Семён Черемисинов провёл в плену десять лет.

Обмен пленных был делом непростым, так как не всегда стороны могли прийти к взаимному согласию. Криштоф Сеножацкий, польский урядник из Прилук, прислал 20 сентября 1634 г. в Путивль письмо с просьбой обменять его жену, попавшую в русский плен при взятии Рамонского острожка и отданную под охрану сыну боярскому Ивану Мокидонову. Он предлагал взамен освободить трёх русских пленников — детей боярских Степана Дерюгина, Семёна Татаринова и Фёдора Селиванова. Было запрошено согласие царя, и в итоге из Москвы пришёл ответ: требовать в обмен освобождения Ивана Колтовского с женой и детьми, а уж если не получится, тогда только соглашаться на предложение Сеножацкого.

В 1691 г. жена капитан–поручика Белгородского полка Якубовского пыталась обменять своего

Курск и Муравский шлях на карте Фредерика де Вита. 1694 г.

Татарский воин. 1576 г. Гравюра Мельхиора Лорка.

супруга, попавшего в татарскую неволю, на «чёрного татарина» Батырку Абдуллаева, попавшего в русский плен под Севском. Однако, как выяснилось, татары были не согласны на такой обмен, поскольку Батырка был, по их мнению, «худой породы». Выкупить капитана удалось лишь спустя некоторое время.

В 1669 г. крымцы и азовские татары при набеге на Нежегольский уезд схватили попа Игнатия из Покровского собора Нежегольска. Его ударили саблей по голове и угнали в Азов. Год провёл он в рабстве у Азовского паши. Затем донские казаки, замирившись с татарами, приехали в Азов для обмена пленных. Отец Игнатий просил атамана Гришку Жуплея о помощи. Казаки выкупили его за 110 рублей, но за то взяли «в заклад», для гарантии уплаты долга, его сына Гришку сроком на год. «За полонное терпенье и за рану» поп получил государева жалованья четыре рубля и «сукно доброе», но этого было явно недостаточно для выкупа сына. Священнику ничего не оставалось, кроме как обратиться вновь за помощью к царю.

Побег из неволи был делом нелёгким. Чтобы помешать невольникам бежать, татары иногда заставляли их целовать крест, но прибегали и к более простым способам — отрезали уши, клеймили, резали пятки и сыпали в раны рубленый конский волос. Кроме того, путь домой преграждали необозримые, полные опасностей степи. Орлянин Степан Даншин бежал от ногайцев в 1646 г. — «ушёл бегом пеш и шёл степью пять недель, а ел на степи траву — корень катран, а брёл ночью, а в день всё лежал в траве». Пристанище себе такие беглецы могли найти либо в казачьих лагерях, либо в двух монастырях, стоявших в глубине степей. На Донце южнее устья Оскола, в 300 верстах от Белгорода, находился Святогорский монастырь. Второй, Дивногорский, располагался в семи верстах от Коротояка, ниже устья Тихой Сосны, на холмах, где было множество каменных столбов — «дивов». Обители становились убежищами для беглецов из татарской неволи. Степняки понимали их опасность как русских форпостов и не раз пытались разорить монастыри дотла.

Случалось, что невольники совершали побеги и из более отдалённых мест. Так, рыльский помещик Родион Лукьянов бежал в 1666 г. с турецкой галеры в Венецию. Оттуда он добрался до Австрии, а за-

Татары угоняют захваченных людей в плен. Русская миниатюра XVII в.

Пригон пленников на рабский рынок. С гравюры XVII в.

тем через Польшу дошёл и до Киева. Другой рылянин, казачий сын Андрей Сибилев, был освобождён испанцами после разгрома турецкого флота в 1619 г. Два года ему пришлось прожить в Венеции, два года он провёл в Вене, ещё два года — в Праге, три — в Слониме, два — в Вильне и, наконец, к 1630 г. он вернулся в родной Рыльск.

Удивительную историю довелось выслушать путивльскому воеводе и его приказным людям от калужского стрельца Ивана Семёновича Мошкина. Он явился в город «с литовского рубежа» во главе целого отряда сотоварищей и поведал о таких похождениях, что воевода тотчас велел всех взять под стражу, решив, что в крепость проникли польские лазутчики, пытающиеся обмануть его своими небылицами. Однако расспросы и дознание подтвердили истинность слов Мошкина. Он вместе со своими спутниками был не только освобождён, но и награждён деньгами на лечение и «сукном добрым» на платье. История его оказалась достоверна, хотя от того и не менее удивительна — недаром она разнеслась по всей Европе и привлекла внимание папы римского, австрийского императора и польского короля. В Италии её издали отдельной брошюрой в знаменитой римской типографии Гриньяни.

Автор брошюры сообщает, что повстанцев возглавлял «знатный капитан, русский Иван Семёнов (Ruteno Giouani di Semioni)». Стрелец действительно должен был иметь богатый боевой опыт. Он был захвачен татарами в бою под Усердом в 1636 г. Его угнали в Крым, продали в Стамбул, приковали к веслу на галере–*каторге*. На судне имелось 19 пушек, 280 невольников–гребцов, 250 человек турецкой команды, включая 40 янычар. Командовал кораблём

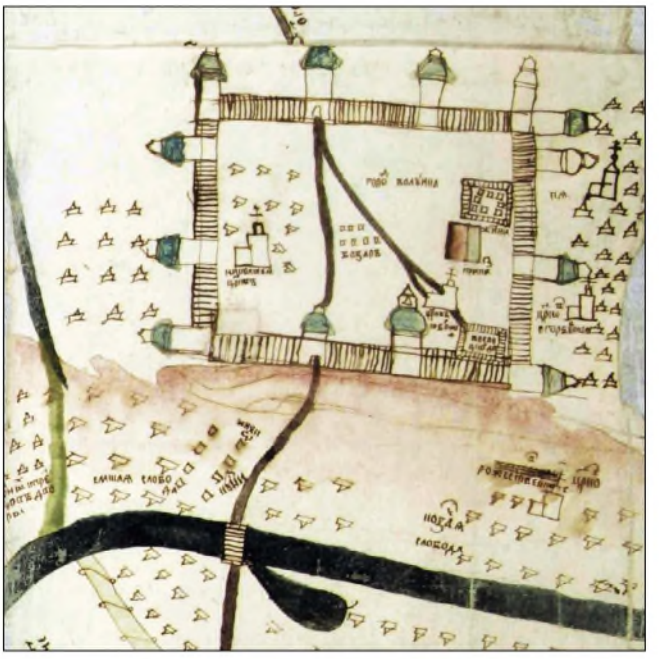
Продажа рабов на рынке. С гравюры XVII в.

Погрузка рабов на галеры в Генуе. Фрагмент картины А. Маньяско (1667–1749).

«жестокий Анти–паша Мариоли», или, как его называет в своей отписке Мошкин, Апты–паша Марьев. Большинство рабов были выходцами из литовских и московских земель. Вскоре наиболее решительные из них сплотились вокруг храброго стрельца, начав подготовку восстания.

В 1642 г. галера Апты–паши участвовала в осаде Азова, захваченного донскими казаками. На её борту перевозилось оружие, и рабам удалось при выгрузке украсть 40 фунтов пороха, который «схоронили меж запасу сухарей». После неудачи под Азовом галеру перебросили в Средиземное море, а 29 октября Мошкин решил, что пришла пора действовать. Порох удалось подложить под место, где спали сам Апты–паша и 40 янычаров. Мошкин дважды пытался поджечь запал, но оба раза неудачно. При второй попытке его застал с дымящимся фитилём в руках сам Апты–паша. Ловкий стрелец отговорился тем, что будто бы собирался всего лишь раскурить трубочку. После этого пришлось прибегнуть к помощи одного ренегата, «иноземца Шпанския земли» Сильвестра из Ливорно, который доставил заговорщикам тлеющую головню, «увертев в плат, чтоб не видали сторожа», а также 12 сабель. Спрятав головню под одеждой, Мошкин подобрался к запалу. Ценой сильных ожогов он сумел всё–таки незаметно подпалить фитиль. Грянул взрыв, и двадцать янычар вылетели за борт. Капитан каторги выскочил к гребцам: *«И Апты–паша выбежал и держит в руках саблю и стал говорить: то есте собаки, крестьяне–изменники, сядьте и не вставайте и что вы то делаете? И я учал ему говорить спорно и стал его называть: ты еси собака, турчанин неверный. И проколол я того Апты–пашу саблею в брюхо и потом его ухватили ближние мои товарищи и бросили его в море и в то время турские люди учали с нами биться и постреляли те турские люди товарищей моих, поранили двадцать человек, а до смерти убили одного человека»*. Сам Мошкин, сражавшийся в кандалах, получил два ранения, но 210 турок было перебито и выброшено за борт.

Восставшие привели захваченную галеру в Мессину, где власти её конфисковали, а бывшим рабам выдали «лист вольный» для возвращения на родину. Мошкину предлагали перейти на службу испанскому королю, суля «корм, платье и 20 рублей жалованья», но тот отказался. В Вене, повествует далее стрелец, «цесарь крестьянский был нам рад и звал нас на службу, а мне, Ивашке, давал поместье». Польский король Владислав IV пожаловал беглецов деньгами — Мошкину выдали 10 рублей, прочим по два рубля. Невзирая ни на какие трудности и соблазны, бывшие невольники упорно стремились домой и наконец добрались до стен Путивля, удивив своими рассказами здешнего воеводу.



Волуйки — традиционное место обмена пленниками на степной границе. Чертёж XVII в.

Переговоры о мире ханского посла Казы–Гирея и князя Хворостинина на мосту реки Сосны в 1593 г. Художник Н. Дмитриев–Оренбургский.

«БЫЛО ДВЕНАДЦАТЬ РАЗБОЙНИКОВ, БЫЛ АТАМАН КУДЕЯР»

Курские разбойники в XVI–XVII вв.

Лежащие на границе Леса и Степи курские земли, покрытые прорезанными глубокими оврагами возвышенностями и заросшими густой растительностью поймами многочисленных рек, в XVI–XVII веках были «землей обетованной» для шаек воров и разбойников.

Причины, толкавшие курян на «большую дорогу», были самые разные — от серьёзных и трагических до смешных и нелепых. Например, от… нежелания учиться. Так, в 1635 г. рылянин Дмитрий Киреев бил челом царю Михаилу Фёдоровичу на своего сына, сбежавшего в Новгород–Северский: «побежал от меня… сынишка мой Свиридка безвестно… и после того… объявился за рубежом в Новгородском уезде, а тот мой сынишка был четырнадцати лет и покинул грамотное ученье и принялся за воровство за татьбы и за пьянство и я… его за грамотное учение от того воровства унимал всяким наказанием и он не терпя моего наказания и от грамотного учения своровал перебежал… Милосердный государь и великий князь Михаил Фёдорович… пожалуй меня… чтобы мне… в его воровстве от тебя… в опале не быть».

Деятельность курских разбойников была всеохватна и многогранна. Об этом свидетельствует ещё одна челобитная, отправленная царю Михаилу Фёдоровичу в том же 1635 г., но уже от имени целого города. «Попы и диаконы, и… путивльцы и черниговцы дворяне и дети боярские, атаманы и казаки и стрельцы, и жилые казаки, и пушкари, и затинщики, и кузнецы, и плотники, и посадские земские людишки, и монастырские бобылишки, и въездные крестьяне, и всякие жилецкие людишки всего города Путивля на воров, и на татей, и на разбойников на Гаврилу Дамысленцова, да на Ивашка Духовцовского, да на Ивашку Ражнихина, да на Никифора Чупахина, да на Сидорку Чочоткина и на их единомысленных товарищей. В прошлые годы и в нынешних годах нам богомольцам и холопям твоим государь всяким жилецким и уездным людишкам от их великого воровства и татьбы жить от них невозможно и по улицам… во дни и ночи пройти нельзя, в городе и посаде церкви крадут, образы святые одирают, и у клетей на дворах замки сбивают, и всякие крестьянские прижитки крадут, коней и коров в ночи со дворов сводят и за рубеж к литовским людям продают. И в нынешнем году марта поехали из Путивля литовские торговые люди к себе в Литву и тех воров станицы Жадка Алдакимов собрался с ворами своими с товарищами, тех литовских торговых людей нагнали на дороге, побили насмерть и животы [имущество] их и коней поимали и от тех воров между великих двух государств ставится ссора великая. Которые твои государь торговые люди со всех городов приезжают к литовскому торгу по городкам и литовские урядники товары у них грабят на себя, а самих отдают за приставы. А прежде, государь, те воры Гаврил Дамысленцов да Ивашка Духовцовской с поличным в приводе бывали, и на пытках пытаны, и по торгам кнутом биваны… И в прежних годах

Тёмные люди. Художник К.А. Савицкий.

при прежних царях такие же лихие воры в Путивле бывали и заворовав, изменяли, бегивали в Литву, и в Литве собравшись с литовскими ворами по бортным ухожаям хаживали, бортников громливали, и насмерть многих поубивали, и под городами коней многажды отганивали, и многую беду, и тесноту, и убытки городу чинивали, и от тех воров государь мы того же чаем... И те воры посажены иные в тюрьму, и сидя в тюрьме нам угрожают, и впредь государь от их воровства прожить не мочно... Пожалуй нас богомольцев своих государь и холопей и сирот, вели государь тем ворам свой царский указ учинить и товарищей их единомысленных вели государь сыскать с кем они такое великое воровство держат и между двух государств смуту чинят и наши прижитки кои, и коровы, и платья, и всякую рухлядь заодно промышляют, чтоб нам богомольцам твоим и холопям и сиротам и всему городу Путивлю от таких воров вконец не погибнуть».

Из всей пестрой и беспокойной порубежной вольницы XVI–XVII столетий в народной памяти наиболее долго сохранялось имя атамана Кудеяра. Он был известен во всех южнорусских областях. Жители Воронежской губернии считали Кудеяра татарским сборщиком податей, который подчинил своей власти местных жителей и, набрав «из них для своей шайки, бобылей, ездил на разбой даже в отдаленные местности». В Рязанской губернии говорили о Кудеяре, «что он был не ордынец, а опальный опричник, грабивший скот у мирных жителей и убивавший московских купцов».

Популярной была легенда, называвшая Кудеяра сыном Соломонии, первой жены Василия III, рождённым ею после заточения в монастыре и пострадавшим от рук князей Глинских, родичей второй супруги великого князя. Подобное предание было записано среди курских крестьян в начале XX в. Л. Соловьевой. Оно прямо называло Кудеяра «старшим братом Ивана Грозного... от первой супруги Василия III Соломеи, заключенной за бездетность в монастырь, и которая вскоре родила ему сына Юрия. Происками Глинских несчастный Юрий был отдан в воспитание в чужие руки, а затем был выкраден татарами, которые, проведав о его высоком происхождении, надеялись получить за него богатый выкуп. Здесь они и прозвали его Кудеяром. Ожидания татар не сбылись. Не только вознаграждение не было получено, но даже радовались близкие к престолу, что Юрий находится в руках варваров, где легко мог погибнуть. Возмущенные отказом татары сделали его орудием своим против Грозного царя: и вот Кудеяр с полчищами татар устремился на Русь, чтобы отнять престол у брата, но шайка его вскоре рассеивается стройными русскими войсками. Тогда Кудеяр набирает себе дружину из вольных, беглых людей и начинает мстить царю. Одни говорят, что он мстил за отнятый престол, другие уверяют, что за смерть любимой жены, зверским образом умерщвленной Иваном. Достоверно этого никто не ведает. Знают только, что он самым отчаянным образом грабил проезжающих и преимущественно царские обозы».

В народной памяти Кудеяр остался не только жестоким разбойником, но и могущественным колдуном: «и какой поганой силой владел: раскинет на берегу речки, озера, так какого ручья, ...полу-

шубок или свиту и ляжет спать; одним глазом спит, другим сторожит: нет ли погони где; правый глаз заснул — левый сторожит, а там левый спи, правый сторожи — так вперемену, а как завидит где сыщиков, вскочит на ноги, бросит на воду полушубок, на чем спал, и станет тот полушубок не полушубок, а лодка с веслами; сядет Кудеяр в ту лодку — и поминай как звали... Так и издох своей смертью — никак изловить его не могли, как ни старались».

Ареной набегов Кудеяра была вся южная граница Русского государства: «Где–где не разбойничал! И в Калуге, и в Туле, и к Рязани, и к Ельцу, и к Воронежу, и к Смоленску — везде побывал, везде свои станы расставлял и много кладов позарыл в землю». Эти клады вплоть до начала XX в. будоражили умы русских кладоискателей, среди которых ходили особые «росписи», содержащие подробное описание примет для отыскания укрытых кудеяровских «поклаж».

Несмотря на противоречивость легенд о Кудеяре, можно осторожно предположить, что образцом для наиболее древних из них, вероятно, послужил реальный человек.

В пользу этого предположения говорят семейные предания известного курского дворянского рода Марковых, числивших легендарного разбойника среди своих предков. Согласно одному из них, опубликованному А. Марковым в книге воспоминаний «Родные гнёзда», Кудеяр был внуком Марка–Толмача, возглавлявшего посольство Ивана III к персидскому шаху Узун Хасану в 1475 г. и упоминаемого венецианским послом Амброджо Контарини в своем «Рассказе о путешествии в Москву в 1476–1477 гг.». Согласно А. Маркову, «указом Грозного Царя от 2 октября 1560 г. тысяча детей боярских, названных «лучшими слугами», были внесены в списки так называемой «тысячной книги» и поселены вблизи столицы. В их числе были «боярские дети 3–й статьи Суздальского уезда», три внука Марка–Толмача — Давыд, Петр и Кильдеяр, получившие наделы в Коломне. Младший из них Кильдеяр Иванович оставил по себе в истории и народной памяти заметный след. Приближенный Грозного, бывший одно время его любимцем, Кильдеяр… неожиданно для себя вызвал к себе злобу подозрительного царя, который, однако, до поры до времени искусно скрывал своё подозрение. По–видимому, опасаясь решительного и храброго слуги, Иоанн послал его с фиктивным поручением в Литву. В запечатанном конверте, адресованном литовским властям, между тем заключалась просьба посадить подателя в тюрьму и назад не выпускать. Оказавшись так неожиданно и незаслуженно в заключении, Кильдеяр счел это за вероломство литовцев и, путем подкупа, сломав решетку подземной тюрьмы, выбрался на свободу и, явившись в Москву, снова стал на царскую службу. На другой же день Малюта Скуратов по приказу царя, показывая Кильдеяру только что пойманного медведя на цепи, как бы нечаянно запер его со зверем в погребе. Кильдеяр голыми руками задушил медведя и явился к Грозному с жалобой на Малюту Скуратова, обвиняя этого последнего в покушении на его жизнь. Царь отделался какой–то шуткой, но через некоторое время приказал умертвить молодую и любимую жену Кильдеяра. Предание говорит даже, что Грозный велел приготовить похлебку из ее пальцев, которой угостил мужа… Этого преступления Кильдеяр Иванович царю простить не мог и не хотел и, бежав в леса, стал легендарным разбойником «Кудеяром»… Шайки Кудеяра оперировали на обширных лесных пространствах Московской области и теперешней центрально–черноземной полосы, в те времена сплошь покрытой густыми лесами и обнимавшей губернии Тульскую, Орловскую, Калужскую и Курскую. Кудеяр держал заставы и караулы на всех больших дорогах и шляхах этих мест и грабил только бояр и купцов, одновременно с этим являясь благодетелем крестьян и холопов, которых он защищал от неправды воевод и властей. В этом его отношении к простому народу крылся секрет того, что Кудеяр, разбойничая десятки лет, до самой смерти своего врага Грозного был неуловим для царских войск и губных старост, неоднократно посылаемых Москвой для поимки знаменитого разбойника. Мстя лично царю за жену, Кудеяр особенно преследовал опричников и любимцев Ивана Васильевича, ездивших в Москву или из столицы с дарами или казной. Согласно историческим данным, операции этого рода удавались Кудеяру главным образом потому, что, бежав из Москвы в леса, он не терял связи с московскими друзьями и боярской, враждебной царю партией, почему всегда и вовремя имел из Москвы интересующие его вести… Согласно семейному преданию… Кудеяр прекратил свою разбойничью деятельность в год смерти Грозного царя, вместе с которым умерла и его месть. Он окончил свою жизнь в Соловецком монастыре 80 лет от роду, где постригся под именем Питирима».

Обаяние личности Кудеяра было настолько велико, что со временем он стал собирательным образом «идеального» предводителя порубежной ватаги, а его имя превратилось для обитателей южнорусских губерний (Курская, Воронежская, Орловская, Тамбовская) в синоним слова «разбойник», в некоторых местностях практически вытеснившее последнее из повседневного обихода. Нельзя исключать и того обстоятельства, что легенды повествуют о нескольких разных людях, подлинные имена которых впоследствии были заменены прозвищем легендарного разбойника, как это случилось со знаменитым дворянином–разбойником «атаманом Куликом», промышлявшим на курских просторах во второй половине XVIII в.

«НЕТ У БЕЛОГО ЦАРЯ ВОРА СУПРОТИВ КУРЯНИНА»

Из курских нравов XVII в.

На протяжении многих веков беспокойное курское пограничье было местом столкновения интересов нескольких соседних государств, ареной набегов и порубежных стычек, вотчиной многочисленных разбойничьих шаек, местом ссылки осуждённых преступников. Всё это привело к формированию особого типа поведения местного населения, выразившегося в пословице XVI–XVII в.: «Нет у Белого Царя вора супротив курянина».

Хранящиеся в русских архивах документы свидетельствуют, что в то время разбойные нападения и грабежи являлись повседневной обыденностью в жизни обитателей курских уездов, которые нередко сами выходили на «большую дорогу» для дополнительного приработка и совершали поступки, мало чем отличающиеся от деяний «профессиональных» разбойников–«кудеяров».

Так, 2 сентября 1619 г. курский сын боярский Фёдор Суворов сын Федюкин жаловался царю Михаилу Федоровичу на курских детей боярских братьев Сорокиных в том, что «шёл я… из города Курска к себе в поместье и тот Иван Сорокин с братом своим Афанасием Сорокиным усидев меня на дороге подсадою и меня… поимали и свели меня к себе на подворье и учали меня… бить и мучать и на крапиву сажали и к воде приводили и хотели посадить в воду и приведя к вере [заставив поклясться в выплате выкупа]… отпустили а вымучили государь у меня… 15 рублей с полтиною».

1 июля 1624 г. настоятель и братия Курского Пречистой Богородицы монастыря подали царю челобитную на курянина Богдана Виденева в том, что «после вечери шёл государь Пречистые Богородицы курской служка Петрушка Кондратьев со своего дворишка на монастырь и как… приходит в улицы против того Семенова осадного двора… тот Богдан со своими детьми и людьми схватя слугу монастырского Петрушку Кондратьева начали бить ослопами и за бороду драть и руки и ноги и всего избили и левую руку надвое переломили и бороду и тело всё выдрали… и бив… и переломя руку и ограбя замертво кинули а грабежом… с слуги монастырского взяли монастырских казённых денег 35 рублей и ныне государь тот наш слуга от их бою лежит на смертной постели в конце живота [при смерти]».

1 марта 1644 г. подьячий Белгородской съёзжей избы Костька Ортельный бил челом на белгородца неверстанного сына боярского Прохора Мещерякова в том, что ездил он «для своего дела из города в Коренской стан село Никольское и тот Прохор с «советниками своими» взяли его в Коренском лесу и били, и увечили, и покинули замертво. А грабежом сняли 10 рублей денег, да шапку вишневую… да седло… и всего того грабежа на 17 рублей с полтиной».

Ссорящиеся русские мужчины. С гравюры XVII в.

Русский крестьянин. С гравюры XVII в.

13 марта 1644 г. яблоновский казак Кирюшка Оксёнов подал жалобу на крестьян д. Кореневской Белгородского уезда Юрия Хахилева, его сына Григория да на Матвея и Трофима, «а отцов их имена пропамятовал», в том, что в ноябре прошлого года ездил он для покупки в д. Кореневскую и «был у того Юрия на дворе и тот Юрий со своими товарищами подметил у него деньги и вещи. И как отъехал он от Кореня версты с полторы и тот Юрий с товарищами наехал на него на конях своих и избили до полусмерти и бросили замертво. А живота [имущества] сняли грабежом 30 рублей денег да зипун черчатый… да курту черленую… да карабин да саблю… да коня шерстью ворона, и с седлом, и с уздою… да епанчу белую… да шапку чёрную с пухом… да рубашку да пояс… да крест серебряный позолоченный… а всего живота сняли тот Юрий с товарищами своими грабежом на 60 рублей с полтиной».

Ещё одной из разновидностей разбоя было нападение («наезд») на чужую усадьбу. Так, 7 октября 1624 г. белгородец сын боярский Григорий Данилов сын Чулпанов подал царю Михаилу Федоровичу челобитную на белгородцев Степана Богрова и Первуша Губорева в том, что «в ночи приходили ко мне на дворишко… и выдрали у меня двадцать ульев пчел... две коровы… шубу баранью… да епанчу… а всего покрали у меня тот Сте-

панка да Первушка на 26 рублей и я… от их татьбы волочюся меж дворов».

Наезды часто совершали курские дворяне, руководившие целыми отрядами зависимых людей и родственников.

Именно таким был набег сына боярского Григория Люшина, отец которого владел поместьем под современным Льговом (теперь д. Люшинка Льговского района), на имение рыльского помещика Ивана Дарьина. Последний в 1643 г. подал царю Михаилу Фёдоровичу челобитную, в которой сообщал, что в прошлом году Василий Люшин отправил сына своего Григория с людьми и с крестьянами Осипом Кургузовым, Иваном Мездрекой, Микулой Сухоруковым и Иваном Болдырем «с товарищами» в наезд на его поместье сельцо Кобылицу, в котором жили крестьяне Василий, Алексей и Павел Верхошаповы да вдова Мария Ситникова. Напав на деревню ночью, этих крестьян «во дворах били и разными муками мучили. Алешке Верхошапу он Григорий чеканом в руках и ногах кости ломал и голову чеканом пробил, и бив, замертво кинул, а Ваську Верхошапа привязав за горло к дереву, мучали и лещетями за щулята тянули [угрожали кастрировать при помощи деревянных щипцов коновала] и деньги у Васьки вымучили. И жен их и детей били и всяким позором позорили, а дочерей Алешкиных, девок Наташку и Феньку, он Григорий к себе во двор брал и во дворе у себя девок держал и всяким позором позорил и их растлил, и крестьянин мой Алешка дочерей своих у него Григория выкупил. Да он же Григорий крестьянина моего Платонку Матвеева и жену его на улице бил и за косы простоволосую волочил и бив, замертво кинул. А животы крестьян моих все без остатку пограбили, платья и денег, медные и железные изделия, меду и ульев с пчёлами, лошадей и коров, и всякой живности мелкой, хлеба в клетях и в ямах, и всякой подворной рухляди пограбили и вымученных денег на 215 рублей с полтиной, и те крестьяне мои от их бою изувечены, и от грабежу, и от позору, и от всякого их насилия разбрелись розно. А в Рыльске воевода Михаил Дмитриевич Колычев суда мне бедному на него Василия и сына его Григория и на крестьян его не дал».

Пытаясь сдержать рост преступности среди населения беспокойного южного пограничья, русское правительство снабжало местных воевод подробными инструкциями для борьбы с преступлениями в их владениях. Так, посланный 15 мая 1656 г. к назначенным в г. Белгород окольничему князю Г.Г. Ромодановскому, его «товарищу» И. Акинфову и дьяку И. Мамалахову царский наказ указывал им: «Да того беречь, чтоб в Белгороде и в Белгородском уезде розбою, и татьбы, и смертного убойства, …и инова никакого воровства не было. А которые люди учнут воровать, или красть, или иным воровством промышлять… и окольничему и воеводе князю Г.Г. Ромодановскому с товарыщи воров — розбойников и татей — велеть имать и, сыскивая про их воровство всякими сыски накрепко, и которые доведутця до пытки и тех людей в большом воровстве велеть пытать, и оговоренных людей сыскивать, и потому ж их распрашивать, и всякими сыски сыскивать про них накрепко, и держать тех воров в тюрьме до государева указу с великим бережением, а животы [имущество] их, и хлеб стоячей и молоченой, и в земле, смотря по их вине, отписывать на государя, да о тех отписать ко государю… и государь о тех ворех велит указ учинить».

Как в это время производился розыск по разбойным делам в южнорусских уездах, показывают материалы дела о расследовании деятельности разбойников, пойманных в 1666 г. в г. Острогожске (ныне Воронежская область).

16 февраля в острогожскую приказную избу пришел курский посадский человек Ф. Филатов. Он сообщил, что на местном торгу увидел курского разбойника и вора Ф. Родионова, который ранее совершил нападение на украинских торговцев под Меловым бродом, был взят с четырьмя сообщниками в Короче (современная Белгородская область) и на пытке признался в разбое, но сумел бежать с подельниками из тюрьмы, и украв лошадей, скрылся от следствия.

Подозреваемый был схвачен, доставлен в приказную избу и подвергнут допросу воеводой Т. Львовым, во время которого стойко отрицал свое участие в разбое. Однако присланное корочанским воеводой Г. Спешневым письмо полностью подтвердило правоту Филатова. В нём сообщалось, что в августе 1665 г. из корочанской тюрьмы действительно сбежали сидевшие в ней «за многие татьбы и разбои» Родионов, Гнедой и Затолокин.

В это же время в Острогожск пришло ещё одно извещение, касающееся Родионова. В присланном курским воеводой А. Аничковым послании говорилось о полученной от жителя Курского уезда Г. Машкина челобитной, в которой сообщалось о разбойном нападении на поместье его отца, закончившемся гибелью владельца усадьбы от пыток, которым его подвергли нападавшие, и потерей имущества на огромную по тем временам сумму в 1500 рублей. По утверждению Машкина, одним из нападавших был пойманный в Острогожске Родионов.

После получения писем из Курска и Корочи задержанного преступника подвергли жестокой пытке, во время которой Родионов признался в побеге из корочанской тюрьмы, однако отказался брать на себя вину в разбойном нападении на украинских торговцев и конокрадстве, которую он свалил на своих бывших сокамерников. Под пыткой Родионов выдал одного из своих подельников — К. Гнедого, также проживавшего в это время в Острогожске. Тот был схвачен, и на нём участво-

Суд в Московском государстве. Художник С.В. Иванов.

вавший в следственных действиях Машкин увидел «поличное» — принадлежавшие его погибшему отцу рубаху с поясом.

На очном допросе Родионов и Гнедой признались в разбойном нападении на усадьбу Машкина и назвали имена своих сообщников — жителей Курского и Ольшанского уездов. В Ольшанск с Машкиным был послан отряд острогожских черкас, стрельцов и пушкарей. Посланные явились к ольшанскому воеводе князю П. Дулову, усилившему острогожцев своими стрельцами и казаками. Однако все предпринятые меры оказались безрезультатными, т.к. разыскиваемых преступников обнаружить не удалось. Как выяснилось позднее, один из ольшанских подьячих успел сообщить им об опасности и разбойники разбежались по лесам.

Страх «воровских» людей перед арестом вполне объясним, если знать меры, которые применялись в России того времени к подозреваемым в воровстве и убийстве. Швед Пётр Петрей де Ерлезунда, несколько раз посетивший Россию в начале XVII в., в своей «Истории о великом княжестве Московском» относительно применяемых русскими к разбойникам и грабителям наказаний сообщал: «Кто поймает отъявленного разбойника на большой дороге и на месте преступления, должен представить его в суд и уличить истинными и ясными показаниями, тогда разбойник кладется на колесо; но сперва его растянут и подвергнут мукам. Кто обокрадет и ограбит церковь и пойман будет на месте преступления, того без всякой пощады сажают на кол, а такая смерть ужасна: некоторые посаженные живут полдня или целый день, иногда даже два, если палач не угодит ему колом в сердце. Когда они умрут, их снимают с кольев, отвозят за городские ворота, сжигают в пепел и накидывают на это место песку и золы… Кто в своем доме на самом деле поймает вора, укравшего большие деньги, и убьет его до смерти, должен отнести его к судье, который и разбирает дело: если оправит вора, обокраденный должен заплатить деньги; если же обвинит вора, умертвивший его свободен. Кто сделал воровство в первый раз, не в монастыре или в церкви, того должно наказывать не смертью, а денежною пеней, высечь розгами по заднице, положив ему голову между ногами того,

Наказание кнутом у русских. Гравюра Э. Пальмквиста. 1674 г.

кого он обокрал. Если он попадется в другой раз и будет уличен в воровстве ясными и справедливыми уликами, то должен возвратить обвинителю украденные у него деньги, вдвое против того заплатить судье, быть высеченным розгами и посидеть в темнице, смотря по важности воровства. Если ему негде взять столько денег, его наказывают смертью, только не виселицей, а сажают с несколькими камнями в бочку и топят в реке».

Впрочем, по свидетельству немецкого дипломата и ученого XVII в. А. Олеария, в обязательном порядке смертная казнь применялась русскими только к людям, совершим умышленное убийство: «Убийца, который не из самообороны (эта последняя разрешается), но с заранее обдуманным намерением убил кого–то, бросается в темницу, где он в течение шести недель должен каяться при суровых условиях жизни; затем ему дают причастие и после этого казнят отсечением головы… Никого, однако, ради воровства, если при этом не было совершено убийства, не карают смертью».

Это подтверждает и Г.К. Котошихин в своем «Описании Московского государства»: «а которые воры бывают на розбое, хотя и двожды поиманы, а убийства смертного и пожогу не учинили: и таких бив кнутом по торгом за первую вину отрезав левое ухо сошлют в сылку, а за другую вину, как будет поиман в таких же делах, бив кнутом, отрезав и правое ухо, сошлют в сылку ж, а за иные вины потомуж бывает наказание и казни, по разсмотрению, кто чего будет достоин. А в середних и малых винах бывает наказание, бьют кнутом и батогами, смотря по вине, а потом освобождают… А которые люди воруют з чужими женами и з девками, и как их изымают, и того ж дни или на иной день обеих мужика и жонку, кто б каков ни был, водя по торгом и по улицам вместе нагих бьют кнутом»

Даже после того, как в середине XVII в. к Русскому государству была присоединена Левобережная Украина и Курский край перестал быть опасным пограничьем, нормы поведения и психологические установки, сложившиеся у местного населения за предшествующий период, вплоть до середины XIX в. делали курские земли опасными для посещавших их торговцев и путешественников.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЦАРЕВИЧА

Противостояние между Московским и Польско–Литовским государствами разрешилось в начале XVII в. открытым столкновением. Оно, быть может, и не привело бы к столь катастрофическим последствиям, если бы не обострение накопившихся противоречий внутри самой России. Старая династия пресеклась. Знать, окружавшая нового царя Бориса, погрязла в бесконечных интригах. Закрепощение крестьян набирало силу. Недовольство росло как среди служилых людей, так и среди крестьян. В довершение всего на страну обрушился невиданный голод.

Люди толпами бежали на плодородный юг. В Северской земле, в том числе и в Курском крае, неурожая не было, и сюда в поисках пропитания устремилось немало крестьян и холопов, которых не могли прокормить их хозяева. Численность беженцев достигала 20 000 человек. Это были отчаявшиеся, лишившиеся всего люди. Их появление ещё более взбудоражило и без того беспокойное Порубежье.

Когда 13 октября 1604 г. небольшой отряд казаков и польских шляхтичей переправился через Днепр и углубился в лес по дороге, ведущей к Монастырскому острогу — ближайшей пограничной крепости Московского государства, — никто не мог и представить себе, к каким последствиям приведёт эта вылазка. Но прошло всего несколько дней, и по всей Северской земле разлетелась весть о возвращении в Россию царевича Димитрия, якобы чудесно спасшегося от ножей убийц, подосланных узурпатором Борисом Годуновым. В Россию пришла *Смута*.

Кем был человек, назвавший себя сыном Ивана Грозного, по сей день остаётся тайной. И соратники, и противники сходились лишь в том, что это была весьма незаурядная личность. Официальная версия правительства Бориса Годунова называла его беглым монахом–расстригой Гришкой, в миру — углицким дворянином Юрием Богдановичем Отрепьевым, наделяя его при этом всевозможными пороками. Этой версии и по сей день придерживаются многие историки. Однако ряд исследователей, начиная с Н.И. Костомарова, оспаривает подобное мнение, приводя довольно веские доводы в пользу того, что Отрепьев и Самозванец были разными лицами. Но в любом случае можно сказать одно — большинство жителей Порубежья в 1604–1605 гг. верило в истинность «царевича Димитрия Ивановича», и именно эта вера в конце концов принесла ему победу.

«В Курском крае нашлось много увлекшихся новым событием: крестьян, так называемых гулящих людей, черкас, казаков и вообще представителей низших классов населения, — пишет А.А. Танков. — Они не колеблясь решили примкнуть к Димитрию, по первому призыву... Как низшие классы смотрели на движение Димитрия к завоеванию Русского Царства, видно из того, что в Путивле, Рыльске и

Лжедмитрий I. Неизвестный художник. Около 1605 г.

Трояк (три гроша). 1604 г. Польша. На монете изображён польский король Сигизмунд III Ваза, бывший покровителем похода Лжедмитрия I в Россию.

Подпись и печать «царевича Димитрия». 21 мая 1604 г.

Русские и поляки в торжественном шествии. «Стокгольмский свиток». Фрагмент. 1–я половина XVII в. Всадник в нижнем правом углу — думный дьяк А.И. Власьев, глава русского посольства отправленного Лжедмитрием I в 1605 г. к польскому королю Сигизмунду III.

Польские воины. Начало XVII в. Рисунок Р. Саверея. Так могли выглядеть польские участники похода Лжедмитрия I.

в особенности в Курске никто из народа не боялся похода войск Самозванца и предстоявшей осады городов. Это ясно выражалось тем, что в Курске осадные дворы, находившиеся в крепости, совершенно пустовали, никто и не думал спасаться в них, как это бывало прежде, когда разносилась весть о том, что Литва идет или татары. Тогда места не хватало в осадных дворах. В конце же 1604 и начале 1605 года посадские и вообще жилецкие люди, а тем более простой народ беспечно проживали в посадах, слободах и селениях».

Города сдавались самозванцу без боя. Служилые люди целыми отрядами переходили на сторону «истинного царевича». Тот вступил в Чернигов, осадил Новгород–Северский. Севрюки приветствовали претендента, не подозревая о данных им заранее секретных обещаниях польскому королю Сигизмунду и поддерживавшим его магнатам Речи Посполитой. Между тем Самозванец изначально обещал отдать все северские города своему тестю, сандомирскому воеводе Юрию Мнишеку, а тайный договор, подписанный им в Самборе в июне 1604 г., предусматривал передачу Северских земель уже непосредственно польской короне.

Путивльский воевода окольничий Михаил Михайлович Салтыков изготовился встречать Самозванца «огненным боем» и выслал дозоры, чтобы прощупать силы противника. Путивлянам удалось захватить один из разъездов «Димитрия». Пленников повезли в Путивль, но по дороге те сумели убедить свою стражу в правоте дела Самозванца. Путивляне вернулись домой полностью убеждённые в истинности царевича, и 18 ноября в городе вспыхнуло восстание. Осадный голова князь Василий Михайлович Рубец Мосальский и дьяк Богдан Сутупов, ведавший государевым жалованьем, предпочли принять сторону восставших. Воевода Салтыков был схвачен, и 21 ноября 1604 г. путивляне приволокли его в лагерь Самозванца, привязав верёвкой за бороду. Несколько дней спустя они принудили к сдаче и 200 московских стрельцов, присланных в город для усиления гарнизона. Сутупов передал «царевичу» казну, что помогло тому поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела. Из Путивля же была доставлена тяжёлая артиллерия для осады Новгород–Северского.

Вслед за тем, 25 ноября, в лагере претендента стало известно о мятеже в Рыльске, где в руки восставших попал воевода А. Загряжский. Для усиления гарнизона сюда было направлено 300 московских стрельцов, но даже с их помощью подавить восстание не удалось. В итоге 1 декабря к «царевичу» были доставлены все пять человек, осуществлявшие командование в Рыльске во гла-

Смутное время на территории Курского края. 1604–1608 гг.

ве с самим воеводой Загряжским. Тогда же пришла весть о восстании в Курске, которым с лета 1604 г. управляли воевода князь Григорий Борисович Роща Долгоруков и стрелецкий голова Яков Змиев. Куряне привели их к «Димитрию Ивановичу» связанными. Но пленники вскоре изъявили желание служить царевичу, и тот назначил их своими наместниками в Рыльске. Вскоре в отряды Самозванца влилось до 4000 курских казаков и черкас. В руки восставших попал также князь Г.П. Шаховской, собиравший в Курске дворянское ополчение. Его «царевич» позднее назначил своим воеводой в Белгороде.

Армия Самозванца обложила Новгород–Северский. Успехи претендента привлекали к нему новых сторонников, а 1 января 1605 г. в его лагерь прибыли крупные силы запорожцев (около 4000).

Правительство Бориса Годунова выслало против претендента крупные силы под командованием князя Ф.И. Мстиславского. В битве под Добрыничами 21 января 1605 г. ополчение «царевича Димитрия» терпит поражение. Самозванец лично участвовал в сражении в рядах атакующих гусар гетмана Дворжецкого. Под ним был ранен конь, и он едва избежал пленения. Покинув своё разбитое войско, он скрытно бежит в Рыльск. Узнавшие об

Рыльск на карте XVII в.

«Трон Лжедмитрия». Государственный историко–культурный заповедник в г. Путивле (Сумская область, Украина).

этом запорожцы погнались за ним, но под стенами Рыльска «их встретили ружейной пальбой и поносными словами, как предателей государя Дмитрия Ивановича». Надёжным прибежищем Самозванца стал затем Путивль.

Когда царские воеводы, увлёкшиеся расправой над пленниками, подступили наконец к Рыльску (вероятно, около 23 января), их главного противника там уже не было. Из Путивля Самозванец послал на помощь рылянам 2500 ратников, и они сумели беспрепятственно войти в город на глазах осаждающих.

Армия Бориса Годунова простояла под Рыльском две недели. Ряляне стойко оборонялись под умелым руководством Г.Б. Рощи Долгорукова и Я. Змиева. Они знали, что пощады им не будет. Поэтому в боях участвовали все жители города. Упорство рылян дало «царевичу» возможность выиграть время. Залпы крепостной артиллерии не давали осаждающим возможности

Курская Коренная икона Божией Матери «Знамение». Как одна из наиболее почитаемых святынь южнорусского порубежья, по приказу Лжедмитрия I была перенесена из Курска в Путивль и сопровождала его в походе на Москву в 1605 г.

Коронация Лжедмитрия I и Марины Мнишек в Москве 8 мая 1606 г. Около 1613 г. Фрагмент картины. Художник Ш. Богушович.

приблизиться к городу. Штурм был успешно отбит. На все предложения о сдаче рыляне упорно отвечали, что они «стоят за прирождённого государя». Кроме того, в стан осаждающих явился подосланный лазутчик, который уверил воевод, будто на них идёт 40 000 поляков. В итоге, на второй день после провалившегося приступа, Ф.И. Мстиславский приказал снять осаду и начал отход к Севску. Видя это, рыляне во главе со своим воеводой сделали вылазку, разгромили арьергард Мстиславского и захватили немало имущества и снаряжения, которое ещё оставалось в лагере. В руки их попало немало пленников и даже 13 пушек. За верность и воинские подвиги Самозванец позднее пожаловал князя Долгорукова в окольничие.

Пока царёвы воеводы топтались у стен небольшого порубежного городка, «истинного царевича» признали Оскол, Воронеж, Царёв–Борисов, Елец. Мятеж охватил всю Северщину. Отступив из–под Рыльска якобы из–за нежелания «крови християнския проливати», войска Мстиславского и Голицына подвергли страшному разорению мятежную Комарицкую волость, но Самозванец уже фактически властвовал над Северской землёй, имея ставку в мощной крепости Путивля. Отсюда он двинулся в победоносный поход на Москву.

«Маленький Путивль сделался на некоторое время оживлённой и многолюдной столицей, — пишет Н.И. Костомаров. — С разных сторон Руси туда беспрепятственно прибывали охотники служить Димитрию. Многолюдство привлекло туда и торговцев: образовалось там подобие ярмарки. Вместе с этим город сохранял воинственный образ: каждый день опасались то нападения, то измены. На стенах были заряженные пушки: и день и ночь пушкари, чередуясь, стояли наготове с фитилями; по валу, по всему посаду и по околице ходили и ездили отряды для надзора. Димитрий... приказал привезти из Курска чудотворную икону Божией Матери, которая славилась знамениями и исцелениями. Духовенство обнесло её по городской стене в торжественной процессии; множество народа следовало за ней... Поляки устроили себе в Путивле церковь и отправляли в ней богослужение... Московские люди приходили туда, дивились латинским обрядам, уразумевали, что это обряды также христианские, как и обряды греческой церкви; им они понравились».

Икону «царевич» поместил в своих собственных покоях, и возможно, её заступничеству приписывал он разоблачение проникших в город

Убийство Лжедмитрия. Художник К.Е. Маковский.

лазутчиков Годунова, которым было поручено отравить претендента на престол. Изобличённых отравителей выдали на расправу горожанам, и те расстреляли их из луков посреди площади. Чтобы опровергнуть московскую версию о том, что «Димитрий» на деле расстрига Гришка Отрепьев, самозванец публично представил жителям Путивля какого–то человека — «известного по всей Московии чародея и распутника Гришку Отрепьева». Это произвело на всех огромное впечатление.

Восстание ширилось. В конце февраля в Путивль были доставлены схваченные мятежниками воеводы из целого ряда порубежных городов. Жители их целовали крест на верность «царевичу» и «воевод к нему в Путивль отвели: из Белогорода князя Бориса Михайловича Лыкова да голов, из Царёва Нового города князя Бориса Петровича Татева да князя Дмитрия Васильевича Туренина, с Ливен — князя Дмитрия Михайловича Барятинского». Мятеж охватил также Оскол, Валуйки, Воронеж, Елец. Как и прежде, многие из пленников почти тотчас переходили на службу Самозванца — чашник князь Б.М. Лыков стал кравчим, Б.П. Татеву было пожаловано боярство, Артемий Измайлов превратился в думного дворянина и «ближнего человека» нового государя. «Царский двор» в Путивле быстро обзаводился собственной боярской думой. Число поляков среди приближённых Димитрия стремительно уменьшалось, а оставшиеся спешили выговорить себе выгодные придворные чины и права на поместья и вотчины в России. Самозванец вошёл в контакт с видными московскими боярами — противниками Годунова. Положение его всё более укреплялось.

Но вот 13 апреля 1605 г. внезапно скончался царь Борис. Спустя короткое время взбунтовалась армия под Кромами. В Путивль прибыло посольство во главе с князем И.В. Голицыным. Бояре призывали «Димитрия Ивановича» на отеческий престол. 16 мая войска выступили на Москву.

Вскоре самозванный Димитрий торжественно вступил в столицу, короновался на царство, а вслед за тем, 17 мая 1606 г., погиб в результате боярского заговора. Главный заговорщик, князь Василий Иванович Шуйский, поспешно занял опустевший трон, разослав по всей стране гонцов с вестью об избавлении страны от «богомерзкого самозванца». Однако торжествовать победу царю Василию было рано. Вскоре по стране вновь разнеслись слухи о возвращении истинного государя.

«СЕВЕРИЯНЕ И ВСИ МЯТЕЖНИЦИ»

После гибели самозваного царя Димитрия одни сподвижники его были приняты на службу новым царём, другие бежали. Дворянин Михайло Молчанов укрылся в Польше и там повсюду распространял слух о новом чудесном спасении «Димитрия Ивановича». Князь Г.П. Шаховской был послан в Путивль на смену тамошнему воеводе князю Бахтеярову. Прибыв на Северскую землю, любимец погибшего самозванца быстро понял, что ещё не всё потеряно. Южное порубежье упорно не верило в гибель «истинного царевича». Шаховской обратился к путивлянам, призывая их ополчиться на «изменника Шуйского». Северщина восстала. *«И Северияне и вси мятежници... лакнуша крови християнския, сии вси приложишася к нему... обнищаша бо разумы и поползоша в погибель сами: град Путимль, и Рылеск, и Чернигов, и Муромеск, и Куреск, и Стародуб, и Кромы, и все грады Северские»*, — пишет автор «Иного сказания», одной из первых повестей о Смутном времени. Вначале воинство восставших возглавил сын боярский Истома Пашков, но вскоре оно получило настоящего вождя. Им стал Иван Исаевич Болотников, боевой холоп черниговского воеводы князя А.А. Телятевского.

В юности его захватили в Диком Поле татары, продали в неволю туркам, и несколько лет провёл он гребцом на галерах. Освободившись, попал он в Венецию, оттуда через Германию добрался до Польши, где узнал об удивительных переменах, произошедших на родине. В Самборе он повстречался с Молчановым и поверил, будто видит перед собой самого царевича. Молчанов вручил Болотникову саблю, бурку, 30 дукатов и письмо к князю Шаховскому. С этим тот и прибыл в 1606 г. в Путивль.

Согласно описаниям современников, И.И. Болотников был «детина рослый и дюжий... удалец, отважен и храбр на войне»; немецкий наёмник Конрад Буссов именует его не иначе как «благородный герой», а голландец Исаак Масса видел в нём «отважного витязя». Возглавив армию восставших, Болотников двинулся на Москву. Но удачный поначалу поход его столкнулся затем с многочисленными трудностями. После провала осады Москвы в декабре 1606 г. Болотников отступил в Калугу «со многими казаками и з зарецкими и с северскими людьми». Сюда из Москвы «в Филиппов пост» (до 25 декабря) было послано многочисленное царское войско «з большим нарядом». Во главе армии находились И.И. Шуйский и И.Н. Романов. «После Рождества Христова на другой неде-

Стрельцы. Художник В.М. Васнецов.

ле» (между 25 декабря 1606 г. и 1 января 1607 г.) царским воеводам сообщили, что *«воры пан Кохановской да Юшко Беззубцов, собрався с северскими со многими людми и с казаки, идут с Орла под Колугу»*. Северское подкрепление пыталось пробиться на выручку осаждённой Калуге, но извещённые заранее воеводы приняли все меры предосторожности и в битве на Вырке 23 февраля 1607 г. смогли остановить продвижение северского ополчения.

Новую энергию придало угасающему движению появление «царевича Петра Фёдоровича» — терского казака Илейки Муромца, двинувшегося на Путивль с Волги: *«В то же время воздвижеся крамола в украйных городех, в Путимле и во всей Севере, и мнози неразумные люди не возхотеша у царя Василья Ивановича в покоренье быть и дьяволим наученьем нарядиша от простых людей человека лехкоумна имянем Петрушка»*.

Захватив и погромив по пути Царёв–Борисов и Оскол, терцы соединились с Шаховским в Путивле, ознаменовав своё пребывание в городе кровавыми расправами: *«многих воевод и дворян различными муками мучили: иных з башни кидаху, иных с мосту в ров, иных вверх ногами вешаху, иных по стенам распинаху, руки и ноги гвоздми прибивше ис пищалей ростреляху»*. Оставив по себе страшную память в Путивле, «царевич Пётр» двинулся дальше на помощь Болотникову.

В Туле под его начало перешли войска Кохановского, Беззубцева и князя Андрея Телятевского, которых он вновь направил на выручку осаждённой Калуге: «со всею северскою страною, и з зарецкими людьми, и з донскими, и с повольскими казаки». На этот раз их действия были удачны: «в Олексинском уезде за сорок верст от Колуги в селе на Пчелке» мятежники были атакованы царскими воеводами князьями Б.П. Татевым и Ю.П. Ушатым и Истомой Пашковым. Оказав упорное сопротивление, повстанцы нанесли воеводам жестокое пора-

Поясная накладка в виде льва. XVI–XVII вв. Курская область.

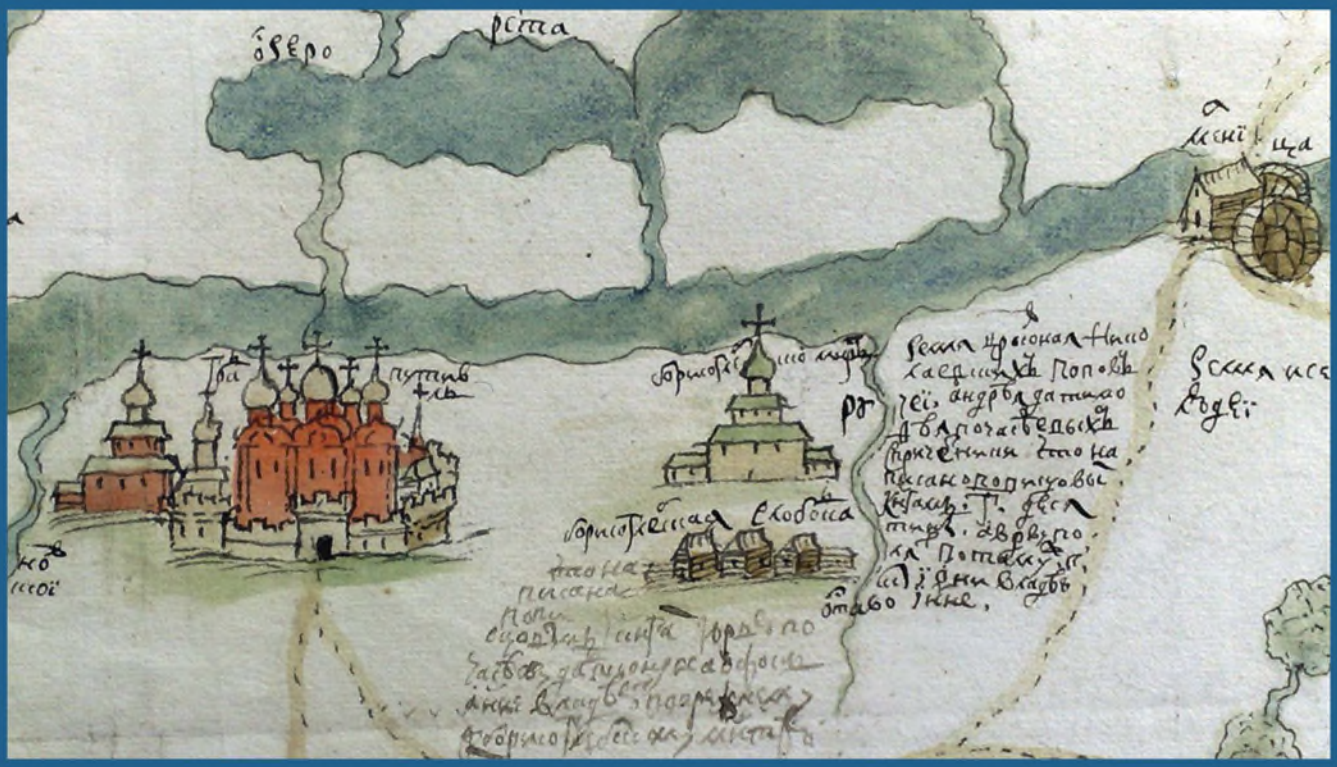
Начало боя армии Болотникова с царскими войсками у Нижних Котлов под Москвой. Художник Э.Э. Лисснер.

«Сын боярский» — русский служилый человек конца XVI — первой половины XVII вв. Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

жение. Воевода Татев был убит, а князь Ушатый ранен.

Несмотря на воинские таланты Болотникова и свирепость казацкого «царевича», их рати в конечном итоге были разбиты. Юрий Беззубцев со своими людьми успел вовремя перейти на сторону Василия Шуйского. Последовав примеру Истомы Пашкова, перебежавшего к Шуйскому ещё раньше, он вернулся в Путивль и сумел избежать казни, которая ожидала прочих предводителей восстания.

Однако Северская земля продолжала бурлить, и вскоре тут появился долгожданный новый самозванец, вошедший затем в историю под прозвищем Тушинский вор. Новый самозванец тотчас подтвердил те обещания, что в своё время давал своим сторонникам его погибший предшественник, подписав в октябре 1608 г. новую жалованную грамоту Юрию Мнишеку на владение Северской землёй. Согласно этой грамоте, *«ясневельможному господину Юрью из Великих Кончиц Мнишке, воеводе Сендомирскому и проч., государю отцу нашему, нам усердно и верно любезному»* передавались во владение такие города, как Чернигов, Смоленск, Брянск, Стародуб, Путивль, Новгород–Северский, Курск, Рыльск, Карачев, Почеп,



Путивль на карте XVII в.

В Смутное время. Художник С.В. Иванов.

Русские в 1614 г. Изображение на западноевропейской карте.

Перстень и поясная пряжка. XVII в. Курская область.

Трубчевск, Комарск, Рославль и Моравск. Впрочем, передать эти земли второму Самозванцу было проще, чем Мнишеку овладеть ими на деле.

Дальнейшие события Смутного времени также не оставили в стороне Курский край. Хотя подробности всего, происходившего тогда здесь, неизвестны, но творилось тут явно то же, что и по всему рухнувшему в одночасье царству — резня, наезды, грабежи, пожары.

Василий Шуйский, теряя опору среди подданных, призвал на помощь себе шведов и крымцев. Он хотел руками татар вытеснить из пределов царства мятежников и «литовских людей», но это ему совершенно не удалось. Казаки, покинув Северщину, во главе с Тушинским вором подступили к самой Москве, но на порубежье не стало спокойнее. Не утихли смуты и после свержения ненавистного царя Василия Шуйского, когда на русский трон был приглашён польский королевич Владислав. Москва так и не дождалась приезда малолетнего королевича, зато осенью 1609 г. в пределы царства вторглись войска Речи Посполитой во главе с самим королём Сигизмундом III. Он двигался на Смоленск, не желая уступать сыну власть над, казалось бы, окончательно рухнувшим соседом. Гетман Жолкевский советовал королю двинуться на Северщину, считая её более лёгкой добычей, тем более что почти все Северские земли уже заполонили отряды вольных казаков. Однако король не прислушался к этому совету, и на Северскую землю было решено послать казаков, сохранив польские войска для осады Смоленска.

Явившись на Северщину, казаки захватили Чернигов, Новгород–Северский, Почеп, Брянск, Козельск и ряд других крепостей. Весной 1610 г. сюда была послана и часть нового, набранного на Украине, войска.

Польские гусары атакуют находящийся на русской службе отряд европейских наемников. Фрагмент картины Ш. Богушовича «Битва при Клушине 1610 г.». До 1620 г.

Эти силы под началом своего старшины Искорки заняли Стародуб, застав город врасплох. Гарнизон успел запереться в замке и упорно отказывался сдаться. Тогда казаки подожгли острог, но защитники всё равно не сдавались, предпочитая кидаться в огонь. Зато без боя сдался Новгород–Северский, который занял «старшой полковник» Гунченко с трёхтысячным казацким отрядом. Под Почеп подступил другой «старшой полковник», Андрей Стороженко, под началом которого в июне 1610 г. находилось до 15 000 казаков, численность которых постоянно росла. Однако вскоре эти силы потребовались для решающего приступа к Смоленску, и король попытался отозвать казаков из северских городов. Однако в ответ на послания Льва Сапеги «старшой полковник» Стороженко заявлял, что хотя войско его и готово откликнуться на зов короля, оно желает предварительно знать, сколь щедро король будет ему платить. Судя по всему, казакам не особенно хотелось покидать богатый край, где они вели необременительную, но приносящую хорошую добычу войну.

«Об активности боевых действий на порубежье можно судить по спискам пленных, захваченных войсками Речи Посполитой во время интервенции. Так, количество белгородцев, попавших в плен в 1612–1619 г., определяется в 121 человек, курян — 183, рылян — 268. Гораздо меньше пострадал Воронеж (15 чел.), Монастырев (39) и Чернигов (30)», — сообщает на основании архивных документов А.И. Папков.

Под Рыльском в 1610 г. действовали черкасы гетмана Гришки Техтемировца и атамана Матюшки, которые захватили пять пленных. В следующие годы тут появлялись отряды полковника Михаила Пырского (трое пленных) и князя Вишневецкого (восемь пленных). Под самим Курском в 1607–1608 г. появлялся атаман Насека, захвативший одного пленника. В 1610–1611 г. под Курск приходит пан Кулаковский, угнавший с собой 10 человек. Полковник Мишко Дорошенко — будущий гетман украинских реестровых казаков — вообще являлся в Курский уезд ежегодно с 1609 по 1612 гг., захватив за это время в плен по крайней мере 30 человек. Разумеется, все эти данные остаются далеко не полными.

Но наиболее серьёзные испытания ожидали Курский край в 1612 г.

ВЕЛИКАЯ ОСАДА 1612 г.

Катастрофическим для Порубежья стал 1612 г., когда князь Семён Лыко, урядник лубенский, совершил свой опустошительный рейд, начав с погрома окрестностей Рыльска. Тут его люди захватили 20 пленников. Затем он приступом взял и сжёг Белгород. После этого погрома крепость на Меловой горе на правом берегу Северского Донца больше не восстанавливалась и была в 1613 г. перенесена на новое место. Князь вернулся в Лубны с богатой добычей и многочисленными пленниками. После смерти князя Семёна славный поход 1612 года (наряду с его последующими подвигами) был даже воспет в стихах:

Кгды за его приводом замок московскій Белгород добывали,

Кгды през штурм и бой добыл места и замку, ще войско здобывало

Скарбу немало. Потом збурил Рылск, Путивль —

С подивенем всих, яко оный князь был таким рыцерем.

Следы этого погрома были выявлены археологами в 1951 г. во время раскопок на Меловой горе, где стояла первоначальная крепость Белгорода. Удалось обнаружить остатки сожжённых дотла деревянных рубленых стен, стоявших на гребне земляного вала, предметы вооружения, бытовые вещи, остатки сгоревших жилищ. В погребе одной из таких построек исследователи нашли пять человеческих скелетов. Три из них лежали в вытянутом положении, один в скорченном. Под костями взрослых людей находился скелет ребёнка. Несомненно, это были останки белгородцев, погибших при разгроме города войсками князя Лыко.

Следующей целью неприятеля стал Курск.

Основным источником для описания осады Курска служит «Повесть о граде Курске и иконе Знамения Божьей Матери», составленная в 1660–х гг. Точная дата самого этого события пока не установлена. В сохранившихся документах говорится, что осада происходила в 7120 году от сотворения мира, что в пересчёте на современное летоисчисление приходится на период с сентября 1611 г. по август 1612 г. В челобитной на царское имя жители города писали, что «в прошлом де в 120 году, как приходили под Курск Литовские люди и острог большой взяли, а они собрався в малом острожке от Литовских людей отсиделись». Однако в таком случае приходится признать, что в описание событий, сохранившееся в «Повести о иконе Знамения», вкрались серьёзные анахронизмы. Известный историк профессор Д.И. Багалей показал в своё время, что польский полководец «гетман Желтовский» (Жолкевский) не мог реально участвовать в описанных событиях, если они относятся к 1612–1613 г.: «если автор «Повести»

разумеет здесь Ст. Жолкевского, то нужно прямо сказать, что это неверно — ни в 1613 г., ни в 1617–1619 г., во время прихода Владислава в Московское государство, его не было при войске… Один Жолкевский упоминается в качестве предводителя польской армии в Московских пределах, но это был молодой Адам Жолкевский, приходивший сюда ещё до воцарения Михаила Фёдоровича». Не мог осаждать Курск и казацкий гетман Сагайдачный, также упоминаемый в «Повести». Описание прохода его воинства через Курский край может относиться только к 1618 г.

Зато именно к 1612 г. относится первое пребывание на воеводстве в Курске упомянутого в «Повести» стольника Юрия Игнатьевича Татищева. Кроме того, «Повесть» сообщает, что нападение врагов было для курян божьей карой, поскольку они «яко овцы… в земных делесех, в веселии пребывающе, и повеленной пост мнози несохранением обругаша и ничтоже се преступление заповеди вмениша». Упомянутый здесь пост не имел ничего общего с обычным церковным календарём. Дело в том, что в 1611 г. по всей России распространились слухи о видении, явившемся в Нижнем Новгороде «некоему мужу по имени Григорию». Он рассказывал, что в видении ему открылся путь спасения Русского царства и всех православных христиан: спастись они смогут только если «люди по всей Русской земле покаются и станут поститься три дня и три нощи, не только старые и молодые, но и младенцы... если же не покаются и не станут поститься, то все погибнут и царство разорится». Духовенство всячески поддерживало эти слухи, и в итоге осенью 1611 г., «после взаимных отписок, в разных средних и поволжских городах, по приговору всей земли Русской, определили: поститься три дня в неделю, — в понедельник, вторник и среду ничего не есть, не пить, а в четверг и пятницу сухо есть. Этот обряд, совершаемый повсюду с единой для всех целью, укреплял общее побуждение русского народа».

Таким образом, осаду следует датировать первыми зимними месяцами 1612 г. Действия «литовских людей» в это время являлись продолжением аналогичных казацких походов по Северщине в 1610–1611 г. Их целью было приведение городов к присяге королевичу Владиславу. Курским воеводой в тот момент являлся стольник Ю.И. Татищев, являвшийся ранее сторонником Лжедмитрия II, а ныне действовавший от имени I–го Земского ополчения. Таково же было, вероятно, положение дел в Рыльске и Белгороде.

Местное церковное предание приписывает главенство над вражескими силами «гетману Желтовскому», однако документы сообщают, что под Курском в 1612 г. действовали отряды полковников Родкевича и Старинского. Первый из них захватил двух пленников, второй — целых 25. Такое количество пленников свидетельствует о крупномасштабных боевых действиях, что вполне можно соотнести с длительной осадой Курска. Таким образом, можно считать, что имя по крайней мере одного из предводителей неприятельского войска, штурмовавшего Курск в тот год, установлено. Участвовал ли в осаде князь, знаменитый Семён Лыко — неизвестно.

Часть иконки–складня с изображением Георгия Победоносца. Обнаружена на территории Белгородской крепости, уничтоженной в 1612 г. Раскопки А.В. Никитина (по А.В. Никитину, 1962).

Немногим лучше обстоит дело и с командованием защитников города. Весьма немногие из них известны поимённо. Во–первых, это, конечно же, воевода. Им в тот момент был стольник Юрий Игнатьевич Татищев. Рюрикович в 23–м колене, он до недавнего времени верно служил Лжедмитрию II (Тушинскому вору). Теперь он столь же стойко поддерживал власть Второго земского ополчения. Ближайшим помощником его, судя по все-

Белгород в 1612 г. Рисунок А.М. Ошкина по реконструкции А.И. Ильина и А.И. Лимарова. Несмотря на мощные укрепления, город был захвачен и сожжён дотла польско–казацкими войсками князя Семёна Лыко.

му, был один из курских детей боярских, Курдюм Антонович Есков. За «курскую осадную службу, головство 120–го году» он уже 6 октября 1612 г. награжден командованием Второго ополчения жалованием в семь рублей из Галицкой четверти. Это была редкая и крупная награда для обычного сына боярского — ведь четвертчик получал своё жалование из Четверти ежегодно, а не от случая к случаю, как то было с основной массой поместного дворянства. Подобную же награду получил и сын боярский Иван Фёдорович Паркин, также ставший четвертчиком. Его денежный оклад был повышен до 13 рублей. Кроме того, именно он спустя год возглавит курскую делегацию на Земский Собор и там поставит подпись под актом об избрании на царство Михаила Романова. За награду, впрочем, И.Ф. Паркин заплатил дорогую цену: во время осады погиб в бою его брат. За «курское осадное сидение» получил награду также и Яков Васильевич Толмачов. Ему было велено «давати из чети вновь по 10 рублёв». Повышение жалования до 50 рублей получил за «курскую службу 120 года» и стольник Никита Иванович Ласкирев (правда, не совсем ясно, какое положение занимал он в Курской крепости). Таким образом, можно с уверенностью сказать, что именно благодаря усилиям этих людей защитники Курска смогли сплотиться и выстоять против войск полковника Старинского и его сотоварищей.

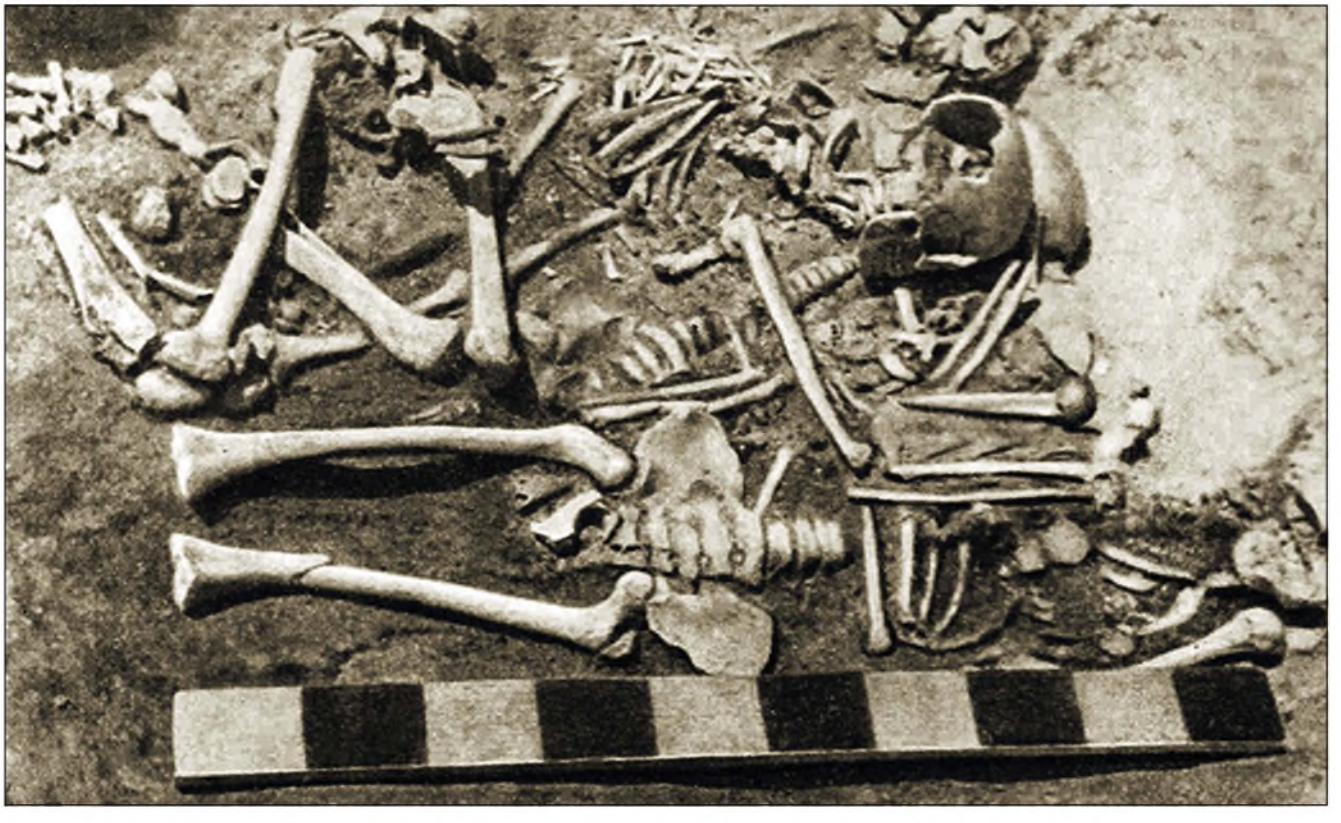
Численность неприятельской армии курский летописец доводит до 70 000, что, конечно, является значительным преувеличением. Появление неприятельского войска оказалось для жителей уезда полной неожиданностью. Большинство из них даже не успело запереться в стенах крепости. К стенам же Курска польско–казацкое войско подступило под вечер в среду, на исходе последнего дня трёхдневного поста во время вечерни. Появившись внезапно у стен города, враги сразу же ринулись на штурм, приступив к стенам Курска с двух сторон: «от речки рекомой Кур» и через Божедомную слободу. Гарнизон не имел достаточно сил, чтобы обеспечить оборону всего периметра укреплений большого острога. Поэтому воевода стольник Ю.И. Татищев принял решение отвести своих людей в пределы цитадели — малого острога, — невзирая на его ветхость. Однако даже стены малого острога оказались слишком протяженными для слабых сил Татищева, поэтому пришлось оставить без защиты участок от Куровой до Меловой башни, которому, видимо, пока ещё не угрожала опасность. Кроме того, в стенах его зияли проломы, которые пришлось наспех заделывать, разбирая на брёвна ближайшие постройки.

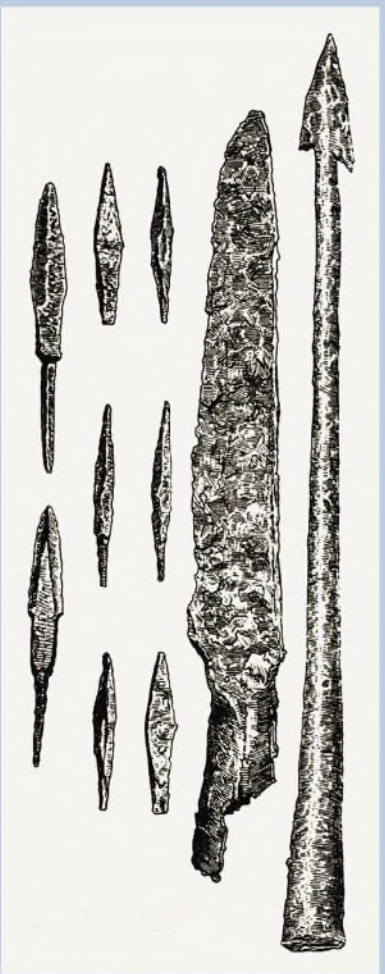
Прикрывая отход в малый острог, воевода организовал контратаку против наступающего противника. Враг, ворвавшись в пылающий город, быстро смёл немногочисленные заслоны его защитников и затем устроил настоящую резню. Однако попытка с ходу захватить малый острог была успешно отражена. После этого к осаждённым выслали парламентёра с угрозами и предложением сдаться. На долгую угрожающую речь посла воевода и горожане кратко отвечали: «Город вам не сдадим, ибо все желаем погибнуть за имя Христово».

Тогда в ночь с пятницы на субботу была предпринята попытка приступа. На этот раз удар был нанесён по Пятницким воротам. Видя подготовку к штурму и зная непрочность ворот, осаждённые предусмотрительно заранее засыпали их наполовину землёй. Сохраняя по приказу воеводы тишину и полное молчание, они ожидали неприятеля и ус-

Польский гусарский офицер в бою. Фрагмент картины П. Снайерса «Битва под Кирхольмом, 1605».1620-е гг.

Останки белгородцев, погибших при разорении города в 1612 г. Раскопки А.В. Никитина (по А.В. Никитину, 1962).





Оружие, обнаруженное на территории Белгородской крепости, уничтоженной в 1612 г. Раскопки А.В. Никитина (по А.В. Никитину, 1962).

Перстень с изображением сражающихся воинов. XVI–XVII вв. с. Выползово (Солнцевский район).

ловленного выстрела с Пятницкой башни — сигнала открыть огонь. Когда штурмующие приблизились с тараном, их встретил мощный залп, который «многих вечно спат сотвориша». Врагу был нанесён серьёзный урон. После этого противник долго не предпринимал активных действия, продолжая, однако, обстрел крепости.

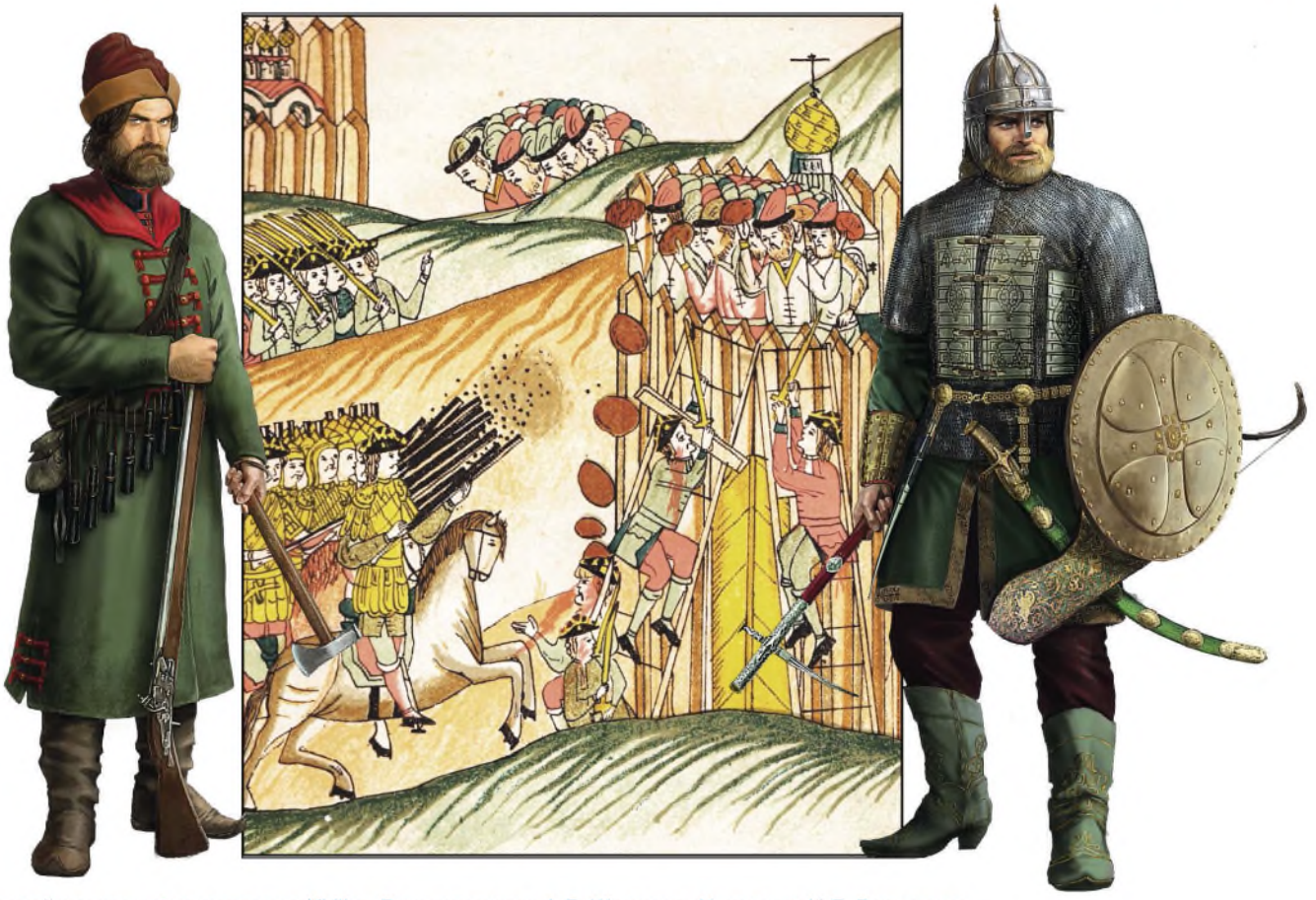
Ожидая нового приступа и видя невозможность защитить полностью все участки стены, воевода приказал сжечь участок между Куровой и Меловой башнями вместе с Меловой и «безверховой» башнями. «Повесть…» объясняет это вмешательством Божией Матери, которая передала совет поступить так через «некую жену» и белгородского пушкаря Ивана Москвитина. Как бы ни относиться к достоверности этих сведений, нельзя не признать полезности полученного совета — «дабы рукав, иже к Меловой башне и безверховую башню града спалити, а аще не спалят, то град сей от противных взят имат быти, аще ли спалят спасется». Возможно, сам воевода и прибег к авторитету Богородицы, чтобы её именем освятить столь рискованный шаг как сознательное уничтожение части городских укреплений.

Осаждающие, видя огонь, ошибочно решили, будто жители зажгли крепость и под прикрытием огня и дыма сами теперь спасаются бегством. Поэтому город был тотчас окружён конными и пешими воинами, чтобы ловить разбегающихся курян. Однако, убедившись в своей ошибке, противник тотчас переменил планы и решил воспользоваться пожаром и возможным замешательством среди защитников крепости, чтобы попытаться внезапным ударом овладеть ею. Была предпринята атака со всех сторон. Главный удар наносился со стороны пожарища, где штурмующие и понесли наиболее тяжёлые потери. Приступ был отбит.

После этой неудачи осаждающие перешли к правильной блокаде, окружив город окопами и лишив горожан доступа к воде. Только обильные снегопады помогали осаждённым бороться с жаждой. Однако воды на всех всё равно не хватало, к тому же стал иссякать запас пороха.

Участились предложения сдачи. То и дело являлись вестники из враждебного стана, которые уверяли, что ни за что не отступят, не взяв города. Осаждённых пугали скорым приходом свежих польских войск, которые не окажут им никакой милости, но предадут всех «мечю изозщренному». Жажда и нехватка боеприпасов привели к тому, что осаждённые устрашились и принялись совещаться о том, как им спастись от грозившей гибели от голода и жажды.

Осада продолжалась уже третью неделю, и куряне изнемогали от выпавших им лишений. Наконец на общем сходе осаждённые решили оставить крепость, пробиться через кольцо осады и укрыться в лесах за Тускарью. Была назначена и ночь для прорыва. Но накануне «спасского попа, что за речкою Куром [церковь], попадья услышав сей совет и желая от противных за се почесть себе восприяти», явилась во вражеский стан и раскрыла гетманам намерения курян. Гетман решил поставить на месте предполагаемого прорыва отряд конницы. Одновременно планировалось начать общий штурм острога, покидаемого защитниками. Победа сама шла в руки врагу. Но защитникам стало известно о замыслах неприятеля. Когда



Русский стрелец. 1–я половина XVII в. Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

Иностранцы штурмуют русский город в Смутное время. Русская миниатюра XVIII в.

Русский воевода. 1–я половина XVII в. Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

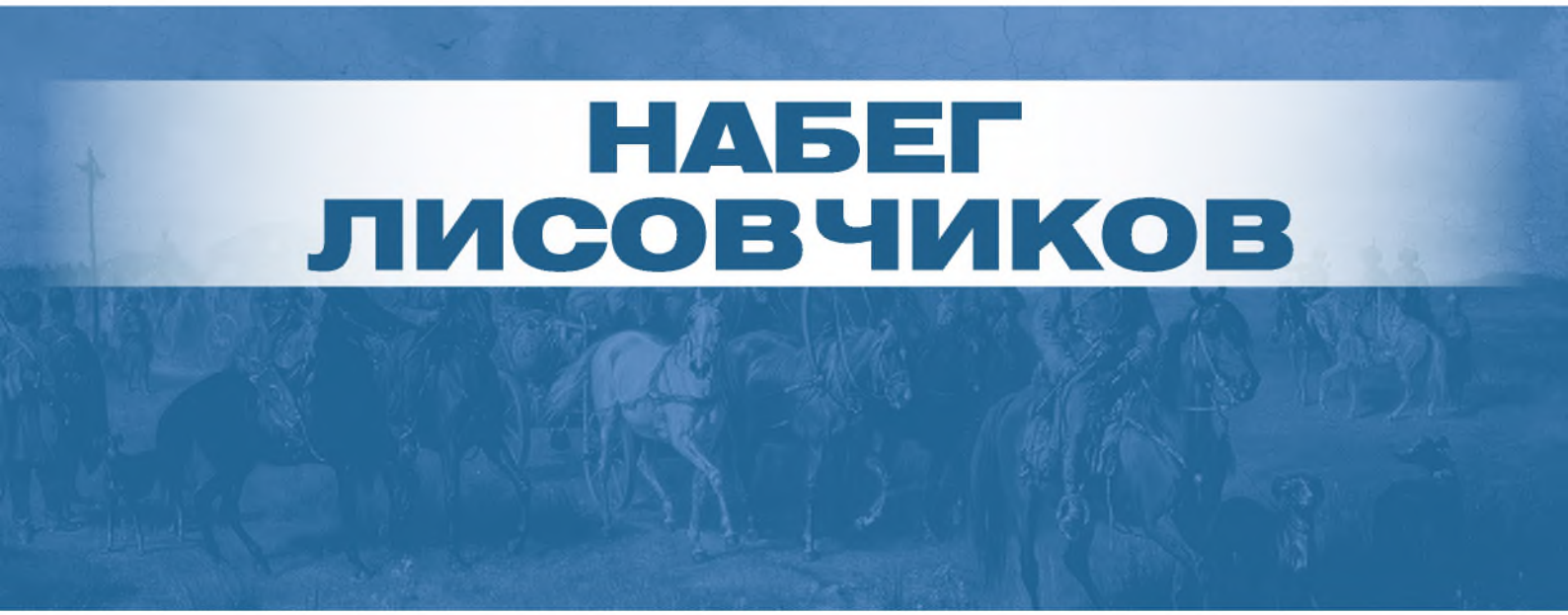
враг приблизился к стенам крепости, «от граждан на той брани множество противных быст убиенно».

На четвёртую неделю осады осаждающие решили было отступить от упрямой крепостцы. Но, когда они уже снимали лагерь и трубили войсковой сбор, к ним явился ещё один перебежчик — то ли поп Спасской церкви, что за Куром (муж изменившей прежде попадьи), то ли дьякон этой церкви, зять перебежчицы. Он поведал гетману, что горожане, опасаясь повторения ночных приступов, с вечера до рассвета бдят на стенах, «а в день всегда без боязни от труда опочивают». Более того, изменник посоветовал приступать к городу со стороны Толкочеевских ворот — наиболее слабого участка обороны. Обнадёженные этим неприятели повторили штурм, но и эта попытка кончилась безрезультатно, хотя город был на грани падения.

После этого враги «зело освирепишася и частым крепким приступлением начаше град сей озлоблять... ко взятию града всякие хитрости устрояюще». Четырёхнедельная осада, постоянные приступы и жажда довели горожан до почти полного изнеможения. В итоге горожане вновь стали совещаться, обсуждая возможность сдачи. Но вновь наиболее стойким защитникам крепости удалось настоять на своём — сопротивление продолжалось. В конце концов врагу всё же пришлось снять осаду и бесславно отступить от стен ветхой, но столь неприступной крепости. Курск остался прочным оплотом России на её южных рубежах.

Согласно обету, данному курянами во время осады, в городе была выстроена церковь, положившая начало Знаменскому мужскому монастырю. На месте этой деревянной церкви возвышается ныне Знаменский собор, украшающий главную площадь Курска.

НАБЕГ ЛИСОВЧИКОВ



Ситуацию, сложившуюся на юго–восточном порубежье Московского государства на исходе Смутного времени в 1612–1615 гг., с полным правом можно охарактеризовать как широкомасштабную пограничную войну, которую вели местные воеводы, опираясь в основном только на местные силы. Характерной особенностью военных действий на пограничье в этот период являются глубокие опустошительные рейды на территорию противника. Эти удары были нацелены, как правило, на определённые укреплённые города, уничтожение которых приводило к утрате противником контроля над прилегающей к ним территорией. Задачей руководителей таких набегов было разрушить опорные пункты неприятеля, разорить деревни, угнать как можно больше пленников.

Военные действия сопровождались крайней жестокостью. Автор «Нового летописца» сообщает, что казаки, разорявшие «Северския и Украинския городы», совершали над своими жертвами такое, что и *«в древних летех таких мук не бяше: людей же ломаху на древо и в рот зелье [порох] сыпаху и зажигаху и на огне жгоша без милости, женскому полу сосцы прорезаваху и верёвки вдёргиваху и вешаху и в тайные уды зелье сыпаху и зажигаху; и многими различными иными муками мучиша и многие грады разориша и многие места запустошиша»*.

Между тем избранный в своё время на московский престол польский королевич Владислав не собирался отказываться от своих прав и признавать решения Земского Собора 1613 г. Сейм Речи Посполитой согласился поддержать его претензии военной силой, если будущий царь московский, в свою очередь, удовлетворит запросы Польско–Литовского государства. Помимо прочего, поляки требовали передачи Польше северских городов — Брянска, Стародуба, Чернигова, Почепа, Новгород–Северского, Путивля, Рыльска и Курска. В итоге летом 1616 г., прежде чем двинуться на Москву, ещё до официального решения Сейма о начале войны, были открыты, а точнее продолжены, военные действия в Северской земле. Важная роль в этом отводилась полку известного авантюриста Лисовского.

Шляхтич Виленского воеводства Александр Юзеф Лисовский герба Ёж за участие в мятеже был объявлен в Речи Посполитой вне закона. Вступив в ряды войск Лжедмитрия II, он активно действует от имени самозваного царя, участвуя во многих походах, осадах и сражениях. Видную роль он и его люди сыграли в знаменитой осаде Троице–Сергиевской лавры. После вторжения в Россию войск Сигизмунда III Лисовский переходит на королевскую службу, а в 1615 г. совершает свой знаменитый круговой рейд по Московскому государству. Его сравнительно небольшой отряд представлял собой мощную ударную силу. В состав полка

Лисовского помимо поляков входили также «немцы» (иностранные наёмники), татары и казаки (как украинские, так и донские). Современник событий шведский историк Юхан Видекинд так писал о Лисовском и его отряде: *«Это был человек, который и сам с удивительной храбростью искал опасностей, и воинов вёл с собой таких же: они… слыли на солдатском языке «пропащими» и обречёнными на смерть (были люди отчаянные и больше ценили добычу, чем жизнь)».*

Сам Лисовский скончался вскоре после завершения своего знаменитого похода и в разгар подготовки нового предприятия. Как с нескрываемым злорадством сообщает грамота царя Михаила Фёдоровича братии Троице–Сергиевского монастыря, 1 (11) октября 1616 г., «как будет от Стародуба двадцать верст, и Лисовскому учинилась смерть вскоре, спал с коня и издох». Однако его полк к тому времени уже вновь переправился на восточный берег Днепра близ Гомия (11 (21) сентября 1616 г.) и был готов к новому набегу.

Для московских воевод вторжение не было неожиданностью. Стычки на пограничье не прекращались ни на день. Начало новой войны означало для порубежья лишь продолжение давно уже ставших привычными взаимных набегов. На их фоне и произошло новое вторжение *лисовчиков*. Ход военных действий в конце 1616 г. можно проследить, сопоставляя русские и польские источники. В обоих случаях в них старательно фиксируются даже малейшие собственные успехи и крайне скупо упоминается даже о крупных неудачах.

Существуют и разногласия относительно того, кто же командовал лисовчиками в этом рейде. Согласно польской стороне, гетман Ян Кароль Ходкевич первоначально прочил на этот пост ротмистра казацкой хоругви Миколая Руцкого. Однако лисов-

Лисовчики. Художник Ю. Коссак.

Герб А. Лисовского.

Набеги «литовских людей» на южном пограничье Московского государства в начале XVII в.

чики отнеслись к этому без особого энтузиазма и вскоре командование ими принимает хорунжий литовский Кшиштоф Ходкевич. Русские военные донесения называют в качестве неприятельского командира полковника Родкевича (пана Радкевича, Раткевича или Раткеевича). Не исключено, что под этим именем в русских документах подразумевается сам Ходкевич. Это вполне возможно, тем более что и в польских документах это имя писалось по–разному: Chodkiewicz, Kotkiewicz. «Новый летописец» описывает смену командования среди лисовчиков следующим образом: «литовские же люди выбраша в ево [Лисовского] место в полковники рохмистра Раткеевича и поидоша назад под Смоленеск. И недоходя Смоленеска тово Раткеевича убиша и выбраша в полковники пана Чеплинского».

При сравнении этих сведений с польскими источниками выясняется, что события конца 1616 — начала 1617 гг. совершенно прошли мимо внимания летописца. Кшиштоф Ходкевич (Раткеевич?) командовал лисовчиками и в конце 1616 г., и в марте 1617 г., когда они действительно получили приказ гетмана прибыть под Смоленск. Но прибыли они туда в мае 1617 г. уже под командованием Станислава Чаплинского. Исходя из этого можно предположить, что мятеж, повлёкший гибель «Раткеевича», произошёл примерно в апреле 1617 г. Причиной тому могли послужить разногласия, возникшие между полковником и его подчинёнными в ходе рейда по российской территории. Однако данное предположение вступает в противоречие с фактами биографии самого Кшиштофа Ходкевича. Великий хорунжий

Набеги московских служилых людей на территорию Речи Посполитой в начале XVII в.

Русские и польские воины начала XVII в.
Фрагменты картины «Битва при Клушине 1610 г.». До 1620 г. Художник Ш. Богушович.

литовский благополучно пережил 1617 г., с марта 1623 г. он занимает пост конюшего литовского, в 1633 г. становится каштеляном троцким, в 1636 г. — каштеляном виленским, в 1642 г. — виленским воеводой и умирает 3 октября 1652 г. Таким образом, он никак не может являться «Раткевичем», погибшим во время солдатского бунта. Возможно, что сведения автора «Нового летописца» оказались неточны и смена командования в полку либо обошлась без волнений, либо они не привели к гибели командира.

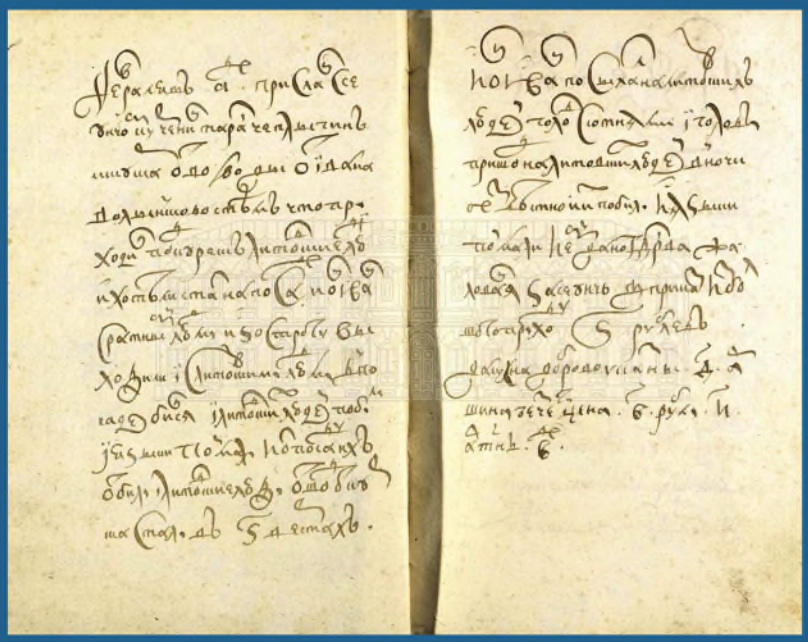
Вторжение началось на исходе октября 1616 г., когда российские источники фиксируют первые столкновения с «литовскими людьми» под Стародубом. Навстречу лисовчикам было приказано выступить мценским воеводам стольнику князю В.И. Туренину и Д.Ф. Скуратову и новосильским воеводам М.С. Дмитриеву и И.И. Чичерину. Для совместного противостояния врагу их силы должны были объединиться в Болхове. Общая численность русской рати составляла 4559 человек (часть из этих войск была оставлена в гарнизонах Мценска и Новосиля на случай осады). Численность неприятеля была, судя по всему, вполовину меньше. Готовясь к походу и составляя платёжные ведомости, ещё сам Лисовский числил в своём полку не более 1500 человек. Если даже к нему позднее присоединились другие подразделения, то вряд ли общее число отряда превысило при этом 2000–2500 человек.

Между тем, двигаясь от Стародуба к Трубчевску, а затем к Карачеву и Черни, лисовчики в начале декабря выходят к Болхову. Тут, наконец, и

Портрет польского дворянина (шляхтича). Художник Х. ван Р. Рембрандт. 1637 г.

Польские всадники, едущие через лес. 1614 г. Художник Р. Саверей.
«На просторах полночных Лисовский бьётся, как от пожара за ним лишь пепел вьётся. Всюду ему дорога ровная, всюду путь открыт. Без челнов и мостов чрез озёра и топи проходит в края, где доселе и нога поляка не ступала. Достиг Меотиды, куда Дон впадает, который Европу с Азией разделяет, измерил, сколь глубока в брегах своих Волга. Молнией летел, ни пред собой, ни позади себя никого не оставляя, а кто по хвори либо по изнеможению от него отставал, того собственной рукой поражал. И так, не имея преград в битвах, достиг устья Оби, коя в Море Ледовитом исчезает. Оттуда, словно буря, ринулся назад новым путём, кругом Москвы весь край обойдя, где лишь по огням над пожарищами его замечали, а затем из её руин и пепла под Смоленск повернул, куда счастливо и с великой славой возвратился» (Самуэль Твардовский, 1649 г.).

Поход лисовчиков. Художник Ю. Брандт.



Гонец XVI века. Художник В.Г. Шварц.

Запись в «Книге сеунчей» от 1 февраля 1617 г. «Февраля в 1 день прислан с сеунчом курченин Тарас Чеплыгин ис Курска от воеводы от Ивана Волныскова с тем, что приходили под Курск литовские люди и хотели стать на посаде, и он, Иван, с ратными людьми из острогу выходили и с литовскими людьми в посаде бился, и литовских людей побили, и языки поимали, и от посаду их отбили, и литовские люди, отшод от Курска, стали в 6 верстах, и он, Иван, посылал на литовских людей голов с сотнями, и головы, пришод на литовских людей в ночи, безвестно, их побили и языки поимали. И ему дано государева жалованья за сеунчь в приказ из Большого приходу 6 рублев да сукна доброво у Казны 4 аршина без чети, цена 2 рубли 8 алтын 2 деньги».

происходит их сражение с московской ратью. Несмотря на долгие приготовления московских воевод, битва оказалась для них крайне неудачной. Их рать была разгромлена, а сам воевода М.С. Дмитриев погиб в бою. Подробности битвы, к сожалению, остаются неизвестными.

После этого поражения в помощь Д.Ф. Скуратову был прислан князь Иван Фёдорович Хованский с новыми силами. Численность рати «Северского похода» достигла теперь 6712 человек, включая крупные отряды из Путивля и Курска. Помимо того, на сход с Хованским и Скуратовым должны были явиться елецкий воевода стольник князь Василий Григорьевич Ромодановский и ливенский воевода Тимофей Васильевич Измайлов.

Тем временем «литовские люди», повоевав Кромские и Карачевские места, а также перехватив обоз продовольствия, направлявшийся к Вязьме, двинулись на юг в сторону Курска. Воеводы следовали за ними, не решаясь, однако, вступить в бой.

Лисовчики под командованием «пана Родкевича» появились на берегах реки Моквы под Курском в конце декабря 1616 г. («на Филиппов пост»). Курский воевода И.В. Волынский послал против них стрелецкого голову Левонтия Жердина, который успешно атаковал неприятеля и захватил двух пленников. Но буквально сразу после этого боя литвины подступили к самому Курску и штурмовали острог. Воевода вывел своих ратников на вылазку, в ходе которой «литовских людей многих побили и из слобод их выбили и языки поимали». Польские источники утверждают, что Ходкевич в ходе своего рейда «спалил Курск» — вероятно, тут имеется в виду разгром посада и слобод, сопровождавшийся пожарами. В битве за Курск, в сражении за слободы особенно отличился Григорий Маслов. В награду за эти подвиги ему была оказана честь стать *сеунщиком* — вестником победы. Он отвёз известие о поражении врага в Москву и за то получил от царя «пять рублей да четыре аршина сукна доброго».

Но и после сражения у стен Курска противник, отойдя от города, расположился лагерем всего в восьми верстах от него, опустошая окрестности. За время своего рейда «пан Родкевич» успел нанести Курскому уезду весьма серьёзный урон, разорив деревни и сёла. Помимо прочего, им было захвачено в плен самое большое количество людей за последнее время — 45 человек.

Бесчинства лисовчиков в Нижней Австрии в 1620 г. Гравюра Я. Лейкена.

Приближение войск Хованского и Скуратова вынудило «литовских людей» покинуть округу Курска. Они стремительно ринулись на Оскол, взяли его изгоном, сожгли острог и, минуя Белгород, скрылись в степях. Главную роль в погроме Оскола сыграли запорожцы знаменитого полковника Михаила Пырского, вероятно, примкнувшие к лисовчикам где–то в ходе их похода. Город и уезд понёс тогда тяжёлые потери — убито и пленено было 458 человек. Хованский только и мог что послать в погоню голов с сотнями, которые сопровождали Пырского и Ходкевича до самого литовского рубежа, не рискуя, однако, вступать с ними в бой. Северский поход объединённой русской рати закончился. После этого Д.Ф. Скуратов остался восстанавливать Оскольский острог, а И.Ф. Хованский из Курска вернулся в Тулу.

Отдельные отряды «литовских людей» продолжали опустошать Курский край. В конце января 1617 г. опасность вновь нависла над Курском. Подойдя к городу, «литовские люди» хотели расположиться на посаде и осадить крепость. Но воевода Иван Волынский «с ратными людьми из острога выходил и с литовскими людьми на посаде бился и литовских людей побили и языки поимали и от посаду их отбили». Поляки отошли от Курска и стали лагерем в шести верстах от него. Угроза городу сохранялась и поэтому воевода выслал против неприятельского стана стрелецкого и казацкого голов, которые ночью незаметно подошли к польскому лагерю и атаковали его. Застигнутые врасплох «литовские люди» были разгромлены наголову. Отличившийся в боях Тарас Чеплыгин был послан в Москву с сеунчем.

События зимы 1616–1617 гг. показали, что, даже лишившись своего знаменитого предводителя, *лисовчики*, пусть и в несколько меньших масштабах, но смогли повторить его рейд по «московитским пределам». В ходе набега им удалось нанести поражение русским войскам в полевом сражении, разорить ряд уездов, разгромить предместья нескольких городов (в том числе и Курска), а также уничтожить одну из российских порубежных крепостей. Действия российских воевод, напротив, отличались крайней пассивностью. Имея численный перевес над силами противника, они, тем не менее, упорно избегают прямых столкновений с ним, ограничиваясь преимущественно

Речь Посполитая

Русское государство

Территории, утраченные Россией по Деулинскому договору 1618 г.

Наконечник рогатины. XVII в. Курская область. Курский государственный областной музей археологии.

Территории, утраченные Россией в результате Смутного времени.

Итог противостоянию России и Речи Посполитой подвело перемирие, подписанное в д. Деулино близ Троице–Сергиевского монастыря. Оно было заключено на четырнадцать с половиной лет и вступало в действие 25 декабря 1618 г. Россия уступала Речи Посполитой земли с городами Смоленск, Рославль, Дорогобуж, Трубчевск, Новгород–Северский, Стародуб, Чернигов. Местные купцы, дворяне и священнослужители имели право перебраться в Россию. Поляки возвращали захваченные ими в ходе войны Козельск, Вязьму, Мещовск и Мосальск. Русский царь лишался титулов правителя ливонского, смоленского и черниговского, а польский король Владислав сохранял право именоваться царём русским.

обороной крепостей. На протяжении всего Северского похода инициатива неизменно находится в руках лисовчиков. Для российских войск Северский поход после Болховского поражения превратился в медленное и осторожное следование за неприятелем без малейших попыток серьёзно помешать его действиям. Это резко контрастирует с активными и агрессивными действиями российских служилых людей, совершавших в то же время набеги на «литовские земли». Однако никакие разорительные набеги не могли изменить главного — Россия устояла среди бурь Смутного времени и Курские земли остались её надёжным оплотом.

СТЕПНАЯ ОПАСНОСТЬ

Войны и междоусобицы рубежа XVI–XVII вв. разрушили систему обороны степных рубежей России. За время Смуты татары настолько привыкли разорять русские земли, что стали открыто высказывать пожелание вообще из них «вон не выхаживать». Но на защиту рубежей стали люди, закалённые в схватках с кочевниками, такие, как курский казачий голова Иван Антипович Анненков.

Ногайские татары. XVII в. С гравюры А. Олеария.

Татарское кочевье на карте Й. Хондиуса. Около 1610 г.

Татарский воин. Гравюра Мельхиора Лорка. 1576 г.

Его имения в Орловском уезде были дотла разорены в годы Смуты, и в 1616 г. его семейство перебирается в Курск. Прекрасный наездник и стрелок, И.А. Анненков выезжал на бой с одним луком в сопровождении трёх боевых холопов, вооружённых пищалями. В первый же год своей службы в Курске он встретил ногайцев в 15 верстах от города, стремительно атаковал их и разбил наголову. Блестящая победа увенчалась освобождением русского полона и захватом татарских пленников. В июне 1618 г. стрельцы и дети боярские во главе с И.А. Анненковым, сотниками Семёном Веденьевым и Сунбулом Онофреевым преследуют татар, разоривших д. Лебяжье. Обрушившись ночью на спящий лагерь кочевников, преследователи разгромили его, освободив многих пленников. В 1622 г. курский воевода С.М. Ушаков вновь посылает Ивана Анненкова в погоню за татарами, появившимися в пределах края. Доблестный казачий голова настигает чамбул на Изюмской сакме под Осколом и вновь одерживает победу, отбив российских пленников. Среди подобных бесчисленных подвигов И.А. Анненкова особое место занимает набег 1623 года.

Летом 1623 г. в Ливнах Ибрагим–паша дал присягу — шертную запись — от имени крымского хана Магмед–Гирея. Крымцы обязались не нападать на украинные российские города и не громить станичников. Такая клятва, конечно, не гарантировала прекращения татарских набегов, но теперь крымцам приходилось действовать «искрадом», «резвым делом» — их набеги были личными предприятиями отдельных вожаков. Они пускались в набеги на свой страх и риск, таясь от ханских властей, а то и вступая с ними в открытый конфликт. Примером тому служит набег знаменитого Урак–мурзы, в борьбе с которым снискал наибольшую славу И.А. Анненков.

Ногайский князь Урак–мурза, известный также под именем Петра Урусова, воспитывался при дворе царя Бориса Годунова и был знаменит тем, что во времена Смуты лично зарубил Лжедмитрия II (Тушинского вора). Обосновавшись в Крыму, вступив в брак с дочерью страшного Кантемира–мурзы по прозвищу Кровавый меч, он стал там признанным «специалистом» по набегам на русское порубежье. В 1623 г. для своего очередного похода Урак–мурза собрал не только своих наездников из Белгородской орды. К нему примкнули своевольный крымский Шебаш–мурза, мурзы Амет и Албашин, знаменитый азовский вож Клыч–мурза. В Крыму в тот момент было междуцарствие, чем и воспользовались воинственные мурзы. Русские послы А. Усов и С. Угодский знали о подготовке набега, и по их просьбе хан Магмет–Гирей пытался его предотвратить. Однако его посланцев прогнали, некоторых ранили, а двоих даже убили.

О появлении на Муравском шляхе идущего мимо Белгорода чамбула в 500 всадников курскому воеводе С.М. Ушакову вестовщики сообщили

Сражающиеся крымские татары на турецких миниатюрах конца XVI в.

4 июня 1623 г. Это оказался лишь авангард основных сил Урак–мурзы. Известив о появлении татар воевод в Мценске, Ливнах и Осколе, Степан Ушаков выслал на Пахнуцкую дорогу казачьего голову Василия Торбеева и стрелецкого голову Плакиду Тимирязева с отрядом в 300 детей боярских, 200 казаков и 100 пеших стрельцов с огненным боем. Татары стремительно ворвались в Орловский, Карачевский, Мценский и Болховской уезды, опустошая всё на своём пути. У деревни Соголаевой Орловского уезда они столкнулись 9 июня с мценскими ратниками, посланными воеводой Василием Давыдовым, которым удалось захватить языка. Затем крымцы повернули обратно. Опьянённые удачей и нагруженные богатой добычей, татары шли «свалясь все вместе» — крылья орды, обычно распускаемые для грабежа, соединились с основным её корпусом.

В это время «головы Василий Торбеев да Плакида Темирязев с ратными людьми стояли на Пахнуцкой сакме под Муравским шляхом верх Теребужа на Перерванце». Здесь имеется в виду крупный овраг у с. Нижний Теребуж по левому берегу Теребужа, притока Тускаря, напротив реки Косоржи. Благодаря глубокому извилистому Перерванцу проход между Косоржей и Теребужем, по которому пролегала тогда Пахнуцкая сакма, суживается до минимума. Неудивительно, что эта местность была, похоже, традиционной для подобных засад. Татары, заранее зная о местоположении ожидающих их ратников, «обошли их в ночи июня в 13 день», после чего головы с ратными людьми погнались за ними. Учитывая особенности местности, с трудом можно поверить в то, что отягощённые полоном 3000 всадников могли незаметно миновать ратников на этом узком перешейке. Вероятно, отряд Торбеева и Темирязева был застигнут врасплох неожиданным появлением татар и, видя их численное превосходство, не решился вступать в бой. Однако ещё до рассвета головы организовали преследование ордынцев. Вперёд была выслана станица курских детей боярских во главе с Антоном Пашиным. На заре следующего дня станичники столкнулись с четырьмя татарскими наездниками, которые тотчас во весь опор помчались к своим основным силам. На основе сведений станицы головы доносили воеводе в Курск 14 июня: «идут де татарове с полоном немалые люди, а дошли де было они их на полднях верх речки Лещина и приходить на них не посмели, потому что им не в силе; а ставятся де они на три полка; а татарове, стояв, пошли Муравским шляхом, а они с ратными людьми пошли за ними их сакмою».

Воевода Ушаков, получив эти вести, тотчас послал гонца к белгородскому воеводе князю Григорию Тюфякину, чтобы привлечь и его силы к совместным действиям против татар. Сам же он отправил к головам «на прибавку» Темирязеву и Торбееву под командованием головы Ивана Антиповича Анненкова. В его состав включили практически все остававшиеся в распоряжении воеводы силы: «ратных людей и достальных детей боярских Курчан всех да пехоты с огненным боем стрельцов пятьдесят человек».

Отряд казачьего головы И.А. Анненкова и стрелецкого головы Малюты Дурышкина соединился с отрядом Торбеева и Темирязева 15 июня, а на вечерней заре объединённые силы «дошли тех татар на Котлубанской Семи». Донесение воеводы не указывает точных ориентиров этого места, однако, несомненно, это был так называемый Меловой (Мелевой) брод — единственная переправа на данном маршруте, от которого и брала своё начало Пахнуцкая сакма. Брод находился на участке между Лещином, впадающим в Сейм справа, и Ржавой (Ржавой Семицей), впадающей в него же слева. Татарский стан был расположен на противоположном берегу Сейма, и из него к служилым людям сумели бежать два полонянника — «Петров крестьянин Софонова Омельяшка Елизаров, Карачевскаго уезда, да Григорьев крестьянин Измайлова Тимошка Наумов». Они рассказали, что «стоят де татарове на три полка бережно и от них

де стоят многие татарове в заставах». Поэтому головы, посовещавшись, не решились атаковать крымцев, но «с ратными людьми стали, утаяся, в крепких местах».

Тем временем «татарове пошли с стану в третьем часу дня тем же Муравским шляхом Царевою дорогою к Белугороду». Отряд Анненкова, Торбеева и Темирязева двинулся следом. Татары шли вверх по Донецкой Семице её левым берегом, а курские ратники, покинув их сакму, «шли под ними день да ночь по правую сторону вверх по Семине Ржавой». Им удалось обойти ордынцев против Думчева Кургана. В результате они «стали верх Сажнаго Донца у праворотьи возле боярака, утаяся, от Белагорода верст с двадцать». Таким образом, командование преследователей всё же сумело навязать татарам бой на избранной ими позиции на собственных условиях. Место разыгравшегося вскоре сражения находится в верховьях Сажного (Саженского) Донца (правый приток Северского Донца), на его левом берегу, на месте будущего села Правороть. Место здесь идеально подходило для засады и боя с превосходящими силами конницы — неширокий проход, зажатый с обеих сторон глубокими извилистыми оврагами. Укрывшись в ярах, ратники выжидали приближения противника. На разведку вновь была выслана станица Антона Пашина. Вскоре он вернулся, сообщив головам, что «идут де татарове, изрядяся, большие люди».

На рассвете 16 июня крымцы атаковали курян: «на солнечном всходи… приходили на них татарове и билися конми и пехотою, а головы и ратные люди бились сперва конми же и пехотою, а после головы и со всеми ратными людьми с татары билися пехотою». Татары не могли развернуть все силы своей конницы и вынуждены были частично спешиться. В результате «на том бою тех татар многих побили, а иных переранили пехотою из пищалей». Ордынцы, оттеснив преследователей, сумели наконец проложить себе дорогу и, сдерживая всё ещё сражающихся служилых людей, двинулись дальше. В первую очередь они постарались вывести из опасного места свой обоз с захваченной добычей: «татарове, пропустя свой кош, пошли тою же Муравскою сакмою». На ночлег Урак–мурза расположился в 20 верстах от Белгорода у Смородинного колодезя (у современного села Смородино).

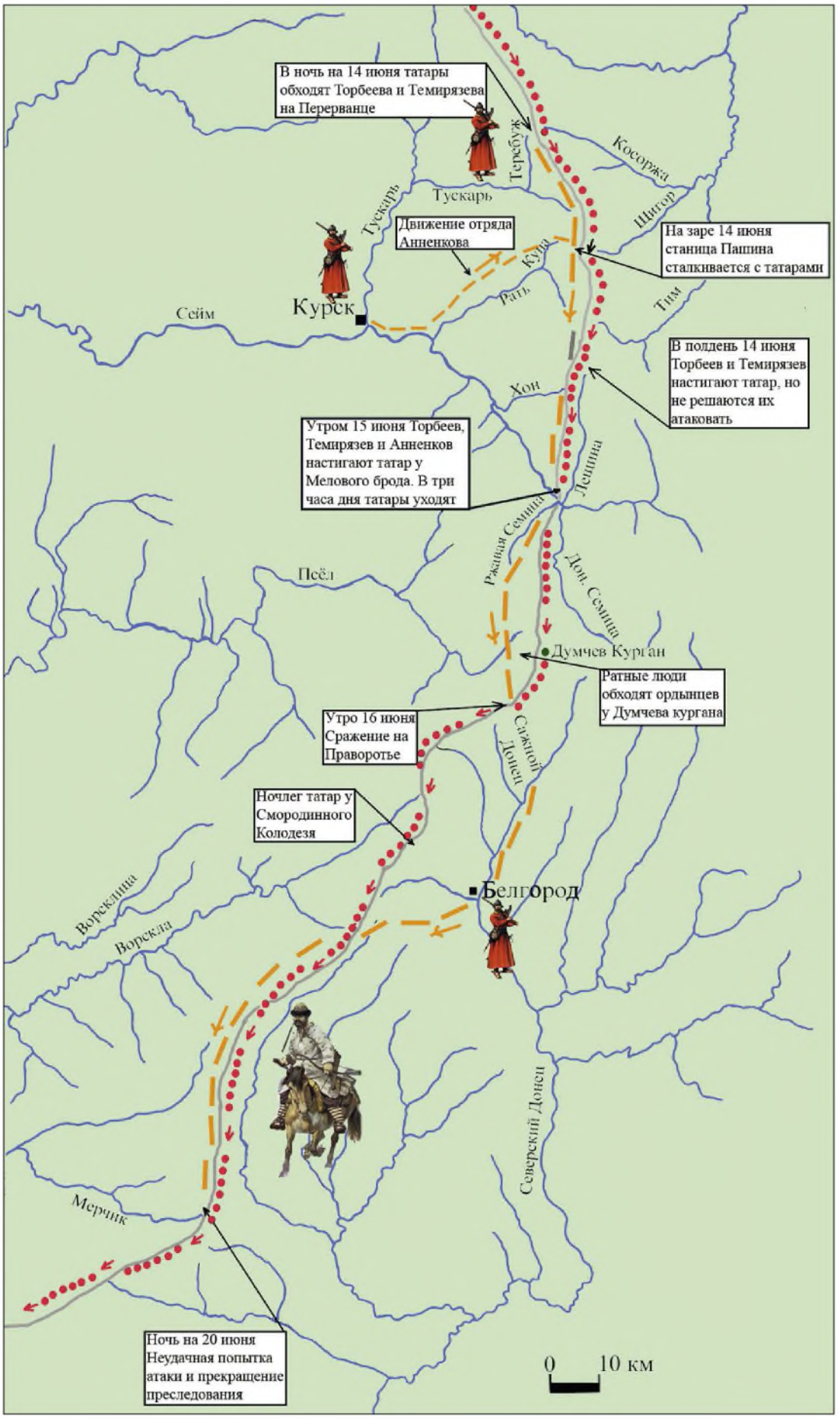
Однако Анненкову и его ратникам вновь удаётся опередить врага. После боя они двинулись «на Сажной Донец в Белогородские деревни», а оттуда в сам Белгород. В Белгороде Анненков оставляет измученную стремительными переходами пехоту и прочих «истомных людей». К нему присоединяются свежие силы белгородцев. С ними он преследует татар ещё три дня подряд. У верховьев Мерчика он пытается атаковать татарский стан ночью в пешем строю, но план этот проваливается, так как «вожи» во главе с белгородцем Григорием Селипским заблудились в темноте. Поскольку посланные вперёд «вожи» не вернулись, то головы решили, будто их захватили татары. Ночная атака была отменена. «И татарове де пошли с того стану в другом часу дня и вышли в поля, в чистые места» — Урак–мурзе, наконец, удаётся вывести свой потрёпанный загон из «крепких мест» в открытую степь, и 22 июня куряне прекратили погоню. Тем более что и сами они были уже «истомны и лошади поустали».

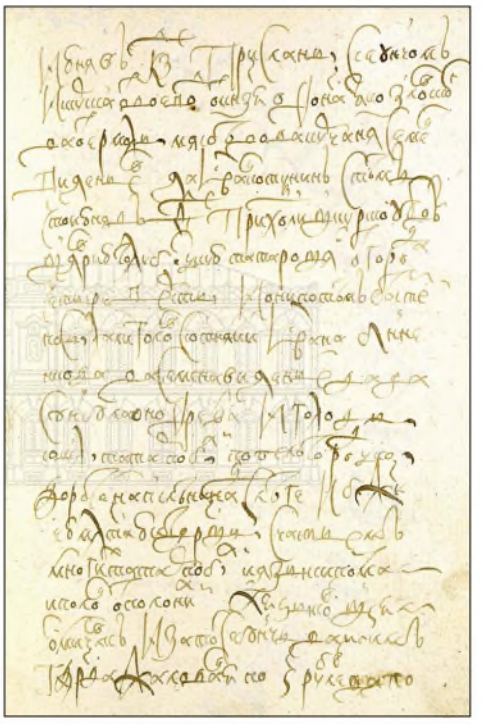
К 22 июня служилые люди возвращаются в Курск. Донесение воеводы не содержит ни точных цифр потерь, которые понесли ордынцы, ни числа отбитых пленников. О самих же преследова-

Русское оружие 1–й половины XVII в. Курский государственный областной музей археологии. Боевой топор. Дар А.П. Кривошеева. д. Шуклинка (Курский район); Крючок для подвешивания сабли или колчана. Конышевский район; Наконечник стрелы «тушинского» типа. Железо. XVII в. Поселение Переверзево (Золотухинский район). Раскопки А.И. Пузиковой; Наконечник дротика. Дар Э.А. Жмакина. с. Афанасьевка (Курчатовский район).

Защитное вооружение знатного русского воина 1–й половины XVII в. Юшман, наручь, щит боярина Н.И. Романова. Оружейная Палата (Москва) (по «Russian arms and armour», 1982).

Набег Урак–мурзы и преследование татар русскими отрядами.





Запись в «Книге сеунчей» от 27 июня 1618 г. «Июня в 27 день присланы с сеунчом ис Курска от воевод от князя Офонасья Козловского да от Ермолы Мясоедова курчаня Семен Виденьев да Иван Котунин с тем, что июня в 4 день приходили в Курской уезд в деревню Голубетцкую татаровя, от города четыре версты, и они по вестем посылали голов с сотнями, Ивана Анненкова да Семена Виденьева, да Сунбула Онофреева, и головы сошли татар, побили по Белогородцкой дороге на Поле на Надслеге, и божиею милостию и государевым счастьем многих татар побили и языки поимали, и полон отполонили, а языков взяли осми человек. И за тот сеунчь дано им государева жалованья по 6 рублев да по сукну доброму человеку».

Армия крымского хана Джанибек–Гирея. Турецкая миниатюра, 1620–е гг.

телях говорится, что они «пришли в Куреск ко мне со всеми ратными людьми, дал Бог, здорово». В целом поход был оценен как весьма удачный. Сеунщиком, доставившим весть о победе в Москву, был назначен сам И.А. Анненков, который прибыл в столицу 2 сентября 1623 г. Он доставил послание воеводы С.М. Ушакова о поражении татар и отбитии русского полона. В награду сеунщику было дано жалованья «девять рублей да сукно доброе».

В те же годы наряду с подобными крупными рейдами продолжаются и мелкие набеги отрядов в 150–500 всадников. В 1628 г. воевода Г.К. Юшков вновь посылает Анненкова против татар. Двинувшись в сторону Белгорода, верстах в ста от Курска казачий голова сталкивается с грабящими сёла кочевниками. Искусно охватив стан крымцев, И.А. Анненков одновременно ударил по нему со всех сторон. В результате битвы «татар побили и коши татарские, и сёдла, и саадаки, и котлы совсем взяли, и языки поимали, и полон отбили». В том же году Анненков перехватывает степняков в 10 верстах от Курска на берегах реки Виногробли и, разбив наголову, берёт в плен их предводителей.

Однако устранить угрозу, исходящую из Дикого Поля, никак не удавалось. Позднее историки отметят, что «постоянные военные действия отрядов Белгородского и Курского края с татарами напоминали собою беспрерывную партизанскую войну» — за свои дома и, тем самым, за всё остальное Московское царство. Война эта была необычайно изнурительна и сопровождалась страшным разорением. В те годы существовал даже особый термин, *выбрать деревню*, то есть угнать из неё в полон всех жителей. Неведомо, сколько сёл было таким образом *выбрано* степняками во время их стремительных и страшных налётов на «украинные места».

БИТВЫ СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ

Русский офицер. Гравюра Э. Пальмквиста. 1674 г.

В апреле 1632 г. умер польский король Сигизмунд. Правительство царя Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета увидело в этом удобную возможность для пересмотра условий Деулинского перемирия. Было решено предпринять попытку отвоевать потерянные в Смуту земли, а в первую очередь Смоленск и Дорогобуж. В августе 1632 г. армия во главе с воеводой М.Б. Шеиным и окольничим А.В. Измайловым выступила в поход. Поначалу русской рати сопутствовала удача. Был взят Дорогобуж, Белая, Рославль, Новгород–Северский, Стародуб и многие другие города. Но осада Смоленска затянулась. Это дало полякам время собраться с силами и окончить выборы нового короля, которым стал Владислав, сын умершего Сигизмунда. Во главе 23–тысячной армии он двинулся на выручку гарнизону Смоленска. Сам Шеин оказался теперь осаждён в своём лагере под городскими стенами. Одновременно к вторжению в московские пределы были побуждены крымцы и черкасы.

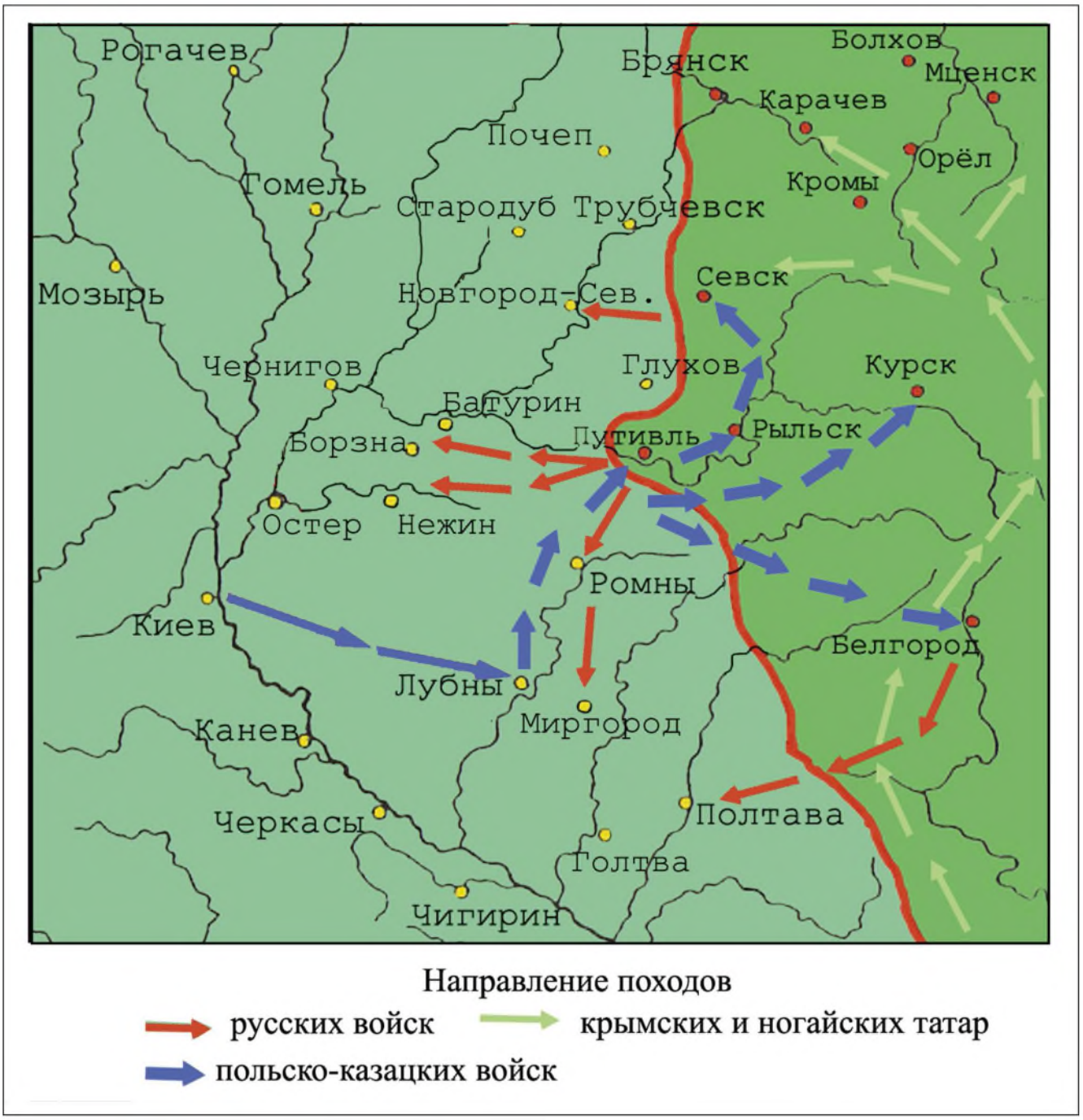
24 августа 1633 г. в четвёртом часу дня со сторожевых башен Курска дозорные замечают облака пыли и 15 развевающихся по ветру знамён — то на город надвигались «литовские люди и черкасы полковые», во главе которых стояли казацкий полковник Яцко Острянин, урядник Рамонского острога Криштоф Сеножацкий, Ловерка и старый полковник Михайло Пырской. До самого вечера неприятели упорно штурмовали Курскую крепость, выжгли Стрелецкую слободу. Тогда воевода П.Г. Ромодановский послал на вылазку отряд детей боярских и «всяких людей». Командование было поручено опытному казацкому голове Ивану Антиповичу Анненкову и Ивану Бунину. После яростной схватки противника удалось отбить от города. Удалось даже захватить 14 пленных. Один из участников вылазки, Степан Авдеев, голова детей боярских Усожского стана и крестьян Комарицкой волости, сообщает, что в ходе схватки лично он «с литовскими людьми бился и убил двух мужиков да збил мужика [с коня] и взял бахмат сер». Отброшенные поляки и черкасы перешли Сейм и разорили деревню Толмачёво (Лебяжье). Как спаситель города, храбрый И.А. Анненков вновь был послан сеунщиком к царю в Москву. Победа досталась курянам недёшево. Немало людей пало в боях, немало было уведено в неволю. Всего за 1633 г. город и уезд потеряли только пленными 389 человек. Из них на родину «по отпуску» вернулось всего 25 и ещё 16 человек «бегом ушли».

В сентябре 1633 г. русские войска воеводы Ивана Бутурлина выступили в поход на Миргород. Из Путивля рать вышла 26 сентября, а 30 сентября взяли штурмом Миргородский острог. В бою было захвачено немало пленных, большинство из которых было тяжело ранено. Многие из них вскоре умерли. Победители сожгли острог, посад и слободы, после чего выступили в обратный путь. Тут их и подстерегали главные опасности. В десяти верстах от сожжённого Миргорода 1 октября Бутурлина настиг трёхтысячный отряд лубенского полковника Михаила Пырского. В сражении русские одержали верх, перебив более тысячи литовских людей и черкас, пленив 100 из них. Среди погибших оказались лохвицкий урядник Турской и сам знаменитый полковник Пырской, не раз разорявший прежде Курский край. На следующий день, 2 октября, Бутурлина настиг двухтысячный отряд синицкого урядника пана Маркова. Сомневаясь в своих силах, Бутурлин велел перебить всех захваченных ранее пленных, чтобы не отвлекать людей на их охрану. После этой резни все ратники были брошены в бой и Марков потерпел решительное поражение. В сражении поляки потеряли более 300 человек убитыми и ранеными, а также 50 пленными.

Царь Михаил Фёдорович. Картина XVII в.

Русские воины. Рисунок на картуше западноевропейской карты 1642 г.

Портрет Владислава Вазы (будущего польского короля Владислава IV). 1624 г. Художник П. Рубенс.



Смоленская война на юго–западном пограничье.

Узнав о разгроме Миргорода, из Нежина к Ромнам прибыл полковник Лаворской с отрядом в 1000 черкас. Он разослал листы по всем украинским городкам, призывая всех желающих собираться для ответного похода на Путивль. Об этом заблаговременно стало известно российским воеводам. Когда 20 ноября 1633 г. в Белгород из похода вернулись ратные люди, они сообщили воеводе Волконскому, что в Полтаве ныне войск вовсе нет, поскольку черкасы ушли на сбор в Лубны. Воспользовавшись этим, белгородский станичный голова Сидор Маслов во главе с отрядом в 200 человек соединился с осколянами сына боярского Фёдора Митрофанова и взял приступом город и острог Полтавы. При этом «многих литовских людей побили и большой острог и слободы и посады сожгли, а достальные литовские люди сели в малом острожке». В плен попали «литовские начальные люди» Ивашка Ордынец и Якушка Неуструй. Тогда же отряды из Рыльска,

Казаки в походе. Художник Л. Гедлек.

Свинцовая печать с польским гербом. XVII в. г. Курск.
Раскопки В.В. Енукова.
Курский государственный областной музей археологии.

Путивля, Новгорода–Северского и Севска разорили Борзну. Путивляне во главе с Левонтием Литвиновым, Микифором Яцыным, Алексеем Костентиновым и Владимиром Череповым «город Борзну взяли и острог большой и малый взяли, и народ поимали и оба острога разорили и выжгли без остатку». В плен попала Федора, жена капитана Вишеля, а сам капитан пропал без вести. Было также захвачено 20 других пленников, а села, деревни и слободы в округе были сожжены. Рыляне привели с собой 17 пленников.

Возможность безнаказанно пограбить привлекала к участию в набегах на «литовские земли» не только служилых людей, но и обычных жителей порубежных городков. Беспокойство и жажда боевой деятельности всё больше охватывали и жителей российского порубежья. Вспоминались подвиги недавнего Смутного времени. В ноябре 1632 г. отряд в 35 человек из жителей Болхова и Севска разграбил две литовские деревни, несмотря на запрет «ходить в Литву». В добычу им, помимо одежды, холстов и прочего имущества, достались 12 лошадей, 25 коров, 33 овцы, девять кадушек меда. Всё это добро конфисковал местный воевода. А в ноябре 1633 г. некий вдовый поп Микула собрал отряд из валуйчан, осколян и белгородцев, который повёл воевать окрестности Полтавы. Однако затея эта провалилась, и Микула едва вывел уцелевших соратников обратно. Из 90 валуйчан десять было убито или пленено. Такие же потери понесли и выходцы из других городков. Местные власти воспользовались войной, чтобы ещё более жёсткими мерами изгнать с российской территории самовольных черкасских поселен-

Русский шлем. XVII в. Музей Войска Польского (Варшава, Польша) (с сайта «MuzeumWojskaPolskiego»).

Польский король Владислав IV под Смоленском в 1634 г. Барельеф саркофага Владислав IV в кафедральном соборе св. Станислава и Вацлава (Краков, Польша).

цев. Для этого 17 декабря 1633 г. из Путивля был послан отряд в 300 человек под командованием головы Владимира Черепова. *«И голова Володимир Черепов да атаман Гаврила Еремеев с ратными людьми в том походе литовских слобод, которые литовские люди поселились было на государеве земле, выжгли 25 слобод и литовских многих людей побили и государеву землю Путивльского уезду многую очистили».*

Гетман Ильяш Чёрный, полковники Данила Данилов и упорный Яцко Острянин во главе 12 000 запорожцев вновь осадили Курск 4 апреля 1634 г. Имея четыре пушки, казаки надеялись на этот раз всё же взять неприступную крепость. Вновь пришлось воеводе П.Г. Ромодановскому и его ратным людям отражать жестокие приступы, сдерживать натиск многократно превосходящих сил врага: в Курске к началу Смоленской войны находилось «всяких людей» всего 1141 человек. Но, как и прежде, многочисленность врагов разбилась о мужество и стойкость защитников. Ромодановский доносил в Москву, как *«литовские люди и запорожские черкасы ...приступали к городу многими приступы с примёты и хотели город зажечь, а слободы разграбить. И я, прося у Бога милости, а у Пресвятой Богородицы помощи, послал на вылазку голов, а с ними курчан детей боярских и всех ратных людей. ...На вылазке многих литовских людей побили и языки поимали 13 человек литовских людей да два человека татар; языки от ран помирали, а мы слобод жечь не дали. А стояли литовские люди под Курском апреля с 4 дня по 16 число и пошли от Курска тою же сакмою, что приходил в прошлом году под Курск полковник Пырской за реку Семь».* После этой неудачи Острянин покинул на время поле боя и вернулся в Полтаву.

На порубежье ещё гремели бои, а исход войны уже был предрешён: 19 февраля 1634 г. армия М.Б. Шеина сдалась под Смоленском королю Владиславу. «Русские выступили из острога со свёрнутыми знамёнами, с погашенными фитилями, тихо, без барабанного боя и музыки; поравнявшись с тем местом, где сидел король на лошади, окружённый сенаторами, русские люди должны были положить все знамёна на землю, знаменосцы отступить на три шага назад и ждать, пока гетман, именем королевским, не велел им поднять знамёна; тогда, поднявши знамёна, запаливши фитили и ударивши в барабаны, русское войско немедленно двинулось по Московской дороге, взяв с собою только 12 полковых пушек, по особому позволению короля; сам Шеин и все дру-

Польское войско в бою. Фрагмент картины Ю. Брандта «Битва под Хотином в 1621 году».

Гетман Войска Запорожского Петр Конашевич Сагайдачный и его герб. С гравюры 1622 г.

гие воеводы и начальные люди, поравнявшись с королём, сошли с лошадей и низко поклонились Владиславу, после чего, по приказанию гетмана, сели опять на лошадей и продолжали путь», — так описывает сдачу русской армии С.М. Соловьев.

Воодушевлённый успехом, Владислав подступил к стенам Белой, но все его приступы оказались бесплодными. Крепость держалась. Осада затянулась. В польском лагере начался голод. Над Польшей между тем нависла угроза турецкого нашествия. В итоге в марте 1634 г. начались мирные переговоры, а 4 июня на берегу речки Поляновки между Московским государством и Речью Посполитой был подписан мирный договор. Единственное, что приобрело Московское государство в этой войне, был окончательный отказ Владислава от всех претензий на московский трон. Но это было слабым утешением после Смоленской катастрофы.

ЗАГАДКА КРАСНОЙ ПОЛЯНЫ

Отряд русских всадников. Фрагмент картины Ш. Богушовича «Битва при Клушине 1610 г.». До 1620 г.

С началом Смоленской войны приобретают особую опасность татарские набеги — большая часть русских войск отправляется под Смоленск, а крымский хан заключает союз с польским королём. Уже в апреле–мае 1632 г. татары массами движутся на Русь по всем шляхам. То и дело воеводам приходят вести о стычках с кочевниками: 28 апреля оскольские ратники бьются с татарами у деревни Ольшаницы, отражая их налёт, а 1 мая оскольцы перехватывают возвращающийся из успешного набега чамбул на Афонькином перевозе через Оскол и освобождают 20 полонянников. Но 6 мая загоны в 150 и в 100 человек, придя по Муравскому шляху, атакуют деревни Картавцеву и Чуйкову уже всего в 30 верстах от Курска. Следом за тем, 19 мая, полторы сотни татар погромили в Рыльском уезде сотню служилых людей под селитрянными варницами. В июле же по Изюмскому шляху на Русь хлынула 20–тысячная орда, во главе которой стояли Салмаша–мурза, брат знаменитого наездника Буджацкой орды Кантемира — Кровавого меча, и Девлет–Казый. Вскоре весь край потрясла трагедия в Савинской дубраве.

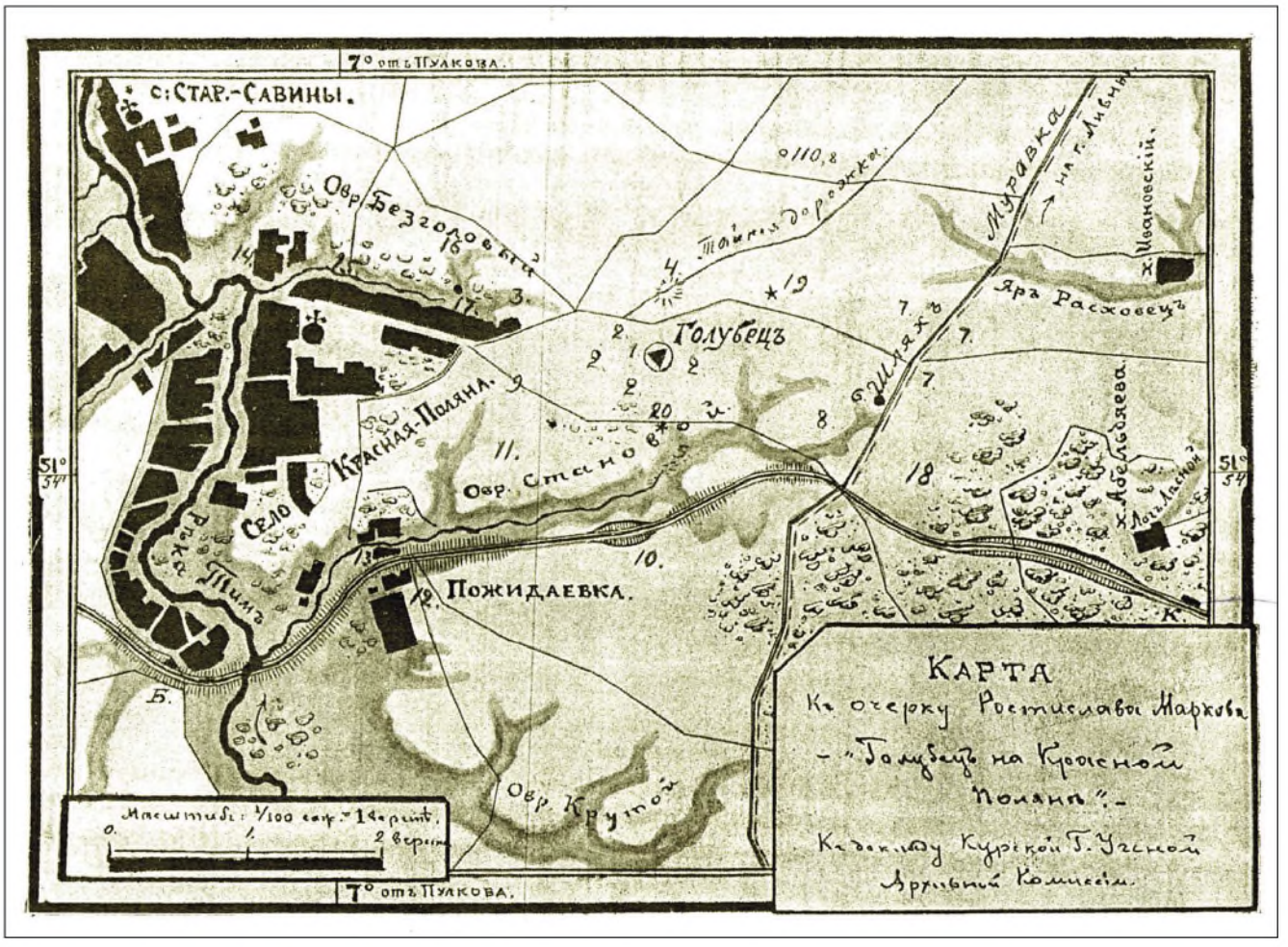


Схема окрестностей Голубца (по Р.Л. Маркову).

Когда 30 июля мимо Ливен проскользнули в Курский уезд 300 татар, возвращающихся из набега, в погоню за ними выслали 700 ливенских детей боярских и казаков под началом головы Меньшого Гринёва. Он настиг крымцев 3 августа в 50 верстах от Ливен, но был окружён подошедшей с Изюмского и Муравского шляхов ордой. Гринёв отвёл свой отряд в Савинскую дубраву и, засев в лесу, отбивался весь день. Татары шли на него и в конном и пешем строю, в бой вступили янычары с огненным боем. Ордынцы потеряли до тысячи человек убитыми. Среди погибших было несколько знатных мурз. Ранен был сам Салмаша–мурза. Но 300 ливенцев во главе с храбрым Гринёвым пали в бою. Прочих ратников, израненных, татары угнали в полон. Так погиб цвет ливенского дворянства.

Один из ливенцев, сын боярский, Яков Черников, сумел бежать из татарского плена и вернуться домой. Удобный случай подвернулся ему уже в двух днях пути южнее Белгорода у реки Бурлуки. Вернувшись в Ливны 27 августа, он сообщил, что,

Голубец на Красной Поляне (по Р.Л. Маркову).

Татарский всадник (вверху) и русские воины. Гравюра А. де Брейна. 2–я половина XVI в.

будучи в плену, слышал «от королевскаго человека, от Исупка», набег был предпринят по взаимному согласию между Крымом и польским королём. Татары намеревались «воевать… государевы городы [вплоть] до Серпухова». Однако, получив тяжёлую рану у Савинской дубравы, Салмаша–мурза «поворотился, а с ним поворотилось три тысячи [татар]», а прочих он «послал воевать на два дня мценския да новосильския места, а воевав, мценския и новосильския места, велел идти за собою наспех». Таким образом, вторжение вглубь русских земель сорвалось, превратившись в обычный грабительский набег «наспех». В этом и была главная заслуга павших у Савинской дубравы ливенцев.

Место сражения располагалось в окрестностях современного села Становое Тимского района. Курский краевед начала XX в. Р.Л. Марков, посетив здешние места, нашёл тут следы давней битвы, в том числе «две ногайские кольчуги» и «железные наконечники от Ногайских стрел, из коих два наконечника с согнутым жалом» [Марков. 1911: 140–141]. Тогда же он записал здесь со слов стариков красочную легенду о здешней достопримечательности — *Голубце на Красной Поляне.* Согласно этой легенде, 29 июня 1709 г., якобы в самый день Полтавской битвы, местными ополченцами и отрядом регулярных войск был разгромлен стан ногайской орды, возвращавшейся после набега на Ливенскую округу. При этом был убит и обезглавлен некий «тогдашний Мамай» — татарский великан–богатырь, разъезжавший на особых «богатырских дрогах» со щитом в четыре пуда весом и в четырёхпудовой же кольчуге. Его отсечённую голову и выставили на Голубце, установленном в память сражения. Со слов старожилов Р.Л. Марков подробно описал ход баталии, упомянув даже о том, как русские порубежники подавали друг другу сигналы, кукуя кукушкой, отчего и получил название холм Кукуй. История эта откровенно фантастична, но и в ней сохранились отголоски реальных событий. Например, в рассказе о том, что здесь «тогда шумели густые дубравы», что с Муравского шляха орда «всею массою пошла на село Савины (ныне не существующее), навкось пересекая всё урочище Побоище», а лагерь «царских ратных людей располагался между р. Тимом и правым берегом устья того ручья, который бежал по дну Станового Лога». Именно сюда, в дубраву, должен был отойти отряд Гринёва, именно так должны были атаковать его ордынцы.

Следует отметить, что сохранился и другой вариант легенды о Голубце. Он не столь красочен, но зато куда проще и ближе к истине: «В давние времена на этом месте происходила битва с татарами и черепа убитых воинов валялись непогребенными… и вот результатом этого явились частые появления мёртвых голов окрестным жителям. В особенности они тревожили пастухов по ночам, разгоняя их скот во все стороны. Напуганные жители обратились к местному священнику с просьбой похоронить черепа и отслужить панихиду, что и было исполнено при огромном стечении народа, и на могиле был поставлен «голубец». С тех пор, гласит предание, видения исчезли и более не показывались». Приходивший в ветхость Голубец регулярно обновлялся. Последний раз, насколько это известно, его восстанавливали в мае 1900 г. Воспоминания о реальных событиях времён Смоленской войны к той поре почти окончательно изгладились из памяти местных жителей. Зато легенда, фактически сочинённая Р.Л. Марковым, обрела неожиданно вторую жизнь на ру-

беже нового тысячелетия. На этом следует остановиться подробнее.

«Историческая битва курян с Ногайской Ордой Большого Улуса способствовала Победе Петра I над шведами в битве 1709 года под Полтавой и навсегда освободила Курскую землю от зависимости Ногайской Орды!» Именно так и не иначе — в самый день Полтавской битвы курские порубежники якобы разгромили войска ногайцев и положили конец татарскому игу в Курском крае, а заодно помогли победить армию Карла XII! Так утверждалось в приглашении на праздничные мероприятия по поводу открытия Поклонного креста в с. Чернянка Черемисиновского района, которые состоялись 6 мая 2002 г. Мероприятия были организованы администрацией района и Международным фондом славянской письменности и культуры. Сведения о «битве на Красной Поляне» и даже сами формулировки в её описании были заимствованы организаторами всё из той же статьи Р.Л. Маркова, причём ни у кого почему–то не возникло ни единого вопроса, которые должны были бы прийти на ум любому человеку, мало–мальски знакомому с событиями отечественной истории.

Поклонный крест у с. Чернянка. Скульптор В.М. Клыков.

Как случилось, что поход Ногайской орды, направленный на Москву и согласованный с Карлом XII, ускользнул от пристального внимания многочисленных исследователей петровской эпохи, отчего о нём не упоминается в подлинных документах того времени? И вообще, каким образом ногайцы сумели прорваться так глубоко в пределы российских уездов, добраться до Ливен, — ведь к этому времени Дикое Поле было отрезано от России укреплениями не только Белгородской, но и расположенной значительно южнее Изюмской черты. Ведь уже в семидесятые годы XVII в. татарские отряды, прорвавшись за Белгородскую черту, спешили ограбить лишь ближайшие окрестности места прорыва, пока подоспевшие русские отряды не успевали отсечь им путь к отступлению. А тут — минуя две укреплённые черты, ускользнув от гарнизонов порубежных крепостей, силы всей Ногайской орды благополучно проходят по Муравскому шляху мимо Белгорода и Курска, штурмуют Ливны (хотя всегда старались избегать подобных безнадёжных предприятий) и лишь после этого встречаются с силами какого–то местного ополчения и терпят поражение — не оставляя о себе никаких следов в документах того времени. О явно фантастических подробностях, наподобие истории с татарским великаном и его колесницей, об «освобождении края от татарской зависимости» в начале XVIII в. (!) нечего и говорить.

Надо также отметить и личность самого автора неожиданно нашумевшей статьи. Ростислав Львович Марков (1849–1912), младший из трёх братьев Марковых, происходил из старинного курского дворянского рода, владевшего поместьями в Щигровском уезде. Старшие братья, Владислав и Евгений, были широко известны как любители старины и литераторы. Перу В.Л. Маркова, кроме всего прочего, принадлежит историческая трилогия о курянах XVII столетия. Интерес к загадкам прошлого характерен был и для Ростислава Львовича. Будучи членом Курской губернской учёной архивной комиссии, он выступал на её заседаниях с сообщениями, заголовки которых и ныне звучат сенсационно: «Языческая столица Курской Северщины: город Ратман, летописный Инград», «Следы былого нахождения языческих святилищ Курской Северщины». Человек богатого и творческого воображения, он не мог спокойно пройти мимо красочной легенды, связанной с его родными Щигровскими местами. Несомненно, его воображение внесло в содержание предания немалый вклад. Он просто не мог позволить, чтобы подобное предание так и осталось связанным с какой–то никому не ведомой битвой, произошедшей в незапамятные времена. Забытая история героической гибели ливенских служилых людей в неравной схватке с Ордой преобразилась под его пером в славную победу курских порубежников над басурманами, напоминающую подвиги былинных богатырей. Погибшие, «как шведы под Полтавой», татары превратились ещё и в союзников этих самых шведов. История стала легендой и пополнила собой местную мифологию.

Установление креста, сменившего древний Голубец, напоминавший о героизме предков нынешних курян, — событие, несомненно, отрадное. Остаётся лишь пожалеть, что оно было произведено на основе, не имеющей ничего общего с подлинными событиями славной военной истории Курского края. Ливенцы, павшие на курской земле, но вынудившие ордынцев повернуть вспять, достойны памяти и памятника куда больше, нежели мифические победители в небывалой битве. Удивительная доверчивость и полное историческое невежество, к сожалению, вновь одержали верх над памятью о реальных событиях прошлого.

ПОХОД ВИШНЕВЕЦКОГО

Разгоревшись в 1632 г., Смоленская война с удвоенной силой полыхала и в году 1634. Служилые люди то и дело захватывали «языков», сообщавших противоречивые сведения о намерениях противника.

Между тем «литовские люди» нанесли внезапный и стремительный удар. Двадцатитысячное войско подступило к Курску в ночь на вторник 13 января 1634 г. Возглавлял армию знаменитый польский магнат и политик князь Иеремия Вишневецкий, в скором будущем «первый рыцарь Речи Посполитой». Потомок великого князя литовского Ольгерда, он был первым католиком в роде Вишневецких. Иезуиты воспитали его в ненависти к православию, покровителями которого традиционно считались его предки. Молодой князь только что возвратился из путешествия по Европе и, попав на родину в разгар войны, со всем пылом отдался служению Речи Посполитой и католицизму.

В 1634 г. князь Иеремия был ещё известен всего лишь как «молодой полковник», хотя уже и проявивший себя в прошлом году при осаде Путивля. Но, как и тогда, его сопровождали бывалые воины, опытные в пограничной войне — роменский урядник Кшиштоф Сеножацкий, Миколай Глоговский, казацкий полковник Лавр Харченко (Лавринка) и брестский воеводич Фелициан Тышкевич.

Имея целью не просто грабёж первых попавшихся селений, но захват вражеского города, Вишневецкий не разорял окрестностей на своём пути, чтобы не выдать преждевременно движения своей рати. Уклонялся он и от привычных дорог, чтобы там его не заметили русские дозоры. Зимний поход был для его войска делом нелёгким. Неожиданно опасны оказались небольшие речки, скрытые под непрочным льдом и снежными заносами. Солдаты Вишневецкого проваливались под лёд Воробжи и Цветова Колодезя и там «мнози потопишася». Подломился под поляками и сеймский лёд на Государевом Перевозе, где *«множество от воинства… изтопоша и пушки погрязли, их же с великою трудностию едва от воды изнесохом. И от того в воинстве… велие смятение быст»*. Но ничто не могло остановить молодого полководца. Тем более что вскоре к нему доставили захваченных передовыми дозорами пленников — скорее всего, детей боярских из сторожи у перевоза через Сейм как раз на пути наступающего польско–казацкого войска. Вероятно, это была восьмая курская сторожа по росписи 1623 г.: «на реке на Семи усть речки Моквы на Жернявском перевозе от города от Курска 6 вёрст, а проезд с неё за реку за Семь на полскую сторону до верх Цветова колодезя а сторожей на ней стоит детей

боярских по три человека да по казаку». Именно во время одного из регулярных объездов охраняемого участка от перевоза до верховьев Цветова Колодезя сторожа и была застигнута врасплох на «польской стороне» передовыми частями Вишневецкого. Один из дозорных, курский сын боярский Никифор Мальцов, сумел бежать и, примчавшись в Курск, доставил воеводе невероятную весть — враг уже на переправе всего в пяти верстах от города. Между тем, Вишневецкий из допроса пленников узнал, что в городе никто не подозревает о его приближении, «обережных сторожей и опаства не имеют и люди пребывают вне града на посаде в домех своих». Это воодушевило и его самого, и его солдат. Тотчас был составлен план атаки.

Прискакав в Курск, Мальцов застал воеводу уже бодрствующим: его разбудил внезапный бой вестового колокола. Воевода князь Пётр Григорьевич Ромодановский тотчас послал людей узнать, кто и почему ударил в колокол, а узнав, взять этого человека под стражу. Посланные никого у «колокольницы» не увидели, но вслед за тем к воеводе явился стрелец Киприян Ерпылев. Он поведал, что стоял в карауле у вестового колокола «и под колоколом спал». Но вдруг, по его словам, за семь часов до света в тот вестовой колокол трижды ударила некая божественная сила, и он, Киприян, перепугавшись, со своего поста убежал, а теперь явился с повинной к воеводе.

Стоит отметить, что тревожная весть пришла в город «с понеделника подо вторник в нощи в 7 час». Учитывая особенности русского времяисчисления в XVI–XVII вв. и деление часов на «дневные» и «ночные» в зависимости от естественной смены светлого и тёмного времени суток, указанное время приходится на промежуток от 21 ч. 35 мин. до 22 ч. 35 мин. современного счёта времени. Таким образом, по современному времяисчислению, атака на город фактически началась ещё поздним вечером в понедельник 12 января.

Весть о появлении неприятеля была столь неожиданна, что воевода Ромодановский даже не поверил Мальцову и послал на проверку его сведений станицу во главе с Мартемьяном Никитичем Шумаковым. Проскакав по Белгородской дороге до урочища Глинище в четырёх верстах от тогдашней городской черты, отряд Шумакова внезапно наткнулся на авангард армии Вишневецкого. Перейдя Сейм, литовские люди уже строились в боевые порядки. Деваться было некуда, и небольшая станица ринулась на врага, стремясь выиграть время и дать курянам возможность запереться в крепости. Шумаков, с обнажённой саблей, повёл храбрых детей боярских в отчаянный натиск на передовые отряды неприятеля. После скоротечной жестокой схватки станичники отступили к городу, подхватив своего изрубленного предводителя.

Князь Иеремия Вишневецкий. Неизвестный художник XVII в.

Возвратясь в крепость, Шумаков «доказал правду вестей Мальцова ранами своими, полученными от неприятелей».

Смятение поднялось на Курском посаде и в слободах. Все бросились под защиту стен острога, спасая себя и свои пожитки в осадных дворах. Тем временем передовые полки грозного князя приблизились к городу и с ходу ринулись на штурм Меловой башни, возвышавшейся на краю мыса при слиянии Кура и Тускари. Это были отборные бойцы княжеского войска, которым было приказано нанести внезапный и сокрушительный удар по крепости и продержаться до подхода основных сил. Вишневецкий строго запретил им «в посады прибытка ради забегати». Передовой отряд стремительно двинулся к стенам Курска, минуя подгородные слободы и рубя и хватая всех, кто случайно попадался им на пути, «дабы видевше их во граде о пришествии их не возвещали».

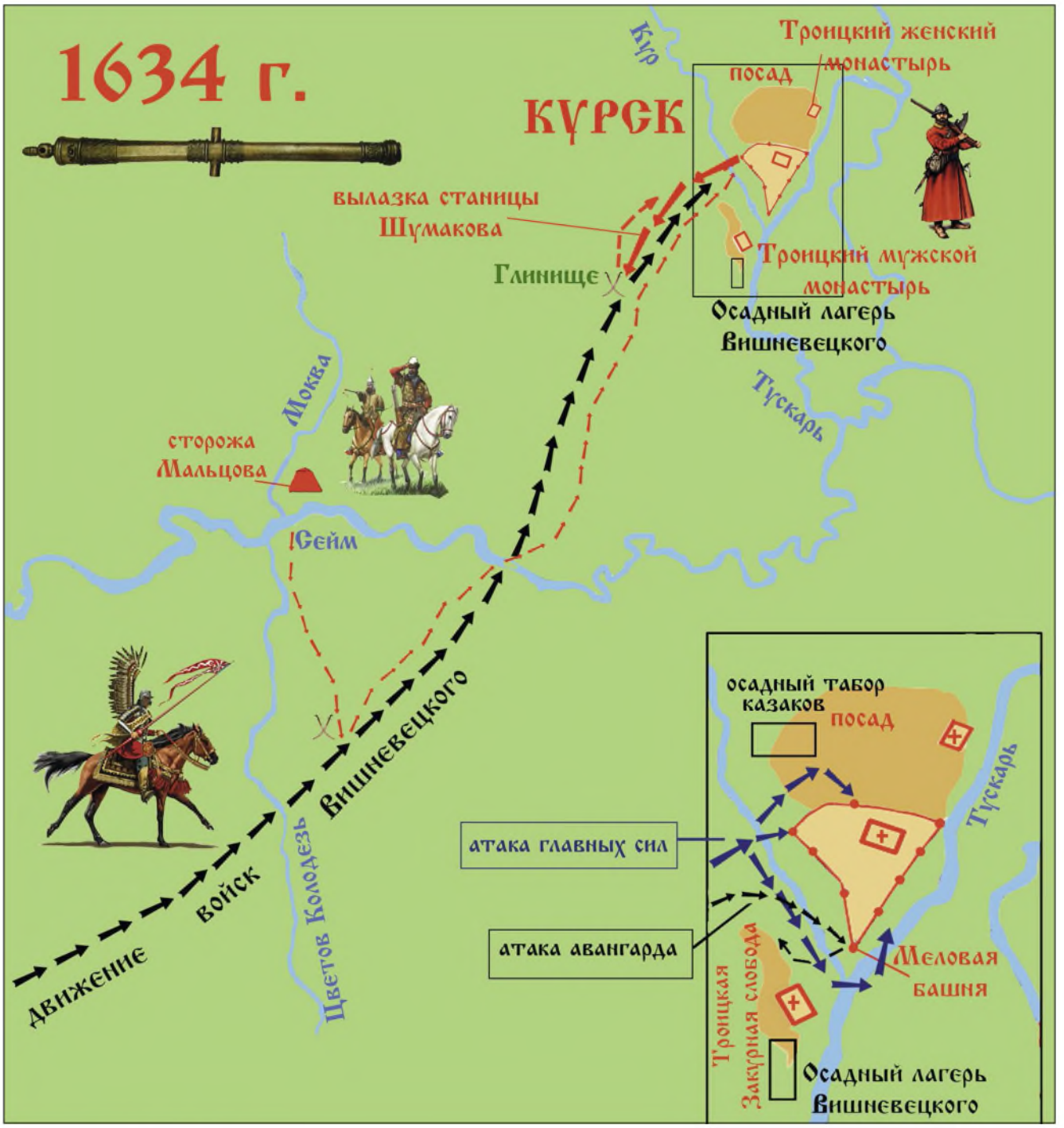
Взойдя на башню, поляки водрузили там своё знамя. Однако на этом их успехи закончились.

Польские гусары перед атакой. Фрагмент картины П. Снайерса «Битва под Кирхольмом, 1605». 1620-е гг.

Польские доспехи. Около 1630 г. Музей Войска Польского (Варшава, Польша) (с сайта «Muzeum Wojska Polskiego»).

В сумраке январского утра они увидели, как крепость наполняется людьми, устремляющимися к Меловой башне, которая вдруг зашаталась у них под ногами. Им даже показалось, что сама *«гора, на которой бе сей град и стена града, аки духу бурну нападшу»*. Известно, что Курская крепость к 1634 г. изрядно обветшала, и потому неудивительно, что наполненная солдатами бревенчатая башня едва не обрушилась вместе с ними. Полякам ничего не оставалось, как поспешно покинуть только что захваченную выгодную позицию к вящему изумлению курян, увидевших чудесную картину: их враги, никем не гонимые, *«страхом з стены вспят на землю обращаеми быша и со града низпадаху, и з горы бежахом, и маяся за гору руками и ногами, и от града оттекше стахом на поле против града»*.

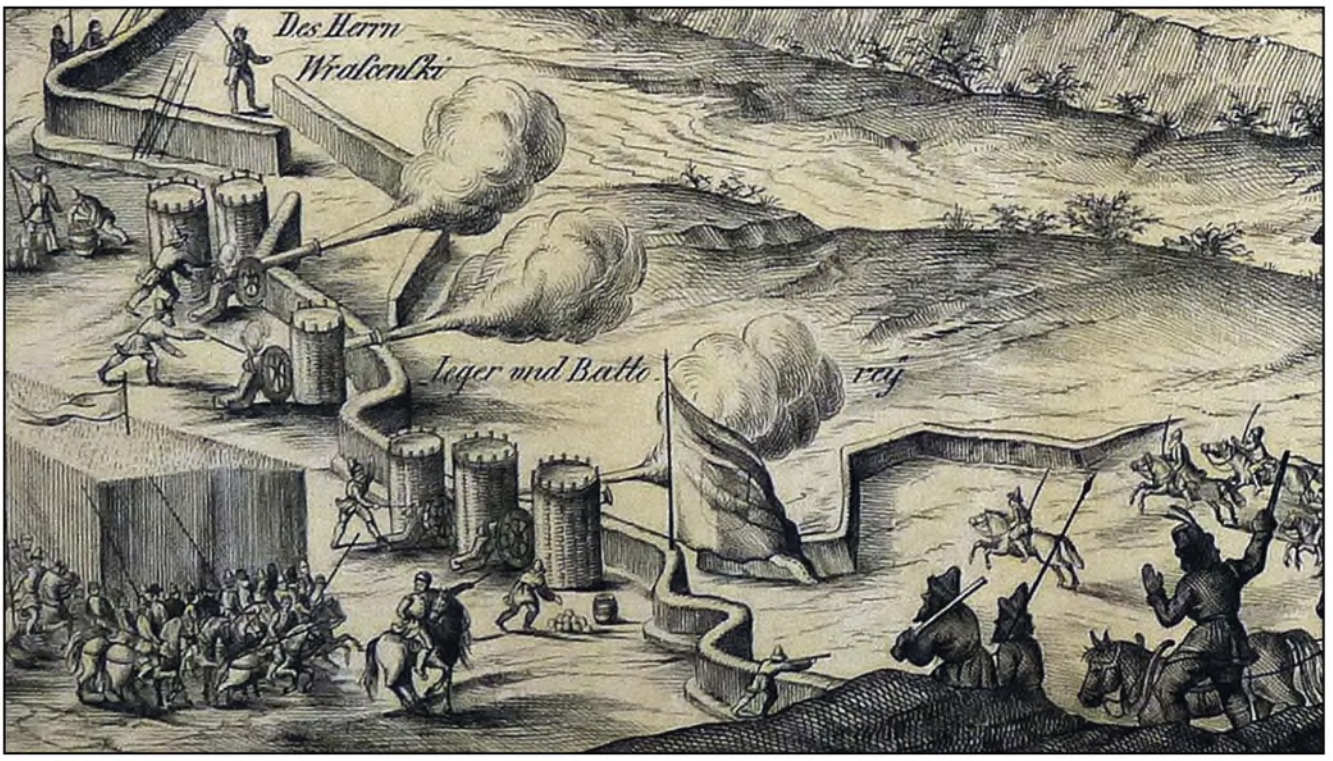
Тем временем к городу приблизились основные силы армии Вишневецкого. Куряне, столпившись на стенах, в тревоге следили за тем, как *«множество*



Поход Вишневецкого на Курск.

воинства тихостию, аки никия змии ползуще, град злым своим умышлением ухапити хотящее». Полагая, что устрашённые жители могут бежать из крепости в леса за Тускарем, князь предусмотрительно выслал туда всю свою конницу, чтобы вовремя перехватить беглецов. Затем он двинул войска на штурм. При этом два удара были лишь отвлекающими — по Никитской башне и со стороны Кура. Они должны были отвлечь внимание защитников от главной атаки, направленной против ворот Пятницкой башни со стороны Московской дороги.

Поляки двинулись на приступ. В это время священники, женщины и дети «до сущих младенцев» столпились в монастыре, кладя поклоны перед иконами и взывая о заступничестве к Божией Матери.



Поляки обстреливают осаждённый русский город. Фрагмент гравюры начала XVII в. «Осада Смоленской крепости войсками Сигизмунда III в 1609–1611 гг.».

Защитники Курска во главе с воеводой Петром Ромодановским в суровом молчании ожидали приближения врага. Это безмолвие ввело штурмующих в заблуждение, и они уже почти уверили сами себя в том, что «гражденя от их велия страха нашествием, оставя град, бежаша». Приблизившись к воротам со стенобитным орудием («устроенным древом, рекомым барсом»), поляки внезапно были встречены дружным и сокрушительным залпом из пушек и пищалей. Столпившиеся на городовом мосту солдаты были мгновенно сметены этим шквалом огня. Это не остановило князя Иеремию. Он *«начаша велим приступным ратованием града доступати и всю нощь непрестающе з дву страну приступаша»*. Его солдаты шли к стенам крепости *«приступами и с примёты, с тшурмы, и с турами, и с щитами беспрестани»*. Куряне в очередной раз выстояли, хотя, как доносил царю П.Г. Ромодановский, *«по острогу наряду мало, три пищали полуторных и одна испорчена, стреляют из ней в ползаправа. И в приход литовских людей с таким малым нарядом сидеть страшно»*. Жаловался воевода и на малую численность гарнизона, неспособного успешно оборонять весь периметр укреплений большого Курского острога.

В итоге Вишневецкий вынужден был перейти к осаде, разбив под городом два табора. До 15 января предпринимал он безуспешные попытки захватить крепость. Его солдаты разорили окрестности, опустошили Троицкий мужской монастырь, но главной своей цели так и не достигли. Воевода Пётр Ромодановский с гордостью отписал в Москву, что его ратники «на приступах и на вылозках многих литовских людей побили и языки поимали и литовские люди от города отошли».

Дополнительные сведения о потерях армии Вишневецкого П.Г. Ромодановскому удалось получить несколько позднее от бежавшего из плена посадского человека из Путивля Афоньки Денисова сына Глухарёва. Он был взят в плен во время последней осады Путивля и всё это время жил в Лохвице у некоего запорожца Семёна. В Курск он вернулся по сакме, пробитой войском Вишневецкого, явившись к воеводе 29 января. Беглец сообщил, что Вишневецкий «пришел из–под Курска генваря в 23–день, и литовские де люди все пошли по своим городкам... а слышал–де он, Афонька, в розговоре в Лохвице у запорожскаго казака, у котораго он жил, у Семёна: как–де приходил под Куреск Вишневецкий, и литовских–де людей побито на приступех под Курском тысячи с две и больше».

Очередной поход на Курск окончился неудачей. Служилые люди и горожане ещё раз показали себя стойкими и умелыми защитниками границ Русского государства.

Осажденные отбивают вражеский штурм. Русская миниатюра начала XIX в.

Осажденные сражаются с ворвавшимися в крепостьврагами. Русская миниатюра начала XIX в.

Навесной замок и ключ. Найдены в хозяйственной постройке, сгоревшей при разгроме войсками Вишневецкого Троицкой Закурной слободы (г. Курск). Раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии.

Подкова с остатками кожаного каблука и польская монета «полторак» 1623 г. Найдены в хозяйственной постройке, сгоревшей при разгроме войсками Вишневецкого Троицкой Закурной слободы (г. Курск). Раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии.

ТАТАРСКАЯ ГРОЗА

Пограничная борьба с кочевниками приобрела особый размах в первой половине 1640-х гг. В самом Крыму в это время свирепствовала засуха, породившая недород и голод. Ни мурзы, ни сам хан никак не могли удержать татар от набегов. На упрёки и протесты русских послов крымские сановники отвечали, что грабежами занимались лишь немногочисленные шайки, которые «ходили украдом на государевы украинные городы, и того, как уберечь, ни в котором государстве без воров не бывает».

Крымцы лукавили. В итоге набегов зимы 1641–1642 гг. был захвачен огромный полон — только на самого хана отписали 710 человек. Весной–летом 1643 г. нашествие повторилось. Вернувшись в свои кочевья с богатой добычей, татары хвалились, что только под Курском взяли они ясыря «несчётно». Волна вторжений нарастала. В начале августа 1644 г. около 30–40 тысяч татар скопились на Орели и Самаре, а затем ринулись по Муравскому шляху мимо Карпова и по Бакаеву шляху вторглись в Путивльский, Севский и Рыльский уезды. «С раннего полудня до вечера» 21 августа станица служилых людей, стоявшая в Подгородном стане в верховьях реки Полной, мрачно наблюдала за беспрерывным движением огромных масс татар, свернувших с Муравского шляха вглубь Курского края. Воспрепятствовать вторжению не было сил. Жители спасались в лесах, оврагах, малых острожках; разрозненные отряды служилых людей были бессильны против нашествия. В крымскую неволю угнано было до 10 000 человек.

Ещё более страшный погром обрушился на Курский край зимой 1645–1646 гг. Известия о готовящемся новом большом зимнем набеге крымцев доставлялись беглецами, лазутчиками и дозорными задолго до того, как передовой чамбул орды ворвался в русские пределы. Из степей шли тревожные вести, и власти старались по мере возможностей подготовиться к грозящему бедствию.

В Курск были назначены новые воеводы — опытные воины князь Семён Романович Пожарский и Андрей Тимофеевич Лазарев. Вслед за ними должно было подойти и подкрепление местным гарнизонам — служилые люди из Орла, Чернигова, Рославля, московские стрельцы. Между тем степь подозрительно затихла. Мелкие набеги, неустанно тревожившие порубежье весь год, вдруг прекратились. Большие мурзы отозвали мелкие загоны к своей ставке, рассчитывая усыпить бдительность русских воевод. И это им в немалой степени удалось. Несмотря на все предостережения и приготовления, удар орды оказался для порубежья не только сокрушительным, но и внезапным.

И вот наконец 18 декабря 1645 г. орда показалась на Муравском шляху. Весть о ней принёс в Белгород станичный ездок, едва

Южные области России на карте Николя Сансона, 1648 г.

Крымский татарин. Турецкий рисунок 1620–х гг.

Татарское нашествие. Русская миниатюра XVII в.

Жители русского города убивают татарских воинов. Русская миниатюра XVII в.

сумевший уйти от татарской погони. По его словам, на Русь двигалось более 20 тысяч степняков. На следующий день орда обошла Карпов, от Смородинной сторожи свернула влево, и минуя верховья Ворсклы и Пены, хлынула Бакаевым шляхом к Рыльску. На полпути 20 декабря от основного корпуса отделилась тысяча ногайцев Элмурзы Урмаметова, которая перешла Сейм у самого Курска и зажгла окрестные сёла в 3–10 верстах от города. Ногайцы ворвались в Ямскую слободу, запалили дома и разграбили местную Введенскую церковь, захватив в плен и здешнего попа. Часть жителей слободы была угнана в неволю, часть разбежалась. После этого набега местный приход на какое–то время полностью прекратил своё существование. Церковь позднее была отстроена уже на новом месте. В ту же ночь татары ворвались в пределы Рыльского уезда.

Во главе орды стояли царевичи Казы–Гирей, Мурат–Гирей и Буйнак. Под их началом вели свои чамбулы старые степные хищники Караш–мурза, Тугай–бей и Кутлуша–мурза Ширинские. Бросок татар по Муравскому шляху оказался столь внезапен и стремителен, что русские дозорные никого не успели своевременно предостеречь. В ночь на 21 декабря татары захватили ясырь в Берёзовке — первой деревне Рыльского уезда, оказавшейся на их пути. Одновременно с этим ордынцы нахлынули с Кобякова Поля на посады самого Рыльска, где тоже «поимали многих людей». К рассвету татары уже угоняли полон из деревень Путивльского уезда. В авангарде шёл семитысячный отряд Казы— и Мурат–Гиреев, за ними всесокрушающим валом накатывалась основная масса ордынской конницы. Татары разбили огромный стан между Рыльском и Путивлем, обосновавшись в опустошённых деревнях — Городенске, монастырском селе Льгове, Плотаве, Могилевке, Капустине, Олешне. Рыльский сын боярский с ужасом сообщал, что «по сю сторону Рыльска выжжено всё». Жители Плотавы и окрестных сёл (всего 500 дворов) пытались обороняться и заперлись в небольшом острожке, но татары их «выморили студью». В боях под Рыльском отличился сын боярский Тимофей Деменков. Сражаясь в передовых рядах, он захватил в плен татарина, который оказался столь важным «языком», что был послан в Москву для снятия показаний.

Под Курском ногайцы «от города отхватили» множество жителей уезда, не успевших укрыться за крепостными стенами. Надеясь лишь на самих себя, беженцы решили отсидеться от врага в пригодных для обороны «крепких местах» и острожках. Более трёх тысяч человек оказались осаждены татарами в Воробженском острожке и стылых заснеженных лесах. «Осёкшись лесом и покопався землей», они упорно отбивали все натиски ногайских наездников.

Князь С.Р. Пожарский добрался до Курска только 19 декабря. Сюда под его начало должны были поспеть орляне, рыляне, рославцы, черниговцы, стародубцы, московские стрельцы, отряды воевод Оскола и Ливен. Но никого ещё не было и в помине, да и затем лишь стрелецкий и казачий голова С.Н. Протасов из Оскола, всегда готовый сразиться с татарами, поспел вовремя на подмогу князю. Времени дожидаться подкреплений не было, и Пожарский во главе одних лишь курских ратников выступил навстречу степнякам. Под его началом было не более 1500 человек. Жаркие схватки закипели в пределах трёх–десяти вёрст от города. Уже 20 декабря, когда ногайцы прорвались к Курску, служилые люди бились с ними у деревень Сныхиной, Костиной, Жеребцовой. Отогнав ногайцев от стен Курска, князь Пожарский сумел в одной из схваток пленить их предводителя — Эл–мурзу Урмаметова. А 23 декабря он от-

Татары гонят пленников на продажу работорговцам. С западноевропейской гравюры.

бил у татар угнанный полон — 439 человек. После этого воевода вместе с осколянами храброго С.Н. Протасова поспешил на выручку жителям уезда, осаждённым татарами в Ворожбинском острожке близ Дични и в других недоступных для степной конницы местах.

По всему краю полыхали пожарища и гремели битвы. Крымцы и ногайцы с боями опустошили Яблоновский, Хотмыжский и Путивльский уезды. Уже 20 декабря татары ворвались в Комарицкую волость, сжигая деревни, угоняя полон и штурмуя деревенские острожки. Отдельные чамбулы проникали уже и за литовский рубеж. Не всюду им сопутствовал успех: 23 декабря крестьяне деревни Понашовой отразили загон из 600 всадников, который убрался прочь в «рыльские места», а жители села Розветье в тот же день успешно отстояли от ордынцев свой острожек.

Тем временем воевода С.Р. Пожарский, очистив от ногайцев Курский уезд, выступил на помощь рылянам. Уже 24 декабря он схватился с татарами в рыльской деревне Сорокино и с этого момента не прекращал сражаться со степняками до самого их ухода из разорённого края. Тем временем, отразив степняков от Путивля, князь Фёдор Львов преследовал их отряды по всему уезду. Под его началом были «путивльцы ратные люди, головы с сотнями, конные и пешие, с обозом и нарядом». У села Коробьина он разгромил татарский чамбул 28 декабря, а на другой день нанёс ордынцам жестокие удары в Шустове и Плотаве. Одержав победу в бою на Снагости в 15 верстах от Рыльска, он освободил из плена 430 человек. Кроме того, путивляне разгромили татарский загон у села Крупец, освободив русский полон.

Белгородский воевода князь Ф.А. Хилков официально считался верховным командующим в борьбе с татарским нашествием. К нему «на сход» должны были явиться отряды из Яблонова, Корочи, Усерда, Вольного и Хотмыжска. Присоединив в Курске силы Пожарского, воевода должен был обрушить всё своё воинство на татар. Однако Хилков получил эту тщательно разработанную диспозицию лишь *15 января 1646 г.*! Действуя же самостоятельно, Хилков вышел 19 декабря на Муравский шлях и стал поджидать подхода подкреплений. К 22 декабря подоспели лишь яблоновцы С.А. Измайлова и корочанцы И.А. Милославского. С ними князь Хилков и двинулся на помощь храброму Пожарскому.

К 28 декабря объединённые силы приблизились к Городенску, где неподалёку от знаменитого «перелаза» через Сейм С.Р. Пожарский готовился атаковать ордынцев, угоняющих русский полон. Яблоновский воевода С.А. Измайлов и с ним около 500 служилых людей поспешили присоеди-

Татары ловят спрятавшихся в лесу людей. Русская миниатюра XVII в.

ниться к отважному князю. Основное же воинство Хилкова предпочло дожидаться исхода боя в 10 верстах от Городенска. Это, впрочем, не помешало потом Ф.А. Хилкову докладывать царю о своём большом личном вкладе в дело освобождения многочисленных русских полонянников. Но и без поддержки осторожного белгородского воеводы С.Р. Пожарский добился немалого успеха. В решительной битве крымцы потерпели поражение, потеряв несколько своих видных мурз. Свободу получило 2 700 пленников, захваченных татарами в Рыльском и Путивльском уездах, в Комарицкой волости. Воодушевлённый этой победой, Семён Романович преследует отступающего врага по Бакаеву шляху. Настигнув татар 30 декабря, воевода «бил на последние татарские коши, а татар погромил, и полону, и языков поимал». Царевичи уходят в степи Бакаевым шляхом.

Результатом декабрьского вторжения стали 34 разорённых дворянских поместья, целый ряд сожжённых дотла сёл, около 6300 человек, угнанных в неволю. Курский уезд потерял убитыми и пленными 1647 человек, Рыльский (включая сопредельные черниговские и новгород–северские места) — 4102 человека. Из этого общего числа в 5749 человек убито татарами было всего 20. Но гораздо больше погибло от морозов, голода и лишений по дороге в Крым.

К середине XVII столетия было в основном закончено строительство Белгородской черты. Татарские сакмы и шляхи были перекрыты, но теперь неменьшая опасность стала грозить порубежью с другой, западной стороны — начались смуты в Польско–Литовском государстве. Восстание Богдана Хмельницкого, война между Россией и Речью Посполитой, бесконечные грабительские набеги казаков и татар влекли одно кровопролитие за другим. Особенно страдала от набегов южная часть тогдашнего Курского края. Страшное разорение стало итогом вторжения, последовавшего за поражением русских войск под Конотопом в 1659 г. Хана Магмет–Гирея сопровождало 4000 казаков, посланных мятежным украинским гетманом Иваном Выговским. На территории 18 уездов было убито 379 человек и около 25000 угнано в неволю. В Курском уезде

Татары гонят захваченных пленных. 1698 г. Гравюра Я. Лёйкена «Набег татар на Польшу в 1666 году».

было пленено 566 человек и сожжено 34 деревни. Набеги татар со стороны Украины продолжались и в последующие годы.

Тяжёлые потери понесло порубежье в январе 1662 г. Крымцы и ногайцы пытались 6–7 января даже захватить посад Рыльска, но были успешно отбиты. С 8 по 14 января татары выжигали и грабили окрестности Курска. В 1663–1664 гг. крымцы вторгаются в Курские пределы в качестве союзников польского короля, предпринявшего поход на Днепровское Левобережье. Действия польского войска оказались неудачными, но степняки в убытке не остались. Французский офицер, сопровождавший армию короля и видевший возвращение ордынцев из набега, писал: *«они перерезали горло всем старикам свыше шестидесяти лет, по возрасту неспособным к работе. Сорокалетние сохранены для галер, молодые мальчики — для их наслаждений, девушки и женщины — для продолжения их рода и продажи затем. Раздел пленных между ними был произведён поровну и они бросали жребий при различиях возраста, чтобы никто не имел права жаловаться, что ему достались существа старые вместо молодых».*

За Белгородскую черту степнякам теперь прорваться удавалось редко, но тем злее они свирепствовали, когда им выпадала такая возможность. В 1673 г. татары выжгли «во многих местах» дубовый ослон вала на стыке Новооскольского и Верхососенского участков и прорвались вглубь русской территории. Набег запомнился надолго. Ещё в 1678 г. в «описи городов» упоминалось здешнее «проломное место, где прошёл крымский хан». В 1680 г. произошёл «страшный по своим кровавым последствиям татарский погром». Орда во главе с самим ханом прорвалась за вал 18 января и ринулась в окрестности Карпова и Хотмыжска. Всего было разорено 18 уездов, «побито и в полон поимано и во дворех сожжено русских людей и черкас мужеского полу и женского», по разным сведениям, от 3014 до 3258 человек.

Однако подобные набеги, при всей их разорительности, уже ничего не могли изменить. Границы России неуклонно продвигались на юг, всё дальше вглубь Дикого Поля.

ВОССТАНИЕ 1648 г.

Русский дьяк. XVII в. Реконструкция А.Г. Шпилева. Художник И.Г. Василенко.

В крае, который беспрерывно тревожили внешние враги, то и дело вскипали ещё и внутренние неурядицы. В 1648 г. волна городских восстаний прокатилась по России. Не оставила она в стороне и Курск. Внутреннее государственное неустройство, противоречащие друг другу законы и несправедливое налогообложение вызвали здесь, как и во многих других городах, события бурные и кровавые. Сыграло свою роль и противоборство между церковными феодалами и местным военным командованием. Отношения между ними всегда были достаточно напряжёнными. Так, в 1644 г. игумен Курского мужского монастыря Варлаам жаловался на стрелецкого и казачьего голову Максима Колюбакина, который приказал своим людям монастырских крестьян «где ни застав бить и грабить и всякие насильства чинить». Более того, Колюбакин даже грозился привести своих стрельцов «скопом с пищальми и с ослопы» (дубинами), чтобы расправиться с игуменом. Подобные жалобы поступали и на осадного голову Лариона Петрова от того же Варлаама и игуменьи девичьего Троицкого монастыря Феодоры в 1645 г.

Возмущение слобод против бояр. Художник Б.М. Кустодиев.

Причины неурядиц и последовавших волнений коренились в том, что многие из курских служилых «по прибору» людей, спасаясь от тягот службы и от непомерных налогов, записывались в холопы к помещикам. Это опасно ослабляло военные силы края. Стрелецкому и казацкому голове Константину Теглеву в 1648 г. был дан указ «тех курских стрельцов и казаков, которые преж сего разбежались и живут за монастыри и за попы и за дворы и за детьми боярскими в вотчинах и в поместьях во крестьянех, свесть в Курск в стрельцы и в казаки по–прежнему». Подобный сыск вызвал массовое недовольство и среди беглецов, и среди их новых хозяев. Когда Теглев силой вернул на службу нескольких беглых из вотчины Троицкого девичьего монастыря, игуменья Феодора добыла в Москве грамоту, запрещающую забирать людей из монастырей. Крестьянин Кузьма Воденицын, ездивший в столицу с игуменьей, всколыхнул этой новостью весь Курск.

Утром 5 июля 1648 г. толпа народа явилась к съезжей избе — воеводской канцелярии. У порога её собралось более полусотни «монастырских мужиков» во главе с игуменьей Феодорой, вос-

Русские крестьяне XVII в. Гравюра А. Олеария.

Уничтожение документов восставшими. Русская миниатюра 1–й половины XVIII в. Разгром Холопьего приказа взбунтовавшимися московскими стрельцами в 1682 г. Из рукописной книги П.Н. Крекшина «История Петра I».

Арест, допрос и казнь бунтовщиков. Русская миниатюра начала XIX в.

кресенским протопопом Григорием, его сыном попом Иваном, а также «Богородицкого монастыря старцами чёрными попами Харлампием и Моисеем». Игуменья велела своим крестьянам заранее припасти дубины и палки, говоря: «Пойдёмте, убьём Костентина Теглева. На Москве и лутче ево людей побивают, а я вам зачинщик, горло ему перережу». Собравшемуся люду прочитали упомянутую выше льготную грамоту. Игуменья

Феодора и протопоп Григорий потребовали от воеводы стольника Ф.М. Лодыженского вызвать сюда Теглева для разбирательства. Воевода отказался, сказав: «Пошто вы с мужиками пришли? Отошлите мужиков, и я пошлю за головой». Толпа стала рассеиваться с недовольным ропотом. Воевода с игуменьей, монахами и протопопом пошли к обедне. Но когда они вернулись из церкви, от него вновь потребовали призвать Теглева. Лодыженскому поневоле пришлось согласиться.

Когда стрелецкий голова явился, то вновь публично читали грамоту. Теглев лишь махнул рукой и заявил, что разорвёт ту воровскую грамоту на голове у читавшего её протопопа Григория.

«Поперхнёшься ты, называя государеву грамоту воровскою!» — закричал протопоп.

«Переперхнёшься ты сам и будешь без скуфьи!» — в тон ему рявкнул голова, угрожая протопопу лишением священнического сана.

«Ты поперед поперхнёшься! — выкрикнул в запале Григорий. — Я буду без скуфьи, а ты будешь без головы!»

Позднее на следствии протопоп будет упорно отказываться от этих своих крамольных слов, утверждая, будто он не думал грозить Теглеву смертью.

Монастырские крестьяне набросились было на голову с палками, но тот укрылся в съезжей избе. Не слушая увещеваний воеводы, которые он выкрикивал через окно, толпа подступила к избе. Воевода, «видя то, что от них не отсидетца, а оборонитца не с кем», велел бить в набат, «чтобы сошлись всяческие люди» к нему на помощь. Однако это не помогло. Игуменья Феодора и поп Иван Григорьев усиленно подстрекали народ расправиться с Теглевым. «На Москве и не таких побивают», — повторяли они, намекая на московский бунт 1 июня 1648 г., свидетелями которого были Феодора и Воденицын. Воеводе игуменья грозила, что если он поможет Теглеву спастись, то и ему худо будет. Курский губной староста Кондратий Беседин, по словам очевидцев, также находился в толпе и кричал собравшимся:

«Ну те, выбейте двери и Костентина убейте. Прежде сего Прокопей Анненков со крестьяны двери выбил и голову вытоща бил, а вы миром вытощить ево не умеете».

Стоявший рядом осадный голова П. Брусилов, явно имевший боевой опыт, сетовал:

«Как вы не умеете головы [всем] городом взять?!»

Оба позднее также отрицали всякую свою причастность к подобным речам.

В конце концов народ ринулся на приступ. С третьего раза бревном высадили двери; «новописной стрелец Макарка да Пушкарской слободы Федька Слонов с товарищи» выволокли Теглева. Толпа сгрудилась вокруг ненавистного стрелецкого головы, заработали ослопы. Затем, бросив изувеченное мёртвое тело, бросились грабить его двор. Теглев был богат — движимое имущество его оценивалось в две тысячи рублей; в его доме имелись серебряная посуда, множество дорогого платья, кони, упряжь, оружие, наличные деньги. Всё это бунтовщики делили между собой, не брезгуя ничем. Богдану Иконнику, например, достались «сковородка белая, да коса, да лоскут однорядочный». А некий «стрелец Ивашко, портной мастер», явившись после общего погрома, прихватил в пустом уже доме одно лишь «одеяло тёплое». Удачливее был Савоська Фирсов — он успел получить «седло да блюдо оловянное белое да кафтан сермяжной».

Воевода и подьячие сбежали через окна и укрылись в Воскресенской соборной церкви. Спасти их и усмирить восстание было некому — дети боярские разъехались по своим поместьям на приспевший сенокос. На следующий день, 6 июля, народ толпился на воеводском дворе, грозя расправиться и с самим Лодыженским — ослушником царской грамоты. Но 7 июля вернулись в город помещики. Скоротечный бунт угас. Его зачинщики были схвачены. Из Москвы прибыл стольник Бутурлин с отрядом в 150 стрельцов. Начался *розыск*.

Расправа с виновными была короткой и суровой. «Пущие заводчики» — Кузьма Воденицын, Константин Фильшин, Кирилл Анпилогов, Богдан Иконник, Иван Ботурин Малик — были повешены вдоль дорог. Игуменью Феодору сослали в Суздаль в Покровский монастырь; протопопа Григория — в Архангельский монастырь Устюга Великого; сын его Иван и губной староста Кондратий Беседин с семьями были сосланы в Валуйки и записаны там в казаки. Помимо того, в результате следствия «курчан всяких чинов людей пытаны и по торгам биты кнутом и посажены в тюрьму 20 человек. ...Всего в том деле за приставы и в тюрьме 42 человека». Убийцы Теглева бежали из Курска и скрывались в течение года. В июне 1649 г. четверо из них вернулись в город, и воевода Лодыженский позволил им «жить в Курску повольно по–прежнему для того, чтоб и достальные их товарищи в Куреск сошлись все». Однако приманка не сработала, и властям пришлось поспешить с арестами, чтобы не упустить и тех, кто явился. «Заводчик и убойца Теглева» Макар Сергеев был казнён, а его товарищи — Кирилл Писклов, Анкудин Воденицын и Фёдор Харитонов — биты кнутом и сосланы в казаки на южное пограничье в Валуйки.

Курское восстание было подавлено. Но оно, наряду с волнениями в Москве и других городах, вынудило правительство обратить внимание на состояние законодательства. Именно в 1649 г. на Земском соборе был принят новый свод законов, получивший название «Соборное Уложение». Среди тех, кто обсуждал это важнейшее решение, находились и представители Курского края.

КУРЯНЕ НА ЗЕМСКИХ СОБОРАХ

Важную роль в политической жизни России XVII века играли Земские соборы — созывавшиеся царём совещания представителей всех слоёв населения, кроме крепостных крестьян, обсуждавшие назревшие вопросы политики и экономики. Первый из них состоялся в 1566 г. и решал, следует ли продолжать затянувшуюся войну в Ливонии. Последний Собор собирался в 1684 г. для решения вопроса о заключении Вечного мира с Речью Посполитой. Реформы Петра I положили этой традиции конец.

Для служилых людей участие в Соборах было не только правом, но и обязанностью, требовавшей определённых издержек. Выборные люди во время работы Собора проживали в Москве за собственный счёт. Явиться же туда следовало без промедления, о чём особо подчёркивалось в царских созывных грамотах. Так, например, в созывной грамоте, направленной рыльскому воеводе в 1651 г., говорилось:

«И как к тебе ся наша грамота придёт, и ты бы наш указ рыляном, дворяном и детем боярским, сказал, чтобы они выбрали дворян лучших два человека из себя, да из посадских людей двух же человек и тотчас прислали их к указанному сроку, чтоб нашему и земскому делу мотчания [задержки] не было».

Представители дворянства, духовенства и посадских людей Курского края также участвовали в работе Земских соборов. На Соборе 1613 г., которым был избран первый царь династии Романовых, присутствовали посланцы сословий из Рыльска, Курска, Белгорода и Оскола. Из Рыльска прибыла делегация во главе с сыном боярским Иваном Бреховым и пушкарём Иваном Родивоновым. Курян возглавляли дворянин Иван Фёдорович Паркин (герой осады 1612 г.), осколян — поп Богдан, белгородцев — поп Исаак. Они и подписали Соборную Грамоту от имени выборных дворян, посадских и уездных людей, детей боярских, стрельцов, пушкарей, казаков и атаманов Курского края.

Выборные люди не только обсуждали проблемы, вынесенные правительством на обсуждение Собора, но и подавали челобитные, составленные на основе наказов своих избирателей. На Соборе 1621 г. делегаты от Путивля и Рыльска жаловались на подданных польского короля, которые возводят в русских пределах остроги и слободы, бьют зверей в лесах, грабят людей, сгоняют детей боярских из их поместий и вообще «во многие места вступаются неправдою и осваивают не по делу». Служилые люди объявили, что готовы биться против польских и литовских людей, но просили навести порядок в учёте военнообязанных, чтобы им было ясно, «кому мочно их Государева служба служити, чтобы дворяне и дети боярские никакой человек в избылых не был». Для этого решено

Земский собор. Художник С.В. Иванов.

было выслать на места специальную комиссию из числа бояр, дворян и дьяков.

Активно участвовали куряне и в знаменитом Соборе 1648–1649 гг., когда был принят новый свод законов — «Соборное Уложение». В работе Собора участвовали от Белгорода — дети боярские Кондратий Свищов и Осип Маслов, посадский человек Пётр Савин; от Курска — дети боярские Гаврило Малышев и Сергей Колугин; от Путивля — сын боярский Фёдор Аладьин и посадский человек Фёдор Рошков; от Рыльска — сын боярский Афанасий Артаков; от Оскола — дворянин Дмитрий Сорокин. Помимо прочего, они подали на царское имя челобитную, прося выдать жалованье из–за татарского разорения края. *«И мы, Государь, бедные и до конца разорённые холопи твои, то твоё государево денежное жалованье издержали для твоей государевой службы на покупку и самим с женишками и детишками своими на пропитание… и ныне, Государь, мы бедные и разорённые холопи твои, ожидая на Москве твоего Государева и земского дела вершенья, волочась со всяких нуж, и голодом помираем… за которыми поместьишка и есть, то все от литовския и татарския войны разорено без остатка, а крестьянишка и бобылишка наши побиты и в полон поиманы, а достальные многие от разоренья из бедности разбрелись… А бедность, Государь, и разорённость наших городов от прежних литовских и от татарской войны и от хлеба недорода лет и от нынешней саранчи скудость наша».*

Челобитная была принята царём, который велел дать служилым людям прибавку к денежному жалованью. Белгородцы отдельно просили прибавки к окладу за свои труды по возведению Белгородской черты, где они «вал валили и ров копали и надолбы делали и острог ставили». Кроме того, курские делегаты исхлопотали царскую грамоту на построение в городе нового храма во имя Знамения Пресвятой Богородицы. Рыляне же просили помощи в организации выкупа и размена пленников, захваченных татарами.

Соборы 1651 и 1653 гг. обсуждали вопросы, связанные с казацким восстанием на Украине. Здесь тоже присутствовали куряне Гаврила Малышев и Борис Мосолов, путивляне Леонтий Литви-

Шествие царя Михаила Фёдоровича в Успенский собор в сопровождении участников Земского собора 1613 г. Русская миниатюра XVII в.

Царь Михаил Фёдорович и участники Земского собора пируют в Грановитой палате. Русская миниатюра XVII в.

нов, Николай Яцын и Кондратий Вишневский, рыляне Ермолай Дуров и Матвей Киев, белгородцы Иван Маслов и Николай Филатов. Вместе со всем Собором они приняли решение дать согласие на присоединение Малороссии и объявление войны Польше. Окончательно этот вопрос был решён на Соборе 1653–1654 гг., когда выборные люди заявили о своей готовности «с литовцами битися, не щадя голов своих».

ГАВРИЛА МАЛЫШЕВ И ЕГО ИЗБИРАТЕЛИ

Порубежники, почти ежедневно смотревшие в глаза смерти, отличались строгой религиозностью. Разбойники, грабившие церкви, и те помещали иконы на дубах — стеречь закопанную под корнями добычу. Неслучайно в годы реформ патриарха Никона именно здешние места стали одним из оплотов суровых ревнителей старой веры. Но при этом край вовсе не был населён унылыми постниками. Люди любили и умели повеселиться, не всегда обращая внимание на строгие церковные правила.

Царь Алексей Михайлович. Неизвестный художник. Конец 1670–х — начало 1680–х гг.

Показательной для понимания местных нравов является история одного из курских депутатов Земского собора 1649 г. Гаврила Иванович Малышев имел поместье в Курском уезде, занимал важную должность стрелецкого и казачьего головы и явно пользовался доверием и уважением со стороны земляков. Он приехал в Москву к 1 сентября 1648 г., к самому открытию Собора, и находился здесь «до отпуску безсъездно». При этом, однако, он повёл себя так, что долго не решался вернуться в родной город. Уже спустя месяц после завершения работы Собора, 9 марта 1649 г., он не выдержал московского житья и обратился с челобитной к царю, прося защиты от сограждан:

«А на меня государь, холопа твоего в Курску курченя Агафон Белой и Авдей Головин по своей ненависти многих невоздержательных людей наговаривают на меня на бедного и безпомощного холопа твоего, чтоб им надо мною холопом твоим всякое дурно учинити, будто я холоп твой, будучи на Москве, курчан весь город тебе государю всяким дурном огласил и что по твоему государеву указу против моего хо-

Земский собор. Художник А.Ф. Максимов.

лопа твоего изветнова челобитишка послана из разряду в Курск и во все северские и в польские и в украинные городы твои государевы заповедныя грамоты с большим пристрастием, чтоб в городех и в уездех всяких чинов люди от игр и от песней и от всяких сатаниных действ воздержались...».

И действительно, именно Г.И. Малышев явился автором челобитной, которая стала основанием для издания знаменитого царского «антискоморошьего указа», в котором практически дословно повторялись формулировки курского депутата. По мнению Гаврилы Ивановича, обитатели Курска и других порубежных городов ведут совершенно безбожную жизнь: *«к церквам божиим не ходят и в святые празднуемые также и в седмичные во многие дни и по вечерам и во всенощных позорищах бражничают и в домех своих и сходятся на улицах и на городских полях и к кочелищам и на игрищах с скоморохами песни бесовские кричат и скакания и пляскания и меж собою кулачные и дрекольные бои и драки чинят и на релех колышутся а отцов своих духовных и приходских попов также и учительных людей наказания и унимания от таких злых дел не слушают».*

Результатом такого поведения, как утверждал суровый челобитчик, является божья кара в виде татарских опустошений и нашествия саранчи.

Царь прислушался к выраженному Малышевым «гласу народа», и 5 декабря 1648 г. по городам был разослан указ, запрещающий не только развлечения, перечисленные курянином, но и многое другое. От подданных требовалось, чтобы они *«от безмернаго пьяного питья уклонялися, и были в твердости, и, скоморохов з домрами, и с гусли, и с волынками, и со всякими игры, и ворожей, мужиков и баб, к болным и ко младенцем в дом к себе не призывали, и в первой день луны и в гром на водах не купались, и с серебра по домом не умывались, и олова и воску не лили, и зернью, и карты, и шахмоты, и лодыгами не играли, и медведей и с сучками не плясали, и никаких бесовских див не творили, и на браках пес-*

На городской площади. Художник А.Ф. Максимов.

ней бесовских не пели, и никаких срамных слов не говорили, и по ночам на улицах и на полях богомерских и скверных песней не пели, и сами не плясали, и в ладоши не били, и всяких бесовских игр не слушали, и кулашных боев меж себя не делали, и на качелях ни на каких не качались, и на досках мужесково и женсково полу не скакали, и личин на себя не накладывали, и кобылок бесовских и на свадьбах безчинства и сквернословия не делали». Невинная игра в шахматы была приравнена к «безмерному пьянству». Нарушителям указа грозили батоги и государева опала.

В Курске весть об этом вызвала особое возмущение. Куряне были просто разъярены неуместной инициативой Малышева и тем, что их представитель «будучи на Москве, курчан весь город... государю всяким дурном огласил». Разве для этого они направляли его в столицу? Множество «невоздержательных людей» во главе с Агафоном Белым и Авдеем Головиным с нетерпением ожидали возвращения депутата, чтобы учинить над ним расправу как за клевету на город, так и за лишение привычных развлечений. Но осторожный Малышев предпочитал голодать в столице, лишь бы не встречаться с разгневанными земляками.

Алексей Михайлович вынужден был послать курскому воеводе Ф.М. Лодыженскому специальный указ, повелев оберегать Малышева, а «озорников унимать с наказанием». Кроме того, Гавриле Ивановичу был вручён для передачи в Курск «животворящий крест Господень с мощами». Причиной «отпуска» креста было названо то, что «в Курску тутошние и приезжие всяких чинов, многие люди нападными болезнями и страхованиями болезнуют, а иные от тех нападных болезней и от страхований помирают». Особая грамота, направленная воеводе, предписывала организовать торжественную встречу Г.И. Малышева. Таким образом, незадачливый депутат решился вернуться на родину лишь в сопровождении дарованной царём святыни.

ВОЕВОДА КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКИЙ

Управление русскими городами в конце XVI в. находилось в руках выборной местной администрации. Это были *излюбленные старосты*, «которых люди меж собою излюбят и выберут всей землёй» — в их обязанности входил и сбор податей. За порядком должен был следить губной староста со своими помощниками — целовальниками, сотскими и десятскими. Однако во многих городах, в первую очередь в городах порубежных, управление находилось в руках не земской, а военной администрации, которую возглавлял воевода. Смутное время привело к тому, что военные гарнизоны появились практически во всех городах. Городское управление перешло в руки присылаемых из Москвы воевод.

Воевода руководил всеми военными силами уезда, ведал судом и казной, исполнял царские указы. Земские чины оказались у него в подчинении. В порубежных городах воевода верстал на службу, выдавал жалованье, контролировал состояние укреплений и вооружения, принимал на себя командование в случае военных действий.

Для управления беспокойным порубежным краем с немирными соседями и буйным населением требовались люди сильные и жёсткие. Такими и были в большинстве своём местные воеводы. Среди них встречались личности весьма примечательные.

Большой след оставило в истории Курска и южного порубежья вообще управление городом князем Григорием Григорьевичем Ромодановским — выдающимся русским полководцем XVII столетия.

Князья Ромодановские ведут своё происхождение от удельных Стародубских князей. Первым из них стал носить это имя в конце XV в. Василий Фёдорович Стародубский, имевший семь сыновей. От младшего из них, Бориса, и пошла ветвь, к которой принадлежал воевода князь Григорий Григорьевич Ромодановский.

В 1654 г. он участвует в Переяславской раде, затем в составе московско–казацкого войска сражается против поляков под Дубровной и при Слонигородке. Разгромив армию коронного гетмана Станислава Потоцкого, Ромодановский получает в награду чин окольничего и богатые царские пожалования. В 1656 г. его посылают воеводой в Белгород, и он принимает под своё начало гарнизоны городов Белгородской черты. Он деятельно занимался улучшением порубежной службы, но уже в 1657 г. ему пришлось во главе войск выступить

на Украину, где разгоралась гражданская война. С этого времени, командуя Белгородским полком, в ведение которого входили практически все порубежные города Курского края, Г.Г. Ромодановский не только защищал южные границы царства, но и вёл военные действия на Украине против татар, турок и мятежных казаков. В 1663 г. он руководит русскими войсками, успешно отразившими вторжение на Днепровское Левобережье армии польского короля Яна Казимира. Вслед за этим в 1665 году он был пожалован из окольничих в бояре.

В 1670 г., во время восстания Степана Разина, его брат Фрол выступил на Дон и в Слободскую Украйну, чтобы поднять там восстание среди казаков. Повстанцы осадили Коротояк, воевода которого тотчас известил князя Ромодановского, стоявшего в тот момент в Острогожске. Ромодановский поспешил на помощь осаждённым, поспел вовремя и не только отбил от города приступ воровских казаков Разина, но и разбил их наголову, так что те побежали вниз по Дону. А 21 мая 1671 г. в Курске по пути в Москву остановился донской атаман Корней Яковлев. С ним под крепким караулом ехали на пытки и казнь сам Степан Разин и брат его Фрол. Пленники провели ночь под крепким караулом на воеводском подворье.

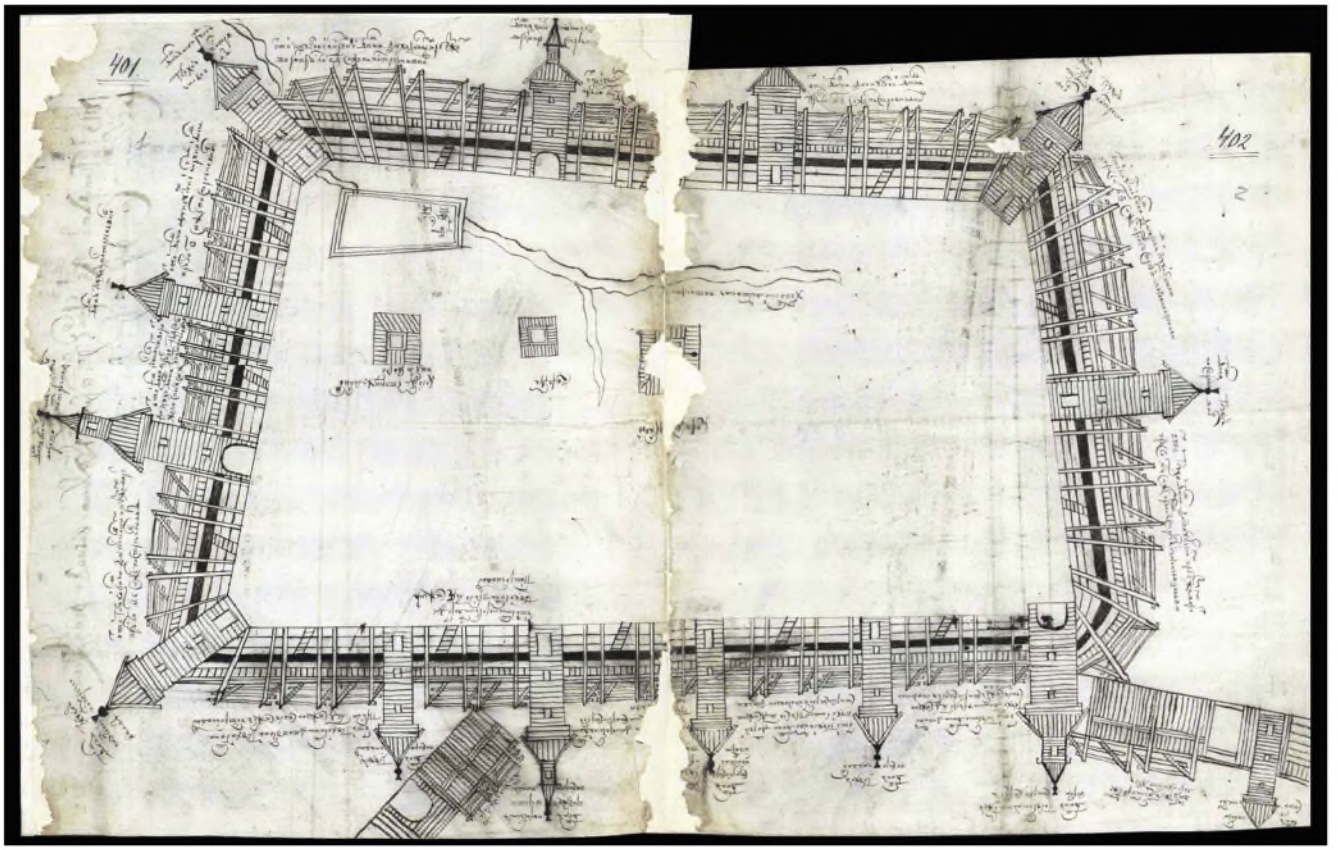
Русский воевода. Вторая половина XVII в. Художник И.Г. Василенко. Рисунок выполнен на основе портрета русского дипломата и военачальника П.И. Потёмкина (1617–1700 гг.), созданного английским художником Г. Неллером в 1682 г.

В 1671 г. князь Ромодановский был направлен в Курск, где находился на воеводстве до 1679 г. В это время сын его, Андрей Григорьевич, захваченный татарами в 1668 г., находился в неволе. Крымцы более семи лет держали его в оковах. В 1671 г. хан Адил–Гирей хотел освободить всех пленников, но не успел осуществить этого намерения, как был сменён Салим–Гиреем, который потребовал с А.Г. Ромодановского огромный выкуп — 80 000 ефимков и освобождения 60 пленных татар. Молодой Ромодановский отвечал, что больше 10 000 за него не дадут. «Как не дадут? — изумлялись татары. — Отец твой боярин и владеет всею Украйною, хотя с шапкой пойдёт, то соберёт с Украйны больше 100 000». «Хотя бы хан велел меня замучить, но больше 10 000 не будет», — стоял на своём княжич Андрей. Когда царю Алексею Михайловичу стало известно о «полонном терпении» молодого княжича, он послал ему 50 золотых. Вплоть до заключения Бахчисарайского мира в 1681 г. пришлось А.Г. Ромодановскому томиться в крымской неволе.

Возможно, именно с пленением сына связаны щедрые пожертвования воеводы на церковное строительство. На деньги, внесённые лично Григорием Григорьевичем и служилыми людьми Белгородского полка, в Курском Знаменском монастыре к 1680 г. были возведены новые каменные строения: Богоявленская церковь при настоятельских покоях, Петропавловская на святых воротах, братские кельи, хозяйственные строения и каменная стена с башнями вокруг монастыря.

Проведя много лет на Украине, Г.Г. Ромодановский снискал расположение малороссиян. Сравнивая его с другими воеводами, кичившимися своей знатностью, казаки говорили: «не то что боярин князь Ромодановский, — кто бы из малороссиян к нему ни пришёл, он со всеми обходится как равный, за это все его любят».

Во главе Белгородского полка Г.Г. Ромодановский фактически отвоевал Правобережную



Русское войско в степи. Русская миниатюра 1-й половины XVIII в.

Жалованная грамота царя Фёдора Алексеевича князю Г.Г. Ромодановскому на владение вотчинами (Родина. 2006. №11).

Чертёж крепости Яблонов на Белгородской черте. 1679 г.

«Палаты бояр Ромодановских» (г. Курск). Курские легенды связывают это здание с несколькими курскими воеводами XVII в. из рода князей Ромодановских. На самом деле постройка здания относится к 1740–1750–м гг. Сейчас здесь располагается Курский государственный областной музей археологии.

Русское войско. С русской миниатюры 1673 г.

Запорожский казак. Изображение на сундуке–кассе из костела св. Петра и Павла в г. Вильнюс (Литва). Середина XVII в. (по С.И. Шаменкову).

Бунт стрельцов. Русская миниатюра XVIII в.

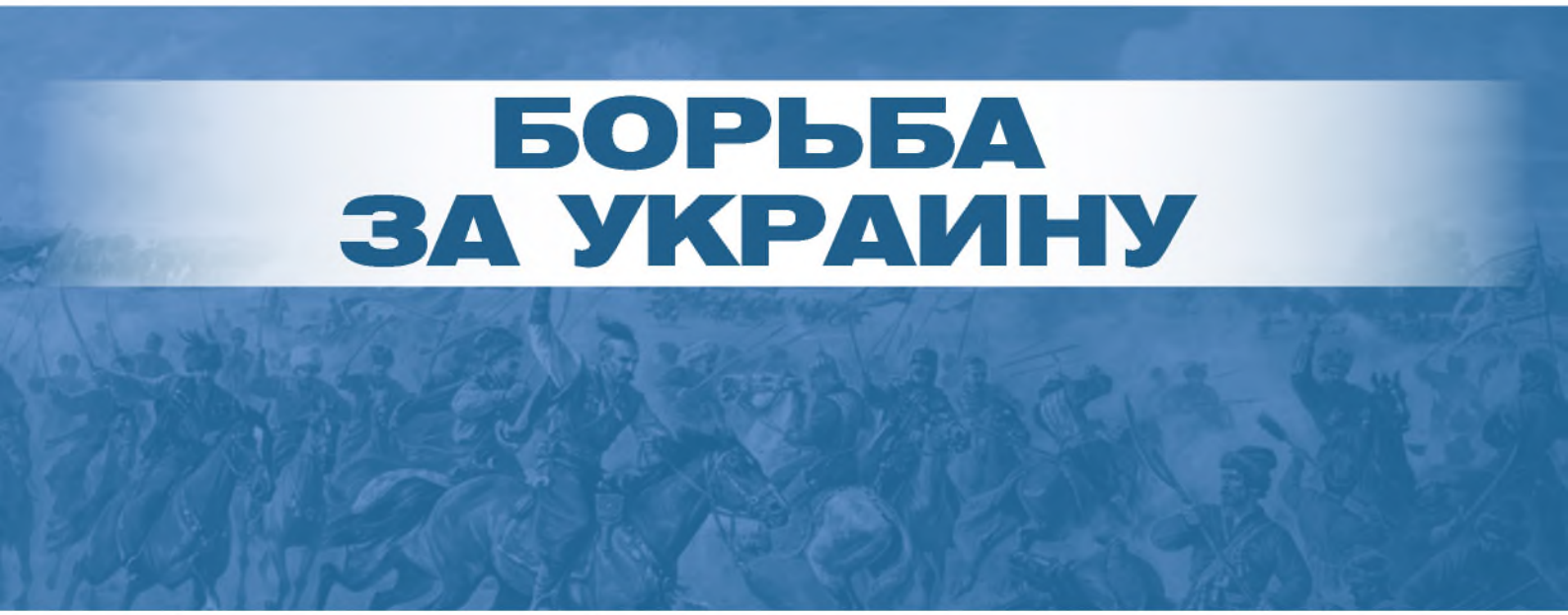
Украину у турецкого вассала гетмана Дорошенко. Это вызвало столкновение России с Османской империей. В 1677 г. князь Ромодановский выступил во главе войск на выручку осаждённому турками Чигирину. В битве у Бужинской пристани 28 августа 1677 г. турки были разбиты и вынуждены снять осаду.

Однако во время второго турецкого вторжения в 1678 г. князь действовал нерешительно, и это привело к неудаче. В трёхдневной битве на Стрельниковой горе 1–3 августа 1678 г. русские войска взяли приступом укреплённые позиции турок. В рапорте о сражении говорилось: *«Как закричат всеми людми ясаками: «Спасской, Спасской, Сергей, Сергей, царёв, царёв» — и на те великия горы, на их городки, и на пушки, и на пехоту, водимы Богом; и вменись великия горы в ровенстве, пехота и пушки ни за чем не задержались, городки их поимав, пехоту всеа посекши и пушки отбив, и обозы разобрали; бои великие были, охватясь человек с человеком за руки, ножами резались».* Однако воевода не использовал удачный момент и упустил инициативу из рук. В итоге Чигирин пришлось оставить. После этого провала Г.Г. Ромодановский попал в опалу, а семьи погибших стрельцов возненавидели его, обвиняя в измене.

Жизнь военачальника трагически оборвалась во время стрелецкого бунта в Москве в 1682 г. Летопись описывает, как мятежники схватили этого *«славнаго и искуснаго в воинском деле, храбраго и сильнаго мужа... и ведуще его за власы и браду зело наругателне терзаху и по лицу биюще. И противу Розряду на дороге, подняв вверх на копьях, опустив на землю, всего изрубили».* Чтобы оправдать это убийство, бунтовщики измыслили против воеводы нелепое обвинение в измене — будто бы при обороне Чигирина он «с турскими и крымскими людьми письмами ссылался».

Однако в памяти курских порубежников воевода Ромодановский остался не с этим клеймом. О нём помнили как о славном военачальнике, большом боярине, защитнике русских земель, и память эта стала легендой. Имя его носила большая дорога, проложенная воеводой во время Чигиринских походов прямиком по степным местам от Путивля мимо Конотопа, Ромен и Хорола. В народе её называли Ромодановский шлях, или просто *Ромодан*.

БОРЬБА ЗА УКРАИНУ



С воцарением Алексея Михайловича отношения с Речью Посполитой начинают улучшаться. Было заключено соглашение о совместной борьбе против татар. Всё это сулило замирение порубежья, однако вскоре грянули новые тревоги: начались смуты в Польско–Литовском государстве. Восстание Богдана Хмельницкого в 1648 г. повлекло за собой многолетнюю войну казаков против Польши, в которую в 1654 г. вступила и Россия. Территория современной Украины превратилась в бурлящий котёл, откуда время от времени и на сопредельные земли выплёскивались волны набегов и нашествий. Поляки, запорожцы, соперничающие гетманы, крымцы и ногайцы, московские ратные люди и турки — все сражались против всех. Страдала от этих набегов, как правило, южная часть тогдашнего Курского края.

Воеводы с тревогой наблюдали за происходящим в «литовских землях». Многие издавна знакомые им по переговорам и полю битвы польские «начальные люди» либо гибли, либо исчезали, либо даже просили убежища в московских пределах. Разом рухнула вся польская администрация черкасских городов. Место урядников и державцев заняли буйные и своевольные казацкие полковники. От них можно было ожидать всего чего угодно. Русские воеводы имели возможность пожалеть о «старом добром времени», когда они знали, с кем им приходится иметь дело по ту сторону границы. Участились пограничные стычки. Встревоженное бурлением на Украине, правительство Алексея Михайловича рассылало порубежным воеводам указания «жить с великим береженьем».

Польское правительство, опираясь на договор 1648 г., пыталось привлечь Россию к борьбе против восставших черкас. Склоняя царя к этому, поляки особо упирали на союз Хмельницкого с крымским ханом, против которого и было направлено соглашение. Богдан Хмельницкий был всерьёз обеспокоен возможным выступлением России на стороне Речи Посполитой против восставших казаков. В сношениях русских воевод с польскими властями он видел подготовку их совместного похода против него. Уверения, будто русские войска стягиваются к рубежам для отражения татар, гетмана мало убеждали. Российские власти, однако, не спешили принимать решение и предпочитали выжидать, хотя опасность крупного вторжения черкас и татар тревожила их всё сильнее. Стычки и мелкие набеги не утихали.

Заключение в 1649 г. Зборовского мира между Хмельницким и польским королём Яном–Кази-

миром не принесло покоя на российские рубежи. Уже в апреле 1650 г. стали носиться слухи о подготовке совместного польско–казацкого похода на Русь. Напряженность поддерживалась беспрерывными черкасскими разбоями, которые приобретали опасную направленность. Кроме того, черкасы требовали не принимать на российскую территорию бегущих от них поляков. Иначе они грозили изрубить пять–шесть деревень государевых крестьян. Хмельницкий, по словам лазутчиков, в ответ на упреки по поводу вторжений черкас на российские украйны, грозился сам возглавить поход на порубежные города. Среди украинских казаков распространялись слухи о подготовке гетманом похода, если царь не пришлет жалованье запорожцам. Особенно тревожили подобные слухи тех воевод, в городах которых проживало немало черкас. Например, корочанский воевода И. Ржевский боялся сидеть в осаде, так как в городе было 400 служилых черкас, 300 их захребетников, а полковых казаков всего 140 человек. Остальные 270 детей боярских жили в уезде и не могли быстро прибыть в крепость.

Самого же Хмельницкого раздражал отказ Москвы в прямой военной помощи. По сообщению монаха Павла, находившегося при нем, 10 мая 1651 г. гетман клялся, смотря на икону, что пойдёт на Москву и разорит её пуще Литвы: «Я де посылаю ото всего сердца своего, а они лицу моему насмехаютца!» Русским властям ничего не оставалось делать, как готовиться к отражению возможного нападения.

Война между Польшей и казаками возобновилась в 1651 г. Поражение в битве под Берестечком нанесло Хмельницкому тяжёлый удар. Но покорить Украину полякам всё же не удалось. Борьба затягивалась. И гетман, и казацкая старшина всё отчётливее понимали, что в одиночку им не устоять против Речи Посполитой. Союз с татарами оборачивался непрерывным разорением украинских земель. Наконец решение было принято. Переяславская рада 1654 г. оформила присоединение украинских земель к России. Это повлекло за собой начало новой войны между Московским царством и Речью Посполитой.

В апреле 1654 г. московские рати двинулись на «литовский рубеж». Войска возглавлял князь Алексей Никитич Трубецкой — старый и всеми уважаемый воевода. Со своим дворовым полком последовал за армией и сам 25–летний царь Алексей Михайлович. Он лично возглавил наступление на Смоленск. Трубецкой направился под Брянск. Третья рать, во главе с Василием Борисовичем Шереметевым, собиралась в Путивле для бережения украинных земель от татар. На сход с Шереметевым должны были идти пограничные воеводы, в том числе князь Иван Ромодановский из Яблонова и Никита Зюзин из Путивля. Поход оказался необычайно удачен. Перед московскими и казацкими войсками пали Смоленск, Дорогобуж и Полоцк, не считая иных, меньших городов. Литовский гетман Радзивилл был разбит на реке Шклове под Борисовым. Лишь эпидемия моровой язвы остановила русских в их продвижении вглубь Великого княжества Литовского.

Но и после этого объединённые российские и казацкие войска совершили ряд успешных походов, стремительно лишив Речь Посполитую практически всех её земель на востоке. Русские армии достигли Бреста и Люблина. Однако эти успехи не привели к быстрому и победному завершению войны. Борьба за Украину затянулась, и одной из причин тому были русско–украинские противоречия. Московские воеводы не особенно считались с казацкими вольностями, и это нередко вызывало серьёзное недовольство населения.

Трения между казацкой старшиной и московскими воеводами стали одной из причин разрыва, последовавшего за смертью Богдана Хмельницкого. Новый украинский гетман Иван Выговский со своими сторонниками решает разорвать соглашение с Московским царством и вернуться в состав Речи Посполитой на правах автономного «Княжества Русского». Готовясь к открытой войне, он внешне продолжал заверять царя в своей преданности, жалуясь при этом на обиды от московских воевод, а в первую очередь на Г.Г. Ромодановского. Рядовое казачество не разделяло стремлений верхушки, а московское правительство не особенно доверяло хитрому гетману, тем более что казаки Выговского то и дело совершали грабительские наезды на сопредельные российские уезды.

Действия гетмана были откровенно враждебны. Вскоре он собрал войска под городком Каменным и потребовал от русских воевод выдать ему своих противников, нашедших тут себе убежище. Он грозил войной, и в конце сентября 1658 г. действительно пытался штурмовать Каменное и Олешню, но был отбит. В это время в казацкий стан пришли вести о том, что татары, «союзники» Выговского, грабят украинские сёла. Казаки зароптали, начали массами покидать лагерь Выговского, и он был вынужден отступить ни с чем.

Осенью 1658 г. российские войска под командованием князей Ф.Ф. Куракина и Г.Г. Ромодановского, наконец, пришли в движение. Опираясь на их мощь, противники Выговского выбрали нового гетмана, генерального судью Ивана Беспалого. Выступили против Выговского и запорожцы, не желавшие идти на соглашение с поляками. Московские власти пытались примирить враждующие казацкие партии и старались завязать с Выговским переговоры. Дело затянулось. Между тем из Конотопа, ставшего главной базой сторонников Выговского, продолжали то и дело выходить пар-

Навеки с Москвой, навеки с русским народом. Художник М.И. Хмелько. На картине запечатлено объявление гетманом Б. Хмельницким решения Переяславской Рады о принятии Войском Запорожским российского подданства.

Гетман Войска Запорожского Б.М. Хмельницкий. Цветная копия XVIII в. с гравюры В. Гондиуса 1651 г.

Гетман Войска Запорожского И.Е. Выговский. Неизвестный художник. XVIII в.

Русское оружие XVII в.: бердыш, парадная булава, натруска (пороховница), пищаль, кавалерийский топор, алам (нагрудный знак) русского пушкаря.

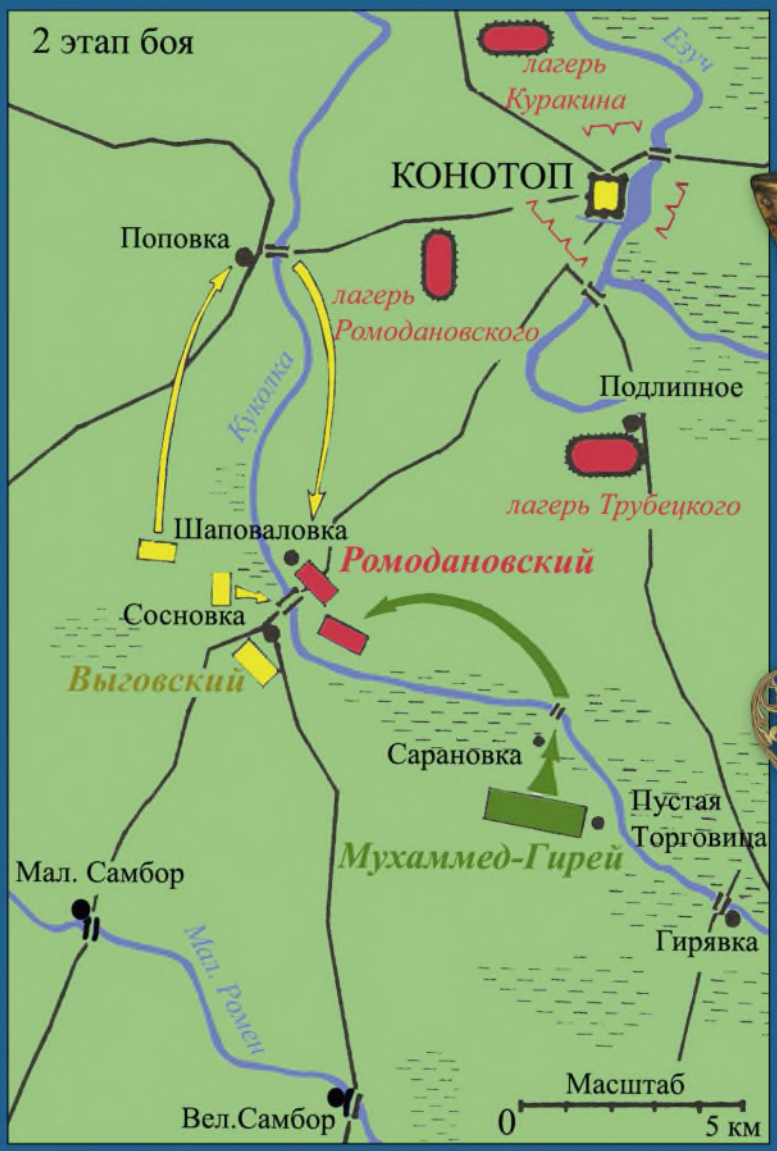
Конотопская битва. 1–й этап (по И.Б. Бабулину).

тии, грабившие окрестности Путивля, Рыльска и Севска.

В конце 1658 г. в Москве было принято решение о посылке новых войск на Украину. Во главе 30–тысячной армии был поставлен ближний боярин князь Алексей Никитич Трубецкой. В апреле 1659 г. он осадил Конотоп, где засели казаки полковника Гуляницкого.

Царским войскам противостояла довольно мощная порубежная крепость, обороняемая опытным гарнизоном. В ночь на 29 апреля был предпринят общий штурм. В ходе ожесточённого сражения штурмующим удалось взойти на стены и водрузить там свои знамёна. Они даже смогли сжечь крепостную башню. Но казаки всё же удержали свои позиции, и приступ был отбит с тяжёлыми потерями для российского войска.

Тогда А.Н. Трубецкой перешёл к правильной осаде и начал работы по засыпке рва. Однако казаки меткими выстрелами отгоняли работников, а затем заново расчищали ров, насыпая принесённую землю на собственный вал. Союзные Выгов-



Конотопская битва. 2–й этап (по И.Б. Бабулину).

Оружие казаков XVII в.: ключ от мушкетного замка, пороховница, крюк для подвешивания сабли, пернач полковничий, топор, мушкет, сабля.

скому татары, бродившие в окрестностях, время от времени совершали набеги на русские посты.

Ничуть не легче приходилось и осаждённым. Из перехваченного письма Трубецкому стало известно, что в городе мало продовольствия и воды, что там уже «едят лошади и всяку животину».

Блокировав Конотоп, московские войска начали сами совершать рейды вглубь Украины. Мятежные казаки в свою очередь появились под Рыльском, Путивлем и Севском. Тем временем на помощь к Выговскому прибыли, наконец, татары под началом нураддин–султана Адиль–Гирея и самого хана Мухаммед–Гирея. Численность объединённых казацко–татарских сил достигала теперь 50 000 человек. Хан и гетман повели свою армию на выручку Конотопа.

28 июня (8 июля) 1659 г. Выговский выслал конный отряд к Сосновской переправе, чтобы попытаться заманить осаждающих в ловушку. Он намеревался увлечь врагов в погоню и подвести под удар основных сил объединённой армии. Этот отряд состоял из татар под началом Адиль–Гирея

Казацко-татарское войско в походе. Фрагмент картины Я. Матейко «Богдан Хмельницкий и Тугай-бей под Львовом».

и наёмников из драгунских хоругвей. Хан с основными силами татар к тому времени передвинулся в урочище Пустая Торговица, расположенное в семи километрах восточнее Сосновки. Там он переправился через речку Торговицу на конотопскую сторону, ожидая исхода столкновения между гетманом и царскими войсками.

Навстречу вражеским всадникам выдвинулись князья С.Р. Пожарский и С.П. Львов во главе конной рати, отойдя от главного табора на семь вёрст. В состав отряда входили дворяне и дети боярские разных городов (включая знатных дворян московских), драгуны, рейтары, казаки — всего около 6 000 всадников. Заметив на Сосновской перепра-

ве небольшие силы татар и наёмников, Пожарский и Львов решительно и «без опасу» ударили на неприятеля. Явно превосходя неприятеля числом, они «хотели тех людей снести».

Русские всадники опрокинули неприятеля и обратили его в бегство, преследуя в направлении Пустой Торговицы. Там уже ждали своего часа основные силы ордынцев, которые внезапно обрушились на Пожарского с тыла и с левого фланга. Путь отступления на Конотоп оказался отрезан. Отряд Адиль–Гирея развернулся и также ударил на своих преследователей.

В казацкой летописи Самуила Величко говорится, что враги «как мощный с пустыни вихрь или сильная с тёмного облака туча… неудержимым стремлением ударили на православных христиан, и, не дав им опомниться, тотчас всех вконец разгромили, а поле тамошнее трупами человеческими устлали… и от того поражения могли бежать в свой стан под Конотопом лишь те, кто имел крылатых коней».

Первый удар приняли на себя рейтары, встретившие крымцев залпом в упор из карабинов. Татары в ответ пустили целую тучу стрел и ударили в сабли. Пробиться сквозь их ряды удалось немногим. Большая часть отряда Пожарского нашла свой конец в болотистой низине, где невозможно было найти укрытия от разящих татарских стрел. Ратники Пожарского отчаянно сопротивлялись, и «в то время и татар и черкас побито немало ж».

Гибель конницы Пожарского не осталась незамеченной в русском стане, куда стали прибывать чудом спасшиеся беглецы. Князь Г.Г. Ромодановский вывел к Сосновской переправе конницу Белгородского полка. Но на противоположном берегу он увидел готовую к бою армию Выговского. Бой на переправе продолжался до самого вечера, когда в дело вновь вступили основные силы ордынцев, совершившие фланговый охват русских войск. Ромодановскому ничего не оставалось, кроме как отступить к своему укреплённому табору.

Двух пленных воевод и пятерых знатных дворян приволокли к хану. Князья С.П. Львов и С.Р. Пожарский предстали перед Мухаммед–Гиреем. Он снисходительно упрекнул их в безрассудстве. В ответ удалой князь Пожарский «выбранил хана обычаем московским» и плюнул ему в глаза. Его тотчас изрубили. Разгневанный хан, взбешённый к тому же и понесёнными потерями, повелел истребить всех русских пленников. Татары, не желавшие лишиться дорогой добычи, вынуждены были прятать свой ясырь, спасая тем самым пленникам жизнь. Так было спасено около 400 человек. Согласно сведениям турецких источников, пленников истребили не из–за оскорбительных слов пленного князя, а по иным соображениям: «чтобы усилить вражду между русскими и казаками, отрезав им все пути к примирению».

Крымский хан. Турецкая миниатюра середины XVII в.

На следующий день А.Н. Трубецкой свёл свои войска из трёх осадных лагерей в один, укрепив его окопами. Здесь он отразил атаку Выговского, причём сам гетман был ранен из пищали в левую ногу. Наконец 2 (12) июля армия Трубецкого двинулась в путь, начав отступление к Путивлю. Это, похоже, застало противника врасплох — татары и казаки настигли отступающий табор только в миле от Конотопа. Русские войска двигались медленно, огородившись возами, отстреливаясь из пушек и мушкетов. Огромный движущийся укреплённый обоз был, по словам польского офицера, столь велик, «что и глазом его не охватить». Неприятель атаковал табор Трубецкого со всех сторон, однако был отражён с тяжёлым уроном.

В конечном итоге войска Трубецкого «вооружённой рукой» пробились сквозь толпы ордынцев

Польский король Ян II Казимир Ваза. Около 1649 г. Художник Д. Шульц.

и вышли к Путивлю. Тем временем казаки и ордынцы обошли с северо–запада линию Белгородской черты и вторглись в российские пределы. Описав гигантскую дугу, они прошли через уезды Орловский, Мценский, Чернский, Новосильский, Ефремовский, Ливенский, разграбили Путивльский, Рыльский и Новгород–Северский уезды, дошли до окрестностей Воронежа и по Кальмиусской сакме ушли на юг. Городов они по пути не осаждали, занимаясь лишь разорением деревень. Хан вышел за вал 15–16 августа между Верхососенском и Усердом и стоял там ещё два дня, дожидаясь сбора всех своих сил. Было опустошено и разграблено 18 уездов. Татары и казаки убили 379 человек, захватили 25 500 пленников. В Курском уезде было взято 566 полонянников и сожжено 34 деревни.

Конотопская катастрофа произвела ошеломляющее впечатление, но не столько числом понесённых потерь, сколько тем, что среди погибших вместе с Пожарским находились выходцы из всех знатных московских родов — их в битве пало сразу 249 человек. Однако торжество победителей оказалось призрачным. Их самих уже раздирали внутренние противоречия. В начале сентября 1659 г. армия А.Н. Трубецкого вновь двинулась на Украину. С её приближением казацкие полковники, истребляя наёмников Выговского, объявляли о своей верности его царскому величеству. Спустя всего несколько месяцев после торжества под Конотопом Иван Выговский из всесильного победоносного гетмана обратился в преследуемого затравленного беглеца, а на Украину накатил новый вал междоусобиц.

Борьба за гетманскую булаву расколола страну. Правобережные гетманы, опираясь на Польшу и Турцию, пытались уничтожить своих левобережных соперников, которых поддерживала Россия; казацкая старшина грызлась между собой, и в Москву нескончаемой чередой летели наветы то на одного, то на другого гетмана.

Хаос на Украине выплёскивался за её пределы в виде новых грабительских набегов, совершаемых татарами. Выступая как союзники правобережных гетманов, ордынцы то и дело являлись на украинские земли, свободно передвигались по ним и совершали вторжения в пределы Московского царства, обходя укрепления Белгородской черты. А в конце 1663 г. к границам Курского края вновь приблизилась опасность большой войны. Огромное польское войско во главе с самим королём Яном–Казимиром переправилось в ноябре на левый берег Днепра с твёрдым намерением покончить навсегда с мятежной Украиной. Воевода Ромодановский объявил сбор войск в Белгороде, а к Путивлю было спешно направлено войско князя Я. К. Черкасского. Король не рискнул штурмовать мощную крепость Путивля с её большим и полным сил гарнизоном. Вместо этого его войска осадили Глухов. Здесь, неожиданно для себя, поляки столкнулись с упорным сопротивлением. Городок, опоясанный двумя валами и двумя рвами, оказался крепким орешком. Казаки во главе с полковником Василием Дворецким и московские ратники под началом Авраама Лопухина сражались умело и отважно. Приступ был отбит.

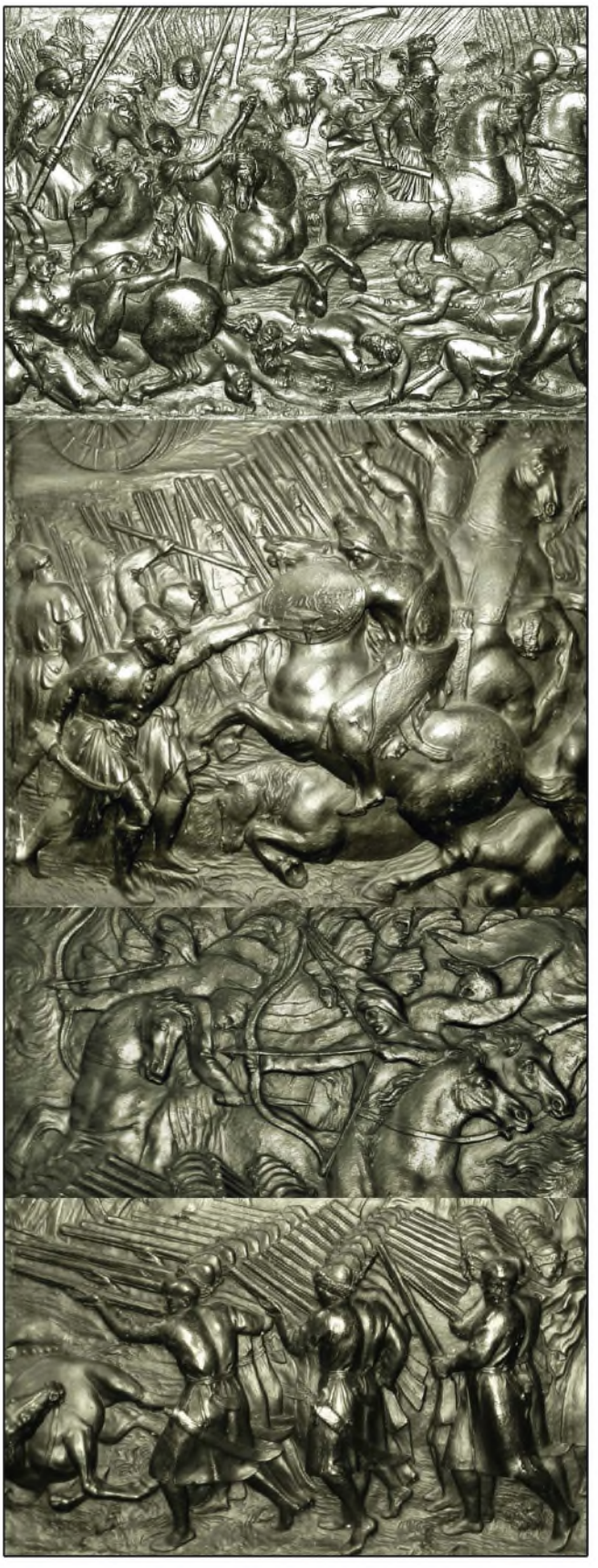
Пока основные силы короля осаждали Глухов, отдельные отряды его войска разоряли окрестности. Один такой отряд атаковал с налёту Рыльск. Однако рыляне упорным сопротивлением сорвали замысел неприятеля. Приступ удалось отбить, но окрестности города были выжжены. В одних только вотчинах Рыльского Николаевского монастыря после этого набега запустело 43 двора — их обитатели были «побиты, а иные в полон поиманы».

Упорство защитников Глухова дало русским воеводам время, чтобы подтянуть свои силы. Князь Г.Г. Ромодановский и левобережный гетман Иван Брюховецкий двинулись на выручку осаждённым.

Король был вынужден снять осаду и двинул свою армию к Новгороду–Северскому, где столкнулся с войсками Ромодановского. Бой не принёс решающего успеха ни одной из сторон. После этого около двух недель поляки оставались в бездействии. Союзные татары, опасаясь, что вскрытие льда лишит их возможности грабить, предприняли в это время дерзкий и опустошительный рейд по сопредельным русским уездам, действуя в тылу армий Черкасского и Ромодановского. Они опустошили территорию семи уездов — Севского, Рыльского, Путивльского, Карачевского, Орловского, Кромского и Курского. Было угнано в полон около 6360 человек, сожжено более 5100 дворов, 58 церквей, отогнано более 9600 лошадей и более 108000 голов скота, уничтожено около 150000 четвертей молочёного и более 15000 копён немолочёного хлеба. Однако в целом, невзирая на эти разорения, поход Яна–Казимира оказался совершенно неудачен. Поставленных целей добиться так и не удалось. Более того, после безрезультатного сражения на Десне и стояния под Новгородом–Северским армия едва сумела выбраться из враждебной страны. Войска разделились. Чарнецкий повёл свою часть обратно через Украину, а король двинулся на Могилёв.

Поход, так много обещавший в начале, окончился полным провалом. Немалая заслуга в том принадлежит князю Г.Г. Ромодановскому и служилым людям Курского края.

Постепенно украинская война отдалялась от границ Курского края, переносясь на Правобережье Днепра. В 1667 г. между Речью Посполитой и Московским царством, равно истощёнными многолетней борьбой, было заключено Андрусовское перемирие сроком на 13 лет, до июня 1680 г. Соглашение было достигнуто за счёт раздела украинских земель. Россия удерживала за собой Левобережье Днепра и Киев. Граница государства отодвинулась от курских рубежей.



Сражающиеся поляки, татары и украинцы. Фрагменты барельефа Ж. Тибо «Битва под Берестечком». Надгробие Яна II Казимира в церкви Сен-Жермен-де-Пре (Париж, Франция).

ИОВ ЛЬГОВСКИЙ

Особую роль сыграла в освоении Курского края монастырская колонизация. Монастыри — Молченская Софрониева пустынь под Путивлем, Николаевский монастырь в Рыльске, Троицкая девичья обитель в Курске и другие — являлись крупными землевладельцами и весьма заботились о привлечении населения на свои угодья. Монахи зазывали на свои земли переселенцев, выпрашивали у властей в дар уже населённые местности, закабаляли крестьян ссудами под проценты. Следует отметить также, что по крайней мере в первой половине XVII в. монастыри не покупали крепостных, стараясь привлекать на свои земли вольных людей. Крупнейшими землевладельцами являлись Рыльский Николаевский и Курский Знаменский монастыри. Правительство предоставляло обителям обширные налоговые льготы, брало их под своё покровительство, что привлекало крестьян на их земли. Так, например, тарханная грамота, дарованная Курскому Знаменскому монастырю в 1629 г., гласила: «кто через сию нашу государеву тарханную грамоту строителя с братией и их монастырских слуг и крестьян и рыбных ловцов и мельников чем изобидит, и тому от нас великого государя и царя и великого князя Михаила Фёдоровича всеа Руси быть в опале».

Стоявшему «на горах Льговских» Дмитриевскому монастырю и окружавшей его слободе обязан своим возникновением современный город Льгов. При этом любопытно отметить, что основан этот монастырь был около 1658 г. преподобным Иовом, бежавшим после церковных реформ патриарха Никона на дальнюю степную окраину России ради «сохранения чистоты веры» (после чего и сам знаменитый раскольник получил прозвание Льговского). Дмитриевский монастырь быстро превратился в религиозный центр всей округи. Более того, он стал и крепостью, защищавшей от вражеских набегов. Здесь была возведена каменная церковь, а за его стенами находили убежище как местные жители, спасавшиеся от татарских набегов, так и беглые крепостные.

Основатель монастыря носил в миру имя Иван Тимофеевич Лихачёв и происходил из семьи московского боярина. Отец его, Тимофей Иванович Лихачёв, сделал карьеру при царском дворе, дослужившись до звания степенного ключника, ведавшего приготовлением кушаний для государева стола. Родился Иван

Во времена раскола (изъятие по описи старопечатных книг). Художник С.В. Иванов.

Основание монастыря. Русская миниатюра начала XIX в.

в 1594 г. и был еще «младым отроком», когда умерла его мать Ирина. Отец женился вторично. От этого брака родились два сына: Алексей и Михаил. Сводный брат Ивана, окольничий Алексей Тимофеевич Лихачёв, прожил около ста лет, скончавшись в 1729 г. Мачеха оказалась женщиной доброй и набожной, Ивана воспитывала «во всяком благодеянии и вере, и чистоте», отдала в учение грамоте. После размышлений о том, как «угодить Господу и спасти душу свою», двенадцатилетний мальчик тайно покинул родной дом, уйдя вместе с нищими странниками. Вскоре он оказался в Троице–Сергиевой лавре, где попал под покровительство архимандрита Дионисия и стал свидетелем знаменитой осады монастыря войсками Тушинского вора. Согласно Житию, «преподобный же Дионисий, провидя духом

Русские монахи и монастырь. Западноевропейские гравюры XVII в.

премудрости отрока, еже в нем любви Божией исполнену быти, и прият его яко приснаго сына». В свою очередь «святый же сей отрок велие послушание ко братии показа и труды, и ко церкви тщание, и молитву ко Господу возсылая, яко кадило благовонно». В 1609 г. Дионисий постригает 17–летнего юношу в монахи и «нарече имя ему вместо Иоанна Иовом, и сочетает братии, и приимает его себе во ученичество в келию».

Имея тягу к отшельничеству и подвижнической жизни, Иов «многи стремнины и блата и чаща леса обыйде и многажды со зверьми в разселинах и пещерах горских обиташе». Он поселился на берегу озера Селигер, в месте, называемом Могилево (ныне деревня Могилево Осташковского района Тверской области). Здесь он жил в полном уединении, пока на его жилище не набрел купец, сбившийся с пути. Он со слезами просил отшельника указать дорогу в город и обещал в благодарность за помощь воздвигнуть на этом месте церковь в честь Пресвятой Богородицы. Обещание своё он исполнил, пожертвовал Иову сто рублей. Этим было положено начало новому скиту.

Вокруг Иова стали собираться монахи. За праведное житие новгородский митрополит удостоил пустынника священнического сана. Но братия не оценила подвиги Иова. Иноки ненавидели его заплатанную одежду, ворчали, когда он раздавал хлеб сирым и убогим. Не желая пререкаться с недовольными, Иов тайно покинул обитель, не взяв ни пищи, ни одежды.

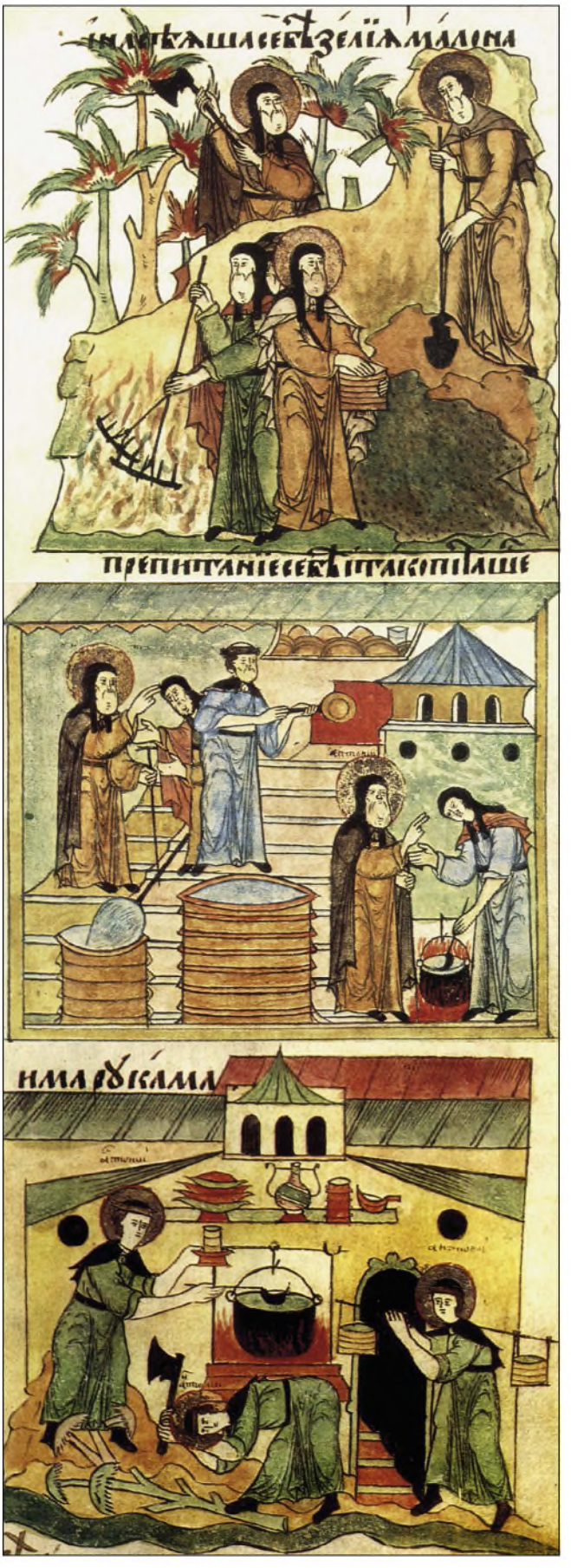
После долгих скитаний он пришел на место, называемое Ракова пустынь. Тут он основал новую обитель. Известность его росла. Он обратил на себя внимание царя Михаила Фёдоровича, патриархов Филарета и Никона. Филарет, призвав к себе «Иова пустынножителя», не только благословил молодого монаха, но и «приобщи его к трапезе своей». Беседа с Иовом настолько впечатлила патриарха, что тот сделал его своим келейником и «повеле ему у себе в келии пребывати, насыщался добродетельми его божественными». Однако Иову было тоскливо в патриарших палатах. «Не восхоте славы сея маловременныя», он вновь удалился в необжитые края. А личная встреча с патриархом Никоном окончилась разрывом — Иов не принял церковных реформ патриарха. Более того, в беседе с ним Иов вообще «претвори себе урода и несмысленна и невежду от писания». В итоге в 1662 г. он удалился «со ученики своими Феодосием Святогорцем и Никодимом и Ермогеном, во область града Рыльска на место зовомо Льговские горы, идеже леса и дебри вкруг облежащие, близ реки глаголемы Семи, расстоянием от града Рыльска яко поприщ 40. Зело бе место угодно и красно ко вселению иноческого пребыания и к монастырскому строению полезно». Монахи под руководством Иова не только молились, но также «леса росчищающе и нивы посевающе и борти делающе в дубровех на вселение пчел… озера и пруды копая и мелницы поставляя на упокоение братии, и рыбныя ловли устрой на Семи реце». Кроме того, Иов предусмотрительно «ограду устрои около обители зело крепкую, и башни и бойницы подела ради частаго нахождения крымских татар, пленующих села и деревни, разоряюще православных хрестиян».

Укрепления монастыря сыграли свою роль уже в 1667 г., когда окрестности Рыльска подверглись крупному татарскому набегу: «приидоша ратию безбожнии варвари крымския татарове на Русскую землю и на Рылския пределы. Изгоном пленующе многих християн погубиша, а иных без милости мучащее и домы их огнем попалиша, а иных в плен во свою землю с собою взяша». Жители окрестных деревень искали убежища в Дмитриевском монастыре. Трёхтысячный чамбул татар также устремился к пустыни, и монахам во главе с самим преподобным Иовом пришлось возглавить стихийно собравшееся ополчение: *«И егда же святый [Иов] нача ограждати крестом агарянов, и многи от християн видеша, и невернии последи поведаша, яко изыдя пламень огненный от креста Господня и многих попали и ослепи их, и смяте кони из невидимая сила святого Димитрия, и сотрошася и падаша и мертви быша. Прочих же татар православнии християне вооружившееся начаша дреколием бити и гнати их к реце Семи. И мнози истопоша тамо, иных же живых многих взяша в плен»*. Набег был отражён, и в плен попало до 70 крымцев, которых с торжеством отослали в Москву. В ответ царь Алексей Михайлович направил монахам *«милостыню довольну зело на утешение братии, и бранных оружии: пушек болших 6, снарядов и мушкетов болших с три ста, и пороховой казны и свинцу довольно, и четыре знамян золотых по атласу шитых»*.

Однако раскольнические взгляды Иова и его последователей не могли остаться без внимания властей. В 1672 г. из Москвы был прислан стольник Стефан Нащокин — «в Комарицкия волости беглых християн сыскивати». Обнаружив процветающую обитель Иова, он вознамерился «обитель преподобнаго сего разорити... и близ монастыря живущих християн волных побрати себе в порабощение». Это вынудило Иова и его соратников в 1674 г. покинуть обжитые места и найти себе новое убежище на Дону.

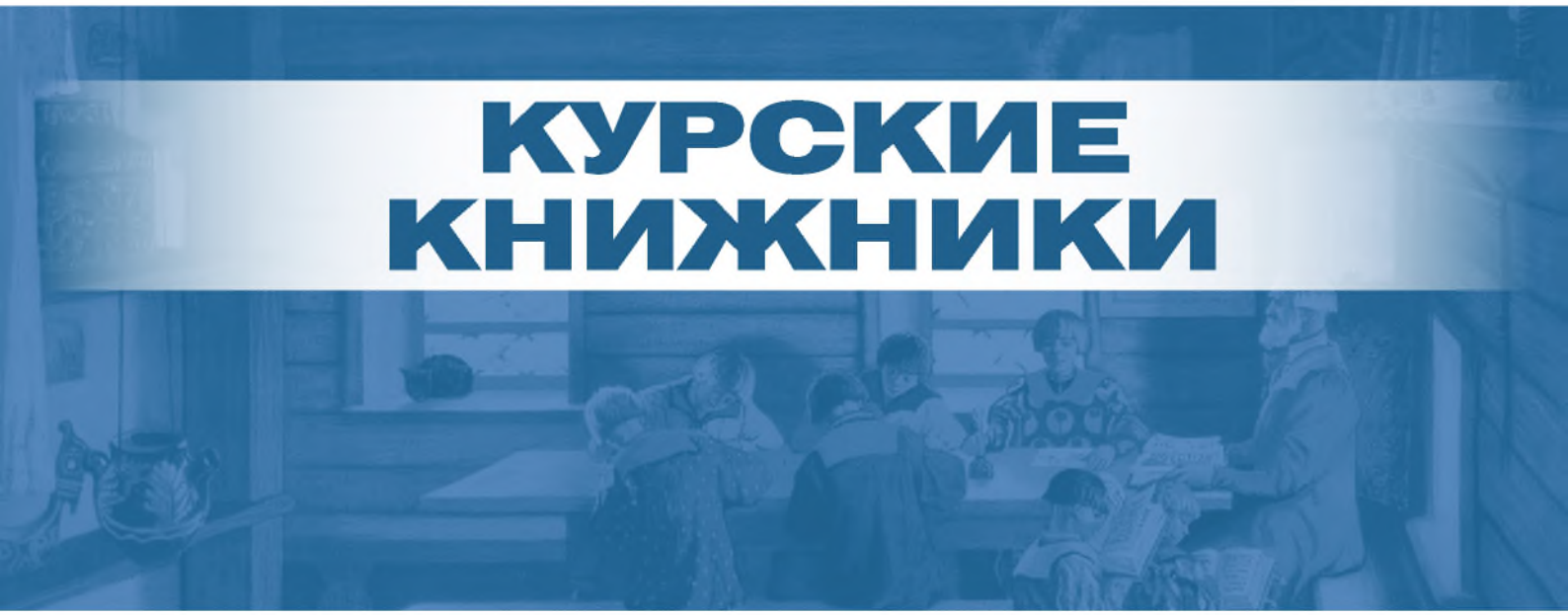
Взяв с собой трёх учеников — Тихона, Ермогена и Тимофея, — Иов нашёл себе новое «безмолвное место» на реке Чир — «зело красно и угодно к монастырьскому строению». Здесь им был основан новый монастырь, в котором он и провёл остаток своих дней, скончавшись в мае 1681 г. Спустя восемь лет обитель выгорела почти дотла, когда татары во время одного из своих набегов ночью запалили степь. В пожаре погибли иконы и книги, но гробница основателя обители чудом уцелела: *«егда утишися пламень, приидоша братия на место церковное: ино вся испепелися, но зрят едину гробницу преподобнаго и пелену целу, и ниже воня дымная прикоснуся ей»*.

Не погиб и основанный Иовом Льговский Дмитриевский монастырь. Он просуществовал вплоть до 1764 г., а в 1774 г., при образовании Курского наместничества, было приказано переименовать «бывшего монастыря Льгова со слободкою при оном» в город Льгов.



Сцены из монастырской жизни. Русские миниатюры XVII в.

КУРСКИЕ КНИЖНИКИ



Порубежный Курский край в XVII столетии был известен не только ратными людьми. Среди его уроженцев были и книжные люди, оставившие след в науке и литературе. Начальное образование они, как и все грамотные люди на Руси, получали в небольших домашних школах, где преподавали обычно дьячки или дьяконы местных церквей. Подобные училища ещё в середине XIX в. наблюдал в Рыльске известный курский краевед А.И. Дмитрюков.

Обычно грамоте начинали учить в семь лет. Прежде чем отдать ребёнка учиться, служили молебен его святому покровителю, а также считавшемуся покровителем наук св. пророку Науму, прося его «наставить отрока на ум».

Вначале шло обучение чтению, потом, за отдельную плату, приобретали навыки письма и счёта. «Учебная программа» состояла в изучении трёх книг — азбуки, часослова и псалтыря, а оплата учительского труда была не повременной, а «от книги». Помимо денег мастер получал от родителей школьника три воза дров и самые разнообразные угощения. Приводя мальчика в школу, родители вручали мастеру «хлеб–соль» — белую булку, водку, закуску. Каждый четверг ученик приносил наставнику «четверговое», на Масленицу — сыр и масло, по другим праздникам — «праздниковое». Особым днём считалось 9 марта — поминовение 40 мучеников. В этот день полагалось принести в школу сорок бубликов, часть которых забирал себе мастер, а часть крошилась в постное масло и съедалась самими школьниками. В другом случае каждый ученик должен был принести в школу петуха, причём белокурые дети приносили обязательно белых кур, а темноволосые — чёрных.

Занятия в школе начинались около семи утра. Войдя в школу, ученик крестился на образа, кланялся учителю и, заняв своё место за столом, принимался «повторять зады», то есть пройденное вчера. Домашних заданий тогда не задавали, учение начиналось и заканчивалось в классе. Ответив учителю вчерашний материал, школьник переходил к изучению нового урока, читая и перечитывая следующие страницы своей книги. Учитель то и дело поправлял его, прерывал и заставлял читать заново. Он старался добиться того, чтобы ученик читал заданный текст ровно, без запинки, не торопясь и слегка нараспев. Каждый из школьников сидел на отведённом для него месте — старшие поближе к учителю, а младшие поближе к двери. При этом и старшие и младшие рассаживались в зависимости от своей успеваемости. Сам учитель усаживался в красном углу под образами. В двенадцать часов наступал перерыв. Все шли домой, обедали, спали, а в два часа занятия возобновлялись. Учитель начинал спрашивать новый урок. Вызванный выходил из–за стола, кланялся

и стоя начинал отвечать. Если ответ не удовлетворял наставника, то ученик продолжал отвечать урок уже стоя на коленях. Около четырёх часов дня занятия заканчивались. Школьники вставали со своих мест, пели хором молитву, закрывали книги и приступали к уборке помещения. Руководил этим назначенный учителем староста. Только после этого можно было расходиться по домам.

Все три учебные книги практически целиком заучивались наизусть. Усвоив названия и порядок всех букв азбуки, ученик принимался зубрить слога или склады: буки–аз — ба, буки–рцы–аз — бра и так далее. Склады читались вслух, и оттого за несколько домов от школы было слышно, насколько усердно учатся школяры. В конце азбуки обычно помещались различные нравоучительные тексты. Изучив их, школьник переходил к часослову, где содержались основные молитвы, читаемые во время церковной службы, а затем и к псалтырю. Окончание изучения каждой из трёх «программных» книг кем–либо из учеников ознаменовывалось праздничной кашей. Родители приходили в школу, вручали мастеру горшок пшённой каши, поверх которой клали условленную плату. В особом платке приносилось угощение — штоф водки, жаркое, белый хлеб. Кашей угощались товарищи ученика, а всё прочее шло на стол учителя и родителей. Опустевший горшок торжественно разбивался во дворе, после чего ребят распускали по домам. В новгород–северской школе этот обычай соблюдался немного иначе. Если выпадал постный день, то каша варилась гречневая с мёдом, если скоромный, то пшённая на молоке и яйцах. Занятия отменялись совершенно, и все ученики направлялись к дому виновника торжества под его личным предводительством. В сенях хором пели молитву, а затем горшок с кашей со всего размаху разбивался об угол печи. Каша разлеталась по полу вместе с черепками, а ватага школяров бросалась собирать её и набивать свои рты.

Таких праздников за год могло быть несколько, поскольку ученики начинали и заканчивали обучение в разное время. Но куда больше было в их жизни серых будней — порядки в школе поддерживались строгие, к послушанию и прилежанию побуждали розгами. Существовала даже целая методика выбора средств наказания в зависимости от возраста и проступка: «Малым детям — розга черемховая двоюлетняя, сверстным же берёзовая к воумлению, черемховая же к страхованию учения». Для старших учеников наготове был и «ремень плетной». Однако даже отличная успеваемость и примерное поведение не могли спасти школьника от неизбежной порки — каждую субботу мастер считал своим долгом высечь всех своих учеников вне зависимости от их реальных провинностей. Одних за реальные провинности, а других — «чтобы помнили, что учатся в школе и, провинившись, могут быть наказаны». В благотворное действие розги верили свято, и потому выпороть даже ни в чём не повинного мальчишку считалось вполне рутинной воспитательной мерой — для его же пользы! Подобная практика была вполне в духе тех наставительных виршей, что помещались обычно в букварях XVII столетия:

Обучение грамоте. Русская миниатюра XVII в.

Розгою Дух Святый детище бити велит,
Розга убо ниже мало здравия вредит,
Розга разум во главу детям вгоняет,
Учит молитве и злых всех встягает.
Розга родителям послушны дети творит,
Розга божественного писания учит.
Розга аще биет, но не ломит кости,
А детище отставляет от всякия злости…
Розгою аще отец и мать часто биют детище свое,
Избавляют душу его от всякого греха.
Розга убо всяким добротам поучает,
Розга и злых детей в преблагие претворяет.
Старый без жезла не может ходити,
Млад же без розги не может ся воумити.

Если же мальчику наука не давалась даже при содействии «спасительной лозы», то обеспокоенные родители прибегали к иным мерам. На дом призывался священник, который читал над неуспевающим особые молитвы, призывая святых Сергия Радонежского и Александра Свирского «увра-

Школа в Московской Руси. Художник Б.М. Кустодиев.

Чернильница. Бронза. Конец XVII — начало XVIII вв. с. Афанасьевка (Солнцевский район).

Урок в русской школе. Иллюстрация из «Букваря» Фёдора Поликарпова–Орлова 1701 г.

Предметы, использовавшиеся при обучении русского школьника в конце XVII в. Рисунки из «Букваря» Кариона Истомина 1694 г.

Перница — футляр для хранения перьев. Бронза. XVII–XVIII вв. Россия.

чевать скорбную главу». Дело в том, что, согласно житиям, эти святые в детстве были «косны на понимание», но благодаря своим молитвам Богородице добились в учении больших успехов.

От школьников требовалось не только прилежание, но и пристойное поведение. Специальные наставления требовали: «егда учитель отпустит вас, то со всяким смирением до дому своего идите. Шуток и кощунств, пхания же друг друга и биения, и резвого бегания, и каменовержения, и всяких ненадобных детских глумлений да не водворится в вас». Вряд ли стоит говорить о том, что подобные правила и в XVII веке соблюдались ребятами крайне редко.

В подобной школе постигал азы грамоты и один из первых русских специалистов по картографии и геодезии, подьячий Афанасий Иванович Мезенцев. Он участвовал в составлении знаменитой «Книги Большому Чертежу», осуществлял геодезическую съёмку местности на юго–восточных рубежах страны. Сведения о его биографии довольно скудны и отрывочны. Известно, что, родившись в Курске, он служил тут подьячим в 1613–1616 гг. В 1619 г. следы его обнаруживаются уже в Москве, в Разрядном приказе, где он работает над изготовлением карт:

Приказ в Москве. Художник А.С. Янов.

Русский учёный–историк. «Букварь» Кариона Истомина 1694 г.

«126 года сентября в 22 день [1619 г.] чертещикам, что чертили в Розряде чертежи Московского государства государева жалованья в приказ Офонасию Мезенцову да Федору Наквасину десять рублей по пять рублей человеку».

Плата, полученная чертёжниками, составляла полугодовое жалованье обычного подьячего, что говорит о значении, которое придавалось правительством работе картографов. Мезенцеву, как и другим «чертещикам», приходилось исполнять карты и чертежи самых разнообразных мест. Известно, что в 1626 г. он изготовил чертёж города Вязьмы. Дьяки Разрядного приказа Фёдор Лихачёв и Михаил Данилов высоко ценили искусство Мезенцева, и не случайно в 1627 г. именно он был привлечён для выполнения важнейшей и крупнейшей русской картографической работы XVII века — «Большого Чертежа» и его текстового описания, «Книги Большому Чертежу». Делалась новая карта на основе старого «большого чертежа», пришедшего к этому времени в негодность. Дьяки решили «примеряся в тому старому чертежу в туе ж меру сделать новый чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства».

В челобитной на царское имя Мезенцев сообщает, что ему «в Розряде твои государь дьяки велели... морю и рекам и городам зделать роспись». Через месяц

он просит о корме «покамест зделаю чертежную книгу». При этом Мезенцев не просто копировал старинный документ, он уточнял его, дополнял новыми сведениями, а текст описания, скорее всего, принадлежит ему целиком. В «Книге» сохранились его пояснения, свидетельствующие о ходе работы, например: «а Дуны реки (Дуная) и городов болгарских и около Черного моря берегом описать было не мочно, в старом чертеже испорчено и ветхо».

Рукопись «Книги Большому Чертежу» второй половины XVII в. содержит 217 листов, писанных с двух сторон, по 8–9 строк печатного текста на листе. Судя по челобитным, Мезенцев работал над чертежной книгой около двух месяцев. При указанном объеме книги ему надо было ежедневно составлять описание размером около 70 печатных строк. Работа была завершена 2 сентября 1627 г., о чём сообщает в челобитной сам Афанасий Мезенцев:

«По твоему государеву указу в нынешнем во 136 году сентября во 2 день в Розряде я холоп твой большой чертеж зделал и мне холопу твоему в Розряде твои государь дьяки велели чертежей, что я холоп твой зделал, против старого чертежу морю и рекам и городам зделать роспись и по росписи чертежи справить. Милосердный государь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня холопа своего, вели мне дать корм покамест напишу всему чертежу роспись, Царь государь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии смилуйся пожалуй».

К сожалению, до нашего времени не сохранилось ни одной копии «большого чертежа», но его текстовое описание является важнейшим источником по истории и географии Московского государства в целом и Курского края в особенности.

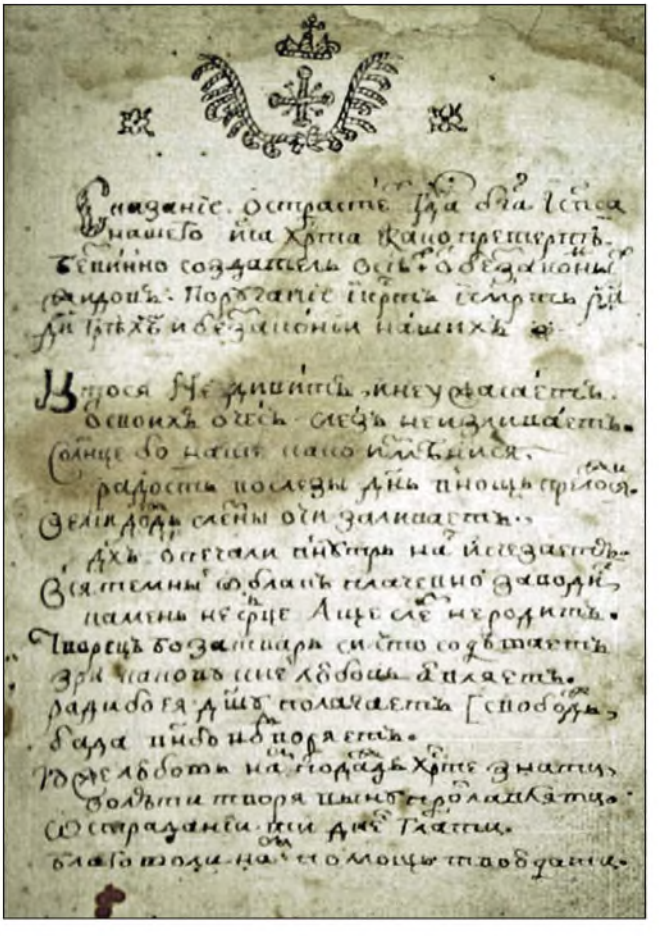
После завершения этой работы Афанасий Иванович возвращается в Курск, где в 1628–1633 гг. служит в воеводской канцелярии «подьячим с прописью», то есть исполняющим обязанности дьяка.

Другим видным курянином того времени был сын подьячего Симеон Агафонникович Медведев, известный в истории русской литературы под монашеским именем Сильвестр.

Симеон Медведев родился в Курске 27 января 1641 г. Спустя двадцать лет он перебрался в Москву. Здесь он служил писцом в Приказе тайных дел, дослужился до чина подьячего. В 1665 г. Симеона Медведева отправили учиться «по латыням и грамматики» в школу, организованную в Спасском монастыре Симеоном Полоцким. Здесь молодой подьячий три года изучал латинский, греческий, польский языки, риторику и пиитику, прочёл немало книг по истории, богословию и философии. В 1668 г. он попадает в состав делегации, направлявшейся в Курляндию для переговоров со шведскими и польскими представителями. Карьера его развивалась успешно, но спустя три года Медведев

Иноки читают книги. Русская миниатюра начала XIX в.

Лист рукописи начала XVIII в. со стихами Сильвестра Медведева.



Русские книжники конца XVII в. Миниатюра из торжественного посвящения Кариона Истомина «Книга любви знак в честен брак», составленного по случаю бракосочетания царя Петра Алексеевича и Евдокии Лопухиной в январе 1689 г.

Миниатюра с изображением новобрачных царя Петра I и Евдокии Федоровны Лопухиной из «Книги любви знак в честен брак».

вдруг принимает монашество под именем Сильвестра и проводит несколько лет в одном из курских монастырей. Вероятно, это было связано с опалой его покровителя — боярина А.Л. Ордина–Нащокина. Вернувшись в Москву в 1677 г., он поселяется в Спасском монастыре вместе с Симеоном Полоцким и становится его личным секретарём. Через год он получает назначение на важную должность справщика Печатного двора и находится на этом посту до 1689 г. После смерти Симеона Полоцкого Медведев занял его место, став придворным поэтом и советником царя Фёдора Алексеевича. Им был составлен проект создания первого в России университета — «Привилегии Московской академии», реализовать который помешала смерть молодого царя. Он был известен также и как автор ряда богословских трудов, содержание которых расходилось с позицией официальной церкви. Ему же принадлежит составление исторической хроники «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве», где описывались бурные события правления царевны Софьи. Взгляды Сильвестра Медведева привели к обвинению его в ереси и преследованиям со стороны патриарха Иоакима. От расправы его спасало покровительство царевны Софьи и её фаворита Ф.Л. Шакловитого. Но после захвата власти Нарышкиными в 1689 г. участь Медведева была решена — по приказу патриарха он был схвачен и после жестоких пыток приговорён к смертной казни. Жизнь Сильвестра Медведева оборвалась 11 февраля 1691 г.

Современником и учеником Сильвестра Медведева был ещё один уроженец Курска и видный деятель российского просвещения — Карион Истомин. Родился он в Курске в конце 1640–х гг. Около 1676 г. Карион принимает монашество и вскоре по приглашению Медведева переезжает в Москву. Здесь в Спасском монастыре он изучает латынь, а затем переходит на жительство в Чудов монастырь, где в патриаршей школе изучает греческий язык. В 1679 г. Карион Истомин поступает на службу на Печатный двор. Здесь он служит вначале обычным писцом и чтецом, а в 1682 г. становится книжным справщиком, а 1698 г. — начальником Печатного двора.

Около 1682 г. Карион начинает выполнять обязанности секретаря патриарха Иоакима. Сохранил он эту должность и при патриархе Адриане. Помимо проче-

Христос, обучающий детей. В руках у детей свитки с названиями наук: астрономия, риторика, философия, грамматика, геометрия. Гравюра из «Букваря» Кариона Истомина 1694 г.

БУКВАРЬ.

славенороссійскихъ писменъ уставныхъ и скорописныхъ.
Греческихже латінскихъ и полскихъ. со ѡбразованими вещей.
и со нравоучителными стихами: Во славу всетворца Гда Бга.
и в честь престыя Бцы Мріи. и всех стыхъ. Изобразися
надщицахъ Ваяніемъ. имущимъ учитися отрокомъ.
и отроковицамъ мужем и женамъ писати. Видне бо
славенская Греческагѡ же и латінскагѡ и полскагѡ языка
писмена или слова в немъ напечаташася.
Под всякимъ же писменемъ. ради любезнагѡ созерцанія
отрочатомъ учащыся предложены виды во удобное
званіе в складе: дачто видитъ. сіе и назоветъ слогомъ
писмене достолепнагѡ начертанія тѣхъ.
Якѡ А адамъ. Алекторъ. Аспидъ. и про:
Б Брань. Брада. Бичь. В венецъ. Виноградъ.
Воинъ. Градъ. Гробъ. и весь букварь такѡ.
изъявленъ. Зане сими писмены вещи в скла.
или слогъ имутъ начало.

Мысли юноше / и пиши мыслете.
какѡ бы жити / в благомъ тебе лете.
Митру здѣ носят / чести достойніи.
меча боятся / в мерилехъ злобніи.
Нетолкѡ медведь / но в мрежи и люди.
грехомъ ловимы / ты ѡпасенъ буди.
Мравій в трудѣ си / денегъ полнитъ мошны.
мышь да непроѣстъ / ѡкрадутъ все ношны.
Мониста мохоръ / людемъ во ѹкрасу.
следуй ѹчащымъ / тебе добру гласу.

Страницы из «Букваря» Кариона Истомина 1694 г.

го, в его обязанности входило составлять обращения («слова») по поводу всех важнейших политических событий в России. Участвовал он и в воспитании царевича Алексея Петровича. Вскоре после смерти патриарха Адриана его лишают места на Печатном дворе. В 1701 г. по приглашению митрополита Иова Истомин уезжает в Новгород. Здесь он занимается переводами с латинского и греческого, преподаёт в созданной митрополитом школе. Умер Карион Истомин в Москве 15 мая 1717 г.

Карион Истомин был знаменит как поэт и просветитель. Широкую известность приобрели созданные им учебники — «Малый букварь» (1694 г.), большой «Букварь» (1696 г.) и «Полис, си есть Град царства небеснаго...» (1694 г.). В «Букваре» каждую букву сопровождает нравоучительное стихотворение, составленное с таким расчетом, чтобы в нем упоминались названия всех тех лицевых изображений, которыми украсил «Букварь» известный гравер Леонтий Бунин — «ради любезного созерцания отрочатом учащимся». «Полис» является своеобразной энциклопедией. Здесь в стихотворной форме даётся характеристика двенадцати «школьных обучений» — грамматики, синтаксиса, пиитики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, философии, астрологии, теологии, мусики, врачевства. За науками следует характеристика четырех времен года, четырех частей горизонта, четырех частей света (Европы, Азии, Африки и Америки). Заканчивается «Полис» описанием церковных таинств и благодарностью богу. Сборником стихотворных наставлений для школьников был и «Домострой» Истомина.

Карион Истомин известен также как владелец библиотеки, книги из которой регулярно давал читать своим друзьям и знакомым. Об этом говорят сохранившиеся записи за несколько месяцев 1707 г. Среди читателей там значатся церковные иерархи и монахи, бояре и дворяне, дьяки и подьячие, купцы, а также лампадчик и жена церковного певчего. При этом не менее десяти посетителей истоминской библиотеки — женщины.

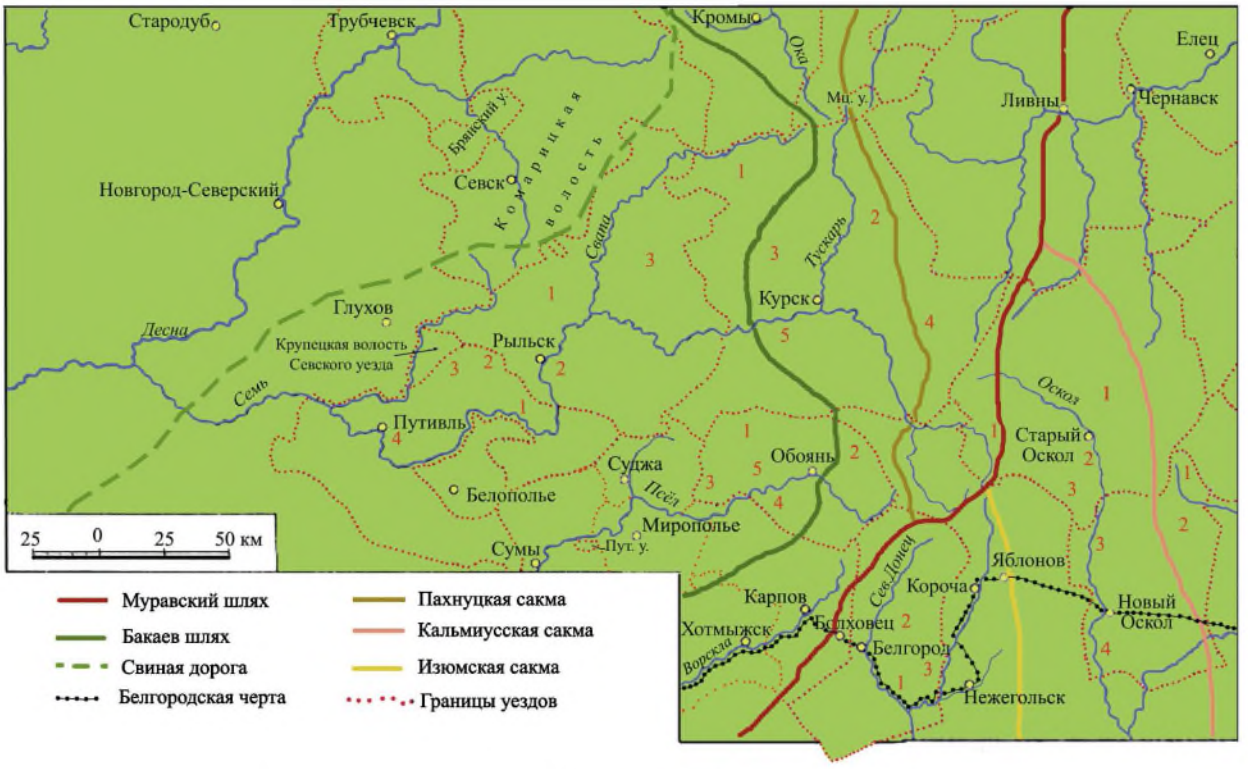
Княгиня Мария Юрьевна Трубецкая брала Лицевой букварь самого Истомина, с приложением жития святых, боярыни Пелагея Ивановна Пушкина и Евдокия Андреевна Куракина брали из библиотеки четью минею за сентябрь. Князь Петр Иванович Хованский читал Скрижаль Симеона Полоцкого, где обличались раскольники. Были среди светских читателей именитые московские купцы Андрей и Василий Филатьевы. «Книгу о хитростях ратных» брал дворянин Стефан Богданович Глебов, а его брата Фёдора интересовала «печатная грамматика». Дьяк Лукьян Иванович Вальков брал в библиотеке минею за февраль. Стефан Иванович Сорокин, подьячий Конюшенной канцелярии, читал житие и службу святой Варвары, а Василий Петров, подьячий приказа Большого дворца, просил у Кариона Истомина святцы. «Книгу Купель» выдал Истомин своему другу — ростовскому епископу и крупнейшему литератору конца XVII — начала XVIII в. Дмитрию Туптало. Нередко посещали библиотеку и монахини Вознесенского девичьего монастыря. Записи эти говорят и о широком круге знакомств Истомина, и о круге чтения образованных людей конца XVII в., и о самом круге этих людей.

Рисунки из рукописного варианта «Букваря» Кариона Истомина, два экземпляра которого в 1692 г. были поднесены им в качестве подарка царским детям.

НА ИСХОДЕ СТОЛЕТИЯ

Андрусовское перемирие не положило конец смутам на Украине. В 1668 г. гетман Левобережья И.М. Брюховецкий, усиленно вводивший в своих землях «московские порядки», осознал, что этим он всё больше и больше возбуждает к себе ненависть народа. Украинцы, стремившиеся все поголовно стать вольными казаками, были недовольны вмешательством русских воевод в управление «гетьманщиной». В январе 1668 г. в Гадяче и Чигирине прошли рады, на которых было решено отложиться от Московского царства, предавшего Правобережье Польше, и взамен того поддаться Турции. В украинских городах начались волнения. Черкасы убивали русских служилых людей и просто крестьян, приехавших сюда по торговым делам. Запорожские полковники Соха и Борона взяли Стародуб, убив воеводу Игнатия Волконского; в феврале был захвачен Новгород–Северский, воевода которого Исай Квашнин был застрелен. В мае к Брюховецкому явились послы турецкого султана и татарского хана с вестью о том, что крымская орда идёт ему на помощь. Вскоре явились и ордынцы во главе с Челибеем–мурзой. Татары и казаки разоряли сёла под Севском, Кромами и Рыльском. На левый берег Днепра переправился гетман Пётр Дорошенко (внук известного Михаила Дорошенко, не раз разорявшего Курский край и погибшего в походе на Крым в 1628 г.). Казаки массами стали переходить на его сторону. Гетман Брюховецкий отправился на встречу с Дорошенко и был там убит. На Украину вновь вступили войска под командованием Г.Г. Ромодановского.

Поясная застёжка. Фрагмент. 2–я половина XVII — начало XVIII вв.



Административное деление Курского края (вторая пол.XVII в.)

Курский уезд: 1 - Усожский стан; 2 - Тускорский стан; 3 - Курицкий стан; 4 - Обмяцкий стан; 5 - Подгородный стан.

Рыльский уезд: 1- Амонский стан; 2 - Подгородный стан; 3 - Свапский стан.

Путивльский уезд: 1 - Залуцкая волость; 2 - Колодежская волость; 3 - Печерская волость; 4 - Подгородный стан.

Обоянский уезд: 1 - Залесский стан; 2 - Рудавский стан; 3 - Солотинский стан; 4 - Каменский стан; 5 - Воробженский стан

Белгородский уезд: 1 - Коренский стан; 2 - Разуменский стан; 3 - Сажный стан.

Старооскольский уезд: 1 - Ублинский стан; 2 - Чуфичевский стан; 3 - Дубенский стан.

Новооскольский уезд: 1 - Потудонский стан; 2 - стан "по Осколу"; 3 - стен "вверх по Осколу"; 4 - стан "вниз по Осколу"

Уезды и станы Курского края. 2–я половина XVII в.

Оставленный управлять Левобережьем «наказной северский гетман» Демьян Игнатович Многогрешный не имел сил противиться Ромодановскому. Он заперся в Чернигове и запросил помощи у Дорошенко. Но тот отвечал: «Пусть сами обороняются!» Тогда Многогрешный вступил с воеводой в переговоры. Тем временем на Запорожье объявился новый претендент на левобережное гетманство — Суховеенко (Суховий). Вслед за Дорошенко он призвал на помощь татар и двинулся в сторону Путивля. Русская рать отступила к Путивлю, но и Суховеенко предпочёл удалиться от московских пределов.

Степнякам редко удавалось теперь прорваться за черту, но тем злее они свирепствовали, когда им выпадала такая возможность. В 1673 г. татары выжгли «во многих местах» дубовый ослон вала на стыке Новооскольского и Верхососенского участков и прорвались вглубь русской территории. Набег запомнился надолго. Годы спустя в документах упоминалось здешнее «проломное место, где прошёл крымский хан».

Необычайно жестоким татарским погромом ознаменовался 1680 год. Орда во главе с самим ханом, исполняя повеление турецкого султана, прорвалась за вал 18 января и ринулась в окрестности Карпова и Хотмыжска. Всего было разорено 18 уездов, «побито и в полон поимано и во дворех сожжено русских людей и черкас мужеского полу и женского» до 3 258 человек. Татары разграбили и сожгли 889 дворов, причём заживо сгорело 79 человек. Среди погиб-

ших было 840 детей в возрасте от полугода до 15 лет. Угнано было 24193 головы скота. Особенно пострадал Белгородский уезд.

Чтобы избежать в будущем повторения подобного погрома, решено было усилить гарнизон Курска. В 1683 г., после стрелецких волнений в Москве, правительство начало менять дислокацию полков, стягивая в столицу более верные и непричастные к бунту. При этом из их рядов старательно вычищались «пьяницы и зерньщики, и всякому злому делу пущие заводчики и раскольщики... убийцы и грабители». Подобного рода «выписные» из Сергеева полка, который перебрасывался в Москву из Киева, а также стрельцы, бывшие «в розных городех на службе и в ссылке», и пополнили собой ряды Курского гарнизона. Старшим над ними был назначен полковник Константин Арпов. При этом все ясно понимали, что на новое место службы стрельцы двинутся весьма неохотно. Поэтому в указе особо оговаривалось: «А буде которые из них в Куреск не пойдут или з дороги збежат и где изыманы будут — и тем за то быти в жестоком наказанье безо всякого милосердия и пощады». Курскому воеводе, боярину А.С. Шеину, было велено селить тех стрельцов «особыми слободами... как построено на Москве в стрелецких слободах».

Власти рассчитывали, что прибытие свежих сил станет широко известно на порубежье и татары «почтут их за прибылые многие рати», после чего «намерение своё на украйные городы отменят». Численность выселенцев не превышала 100 человек, но предполагалось, что слухи многократно увеличат эту цифру, что внушит неприятелям страх и опасение. При этом следовало тщательно скрывать от потенциальных лазутчиков тот факт, что стрельцы эти — воин-

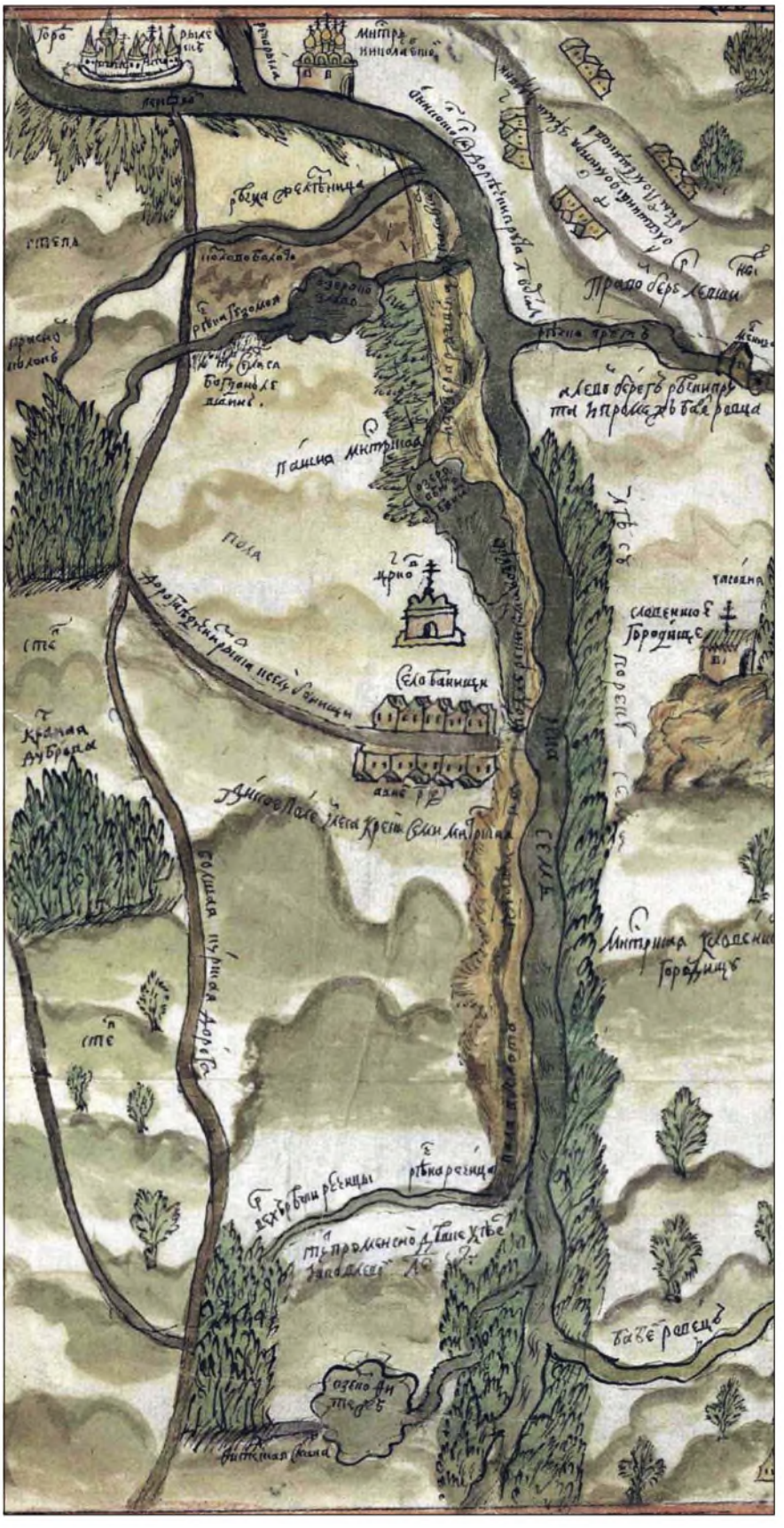


Чертёж земель по реке Семь от озерка Фитеж до Рыльска. XVII в. На чертеже показаны г. Рыльск, Николаевский монастырь, с. Банищи, реки Семь (Сейм), Прут, Гузомоя, Рыла, Речица и Железница, а также часовня на Словенском городище.

Дозор. Художник Л. Гендлек.

ство ненадёжное, так как «за шатость в тех городех будут построены». Воеводе и полковнику следовало также проследить, чтобы пополнение не теряло боевой выучки: «Ратному строю учить их почасту, чтоб они того строю не забыли и были бы всему навычны, не отымаясь ничем, потому что в них тому строю заобычных людей и из воров много».

Кроме того, указ приводил и ещё одну важную причину переброски стрельцов именно в Курск: «А в Курску быть сверх того и для того пристойно, что в том городе живут бояря и воеводы и малолюдно быть в том городе не мочно. А что в том городе при них, боярех и воеводах, бывают для караулов и для посылок и городов солдаты — и то им великая тягость и оскорбление, потому что тем солдатом и от служеб нужно, а те караулы им служба ж прибавочная с нуждою. Да и для того, что в тех городех и в уездех дворян небезлюдно, и они, живучи меж них, воровства заводить станут опасаться».

В 1687 г. воеводой Большого Белгородского полка был назначен боярин Борис Петрович Шереметев — позднее прославленный фельдмаршал войск Петра I. Ему пришлось столкнуться как с привычными делами пограничья, так и с задачами, необычными для здешних мест. В 1691 г. край был охвачен подготовкой к войне против татар и примкнувшего к ним казачьего атамана Петрика. В Курск из Белгорода был командирован инженер-полковник В.Н. Фанзален для «починки верхнего земляного города», а сам курский воевода окольничий князь П.Л. Львов повёл служилых людей в поход против крымцев к Соколову. Он выступил на Обоянь, Карпов, Золочев, Олешню и совместно с белгородцами успешно дошёл до Перекопа. Однако полностью покончить с угрозой со стороны Петрика не удалось, и в 1693 г. он вместе с сыном крымского хана предпринял новый поход к рубежам Курского края. Набег этот закончился полной неудачей — казаки гетмана И.С. Мазепы заставили врага отступить от Днепра в степь. Курский воевода В.А. Змеев, успешно отразив набег татар под Валки, возвратился в Курск вместе со своим полком.

Вслед за тем, в 1695–1696 гг., жители Курского края были привлечены для подготовки похода на Азов. «Никогда раньше не было столь громадного требования на службу детей боярских из курского края в другие края, да ещё на почти неизвестное для них дело устройства военных и грузовых судов, — пишет известный историк–

Русские воины конца XVII в. Миниатюра из «Книги любви знак в честен брак».

Петр I. Художник Г. Кнеллер. 1698 г.

краевед А.А. Танков. — Но в своей кипучей деятельности Пётр Великий не знал преград, не любил считаться с ними и с исполнением его повелений никто не медлил. Таким образом, пять с лишком тысяч жителей Курского края, не считая служилых и посадских людей низших званий, наполнили Козловские, Липецкие и Воронежские леса в зимнее время и прежде всего взялись за тяжёлое дело вырубки самых колоссальных и крепких дерев, годных для построения судов, и мачтовых дерев, а потом принялись за их устройство».

Помимо этого, служилые люди Курска участвовали и в боевых действиях против татар и турок, отразив в 1696 г. татар от украинского городка Сорочинцы, совершив в 1697 г. поход к черноморскому побережью, разбив татар на Совинском броду под Гадячем. В 1698 г. они под началом князя Я.Ф. Долгорукова выступили на выручку осаждённых турками Тавани и Казыкерменя.

Однако все эти бои велись уже вдали не только от Курска, но и от самой Белгородской черты. Граница постепенно отдалялась от городов и сёл Курского края, а вместе с нею уходил в прошлое и боевой быт Порубе-

Взятие турецкой крепости Азов войсками Петра I в 1696 г. Художник А.М. Чернышев. Фрагмент диорамы в музее «Пороховой погреб» — филиале Азовского историко–археологического и палеонтологического музея–заповедника (Ростовская область, Россия).

Взятие Азова. Русская миниатюра 1–й половины XVIII в. Из рукописной книги П.Н. Крекшина «История Петра I».

жья. Вражеские набеги и нашествия становились достоянием легенд, дедовских преданий, чем дальше, тем более туманных. Потомки служилых людей обращались к мирному труду, становясь крестьянами, купцами, ремесленниками, помещиками. Край приобретал новое лицо.

КУРСКАЯ КРЕПОСТЬ В 1722 г.

На протяжении всего XVII в. Курск оставался порубежной крепостью. Окружённый стенами, вступил он и в век XVIII. Облик центральной части города в первые годы нового столетия запечатлен на «Абрисе», датированном 1722 г. Этот ценный документ был обнаружен в фондах Центрального Государственного военно–исторического архива (ныне РГВИА) архитектором С.И. Фёдоровым в 1960 г. и опубликован в 1963 г. сотрудниками Курского краеведческого музея В.И. Самсоновым и В.А. Стоюшкиной.

Надпись в верхнем левом углу чертежа сообщает, что он «…делан с того чертежа, который прислан из военной коллегии, чертил артиллерийский ученик Михайло Золотилов». При этом из текста не вполне ясно, является ли чертёж самостоятельной работой Золотилова, или же он лишь скопировал его с плана, присланного из Военной коллегии. Известны и другие работы Михаила Золотилова, например чертёж крепости в Ельце. Он выполнен уже в более привычном для нас стиле с условными обозначениями башен и зданий.

На «Абрисе» хорошо прорисованы особенности рельефа местности в пределах крепостного мыса, детали отдельных построек, особенности укреплений. По сравнению с серединой XVII столетия в крепости уменьшилось число башен, исчезла «старая городовая осыпь» внутри острога, но зато появились бастион на стрелке мыса и равелины перед Пятницкой и Никитской башнями — более современные дерево–земляные фортификационные сооружения. На «Абрисе» чётко прослеживаются два участка во внутренней застройке крепости. Основная масса построек сконцентрирована в её наиболее широкой, северной части, не далее Знаменского монастыря. Выдающаяся на юг подтреугольная часть выглядит относительно пустой, и здесь располагаются постройки довольно специфического характера — мастерские и кузницы. Это объясняется тем, что жилые постройки строить на склоне с заметным понижением уровня поверхности было неудобно, а мастерские, во избежание пожара, следовало возводить подальше от основной застройки и поближе к воде. Стрелка мыса в данном случае отвечает обоим этим условиям.

Хорошо показаны на «Абрисе» кирпичные стены и башни Знаменского монастыря, а также весь комплекс церковных зданий. Стены имели общую протяжённость в сто сажен (213 м), были снабжены бойницами, обходной галереей и четырьмя угловыми башнями. Попасть внутрь обители можно было через Святые ворота с надвратной Петропавловской церковью или же через служебные Водяные ворота в восточной стене. Внутри монастырской ограды отчётливо видны контур Знаменского собора, колоколен и грядки монашеско-

«Абрис города Курска». 1722 г.

го огорода. Внутри обители находились различные жилые и служебные строения: настоятельский и келейный корпуса, рухлядная и хлебенная палаты, трапезная, поварня, квасоварня, палатка над колодцем. Слева к стенам монастыря почти вплотную примыкают «монастырские дворы». Правее монастыря располагаются осадные дворы курян — плотно стоящие деревянные дома, окружённые заборами. Близ Никитской башни на абрисе показана городская тюрьма. На участке между монастырём и северной стеной крепости размещаются «магазея» (склад), дом архиерея, отдельно стоящая соборная колокольня и церковь Николая Чудотворца.

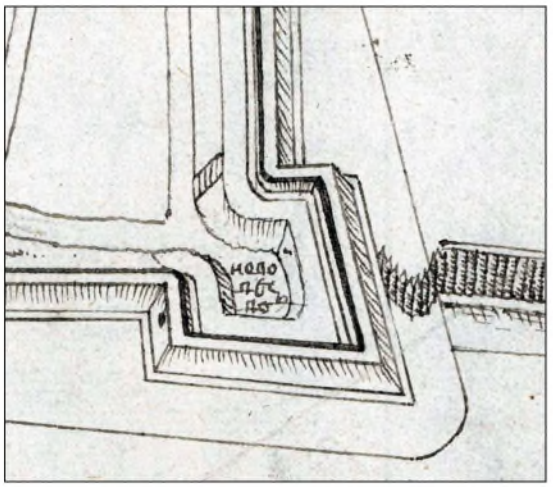
Детали деревянных жилых построек осадных дворов позволяют реконструировать облик рядовой городской застройки Курска рубежа XVII–XVIII вв. Чётко прорисованные горизонтальные планки позволяют определить тип усадебных оград как заплот. Однотонные белые стены самих

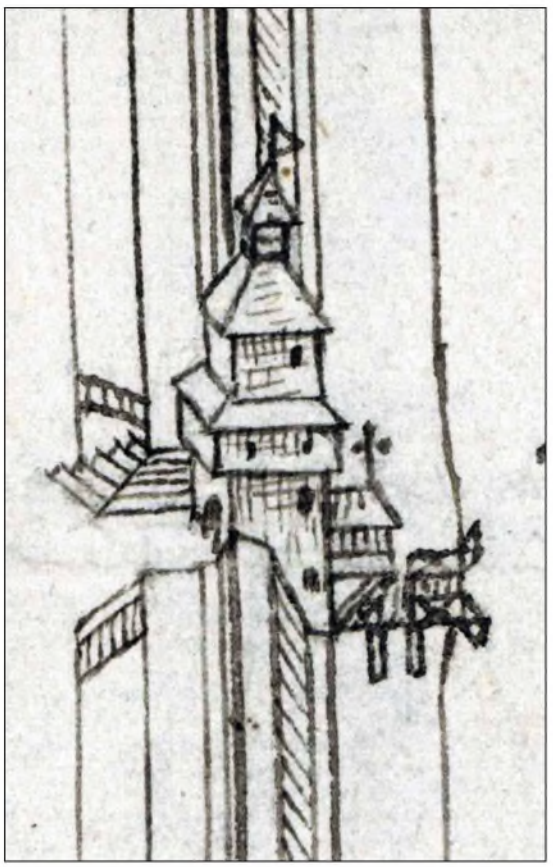
Прорисовка «Абриса города Курска».

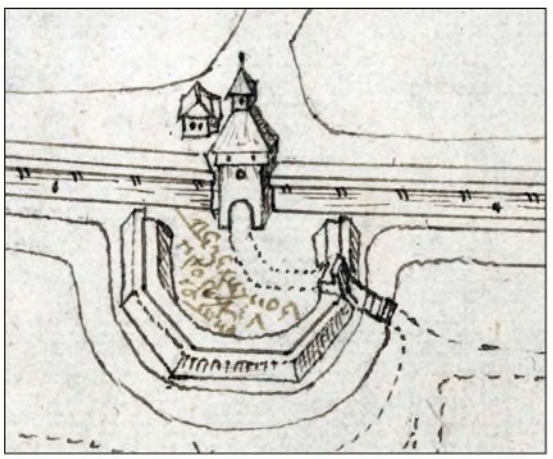
жилищ говорят о том, что они, скорее всего, были обмазаны и побелены. Хорошо видна кирпичная кладка монастырских строений.

На пологой мысовой части крепости располагаются казённые постройки. Во–первых, это здание воеводской канцелярии и магистратский двор, где находились городские органы власти. Во–вторых, это «казённые погреба», врытые в обрывистый участок склона, кузница, мастерская и артиллерийский склад. Ведомость, составленная в 1718 г., сообщает, что в казённом «магазейне» Курской крепости находилось «10 амбаров деревянных, 3 погреба по одной линии пороховых, в них выводы деревянные, обкладены дёрном, а у третьяго погреба вывод в серёдке каменный».

Регулярных войск в Курске в то время не стояло, и гарнизон крепости по–прежнему составляли местные служилые люди, причём среди них имелось 128 человек, годных к службе, и 102 — старых, дряхлых и к службе непригодных. На воору-







Изображение частей Малого острога Белгорода на чертеже конца XVII в.: бастион; воротняя башня и городовой мост; равелин у ворот.

жении крепости находилось 16 орудий разного калибра, одна мортира и одна «шмаговница» (гаковница или крепостное ружьё). Кроме того, имелись ещё две негодных чугунных пушки и три шмаговницы. В арсенале хранилось 1860 ядер, 25 бомб, 50 картечин, 1363 ручных гранаты, 100 ядер для шмаговниц, 610 свинцовых ядер, 306 пудов свинца для отливки пуль, 12 пудов дроби, 450 пудов пороха, 3 пуда фитиля и 2 пуда «железных репьёв» для защиты подступов к стенам.

Фортификации Курска были отремонтированы в 1717 г. Помимо стен и башен, тогда же был возобновлён тайник.

Укрепления, изображённые на «Абрисе» 1722 г., представляют собой бревенчатый частокол с выступами–отводами и пять шестигранных башен. Наугольная Красная башня являлась глухой, остальные — Пятницкая, Никитская, Тускарная и Виденеева — были проезжими. На абрисе отчётливо показаны дорожки, ведущие к воротам этих башен. Подле каждой из них располагаются небольшие одноэтажные постройки — караульни. Перед воротами Пятницкой и Никитской башен тщательно прорисованы прочные деревянные мосты через крепостной ров. Подступы к городовому мосту перед Пятницкой башней прикрывает земляной равелин, который возвёл тут летом 1677 г. генерал Патрик Гордон. Остатки подобного же сооружения виднеются и перед Никитской башней.

Бастион Белгород, будучи расположен именно на стрелке мыса, играл важную оборонительную функцию. Помещённые на него орудия успешно простреливали прибрежную территорию вдоль Тускаря, а также площадь между Куром и обрывом крепостного мыса. Говоря о возведении бастиона, следует помнить, что именно Меловая башня, на месте которой он был выстроен, являлась наиболее уязвимым пунктом в обороне Курска. В 1634 г. войска Иеремии Вишневецкого, подойдя к крепости по будущей Херсонской дороге, атаковали именно этот участок, хотя он был расположен в стороне от линии их марша. Врагов не остановило и то, что переброска войск через долину Кура могла встревожить пока ещё ничего не подозревающий гарнизон, лишив атакующих эффекта внезапности. Тем не менее атака поляков увенчалась успехом и башня была взята. Объяснить это можно тем, что Меловая башня находилась на самом низком участке мыса, и чтобы добраться до неё, не нужно было ни преодолевать огромный ров, ни взбираться по отвесному мысовому склону. Время сооружения бастиона пока точно не установлено. Название своё он мог получить как от мелового грунта, использованного при его постройке, так и от ведущей на Белгород дороги.

Изображения «Абриса» хорошо показывают, что, даже оказавшись вдали от опасной границы, преобразившаяся Курская крепость всё ещё представляла собой надёжный оплот государства, способный достойно противостоять угрозам со стороны возможного неприятеля.

ГЕТМАН МАЗЕПА — КУРСКИЙ ПОМЕЩИК

На протяжении всего Позднего Средневековья (XVI–XVII вв.) подавляющее большинство землевладельцев Курского края относилось к мелким и средним разрядам служилых людей. Только в начале XVIII в. здесь появляются крупные имения представителей российской знати, обычно складывающиеся в результате пожалования или покупки поместья и последующего присоединения близлежащих земель.

Одним из первых крупных землевладельцев Курского края был «Гетман его царского величества Войска Запорожского» Иван Степанович Мазепа (1644–1709 гг.).

Он происходил из мелкопоместной украинской шляхетской семьи Мазеп–Колединских, владевших имением в с. Мазепинцы на Днепровском Правобережье. В 1687 г. Мазепа был избран гетманом Войска Запорожского левого берега Днепра, а в 1704 г. его власть признали и казачьи полки Днепровского Правобережья, официально принадлежавшего тогда польской Речи Посполитой. С этого времени Мазепа стал именоваться гетманом «Войска Запорожского обеих сторон Днепра».

Казацкий предводитель отличался большой образованностью, знал несколько иностранных языков (польский, латынь, немецкий, итальянский, турецкий и татарский), покровительствовал религии, просвещению и искусствам, был талантливым администратором, искусным дипломатом, лицемерным и коварным политиком, а также военачальником, которого «за многие ево в воинских трудах знатные и усердно радетельные верные службы» Петр I наградил высшей наградой России — орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Личные и деловые качества гетмана не только позволили ему добиться уважения русского царя, но и стать его личным другом.

К этому же времени Мазепа превращается в одного из крупнейших помещиков России, чьи имения располагались не только на Гетманщине, но и в сопредельных с ней Рыльском, Путивльском и Севском уездах. Начало образования его курской вотчины относится к последним десятилетиям XVII в. Согласно М.М. Плохинскому, к 1699 г. он выкупает у детей боярских и городовых казаков Рыльского уезда земли в Городенской волости Свапского стана под Ивановским болотом и в Омонском стане над речкой Омонью, где строит слободы, названные Омонскою и Ивановскою. Для окончательного оформления сделки гетман отправляет к царю генерального писаря Михаила Воеховича со своей челобитной грамотой, в которой просил, чтобы «пожаловал Государь его слободам ис пустых земель к Ивановской 500 четвертей и к Омонской 500».

Закладная глиняная доска церкви Иоанна Предтечи Малороссийского коллегиума (Чернигов, Украина) с изображением герба И.С. Мазепы. 1702 г. Национальный архитектурно–исторический заповедник «Чернигов древний». Надпись на доске: «Сей храм создан Божим благословением и прещедрым даянием и иждивением от ясновельможного пана Иоанна Мазепы, славного войск российских гетмана надтисаша в семьсотному року начася а в втором поспешеством Божиим скончися». Расшифровка надписи вокруг герба: «І(оанн) М(азепа) Г(етман) В(ойск) Е(го) Ц(арского) П(ресветлого) В(еличества) З(апорожских)».

Портрет гетмана Ивана Мазепы. Неизвестный художник. Около 1700 г. Национальный музей Стокгольма (Швеция).

Мазепа в окружении добрых дел. 1705 г. Гравюра И. Мигуры.

Рассмотрение прошения затянулось на несколько лет. Лишь в 1703 г. «за его, гетмана, к нему, Великому Государю, верные и усерднорадетельные службы велел Государь ему в Рыльском уезде на слободы Ивановскую и Омонскую и на иные купленные и поступные села и деревни, мельницы и земли и сенные покосы дать жалованную грамоту». Этой же грамотой к двум упомянутым слободам разрешалось присоединить ещё 1000 четвертей земли (1 635 га), «в которых пристойных местах он, гетман, приищет, только б чьего владенья, данного кому по указу Великого Государя не было».

Помимо рыльских земель Мазепа в том же 1703 г. получает во владение и расположенную в

Печать гетмана И.С. Мазепы с изображением герба Войска Запорожского. 1690-е – 1700-е гг.

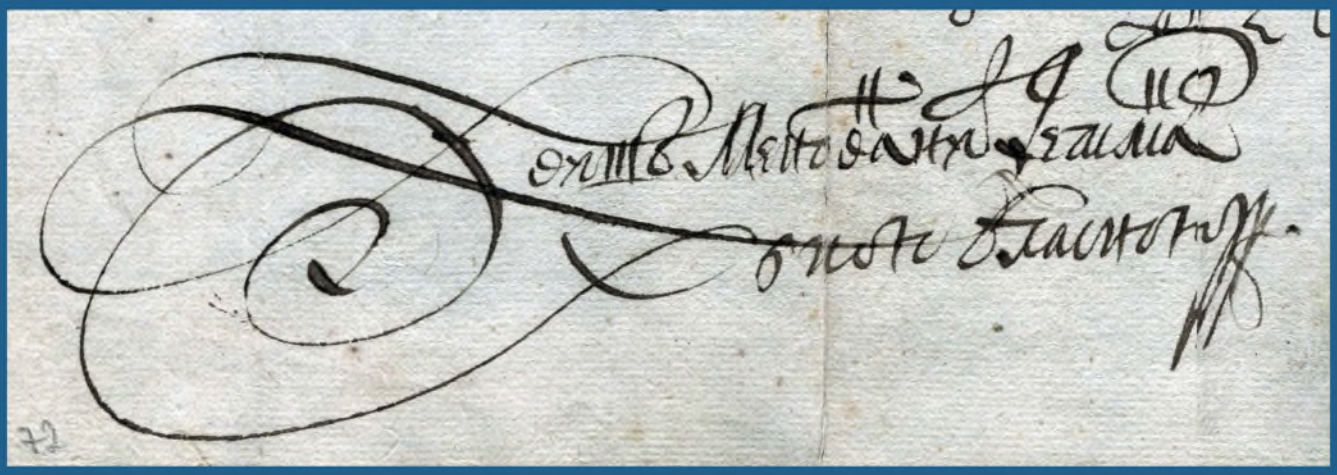
Представитель казацкой «старшины» (по А. Ригельману, 1847).

Гетман Войска Запорожского (по А. Ригельману, 1847).

пограничном Севском уезде Крупецкую волость (часть современного Рыльского района) со всеми принадлежащими к ней селами и деревнями.

Поощренный царской милостью Мазепа ещё энергичнее начинает расширять свои русские владения. Уже в 1706 г. глуховский писарь Фёдор Емельянов хлопочет в Москве о признании за гетманом новых выкупленных у рыльских и путивльских служилых людей поместий, а в октябре 1708 г. войсковой есаул Максимович передает царю его челобитную с просьбой об утверждении очередных приобретений Мазепы в Рыльском уезде и позволении населить полученные земли пришлыми вольными людьми. К челобитной прилагалось гетманское подношение в 2 000 червонцев.

Чтобы исключить юридические затруднения по признанию законности совершенных гетманом сделок, продававшие свою землю русские помещики обычно указывали в договорах («заручных челобитных»), что взяли у гетмана деньги для выполнения своих служебных обязанностей («для подъему службы» или «для пополнения Государевой службы»), а землю из своего поместья отдают ему в качестве оплаты долга. Впрочем, приобретение

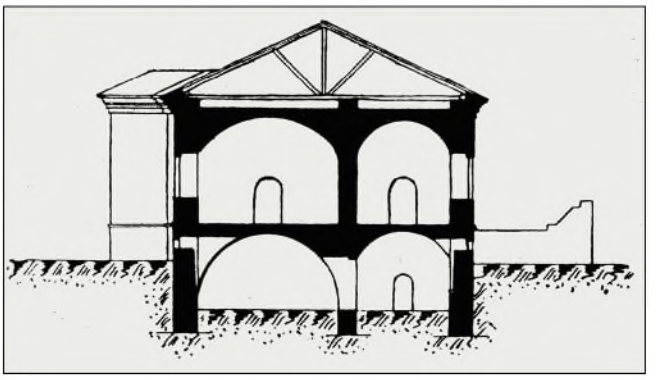


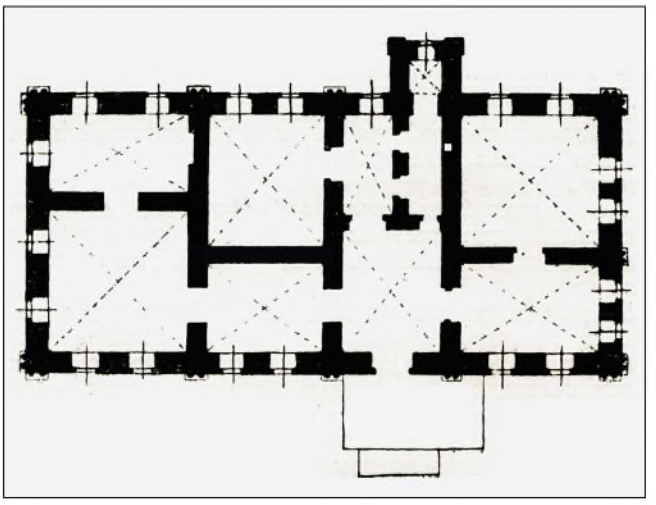
Подпись гетмана И.С. Мазепы. 1687 г.

Дом гетмана Мазепы в с. Ивановском. Гравюра из журнала «Нива». 1886 г.

земли могло осуществляться и насильственными методами. Так, в 1707 г. помещики с. Кремяного обратились в рыльскую канцелярию с жалобой на то, что гетман «без всякого права и крепостей отнял у них Шептуховку с принадлежащими к погребенской их даче землями».

Пользуясь покровительством высших русских чиновников и лично Петра I, И.С. Мазепа не только закрепил за собой значительные владения в нескольких южнорусских уездах, но и добился их переподчинения церковной власти киевского митрополита. Об этом свидетельствует приводимое Н. Сенаторским распоряжение Патриаршего Казенного Приказа от 7 июня 1705 г.: «велено которые волости и села Путивльскаго и Рыльскаго уездов отданы в дачу Гетману Ивану Стефановичу Мазепе, а в них церкви есть и тех церквей попом и церковным причестняком велено быть в ведении всякими делами и данными платежами

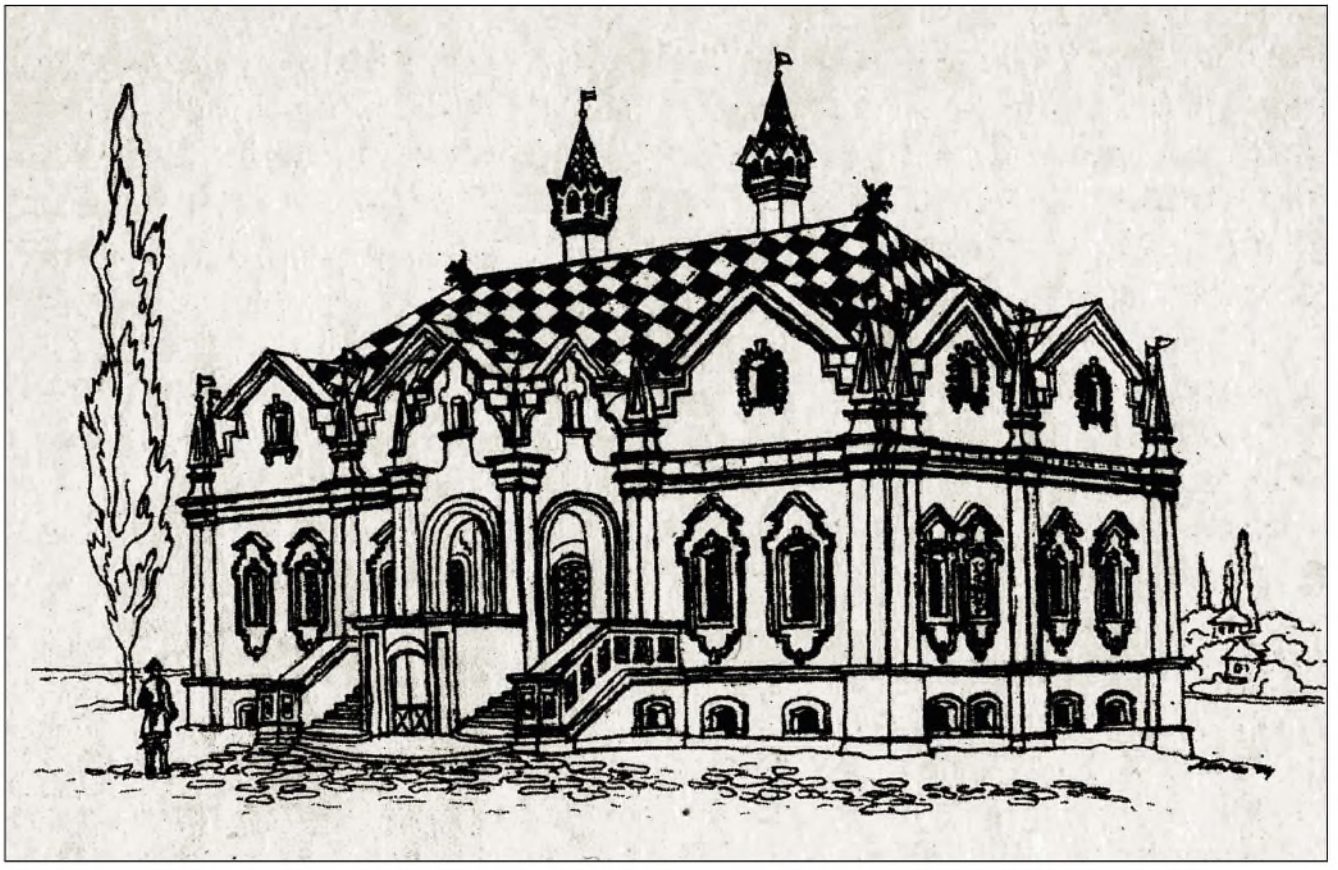




«Палаты Мазепы». Разрез (по В. Габелю и С. Федорову, 1956).

«Палаты Мазепы». План (по В. Габелю и С. Федорову, 1956).

«Палаты Мазепы». Рисунок–реконструкция К. Лопяло (по М.П. Цапенко, 1976).



«Палаты Мазепы». Современная фотография. Уникальный памятник русской усадебной архитектуры 1–й половины — середины XVIII в. Соотнесение его с именем запорожского гетмана ошибочно, т.к., согласно описи конца 1708 г., в ивановском поместье И.С. Мазепы не было каменных строений.

«Палаты Мазепы». Угол здания. Современная фотография.

«Палаты Мазепы». Окно. Современная фотография.

в Дом преосвященнаго Варлаама митрополита Киевского».

Под власть киевского митрополита Варлаама (Ясинского) перешли следующие приходские церкви: Покровская села Крупца и деревни Воронка, Георгиевская села Козино с деревнями Локтем и Стариковой, Ильинская села Ковенок и деревни Шалыгино, Петропавловская села Погарич и деревни Шелешов, Преображенская села Дроновки с деревнями Уросы и Старые Колодези, Дмитриевская села Неплюевки, Покровская слободы Амонской, Николаевская слободы Куренёк, Михайловская села Алешинки, Покровская и Михайловская слободы Ивановской, Дмитриевская села Нижние Деревеньки, Николаевская села Вышние Деревеньки, Косьма–Демьяновская села Козьи Угоны, Христорождественская села Коренево, Вознесенская села Гапоново, Рождество–Богородицкая села Снагости, Покровская села Алексеевки, а также монастырь Глинская пустынь, причисленный к Путивльскому Молченскому монастырю. Лишь в 1721 г., по учреждению Святейшего Правительствующего Синода, отнятые при Мазепе русские церковные десятины были возвращены в Синодальную (бывшую Патриаршую) область, а спустя десять лет синодальный указ от 11 ноября 1731 г. окончательно постановил, что «Севск, Путивль, Рыльск и уезды — из древле патриаршей ныне же Синодальной области, а Киевскому архиерею оных церквей, попов, диаконов и причетников ведать, сборов никаких имать и ни в чем интересоваться не велеть».

В отданных под его власть курских землях Мазепа основывает или расширяет уже существующие слободы, села и деревни, заселяя их «приходящими из разных мест людьми». В 1708 г. он владеет в Рыльском уезде 12 селами (Ивановское, Гузомоя (современный Густомой), Нижние Деревеньки, Козьи Гоны, Вышние Деревеньки, Городенское, Кочетна, Котливо, Амонь, Ольховка, Куренки, Софроново), 4 слободами (Избица (современная Степановка), Старая Ивановская (современная Мазеповка), Жилина и Речица) и 2 слободками (Сугров и Дремова).

Всего в пограничных с Гетманщиной русских уездах Мазепа владел 21 селом, 5 деревнями, 4 слободами и 2 слободками, в которых было 4117 дворов, населённых 15 000 мужчин и более 12 250 женщин, из которых большая часть (около 86,4 %) была русскими.

Согласно М.М. Плохинскому, пахотная земля в курских владениях Мазепы делилась на равные участки–*пляцы*, за пользование которыми *пашенные крестьяне* должны были уплачивать определенную плату. В Рыльском уезде годовая плата за пляц была 2 рубля, в Путивльском уезде — 2 рубля 8 денег, в Крупецкой волости — 7 рублей 16 алтын 4 деньги и 4 воза сена. В зависимости от достатка крестьяне могли занять весь пляц, его половину, четверть, шестую и даже восьмую часть. Общий годовой сбор с пляцев в Рыльском уезде составлял 1333 рубля, в Путивльском уезде — 171 рубль 11 алтын 2 деньги и в Крупецкой волости — 1540 рублей 8 алтын 3 деньги и 816 возов сена.

Кроме пашенных крестьян в гетманских поместьях проживали и люди, не имевшие своих участков. Они числились в документах как *бобыли* (в Крупецкой волости и Путивльском уезде) или *безпашенные* (в Рыльском уезде). С них плата за пользование землей не взималась, однако, вместе с пашенными крестьянами они должны были отрабатывать *барщину*, возделывая принадлежащую гетману землю. Только население Крупецкой волости было освобождено от этой повинности, чем, возможно, и объясняется более высокая плата за пляц.

Приходящих в его поместья переселенцев гетман на несколько лет освобождал от всех денежных выплат, в том числе и за выделяемые им земельные наделы–пляцы. Это привлекало к нему *черкас*–украинцев, которые до конца XVIII в. имели право свободного перехода от хозяина к хозяину. Поселившиеся ранее у русских помещиков черкасы покидали своих прежних хозяев и бежали к Мазепе в поисках лучших условий жизни. «Но помещики этого края, — пишет Н.И. Костомаров, — Полянские, Тургеневы, Стремоуховы, Дуровы, Ширковы — были такие потатчики своего нраву, что фамильные имена их до сих пор остались в местных преданиях с памятью об их бесчинствах. Они, собравши своих великороссийских крестьян, стали преследовать ушедших от них малороссиян, разоряли деревни, заводимые поселенцами на гетманских землях, нападали на них по дорогам, ловили их где могли, били, увечили и до смерти убивали, не щадя ни женщин, ни детей, и погибло тогда до сотни душ. Когда по жалобам на такие неистовства производился розыск, то великорусские люди, не только прикосновенные к делу, но и посторонние, били и бесчестили малороссиян, присылаемых гетманом к розыску, местные подьячие держали сторону помещиков, а люди и крестьяне, которых помещики посылали и водили на разбой, по наущению своих помещиков не говорили на допросах правды».

За помощью в борьбе с курскими помещиками Мазепе пришлось обращаться в Москву. Еще в челобитной 1699 г. он просит не только об утверждении его владения на Ивановскую и Омонскую, но и о защите новопоселенных слобод от притеснений соседних владельцев, «чтоб впредь никто ис помещиков никакой обиды и насилства людям свободным, в оные слободки идущим, по дорогам перенимая, разорения не чинили».

В 1700 г. гетман отправляет в Москву ещё одну челобитную по случаю убийства и разорения, совершенных рыльскими помещиками Александром Полянским с товарищами в слободках в урочище Обчие Колодези, к которой прилагалась роспись «убитых и изувеченных».

Но и в столице гетмана сначала преследовали неудачи. Назначенный для производства сыска стольник А.Ф. Тоузаков затягивал дело, ссылаясь на то, что гетман вообще не имел права приобретать земли, входившие в округу так называемых заказных пограничных городов. Лишь после того как рассмотрение гетманской жалобы взял под свой личный контроль руководитель Посольского приказа Ф.А. Головин, дело сдвинулось с мертвой точки. Из Малороссийского приказа был получен ответ, что приобретение земель у рыльских помещиков не запрещено законом, у Тоузакова за «уклонение от производства сыска» отняли «на имя государя» поместья, а сыскное дело поручили стольнику И.И. Щепотеву. Вскоре Ф.А. Головин сообщил гетману, что рыльские помещики Любим Полянский с товарищами были задержаны «на Москве по прошению ево, Мазепином».

Населявшие поместья Мазепы люди занимались земледелием, винокурением, заготовкой сена, скотоводством и пчеловодством.

Зерно мололи на *водяных мельницах* или «курили» из него водку, пиво и мёд в *винокурнях*. Отходы спиртового производства и сено шли на корм содержащихся в специально устроенных *скотных дворах* лошадей, волов, коров, овец, коз, свиней, гусей и «русских» кур. Здесь же могли и обраба-

тывать полученные молоко, мясо и шерсть. Так, в с. Нижние Деревеньки при скотном дворе была устроена изба–*маслобойня*, а в пределах Рыльского уезда и Крупецкой волости построено 10 *сукновален* для обработки шерсти.

Большое внимание уделялось и устройству *пасек* для получения мёда. Пасека в Ивановском насчитывала 40 ульев, в Нижних Деревеньках — 90 ульев, в Куренках — 20 ульев, в Дроновке — 200 ульев. Если крестьянин имел свою пасеку, он отдавал гетману каждый десятый улей.

Садов в господских имениях не было, т.к. их только начинали разводить — в с. Ивановском «позади старых светлиц сад заводится вишневый и яблоневый вновь», в с. Нижние Деревеньки — «позаду сарая заводится вновь такой же сад».

Для управления помещичьим хозяйством, проживания приказчика и размещения хозяина в случае его приезда в селениях строились *экономические дворы*.

В незначительных поселениях (Амонь, Дроновка, Колодежи, Коренево) такие дворы были небольшими — одна–две светлицы, черная изба, сарай, пара амбаров и погреб. В крупных поместьях (Ивановское, Нижние Деревеньки) экономии состояли из большого числа служебных и хозяйственных построек. Все строения были деревянными. Светлицы обычно строились одноэтажными («поземными») с покрытыми дранкой («дранью на кроквах») крышами. Все остальные постройки крыли соломой. Дворы огораживали заборами из досок–*пластин*.

В с. Крупец поместье было построено в виде небольшой крепости–*городка*, расположенной на горе над мельничным прудом, получившимся от запруды р. Крупца. «Городок был выстроен из дубового леса, — пишет М.М. Плохинский, — …о трех стенах, на углах стояли четырехугольные башни «без верху». Одна стена городка длиною 94 саж. [около 203 м] примыкала к речке Крупцу; две другие стороны имели в длину: одна 47 саж. 1 арш. [около 102 м], другая 17 саж. [около 37 м]. В городок вели четверо ворот: двое было в стене, примыкавшей к речке [Крупец], третьи створчатые в башне, противолежащей вышеупомянутой стене, и четвертые у другой башни (примыкавшей к стене в 47 саж.). Стены городка были рублены тарасами [отдельные срубы, скрепленные между собой] и насыпаны землей, в вышину имели два сажня с четвертью [около 5 м]».

Центром русских владений Мазепы было расположенное около г. Рыльска с. Ивановское, в котором в 1708 г. числилось 497 дворов (321 русский и 176 украинских).

В селе было построено 2 бани, 7 кабаков–*шинков* (1 гетманский и 6 частных), харчевня и 10 торговых лавок. Лавки, бани, харчевня и питейные заведения налогом не облагались. Раз в неделю в селе проводился торг, а на храмовые праздники — ярмарки.

Жители Ивановского молились в двух храмах — Покрова Преподобной Богородицы и Архистратига Михаила, а также в часовне апостолов Петра и Павла в слободе Комаровке. При одной из церквей была устроена школа, в которой преподавали специально обученные священнослужители *(мандрованные дьяки)* и жили *прихожие школяры*.

Господская *экономия* была обнесена дощатым забором. С лицевой стороны забор соединялся со стеной из вкопанных стоймя дубовых бревен. В стене были устроены одностворчатые ворота с калиткой. Сразу за воротами стояло два амбара, справа располагались большая конюшня, сарай, амбары и ледник с погребами. На усадьбе также было выстроено 11 одноэтажных «поземных» светлиц, две поварни и кухня. За светлицами была устроена баня («мыльня с сенями») и разбит сад. Экономию обслуживали переселённые для этой цели казаки–украинцы (70 мужчин и 60 женщин). Они жили в 26 дворах и владели 14,25 пляцами пашенной земли, за пользование которой исполняли разного рода службы («казаки, которые служат при дворе и посылаются в посылки»).

Местная легенда гласит, что для владельца–гетмана в Ивановском было выстроено сохранившееся до наших времён прямоугольное (26,4 м на 12,3 м) одноэтажное здание из красного кирпича с фасадами, украшенными рельефными оконными наличниками, парными колоннами и карнизом. Внутри дома соединённые между собой проходами комнаты делятся сенями на две части, под ними располагаются *погреба* с устроенным около каменного крыльца входом. За зданием прочно закрепилось название *«Палаты Мазепы»*, однако их связь с гетманом ошибочна, т.к. в опубликованном М.М. Плохинским описании ивановского поместья 1708 г. чётко указано, что все постройки в нём были деревянными. Возможно, дальнейшие изыскания помогут пролить свет на точную дату возведения так называемых «Палат Мазепы» — уникального памятника русской усадебной архитектуры 1–й половины — середины XVIII в.

Однако хлопоты по обустройству курской вотчины были лишь одним из эпизодов в бурной и яркой жизни гетмана Мазепы, принимавшего самое деятельное участие в дипломатических и военных событиях начального этапа Северной войны (1700 –1721 гг.).

Первые годы этой войны были неудачны для России и её союзников. Они потерпели ряд сокрушительных поражений, а после того, как шведский король Карл XII принудил к миру Данию и Польшу, Пётр I остался один.

В конце июня 1708 г. шведские войска переправились через Березину и вторглись в пределы России. Не желая осаждать хорошо укрепленный

Карл XII и казачий гетман Мазепа после Полтавы. Художник Г. Седерстрём.

Смоленск, они отклонились на юг и в конце сентября достигли пределов Гетманщины. Считая, что поражение России неизбежно, Мазепа решил предать Петра I и перейти на сторону победоносного Карла XII. 29 октября 1708 г. в с. Горки он предстал перед шведским королём и сложил к его ногам символы гетманской власти (бунчук и булаву) в знак покорности новому повелителю.

Предательство И.С. Мазепы потрясло Петра I и как государя, и как человека. Но русский правитель быстро предпринял жёсткие и решительные ответные меры.

2 ноября 1708 г. гетманская столица г. Батурин (современная Черниговская область Украины) была взята князем А.Д. Меншиковым штурмом и сожжена, а оборонявшие её мятежники почти поголовно уничтожены.

5 ноября в г. Глухове Мазепа был заочно отрешен от гетманства, лишен Андреевского ордена и предан символической казни.

На следующий день собравшаяся в Глухове Рада избрала гетманом И.И. Скоропадского, а 12 ноября одновременно в Глухове и Москве украинские и русские епископы за нарушение данной на Евангелии присяги на верность русскому царю отлучили Мазепу от церкви. Тогда же Петр I пожаловал все курские поместья бывшего гетмана А.Д. Меншикову за «Батуринское взятие».

27 июня 1709 года у стен осажденной Карлом XII Полтавы русские войска нанесли шведам сокрушительное поражение. Остатки побежденных, среди которых были шведский король и бывший гетман «Войска Запорожского обеих сторон Днепра», бежали с поля боя и укрылись в Турции.

22 сентября 1709 г. беглый изменник скончался в г. Бендеры и был погребен в православном монастыре св. Георгия в г. Галац (Румыния). Современное местонахождение его могилы неизвестно.

ПЕРВАЯ КУРСКАЯ ФАБРИКА

Путивльская (Глушковская) суконная мануфактура в XVIII в.

Одной из основных задач, вставших перед Петром Великим на рубеже XVII–XVIII вв., стало создание в России собственной промышленности, первоочередными задачами которой было удовлетворение потребностей армии и военно–морского флота. Поэтому неудивительно, что первое промышленное производство появилось в Курском крае именно в эпоху петровских реформ. Этим предприятием стала Путивльская суконная мануфактура.

Памятник В.Д. Корчмину. г. Санкт–Петербург. Скульпторы Г. Лукьянов и С. Сергеев. 2003 г.

Её основателем был *Иван Матвеевич Дубровский*, который 18 августа 1719 г. обратился к супруге Петра Великого Екатерине Алексеевне с прошением. В нём он просил оказать покровительство для получения разрешения «построить на свои деньги и на купленной своей земле в Киевской губернии в Путивльском уезде в селе Званом и Глушкове суконный завод в три года. И при том заводе будет иметь несколько тысяч овец, а по прошествии 3 лет от тех заводов будет приносить прибыли ея величеству две доли, а ему получать третью долю».

Предложение вызвало интерес, и уже 27 августа И.М. Дубровский получает от Берг–коллегии разрешение «означенные суконный и овчарной заводы ему, Дубровскому, в показанных местах завесть в 3 года своими деньгами и мастеровыми и работными людьми» и ежегодно давать отчет о развитии производства, количестве выработанного сукна и без утайки платить пошлину. Наказанием за несоблюдение дого-

вора или несвоевременную отчётность была конфискация всего его движимого и недвижимого имущества в казну.

Получив разрешение, фабрикант развивает бурную деятельность. Он скупает у местных помещиков земли, строит производственные помещения, закупает оборудование, нанимает иностранных мастеров.

Чтобы обеспечить мануфактуру рабочей силой, Дубровский использует не только своих крестьян, но и начинает захватывать и закабалять живущих рядом с его владениями украинцев–*черкас*. Сопротивляясь этому, черкасы подавали на него жалобы, как это сделали казаки Карыжской сотни Сумского полка в 1722 г.

Эта тяжба обернулась для Дубровского ценным приобретением. Выехав по требованию Берг–коллегии в Петербург для дачи показаний, он познакомился там с одним из доверенных людей Петра I, главным царским инженером, бригадиром и лейб–гвардии майором *Василием Дмитриевичем Корчминым*, также имевшим поместья в Путивльском уезде.

Решив, что они могут быть полезны друг другу, новые знакомые создали совместную компанию, в которой Дубровский занимался производством, а Корчмин, используя придворные связи, решал встававшие перед компанией проблемы в столице. Об этом прямо говорится в совместно поданном ими в Берг–коллегию 7 февраля 1722 г. прошении, согласно которому: «оные де суконный и овчарный заводы строят они на своих купленных землях, своим иждевением, обще в компании» и просили, чтобы его «Дубровского, из С.–Петербурга отпустить для размножения означенных заводов, а против челобитья сумских черкас будет ответствовать он, Корчмин».

Вероятно, именно благодаря личной заинтересованности и поддержке В.Д. Корчмина дело карыжскими жителями было проиграно и они, потеряв звание казаков, стали приписанными к фабрике *посессионными крестьянами*.

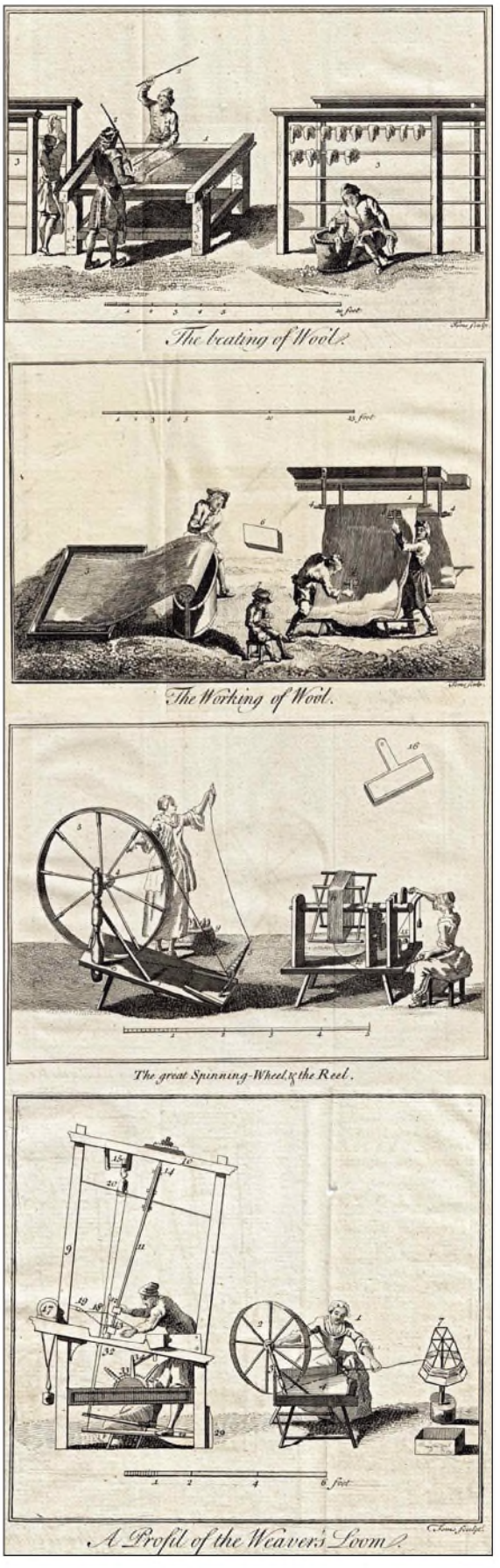
К 1726 г. основные производства Путивльской мануфактуры были построены.

В Глушково возвели обнесенный деревянным забором суконный завод с пятью производственными зданиями–*светлицами*: в четырёх на 42 ткацких и сновальных станах производили *сукно* (плотную шерстяную ткань с гладкой поверхностью), а в пятой сукно ворсили и стригли. Около светлиц–цехов стояли три рамы для сушки суконных основ. За пределами двора была выстроена *красильня*, оборудованная печью и приспособлениями для окраски сукна.

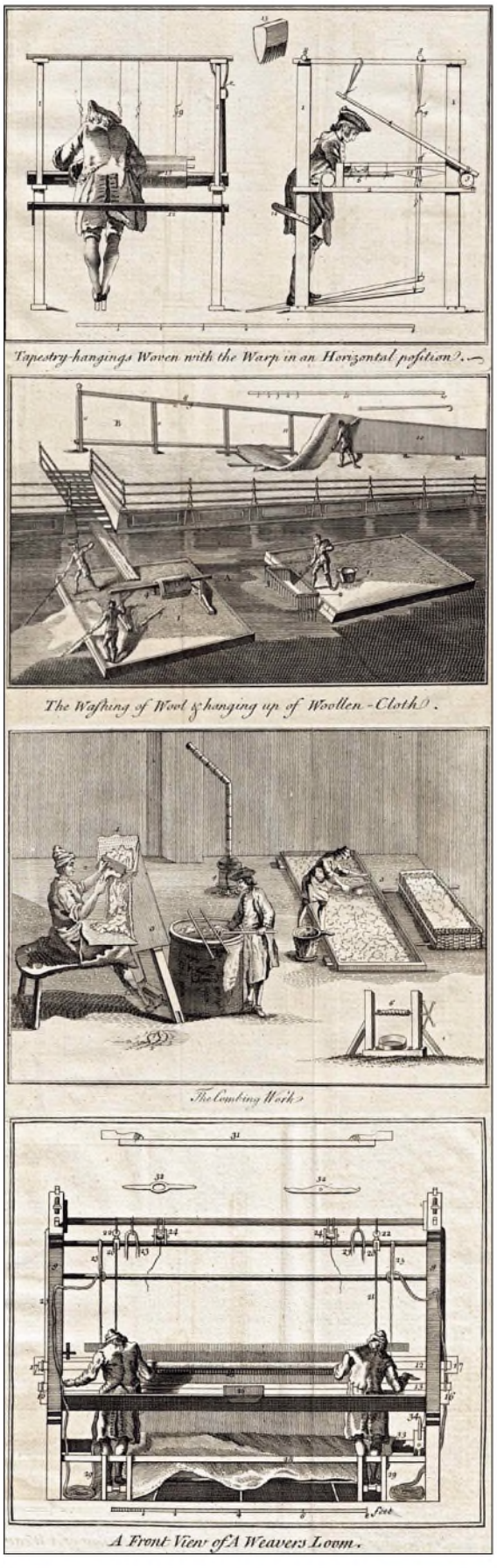
Рядом с суконным производством был устроен *стаметный завод*, состоявший из двух светлиц с 37 станами для выделки грубой шерстяной ткани–*стамеда* и одной красильни.

Перед заводами тянулось четыре ряда рам для просушки сукон, красившихся в разные цвета. Так, в 1726 г. на мундиры служителям «конюшенного двора» было отпущено 448 аршин зелёного сукна, 400 аршин красного сукна, 400 аршин красного стамеда и 600 аршин лазоревых фризов на попоны лошадям.

Ещё 8 сукновален было устроено в Теткино, Козыревке, Мужице, Кульбаках, Куцовке, Дьяковке и Заболотовке. Стамет производили в Званном, Мужице и Карыже.



Производство сукна. Гравюры из английской книги «Основные операции ткачества» (1748 г.).



Производство сукна. Гравюры из английской книги «Основные операции ткачества» (1748 г.).

Всего к мануфактуре было приписано 18 селений Путивльского уезда — села Глушково, Кобылки, Званное, Карыж, Коровяковка, Тёткино, Глушец, Дьяковка, Комаровка, Кульбаки, Сухиновка и деревни Заболотовка, Куцовка, Вишневка, Мужиц, Весёлая, Козыревка, Худяковка. В этих селениях проживало 13 618 черкас мужского и женского пола, которые числились *посессионными крестьянами* — крепостными, находящимися в собственности своих владельцев, но которых было запрещено продавать отдельно от мануфактуры. В их обязанности входила обработка помещичьей земли, поставка продовольствия для рабочих и выполнение вспомогательных работ для нужд Путивльской мануфактуры.

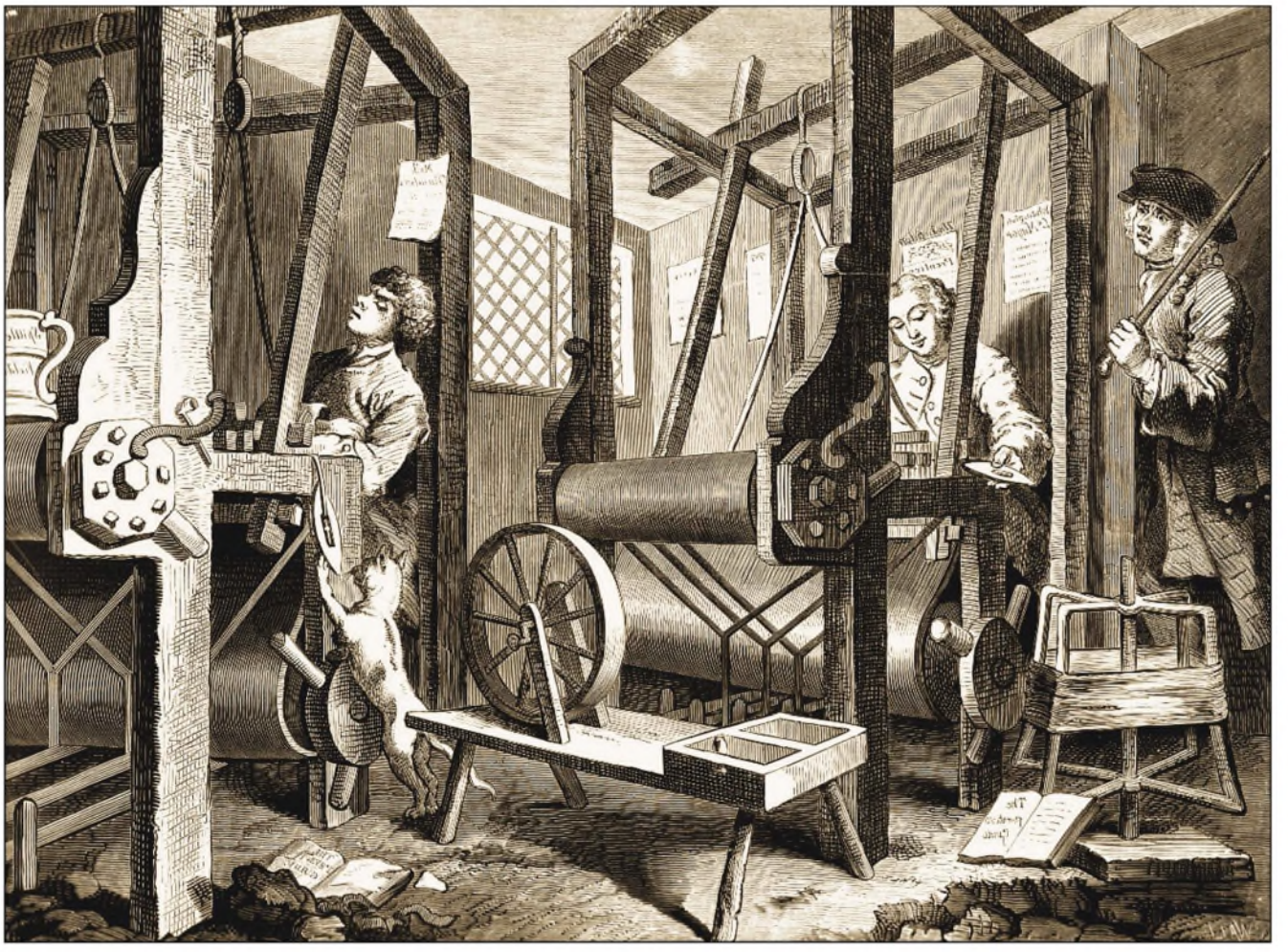
В 1727 г. на фабрике работало 455 человек, выполнявших обязанности скробальщиков, картовщиков, прядильщиков, шпульщиков, бабинщиков, гребенщиков, ворсельников, строгальщиков, ткачей и бердников. Были также писарь, красильщики, кузнецы, токарь, слесарь и сторожа. Большую часть работающих составляли *черкасы*–украинцы, но в списках также указаны русские и даже 4 мастера–иностранца.

Работники получали за свой труд сдельную оплату «кто сколько может сделать по разным ценам», а мастерам выплачивали твёрдо установленный оклад. В год им полагалось «денег 472 рубли, провианту муки рженой 18, пшеничной 5 четвертей 4 четверика, круп 4 четверти 4 четверика, солоду четверть 4 четверика, соли 5 пуд 28 фунтов, вина простого 42 ведра, сала свиного 1 пуд 20 футов, ис того 3 на день пива по 6 гарнцов, сальных по 3 свечи в сутки. Да им же… дается дневная пища на день по ситному хлебу, по гусю, по курице, а в прочие дни по часте мяса или по две курицы или по каплуну».

Однако, несмотря на все усилия, И.М. Дубровскому не удалось вывести работу своего предприятия на запланированную мощность. В 1726 г. он был обвинен в «худых» поступках, жестоком обращении с мастеровыми, незаконном завладении заселёнными казаками–*черкасами* землями, «неразмножении производства» и предоставлении недостоверных сведений о количестве готовых тканей. Фабрикант был арестован, доставлен в Малороссийскую коллегию, подвергнут допросам и просидел под караулом 8 месяцев.

Его напарник В.Д. Корчмин сумел избежать наказания, но после его смерти в 1729 г. все корчминские поместья в Путивльском уезде были приписаны к Путивльской мануфактуре уже в качестве государственных. В этом же году все принадлежащие И.М. Дубровскому заводы, деревни и имущество тоже были переданы в казну, а для государственного управления производством в Глушково назначен асессор И. Неелов.

Вероятно, вовлеченность в дела Путивльской мануфактуры высокопоставленных лиц сделала её достаточно известной в правящих кругах Российской империи. Можно предположить, что именно благодаря этому утверждённый в 1730 г. герб г. Путивля получил свою фабричную символику: «поле сверху белое, а снизу желтое, в середине сукно красное с черным, на сукне 2 челнока золотые с цевками [полые трубочки для наматывания ниток] красными».



Ученики за ткацкими станками. Гравюра У. Хогарта. 1747 г.

Но и перейдя в государственную собственность Путивльская мануфактура продолжала оставаться убыточной, и в 1732 г. правительство приняло решение передать её в «вечное содержание» московскому купцу *Ивану Михайловичу Полуярославцеву*.

По заключённому с правительством контракту новый владелец принимал фабрику «со всеми деревнями, и со всяким строением, и с инструменты, и с фабричною и винокуренною посудою, и с овчарными заводами без оценки, а за отданные ему на той фабрике готовые сукна и прочие парчи и материалы, и за хлеб, и за вино, и за скотину, и за прочее, с принятия по прошествию 5 лет, отдать ему в казну в другие 5 лет годными на мундир суконами». Он также обязался стараться «не только о размножении той фабрики, но и о делании сукна лучшею добротою против иностранных», добиваться удешевления стоимости тканей, поставлять в казну ежегодно 25 000 аршин (около 18 000 м) сукна и 100 000 аршин (более 71 000 м) каразеи, а также с 1737 г. выплачивать сукном за доходы, которые должны были поступать ему с приписных сел. Однако спустя 9 лет, в октябре 1741 г., Путивльская суконная мануфактура была отобрана у Полуярославцева в казну за дурное содержание и плохое качество производимых им тканей, а сам фабрикант был осуждён на год каторжных работ.

26 мая 1752 г., по решению Сената, фабрика была передана московскому купцу *Кузьме Матвеевичу Матвееву* в «вечное и потомственное его, Матвеева, владение» с обязанностью поставлять ежегодно на нужды армии до 50 000 аршин сукна, а также «прочих шерстяных материй хорошим мастерством против иностранного, так, чтобы никакой охулки быть не могло».

«Матвеевский» период стал в истории фабрики временем процветания и успеха.

В начале 1770–х гг. на производстве работало 8478 человек, среди которых было много наёмных работников. Мастеровые получали оплату сдельно: «два ткача за каждой край по 85 коп., скребельщики и картовщики по 60 коп.; прядильщикам, пяти человекам, 1 рубль, шпульнику — 10 коп.». Ежегодно производилось до 100 000 аршин сукна, количество

Разгром барской усадьбы. Художник А.А. Дейнека. 1939 г.

Кирасиры. Россия. 1797–1801 гг. (по А.В. Висковатову).

суконных станов увеличилось вдвое (с 50 в 1752 г. до 100 в 1770–е гг.), из Голландии были выписаны овцы элитной породы, поголовье которых вскоре достигло 17 000 голов. К 1775 г. деревянные строения фабрики заменили на каменные, был построен одноэтажный главный корпус, открыты филиалы фабрики в Теткине и Кульбаках, расширены земельные владения.

За успешную предпринимательскую деятельность К.М. Матвеев получил чин коллежского асессора и был удостоен потомственного дворянства.

В «матвеевский период» Путивльская мануфактура успела поменять своё название и стала называться «Глушковской фабрикой». Об этом мы узнаем из направленного 15 марта 1791 г. на имя Екатерины II прошения, в котором владеющие после смерти К.М. Матвеева «Глушковской фабрикой» его вдова и сын «всеподданейше упадая у подножия престола» просили императрицу «всемилостивейше повелеть нам сдать оную господину генерал–порутчику и кавалеру Потёмкину за сто тысяч рублей, или когда сие неугодно будет Вашему Императорскому Величеству, то взять бы оную в казну, а из милосердия повелеть… выдать издержанные наши деньги». Интересно то, что Иван Матвеев был во время подачи прошения «штаба господина генерал–порутчика и кавалера Потёмкина адъютант» и, та-

ким образом, продавал отцовскую фабрику своему непосредственному начальнику.

20 мая 1791 г. императорское разрешение на продажу было получено, и новым владельцем Глушковской суконной фабрики стал *Павел Сергеевич Потёмкин*. По решению Правительствующего Сената от 3 ноября 1791 г. он должен был «ежегодно на той фабрике выробатывать сукна по 477.907 аршин с половиною».

Но новый хозяин заботился только об увеличении своего дохода и возложил на население приписанных к фабрике селений «немалое отягощение». В направленном глушковскими крестьянами 15 октября 1797 г. на имя Павла I прошении указывалось, что по его приказам «велено употреблять на фабричную работу со всякого двора по три, а на господскую работу с каждого двора по четыре человека… И сверх того с каждого селения… с каждой положенной по ревизии души — по 2 руб. по 7 коп. …еще полагаемо было сбирать хлеба с каждой души по 4 четверика и по 2 гарнца и ржи… Во всех же селениях фабричных собирается ежегодно с каждого двора овса по 4 четверика, по 1 пуду и по 10 фунтов дроку [использовался для приготовления зелёной краски], а из десяти дворов по одному барану, из птиц по одному гусю, по одной утке и по одной курице живых, и… каждого году взыскивались подушные деньги разными

Курский губернатор С.Д. Бурнашев.

положениями по 95, по 70 и по 60 коп. с каждой души и в каждую половину прибавлено еще в снове сукном по пяти аршин, а шлионская шерсть в половинку по одному пуду и по 25 фунтов».

После кончины графа в 1796 г. ему наследовала жена *Прасковья Андреевна Потёмкина*, оставившая наложенные на глушковцев обременительные выплаты без изменения.

Видя, что их жалобы остаются без ответа, а чиновники отделываются лишь увещеваниями, доведенные до отчаяния фабричные крестьяне подняли бунт. Главными требованиями восставших были отмена непосильных повинностей и выплата заработанных ими за два года денег. Во главе бунта встал фабричный «поверенный писарь» *Пётр Слюсарев*, который объявил себя в конце января 1798 г. управляющим и собрал в Глушково множество своих сторонников.

Для подавления волнений власти использовали расквартированный в Курске Черниговский кирасирский полк генерал–майора А.А. фон Эссена.

31 января курский губернатор *Степан Данилович Бурнашев* в сопровождении фон Эссена и его солдат прибыл в с. Снагость, расположенное в 15 верстах от Глушково. Отсюда он разослал жителям охваченных волнением сел «увещевательные» письма, в которых призывал «зараженных неистовством» крестьян раскаяться и, выдав зачинщиков мятежа, явиться к нему с повинной. В противном случае губернатор грозил, что «огнь и меч обращены будут на поражение и истребление нечестивых».

Не дождавшись от засевших в Глушкове мятежников ответа, 1 февраля 1798 г. Бурнашев приказал фон Эссену начать наступление. Тот, «покоря вооруженною рукою противных жителей двух селений, лежащих по пути, связав из них 163 человека… и не останавливаясь, следовал на самих мятежников, скопившихся до трех тысяч в Глушкове и, таковым быстрым подвигом приведя их в замешательство, покорил почти без кровопролития, ибо ранено из них тяжело только двое, без малейшего войску повреждения. Самого злодея Слюсарева взял и с ним главных и других участвовавших в бунте, всего 320 человек». Остальные восставшие прекратили сопротивление и разбежались по домам.

За успешное усмирение мятежа Павел I «в знак монаршего благоволения за таковую деятельность и успех в приведении в порядок такового неустройства высочайше пожаловать соизволил губернатора Бурнашева и генерал–майора Эссена кавалерами ордена святые Анны I степени».

Подавив восстание, власть занялась показательным наказанием его участников.

6 февраля 1798 г. захваченные в «общем скопище мятежников» 251 человек были «в страх и пример другим, для тишины и спокойствия на будущее время» высечены в присутствии губернатора, солдат, жителей Глушково и старейшин участвовавших в бунте селений, после чего их возвратили для работы на фабрику.

Граф И.А. Рибопьер. Художник К.П. Брюлов. 1840 г. Последний владелец–крепостник Глушковской мануфактуры.

Над отправленными в Курск Слюсаревым и его 45 единомышленниками было проведено быстрое следствие. По его завершении руководителя восставших приговорили к 200 ударам кнутом «с вырезанием ноздрей и постановлением штемпельных знаков» с последующей ссылкой на каторгу. Прочие бунтовщики, по мере их участия, по «жестоком наказании кнутом [ссылались] в каторжные ж работы, другие в Иркутск на суконную фабрику, а менше виновники и престарелые с оставлением на жилище». Для приведения приговора в действие осуждённых привезли в Глушково, где 13 февраля 1798 г. над ними была осуществлена показательная расправа в присутствии согнанных местных жителей.

Наследники графа П.С. Потёмкина управляли Глушковской суконной фабрикой до 1858 г., когда она перешла во владение графа *Ивана Александровича Рибопьера*. Он стал последним в её истории фабрикантом, использовавшим труд крепостных крестьян.

После отмены крепостного права в 1861 г. в истории Глушковской фабрики и всей отечественной промышленности начинается уже совершенно новый, капиталистический, период развития.

КУРСКАЯ ВОТЧИНА ГРАФОВ ШЕРЕМЕТЕВЫХ

В первой половине XVIII в. на курско–белгородских землях начинают появляться крупные поместья, принадлежащие представителям самых знатных и могущественных родов Российской империи. Одной из таких вотчин владели графы Шереметевы, а её основателем стал сподвижник Петра I — генерал–фельдмаршал граф *Борис Петрович Шереметев* (1652–1719 гг.).

Он принадлежал к древнему русскому боярскому роду, ведущему свое начало от А.И. Кобылы — боярина московского князя Симеона Гордого (1317–1353 гг.). От этого же предка вели свои родословные такие знатные русские роды, как Колычевы, Яковлевы, Боборыкины, Захарьины и Романовы. Первой придворной должностью Б.П. Шереметева было звание *рынды* — царского оруженосца–телохранителя. В 1681 г. он был назначен тамбовским наместником, в 1682 г. — пожалован в бояре. За подписание «Вечного мира» с Речью Посполитой в 1686 г. получил титул ближнего боярина и наместника Вятского. С 1687 по 1697 гг. исполнял обязанности воеводы Белгородского разряда, главной задачей которого являлась защита южной границы Русского государства. В 1689 г. участвовал во втором Крымском походе князя В.В. Голицына. Во время Азовских походов 1695–1696 гг. командовал русской армией, сражавшейся с крымскими татарами и турками на Нижнем Днепре. Отличился во время Северной войны (1700–1721 гг.). За первую победу русских над шведами в битве при Эрестфере в 1701 г. получил звание генерал–фельдмаршала и был награжден орденом Святого апостола Андрея Первозванного. В 1706 г. за подавление Астраханского восстания первым был возведён в графское Российского царства достоинство. Исполнял обязанности главнокомандующего в Полтавской битве (27 июня 1709 г.), закончившейся сокрушительным разгромом войск шведского короля Карла XII.

Выполняя возложенные на него царем обязанности, Б.П. Шереметев не забывал и о своих личных интересах, на первом месте среди которых стояло постоянное увеличение принадлежащих ему земельных владений. В пределах современного Курского края первыми шереметевскими поместьями стали слобода Понашевка Рыльского уезда и слобода Борисовка Хотмыжского уезда.

Согласно исследованиям И.Г. Охрименко, началом формирования Борисовской вотчины Шереметевых следует считать 3 августа 1705 г. Этим числом датирована дарственная грамота («поступная запись»), по которой Шереметев получал слободу Борисовку от её основателя полковника и командира Белгородского жилецкого полка Михаила Яковлевича Кобелева. Расставание с Борисовкой

Фельдмаршал граф Б.П. Шереметев. Неизвестный художник. 1710 г.

Герб графов Шереметевых.

было для её предыдущего владельца вынужденной мерой, так как Шереметев обнаружил в поместье Кобелева бежавших из его вотчин девять крепостных крестьян «з женами, и з детьми и со внучаты», живших у нового владельца уже 17 лет. Прием беглых крепостных считался тяжёлым преступлением, а за каждый год, прожитый беглым у принявшего его помещика, последний должен заплатить старому владельцу 10 рублей так называемых «пожилых и работных денег». Сумма долга была огромна, и они заключили полюбовное соглашение, по которому Кобелев уступал генерал–фельдмаршалу: «в Хотмышском уезде поместную свою землю и сенные покосы со всеми угодьи… и на той вышеписанной поступной своей земли слободу Борисовку, что построил я, Михайла, вольных гулящих черкас с усадьбы и со всем их дворовым строением и с мельницы и с иными всякими заводы».

Через два дня после получения слободы Борисовки 5 августа 1705 г. по такому же обвинению в приеме его беглых крепостных крестьян Шереметев забирает у служилого человека из г. Хотмыжска Ивана Титовича Оболенцева земли, на которых ныне расположены села Зозули, Грузское и Березовка.

Так было положено начало образованию Борисовской вотчины Шереметевых, в которую кроме Борисовки в 1714–1715 гг. вошли слобода Ивановская, с. Стригуны, Красный Куток, Старая Пушкарная, Зыбино, Петровское, Шопино, а также «черкасские» села Ольшаны, Гмировка и Ерошивка. Позже к вотчине были присоединены Терновка Белгородского уезда, Дементьевка Золочевского уезда, Кореньская Корочанского уезда и ряд других мелких селений или их частей.

Кроме Борисовского поместья Шереметев владел и имениями в Рыльском уезде — с. Растороги и сл. Понашевкой, получившей имя Михайловки в честь умершего в 1714 г. старшего сына фельдмаршала Михаила.

Заселение курско–белгородских поместий Шереметева обычно осуществлялось за счет *черкас*–украинцев. Так, 12 марта 1714 г. он пишет своему борисовскому приказчику С.Ф. Перячникову: «предлагаю в новопоселенные мои слободы черкас вольных людей из подданства [т.е. гетманской Украины], чьи приходить будут попрежнему принимать тебе, кроме казаков». Не удовлетворяясь тем, что написал писарь под его диктовку, граф вносит в распоряжение собственноручное дополнение: «принимать черкас из подданства, а

не казаков, а казаков, а пачеже беглых солдат и всяких служилых людей и русских беглых отнють не принимать, а ежели примешо, станешь сам за них ответствовать».

Требование принимать на поселение только крестьян–украинцев объясняется тем, что за ними вплоть до 1783 г. сохранялось право перехода от владельца к владельцу, в отличие от прикрепленных к земле русских крепостных крестьян. Помощь же укрывающимся от воинской повинности служилым людям (казаки, солдаты и пр.) приводила уже к вторжению в область государственных интересов.

Борисовка была «столицей» курско–белгородских владений Б.П. Шереметева, и именно здесь в 1714 г. был построен господский дом. Согласно сообщению его потомка графа Сергея Дмитриевича Шереметева, первоначально он располагался «на правом высоком берегу *[Ворсклы. — А.Ш.]* на поляне, близ нынешнего монастыря», но позднее был разобран и перенесен в новую усадьбу, возведенную в центре слободы Борисовка.

В XIX в. появляется местная легенда, по которой Петр I, якобы, три дня отдыхал в этом доме после победы над шведами в Полтавской битве.

Благодаря этому преданию строение стало местной исторической достопримечательностью, которую часто осматривали приезжавшие в Борисовку путешественники. Вот как описывал его курский краевед Н.А. Добротворский в 1885 г.: «Домик находится в саду, неподалеку от графского дома, и окружён со всех сторон развесистыми липами и берёзами; он построен из толстого дуба в два этажа, на подобие старинного теремка, в великорусском стиле, с резным полотенцем по фронтону и резным коньком на двускатной крыше. Домик — квадратной формы, по 9 арш. [около 6,5 м] в каждой стороне и 7 арш. в вышину. Вся меблировка в комнатах сделана из липы. Окон всех четыре, из коих три в верхнем этаже и одно в нижнем. В верхний этаж ведёт наружная лестница... Лестница ведёт на передний, широкий балкон, от которого налево идёт узкая ходовая галерея, окружающая домик с двух сторон — западной и северной… Входная дверь — с севера. На фасаде переднего балкона начертана надпись «Genaralnaia em… kwartera». Каждый этаж внутри состоит из двух комнат, главной и боковой… При домике, в саду, разставлено 8 больших, тяжёлых фальконетов, подаренных, по преданию, императором фельдмаршалу Шереметеву, вероятно, из отбитых у шведов». Для сохранения старинного здания над ним был устроен навес с железной крышей на четырех столбах.

Изучая посвященные этому зданию документы, И.Г. Охрименко пришел к выводу, что описания «хором», построенных для Б.П. Шереметева, и описание «домика Петра» полностью совпадают. И так как доказано, что Петр I не мог быть в Борисовке, то это старинное здание правильно именовать «домом Шереметева», который посещал Борисовское поместье несколько раз.

Уникальный памятник русской усадебной архитектуры начала XVIII в. погиб в 1906 г., сожжённый взбунтовавшимися борисовскими крестьянами.

Для управления своими поместьями фельдмаршалом был создан многочисленный и разветвлённый административный аппарат. На его низших ступенях стояли *выборные, старосты, приказчики и подьячие.* Главную роль в нём играли приказчики, обычно назначаемые из дворовых людей.

Им давалась «во управлении полная мочь… в судах крестьянских и во всяких расправах». Для того чтобы владелец мог следить за их деятельностью, приказчики должны были все свои указы и распоряжения записывать в особые книги, по всем денежным и натуральным поступлениям составлять ведомости, а всякие выдачи и приемы осуществлять с составлением пояснительных документов. В случае неисполнения хозяйских указов или злоупотребления должностными обязанностями приказчика ждало «жестокое наказание без всякого милосердия и пощады».

Центральное правление шереметевскими имениями осуществлялось *домовой канцелярией*, ведавшей общими вотчинными доходами и расходами. Сюда же по истечению года, в первых числах января, приказчики присылали все свои отчётные документы. Домовая канцелярия была главной для всех шереметевских управленцев, и только приказчики из его курско–белгородских «черкасских» (т.е. населенных переселенцами–украинцами) вотчин имели особое положение. Как и все остальные, они обязаны были предоставлять свои отчеты главному управляющему, но напрямую подчинялись не ему, а борисовскому *коменданту* Перячникову, которому должны были «во всем… быть послушну… и все делать с ведома ево, а собою без ведома ево ничего… не делать».

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что Шереметев всячески старался повысить доходность своих владений. Так, относительно вновь присоединенного к Борисовской вотчине участка земли граф даёт своему коменданту следующее распоряжение: «И завесть там маю пасеку... и двор овчарской, и зделать корчму пространную польскую манерою, и накрыть всея и держать гарелку [горелку], иметь и пиво и овес и сено и хлеб и калачи печеныя и таргавать на меня». Ещё одно распоряжение Перячникову касается уже увеличения числа производимых на продажу продуктов: «табак вели больше заводить и огородныи овощи, яблони и прочеи, и продавать». Согласно приводимым А.И. Заозерским выпискам из приходно–расходных записей за 1714 и 1715 годы, кроме садо-

Украинский крестьянин («Малороссийский мужик», по А. Ригельману, 1847).

Украинская крестьянская девушка («Девка сельская малороссийская», по А. Ригельману, 1847).

вых и огородных культур, борисовское поместье продавало хлеб, шерсть, овчины, мед, воск, свиней, телят и «кур индейских».

Впрочем, граф заботился не только о «хлебе насущном». В 1714 г. отличавшийся большой набожностью полководец учреждает существующую до сих пор Борисовскую Тихвинскую девичью пустынь, содержавшуюся на доходы Борисовской вотчины.

Б.П. Шереметев скончался в Москве в феврале 1719 г., не дожив двух месяцев до 67 лет. Наследником всех его земельных владений стал сын Пётр, которому исполнилось всего 6 лет.

Граф Пётр Борисович Шереметев (1713–1788 гг.) не обладал талантами своего отца. Он не стал полководцем или крупным государственным деятелем, однако знатность рода и заслуги предков предопределили его близость ко двору и успешную карьеру, завершенную в 1768 г. выходом в отставку сенатором, обер–камергером и генерал–аншефом.

Получив в наследство огромное состояние, он удвоил его женитьбой в 1743 г. на княжне В.А. Черкасской и стал богатейшим человеком России. Образ жизни П.Б. Шереметева вызывал восхищение и зависть у современников. Князь М.М. Щербатов в своём сочинении «О повреждении нравов в России» оставил нам весьма нелестное описание графа: «Человек весьма посредственной разумом своим, ленив, незнающ в делах, и, одним словом, таскающей, а не носящей свое имя, и гордящейся единым своим богатством, в угодность монархине со всем возможным великолепием жил; одежды его наносили ему тягость от злата и сребра и

блистанием ослепляли очи; екипажи его… выписаны изо Франции, были наидрагоценнейшия, стол его великолепен, услуга многочисленна, и житье его, одним словом, было таково, что не одинажды случалось, что нечаянно приехавшую к нему императрицу с немалым числом придворных, он в вечернем кушанье, якобы изготовляясь, мог угощать. А сие ему достоинством служило, и он во всяком случае у двора, не взирая на разные перемены в рассуждении его особы, был особливо уважаем».

Одной из самых крупных вотчин П.Б. Шереметева была хотмыжская слобода Борисовка. По его приказу в центре слободы было выстроено поместье, окруженное земляным валом с деревянным тыном наверху. Согласно И.Г. Охрименко, на севере вал начинался от р. Ворскла, шёл по западной стороне современной ул. Советской, сворачивал на ул. Борисовскую, по которой продолжался на восток, пока снова не достигал реки. На огражденной валом площадке находились вотчинный двор, Успенская церковь и торговая площадь, где стояли «графские две лавки, которые отдаются на откуп, да обывательских лавок четыре ряда мясные и красные товару и шинковые коморы борисовских жителей». Вотчинный двор располагался на месте современного Парка культуры и отдыха и прилегающих к нему усадеб. В него входили канцелярия, жилые помещения, караульная изба и разные хозяйственные постройки: конюшня, сараи, амбары, дома дворовых людей, пивоварня и водяная мельница.

Почти вся владельческая земля Шереметевых в Борисовской вотчине была распределена среди крестьян, плативших за её использование денежный оброк. Оброком также обкладывались имевшиеся в крестьянском хозяйстве тягловые животные — лошади и волы.

Архивные документы позволили И.Г. Охрименко определить размеры оброка для Борисовской вотчины во второй половине XVIII в. Так, в 1755 г. с одного окладного двора выплачивался 1 рубль за надел земли, по 20 копеек за лошадь и по 10 копеек за вола. Всякая утайка рабочего скота каралась штрафом по 40 копеек с лошади и 20 копеек с вола. Если у крестьянина не было своего хозяйства («сосед», «бурлак»), то с него всё равно брали оброк в размере 20 копеек, как с тягловой лошади. Сумма денежного оброка, собранного в 1775 г. крепостными крестьянами Борисовской вотчины, была значительна. В Борисовке было выплачено 479 рублей 67 копеек за землю, 144 рубля за лошадей и 98 рублей 50 копеек за волов. В Стригунах — 50 рублей за землю, 15 рублей 20 копеек за лошадей и 6 рублей 80 копеек за волов. В Красном Кутке — 23 рубля 50 копеек за землю, 25 рублей за лошадей и 80 копеек за волов. В Зыбино — 54 рубля 25 копеек за землю, 25 рублей за лошадей и 11 рублей 10 копеек за волов. «Соседских» в Борисовке было собрано 13 рублей 80 копеек, в Стригунах — 40 копеек, в Зыбино — 3 рубля 20 копеек. В 1770–х годах размер оброка увеличился до трёх рублей. Сравнивая величину оброка с существующими в это время ценами на зерно в Белгороде, мы видим, что для уплаты годового земельного оброка борисовский крестьянин должен был продать 573 кг ржаной муки или 655 кг овса.

Усадьба Б.П. Шереметева (т.н. «Домик Петра Великого»). 1714 г. Слобода Борисовка (Грайворонский уезд, Курская губерния). Рисунок с натуры художника Мозилевского (по Леониду (Кавелину), 1872). Уникальный образец усадебной архитектуры Курско–белгородского края начала XVIII в.

Граф П.Б. Шереметев. Художник И.П. Аргунов. 1760 г.

Печать «Борисовская вотчинная контора гр. А.Д. Шереметева». Конец XIX — начало XX вв. Окрестности п. Борисовка (Белгородская область, Россия).

Помимо выплаты денежного оброка графы Шереметевы также требовали от своих подданных выполнения различных трудовых повинностей и натуральных платежей (овощи, фрукты, скот, дичь, шерсть, воск, сено и т.п.).

Хотя большинство населения вотчины занималось хлебопашеством, в Борисовке были развиты и различные промыслы — деревообрабатывающий, сапожный, кузнечный, плотничный, портновский, горшечный и иконописный.

Ещё одной процветающей курской вотчиной Шереметевых во второй половине XVIII в. становится слобода Михайловка, расположенная сейчас в пределах Железногорского района Курской области.

Её подробное описание находится в «Географическом лексиконе Российского государства», изданном Фёдором Полуниным в 1773 г., и, в связи с важностью для истории Курского края XVIII в., приводится почти без сокращений.

«О сей слободе сочинил некоторой тамошний уроженец следующее описание: Михайловка слобода лежит при речке Слапе [р. Свапа], впадающей в Сейм, который впал в Десну, а сия в Днепр. Она состоит в Белгородской губернии, Севской провинции, в Рыльском уезде, имеет более тысячи обывательских дворов деревянных; но изрядно, на городской образец выстроенных, с каменными при некоторых погребами. В ней три церкви, из коих одна соборная, имеющая Протопопа и духовное десятинное правление, принадлежащее к Севской Епархии. При каждой церкви находится школа, где живут по нескольку, состовляющих церковный хор певчих, которые при том обучают юношество Российской грамоте, читать, писать и петь по нотам церковные песни. Здесь живут по большей части Малороссияне, упражняющиеся в торгах, ремеслах и хлебопашестве; живут так же домами и несколько из Великороссийских городов купцов, которые построили тамо торговые ряды, или лавки, для продажи и покупки разных товаров. Сии равно как и Малороссияне платят помещику за землю с дворов небольшое число денег ежегодно, по разположению и общему условию. Торговля тут производится по большой части свиным свежим и соленым салом, льняным, конопляным и коровьим маслом, разного звания хлебом, щетиною, неделанною юфтью [юфть или «русская кожа» — дубленая в ивовой или дубовой коре кожа крупного рогатого скота, пропитанная березовым дегтярным маслом, вследствие чего она не плесневела в шкафах и её не портили насекомые], сырыми бычачьими и бараньими кожами, холстом, медом и пенькою. Сея последнее по нескольку тысяч берковец [старорусская единица измерения массы, равная 10 пудам (164 кг)], с состоящих тамо пеньковых заводов ежегодно зимним путем отправляется на Гжатскую пристань [совр. Смоленская область], для отвозу в Санктпетербург, а оттуда за море. А хлеб возят в Орел, для отправы на судах вешнею водою в Москву, некоторые же имея рыбной

Дворянская усадьба (по А.Т. Болотову «Деревенское зеркало», 1798)

и лесной промыслы, снаряжают суда на Десне, и гоняют их полою водою с строевым и дровяным лесом в Киев и далее в Запорожскую сечь. В состоящих около сей слободы высоких горах, весьма много находится железной руды, но оная, по малознанию тамошних жителей, остается без употребления; много и известкового камня, красной и синей к деланию изразцов и посуды годной глины, мелового, дикаго и для мельниц способного камня; равным образом и весьма хорошего песку, хлебородных нив, тучных полей, и рыбных озер там весьма довольно. В лесах наполненных всякого рода деревьями гнездятся в изобилии птицы и звери, к употреблению человеческому служащие; дикие груши, яблони, вишни и смородина по все лета приносят обильный плод, чем побуждены некоторые из обитателей развели в домах и хуторах своих сады... Разливающаяся весною на несколько верст речка Слапа, и скоро опять в берега свои входящая, благопоспешствует тучности полей и произращению хорошего сена и выгодного хлеба. Краткая зима, теплая весна, жаркое лето и поздняя осень способствуют там к прибыточному разведению пчел. Каждую неделю по воскресеньям и понедельникам собираются из окрестных селений люди, для учрежденных торгов; а в Петров день, т.е. 29 июня бывает годовая ярморка, на которую со всех украинских городов приезжают купцы, с разными товарами. В 1752 году старанием тамошних жителей заведено было тут училище Латинского языка, вызванными из Киевской академии учителями; но по учреждению в Москве Университета, оное уничтожилось, и начавшие тамо учиться, одни в Москву, а другие в Киев переехали... По причине состоящих в сей слободе винокуренных заводов, для поставки по подряду в разные российские города вина, нарочитое множество содержится тут разного звания скота, а особливо свиней питаемых бардою [получающаяся при производстве спирта жидкость, богатая клетчаткой, углеводами, белками и микроэлементами. — А.Ш.], от продажи коих обыватели великую имеют прибыль, не меньше тушами, как ветчиною и салом, производя с промышленниками торг. В сей слободе довольное число находится фабрик разного наименования, т.е. воскобойных, маслобитных, пенькотрепальных и прядильных, красильных и протчие; Художества: каменное, столярное, токарное, плотницкое и живописное; Мастерства: портное, сапожное, бочарное, кузнечное, скорнячное и тому подобные; Охоты: псовая за зайцами, оружейная за птицами, тенетовая за волками и сетная разного звания для рыб».

Слобода Михайловка и посёлок Борисовка существуют до сих пор. Каждый из этих населённых пунктов имеет свою многовековую историю и своеобразные культурные традиции. Но то, что навсегда связало их между собой — это имя графа Б.П. Шереметева, бывшего одним из выдающихся русских военных и политических деятелей эпохи петровских преобразований.

КУРСКИЕ ДВОРЯНЕ В XVIII ВЕКЕ

Начатые Петром I преобразования затронули и высший слой русского общества того времени — дворянство. Императором был издан ряд указов и постановлений, направленных на уничтожение внутренней раздробленности правящего класса и юридического оформления главенствующей роли дворян в жизни страны.

Важнейшим среди этих документов стал утвержденный в 1722 г. «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был».

«Табель» разделил всю государственную службу на три вида: воинскую, статскую (гражданскую) и придворную. Первая, в свою очередь, делилась на сухопутную, гвардейскую, артиллерийскую и морскую. Службы состояли из 14 классов, которым соответствовал чётко определённый перечень чинов. Первый класс воинской службы составляли генерал–фельдмаршал / генерал–адмирал, последний — фендрик (с 1730 г. — прапорщик) / корабельный комиссар. В статской службе самым высшим чином был канцлер (I класс), самым низшим — комиссары при коллегиях, фискалы, асессоры и др. На вершине придворной службы размещался обер–маршал (II класс), в самом низу — гофмейстер пажей, гоф–секретарь, библиотекарь, аптекарь и др.

Для своего времени «Табель о рангах» был революционным документом. А.В. Романович–Славатинский считал, что «по духу своему она была поистине демократическою: лестница в 14 ступенек отделяла каждого плебея от первых сановников государства, и ничто не возбраняло каждому даровитому человеку, перешагнув эти ступеньки, добраться до первых степеней в государстве». Не менее важным было и то, что достижение определённых чинов «Табели» позволяло получить *потомственное* или *личное* дворянство выходцу из любого российского сословия или иностранцу, «хотя бы они и низкой породы были, и прежде… никогда в Дворянское достоинство произведены или гербом снабдены не были».

Потомственное дворянство приобреталось «по рождению» (по происхождению), в результате «монаршей милости», «пожалования российского ордена» или «по выслуге» (с 14–го класса для военных чинов и с 8–го для гражданских). Оно передавалось жене, детям и дальним потомкам по мужской линии (вышедшие замуж дочери получали сословный статус мужа).

Личные дворяне отличались тем, что не передавали своё дворянство по наследству. Чаще всего личное дворянство получали чиновники статской или придворной службы 14–9 рангов за выслугу и добросовестный труд. Личный дворянин пользовался рядом сословных прав: он был освобожден от телесных наказаний, подушного оклада, рекрутской повинности. Однако он не мог передать этих прав своим детям, не имел права владеть крестьянами, участвовать в дворянских собраниях и занимать выборные дворянские должности, его фамилия не заносилась в родословную книгу соответствующей губернии.

В начале XVIII в. служба дворян была обязательной, постоянной и бессрочной.

По указам Петра I молодые дворяне до 15 лет должны были в обязательном порядке обучиться грамоте, цифири и геометрии в нарочно для этого устроенных школах при монастырях и архиерейских домах. Не получивший справки об окончании учёбы дворянин терял право жениться и, таким образом, продолжить свой род.

После завершения обучения дворянские *недоросли* принимали участие в специальных смотрах, по итогам которых их зачисляли на действительную службу или посылали на дополнительную учёбу в русские и заграничные школы. Пётр I пристально следил за тем, чтобы, несмотря на родовитость и заслуги родителей, молодой дворянин–*новик* начинал службу с «фундаменту», т.е. с самых нижних должностей — рядовым в армии, матросом во флоте или коллегии юнкером в гражданских учреждениях. При этом на гражданских должностях из каждой дворянской семьи могла состоять лишь треть наличных её членов для того, чтобы «служилых на море и на суше не оскудить». Всеми вопросами учёта и службы дворянина ведала созданная при Сенате в 1722 г. Герольдмейстерская контора, которая также выдавала дипломы на дворянство и утверждала гербы.

Перстень с дворянским гербом. Серебро. 2–я половина XVIII–XIX вв. Курская область.

В мирное время дворян по очереди отпускали на побывку в деревни, обыкновенно раз в два года месяцев на шесть. Отставку от службы дворянин получал только из–за старческой немощи или увечья, но и тогда отставника могли назначить в гарнизонную службу или определить к исполнению гражданских должностей.

Примером службы дворянина петровского времени является жизнь курского городового дворянина *Герасима Акимовича Анненкова*. Он родился в 1657 г. и всю жизнь прослужил на опасном курско–белгородском пограничье. Участвовал в сражениях с татарами, в 1684–1685 гг. исполнял обязанности воеводы в городе Богодухове, в 1708 г. руководил набором рекрут в Белгороде, занимал должности комиссара в Белгородской губернии и воеводы в городе Салтове. В 1729 г. в возрасте 72 лет был Сенатом «за старостью и болезнями от дел отставлен вовсе». Однако спустя 8 лет, в 1737 г., Белгородская губернская канцелярия вновь вызывает Г.А. Анненкова на службу и определяет 80–летнего ветерана в комиссию на польскую границу, откуда тот был за «его глубокою старостию и дряхлостию, за болезнью и увечьем, по усмотрению присутствующих отпущен возвратно» в своё курское поместье. Последним служебным назначением Г.А. Анненкова стало направленное ему в 1742 г. предписание Белгородской губернской канцелярии «быть комиссаром удовольствия драгунских лошадей и проводить [их] до г. Старицы». Только благодаря ходатайству его внука И.П. Анненкова Герольдмейстерская контора отрешила 85–летнего дворянина от этой должности и потребовала от Белгородской губернской канцелярии отчета в том, почему тот был назначен на должность вопреки указу Правительственного Сената о его отставке. Спустя три года Г.А. Анненков умер в

Смотр новиков. Художник Д.Н. Кардовский.

1745 г. в возрасте 87 лет и 11 месяцев. Его наследником стал внук Иван Петрович Анненков, об отце которого известно лишь то, что в 1710 г. он служил премьер–майором в полку Буша и умер в г. Риге (современная Латвия) в январе 1712 г.

После смерти Петра Великого его преемники пошли по пути уступок и облегчения государственной службы для дворян. Первым стал подписанный Анной Иоанновной в 1736 г. *«Манифест»*, согласно которому дворянская служба начиналась по достижению 20–летнего возраста и продолжалась 25 лет, по прошествии которых дворянин мог получить отставку с повышением чина на один ранг. При этом один из мужчин в семье мог вообще не служить, оставаясь в поместье «для лучшей Государственной пользы и содержания шляхетских [дворянских] домов и деревень». Единственным условием было обучение его грамоте и математике, «дабы оные в гражданской службе годны были».

Именно этим «Манифестом» воспользовался И.П. Анненков. Он отслужил в армии не менее 20 лет: от адъютанта (1727 г.) до капитана Владимирского драгунского полка (1743–1745 гг.). Вышел в отставку в 1745 г. с переводом в статскую службу и повышением на один класс до коллежского асессора. В 1749 г. несколько месяцев временно исполнял обязанности курского воеводы. С 1754 г. был отправлен Правительствующим Сенатом в отставку «от всех дел» с повышением чина до надворного советника. В 1780–1783 гг. исполнял обязанности Курского уездного предводителя дворянства. Имел 7 детей — 3 сына (Александр, Авраам, Пётр) и 4 дочери (Анна, Елизавета, Павла, Татьяна). Умер в 1784 г.

В 1762 г. Петр III *«Манифестом о вольности дворянства»* полностью освободил дворян от обязательной гражданской и военной службы, позволив им по своему желанию выходить в отставку и беспрепятственно выезжать за границу. Впрочем,

выходить в отставку разрешалось только в мирное время, это правило утрачивало силу во время военных действий, а также за три месяца до их начала. Было также разрешено поступать на службу за рубежом — но только в «союзные» державы и с обязательством по первому требованию вернуться в Россию.

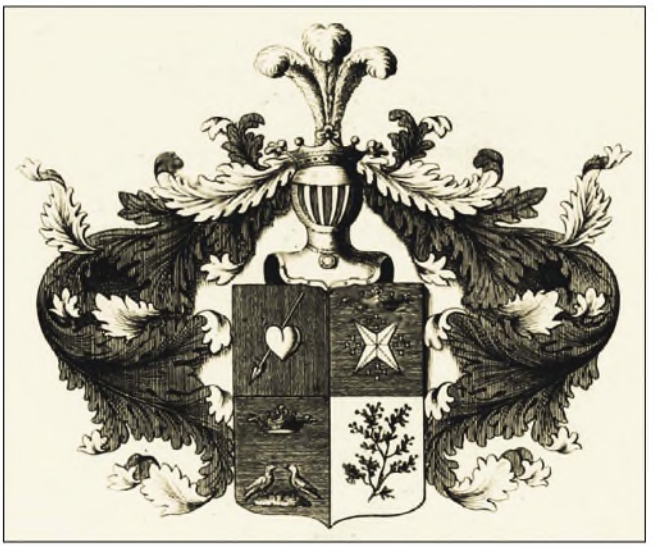
Окончательное юридическое оформление дворянства как высшего сословия было сделано при Екатерине II. *«Учреждение о губерниях»* (1775 г.) и *«Жалованная грамота дворянству»* (1785 г.) закрепили за дворянами статус высшего сословия Российского государства, полностью освобожденного от обязательной государственной службы, но правящего всеми остальными сословиями напрямую или через государственные учреждения.

Эта историческая роль русского дворянства в 1767 г. была чётко определена курским дворянином П. Стромиловым в его выступлении перед депутатами Уложенной комиссии: «понятно всякому, что в обширной монархии надобно быть особливому роду, который бы имел обязанность служить государству, и из своей среды замещать власти средние, поставленные между государем и народом».

На таких же принципах строилась и жизнь следующего поколения курских дворян Анненковых, превратившихся в гражданских управленцев и занятых хозяйственной деятельностью помещиков.

Старший сын И.П. Анненкова *Александр Иванович Анненков* родился в 1734 г. В 15–летнем возрасте был записан в рядовые лейб–гвардии Измайловского полка и «отпущен на 2 года в дом». В 1751 г. поступил на действительную службу, в 1754 г. был переведен из гвардии с повышением до прапорщика в Архангелогородский драгунский полк. В звании поручика 1–й гренадерской роты Шлютельбургского пехотного полка участвовал в Семилетней войне, в 1758 г. был ранен в битве при Цорндорфе и попал в плен. В 1760 г. был освобождён, получил звание капитана. В 1761 г. вышел в отставку в чине секунд–майора в возрасте 27 лет. В 1767 г. исполнял обязанности Сумского уездного предводителя дворянства, затем председателя Харьковского губернского магистрата, а с 1783 г. — советника Харьковской Казенной Палаты. В 1785 г. получил чин надворного советника. Детей не имел. Год смерти неизвестен.

Средний сын И.П. Анненкова *Авраам Иванович Анненков* родился в 1740 г. В 1756 г. поступил на службу солдатом в лейб–гвардии Измайловский полк. Отслужив 15 лет, в 31 год вышел в отставку в чине полковника. Выполнял обязанности товарища (заместителя) губернатора Харьковской губернии (1772 г.), председателя Курской Уголовной Палаты (1780–1781 гг.), вице-губернатора Курского



Герб рода Анненковых.

Русский дворянин конца XVII в. Портрет А.Д. Меншикова. Художник М. ван Мюссхер. 1698 г.

Сражение при Цорндорфе 25 августа 1758 года. Художник В. Коссак.

Шпага. Фрагмент. Франция. Конец XVIII в.

наместничества (1782–1788 г.). В 1784 г. получил чин действительного статского советника. Принимал деятельное участие в подготовке и встрече императрицы Екатерины II при её посещении Курского наместничества в 1787 г. По итогам визита был награжден орденом Св. Владимира III степени. Имел 4 детей. Умер в 1810 г.

Младший сын И.П. Анненкова *Пётр Иванович Анненков* родился в 1745 г. В 1761 г. записан в солдаты лейб–гвардии Измайловского полка. Вышел в отставку полковником. Выполнял обязанности председателя Уголовных Палат Черниговского (1782 г.) и Уфимского (1784–1785 гг.) наместничеств. Дослужился до чина действительного статского советника. В 1791 г. был избран Курским губернским предводителем дворянства. Во главе небольшой депутации курских дворян ездил в Петербург для принесения Екатерине II благодарности за дарованные дворянству права и преимущества. Имел 8 детей. Умер до 1830 г.

Российское законодательство XVIII в. утверждало полное равноправие дворян перед государством и между собой. Однако разный уровень достатка приводил к тому, что русское дворянство было весьма неоднородно. Оно делилось на аристократию придворную (допущенную ко двору) и не придворную (проживающую в имениях), среднее и мелкопоместное дворянство. Эти группы были достаточно изолированы и мало смешивались между собою, всегда давая понять друг другу о разделяющей их границе.

Малоимущими считались дворяне, имевшие небольшие поместья и несколько крепостных.

Очень много такого мелкого дворянства проживало на курско–белгородских землях, которые в XVIII в. часто назывались *Украйной*, т.е. «окраиной», «пограничьем», тогда как прилегающие к ней земли современной Центральной и Северной Украины именовались *Малороссией* или *Гетманщиной*, а их население — *черкасами (по г. Черкассам)* или *малороссами*. Посетивший Россию в 1735–1736 гг. шведский путешественник К.Р. Берк в своих «Путевых заметках о России» писал: «На Украине дворяне — тоже вид мелкого дворянства, подобный польскому. Часто у них не более трех–четырех крестьян, а то и один–единственный двор с несколькими крепостными, помогающими дворянину возделывать землю. Из этих дворян набирается ландмилиция, и господа обычно сами несут мушкеты, что ни в коем случае не может восприниматься ими за зазорное, ибо то же самое делают и князья».

Иногда такие малоимущие дворяне и по образу жизни, и по внешнему виду мало чем отличались от своих немногочисленных подданных. Новооскольский дворянин И.О. Острожский–Лохвицкий сообщал, что его отец по достижению сыном 14 лет «принужден был взять сына с училищ харьковских, 1763 году мая 31 числа… и так принуж-

Знатная русская дама XVIII в. Портрет С.А. Грейг. Художник К.Л. Христинек. 1775 г.

Пуговицы камзольные. XVIII в. Курская область.

Скульптурная группа «Дама с мопсиком и кавалер». Фарфор. Германия. 1737 г.

ден употреблять, оставя науку, в разную черную работу, как то возки сена, соломы, дров и с мельницы хлеба, что с великим трудом его бедный, не приобыкшей к работе юноша нес: оставя науку, начал оную забывать, а к работе приобвыкать, нести холод и вар с великим терпением… в коих претерпел великие беды, от непривычки к работе частые болезни, скудость в одежде, а в одно время… в проезд свой с мельницы в пребольшой холод приморожение и ног, отчего претерпел болезни более двух месяцев». После смерти отца И.О. Острожскому–Лохвицкому достались два крепостных мальчика, мельница в д. Терновой и небольшое имение в слободе Слоновка, располагавшееся в пределах современной Белгородской области.

Богатые курские дворяне жили совершенно иначе. Вот как описывал поместье щигровского помещика А.А. Маркова в с. Богородицком (Щигровский район) его внук Р.Л. Марков (1849–1912): «Усадьба моего деда, Александра Андреевича Маркова, находилась в 18–ти верстах от г. Щигров, на берегу светлого пруда. Разнофигурные крыши её красиво пестрели среди зелени садов, её окружавших. Высокие хоромы в сорок комнат, с стеклянными галереями, величественно возвышались в глубине обширного двора, в начале густой липовой аллеи. Вокруг громоздились флигеля для гостей, кухни о девяти комнатах, такие же бани, сушильни, погреба, ледники с холодушками, людские избы и другие приспешни, помещавшиеся на «красном дворе», который

Свадьба. Акварель Д. Аткинсона. 1814 г. Из быта русских дворян 1790–х гг.

Кресало железное с бронзовой рукояткой в виде двух ангелов, держащих венок. 2–я половина XVIII — начало XIX вв. д. Большое Лукино (Курский район). Курский государственный областной музей археологии.

Граф Н.А. Толстой со своей женой Анной Ивановной (урождённой княжной Барятинской) и сыном Александром. Художник А. Кауфман. 1794–1795 гг. На портрете изображены владельцы располагавшейся под г. Льговом усадьбы «Нижние Деревеньки».

вместе с садом был окружен окопом и палисадником с громадными проездными воротами. Винница, медоварня, пивоварня, кухни, меднослесарни, конная рушка, маслобойные и другие заводы, с их подворками, тянулись уже снаружи окопа, вдоль проулка, шедшего по склону горы к пруду, где шумели водяная мельница, просянка, толчея и сукновальня. По другую сторону того же проулка белела каменная «родовая» церковь с кладбищем усопших предков. Только коноплянники отделяли её от длинного ряда всевозможных «черных дворов», которые шли тотчас же за хлебными амбарами и за конюшнями. Там ширились конные, скотные, птичные и щепные дворы и овчарни. Животные дворы стояли несколько в стороне за особым окопом. Далее зеленел обширный выгон, вдоль которого тянулся длинный «порядок» сельской улицы, а на противоположной стороне темнел окоп барского гумна. Там, помимо стогов сена и ометов всякого рода соломы, возвышался целый город скирд и хлебных одоньев, с правильно разбитыми площадями и улицами между каждым рядом «падерней» [устроенных из кусков дерна возвышений, на которые ставили скирды, чтобы они снизу не намокали от воды]. Эти многолетние хлебные запасы были так велики, что дед не раз говаривал, что «кто пересчитает мои скирды — тому дам скирд хлеба!». Впрочем, село Богородицкое, где любил жить дед, было одно из самых небольших его имений. В разных губерниях ему принадлежали села с двумя и даже с тремя каменными церквями, с несравненно более обширными полями и угодьями. Но тех сел дед не любил. А в некоторых из них он даже и совсем не был во всю свою жизнь».

Состоятельным помещиком был и И.П. Анненков. В 1780–х годах он и его близкие владели более 3 746 десятинами (около 4 092 га) удобной для обработки земли. Значительным было и количество крепостных крестьян, среди которых в 1777 г. только мужчин насчитывалось 1 391 человек.

Основными возделываемыми в курских поместьях сельскохозяйственными культурами были пшеница, рожь, овес, ячмень, гречка, просо, горох, хмель, конопля, лен и мак. В записках И.П. Анненкова упоминаются и «огородные овощи» — арбузы, дыни, огурцы, капуста, морковь и репа, а также собираемые крестьянами «полевые и лесные плоды»: земляника, клубника, костеника, малина, ежевика, смородина, орехи и грибы (грузди, опята). В описании анненковских имений также указаны водяные мельницы, пасеки, сукновальня, скотный двор и «регулярный» сад в с. Карманове «с плодовитыми деревьями яблоневыми, грушевыми (дуля), сливовыми, вишневыми, бонбаростом (?), крыжовником, чёрною и красною смородиной», плоды которых употреблялись «про домашние обиходы».

Часть производимой в вотчинах И.П. Анненкова продукции шла на рынок. В его «Дневнике» упоминается продажа хлеба в Москве, Калуге и на Гжатской пристани в современной Смоленской области, баранов–волохов в Санкт–Петербурге. Важной статьей дохода также являлось винокурение и поставки вина в казну. Объём продаваемого «простого» и «двойного» вина был значительным, а мерой его измерения являлось «вёдро» (около 12,3 литров). Так, в 1751 г. И.П. Анненковым «был учинен договор в Мценске о поставке на кружечный двор 600 ведер вина по 44,5 копейки за ведро». В 1753 г. в г. Чернь было поставлено 400 ведер простого вина и 6 ведер двойного вина, а в 1754 г. в г. Мценск и г. Чернь было поставлено уже 750 ведер простого вина по 40,5 и 43 копеек за ведро и 25 ведер двойного вина по 81 и 86 копеек за ведро, «да сверх того на усышку и на утечку на 100 по 5 ведер».

Впрочем, мир интересов курского помещика второй половины XVIII в. не замыкался в рамках хозяйственных и экономических интересов.

Большую роль в жизни людей того времени играла религия. Судя по дневникам И.П. Анненкова и И.О. Острожского–Лохвицкого, они были глубоко верующими православными людьми, уделявшими большое внимание строительству в своих поместьях храмов, их внутреннему убранству, покупке необходимых для исполнения богослужений предметов и книг. При этом вера подкреплялась не только активной церковной жизнью, но и изучением литературы религиозного содержания. Так, И.П. Анненков на протяжении всего периода ведения «Дневника» постоянно отмечает приобретение таких книг не только для храмов в своих поместьях, но и для себя лично («для домового содержания»). В его библиотеке находились «Четьи–минеи», «Православное исповедание, или Сокращенное христианское богословие», «Печерский патерик», «Об антихристе», «Святцы», «Истинный христианин и честный человек», «Рассуждение против атеистов и натуралистов», проповеди смоленского епископа Симона, религиозная поэма «На похвалу истины, обличение лжи, подкрепление и утешение христиан».

Однако православие и следование устоявшимся традициям церковной жизни были почти единственным, что связывало культуру и мировоззрение русских дворян конца XVIII века с их предками.

Начатая Петром I насильственная «европеизация» русского дворянства постепенно становится добровольной и осознанной. Среди русских дворян распространяется мода на европейскую одежду, вещи, образ жизни и манеру поведения. Описывая свои попытки найти в начале 1770–х гг. достойную жену–дворянку, И.О. Острожский–Лохвицкий в качестве причин своих неудач указывает отсут-

Дворянское собрание в екатерининские времена. Художник В.Я. Чемберс.

Часы с галантной сценой. Франция. Конец XVIII в.

Портрет князя И.И. Барятинского. Художник Ф.С. Рокотов. Начало 1780–х гг.

ствие у себя европейского костюма и необходимых светских навыков: «ибо надобно было ходить в платье немецком, модном и дорогом, також быть чиновну, обращательну, ласкателну и во всем щегольливу против нынешнего света. А как я, оставя науку, был при черной работе, к тому–ж ещё и в недостатках, то от меня сии качества весьма были отдалены. Платя имел черкаское [украинское], недорогое, а тогда тем презирали, обхождения были селские, а не городские, больше же смирение и несмелость, к тому же и недостатки (ибо богатство всегда рождает ум)».

В отличие от Острожского–Лохвицкого, сыновья состоятельного И.П. Анненкова с малых лет обучаются не только русской грамоте, арифметике и географии, но также немецкому и французскому языкам, причём их учат живущие в Белгороде, Курске и Орле «иноземцы» И. Герц, И. Цвинкер, П. Дефож и А. Готре. В зрелом возрасте они ведут деловую и личную переписку на немецком и французском языках, хотя их отец всё ещё предпочитает писать и читать по–русски. Тем не менее и он является ярким образцом «просвещённого века», а в его библиотеке много книг не только духовного, но также научного и развлекательного характера: «Волфианская экспериментальная физика», «История сибирская», «Краткий российский летописец», «Римская история», «Происки и хитрости военные», «Лечебник домашний», «Наука счастливым быть», французский словарь, сочинения Цицерона, Платона, Ломоносова и Сумарокова, педагогические сочинения «О воспитании детей» и «Детское училище», художественные произведения «Жизнь Сифа, царя Египетского», «Тысяча и одна ночь», «Похождения маркиза Г.» в 4–х томах, «Аргениды», «Любовный вертоград», а также собрание географических карт, календари и подшивки газет.

Был не чужд модным веяниям и сумевший разбогатеть И.О. Острожский–Лохвицкий, который, находясь по делам в Санкт–Петербурге, посещает театр, балет и музейное собрание в Арсенале, а при устройстве нового сада в слободе Слоновке в 1788 г. «сделал беседку, куда часто удаляться было можно и давать мыслям волю».

XVIII в. стал переломным в истории всего русского дворянства, и курского в том числе. Обозначая пройденный им в этом столетии путь, русский историк В.О. Ключевский писал: «При Петре дворянин подвергался обязательной военно–технической выучке; эта выучка при его преемницах сменилась светской муштровкой, которая отличалась от прежней гвардейской или навигацкой выучки тем, что не нужна была для самой службы, зато требовалась для успеха на службе... В царствование Екатерины под влиянием примеров, шедших от двора, к прежней светской муштровке присоединилось требование и некоторой литературной полировки. Обширный досуг, открывшийся сословию с освобождением от обязательной службы, доставлял ему возможность приобретать эту полировку. Наклонность к чтению при Елизавете, бесцельная и беспорядочная, при Екатерине получила более определенное направление; чтобы оживлять дремлющий, вянущий от праздности ум, щекотать дремавшую мысль, высший слой дворянства стал жадно заимствовать смелые и пикантные идеи, распространявшиеся в чужой литературе... Положение этого класса в обществе покоилось на политической несправедливости и венчалось общественным бездельем; с рук дьячка–учителя человек этого класса переходил на руки к французу–гувернеру, довершал свое образование в итальянском театре или французском ресторане, применял приобретенные понятия в столичных гостиных и доканчивал свои дни в московском или деревенском своем кабинете с Вольтером в руках. С книжкой Вольтера в руках где–нибудь на Поварской или в тульской деревне этот дворянин представлял очень странное явление: усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, — все было чужое, все привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела, ибо мы знаем, ни участие в местном управлении, ни сельское хозяйство не задавали ему такой серьезной работы. Таким образом, живые, насущные интересы не привязывали его к действительности; чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал: на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина, а в России на него смотрели, [как] на случайно родившегося в России француза».

КУРСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В эпоху Нового времени крестьяне по-прежнему являлись самым многочисленным слоем русского общества. Согласно итогам подушных переписей, в конце царствования Петра Великого в Российской империи проживало около 16 миллионов человек, из которых 13 миллионов было крестьянами. Через семьдесят лет, в начале XIX в., в России проживало уже свыше 43 миллионов человек, из них более 36 миллионов крестьян.

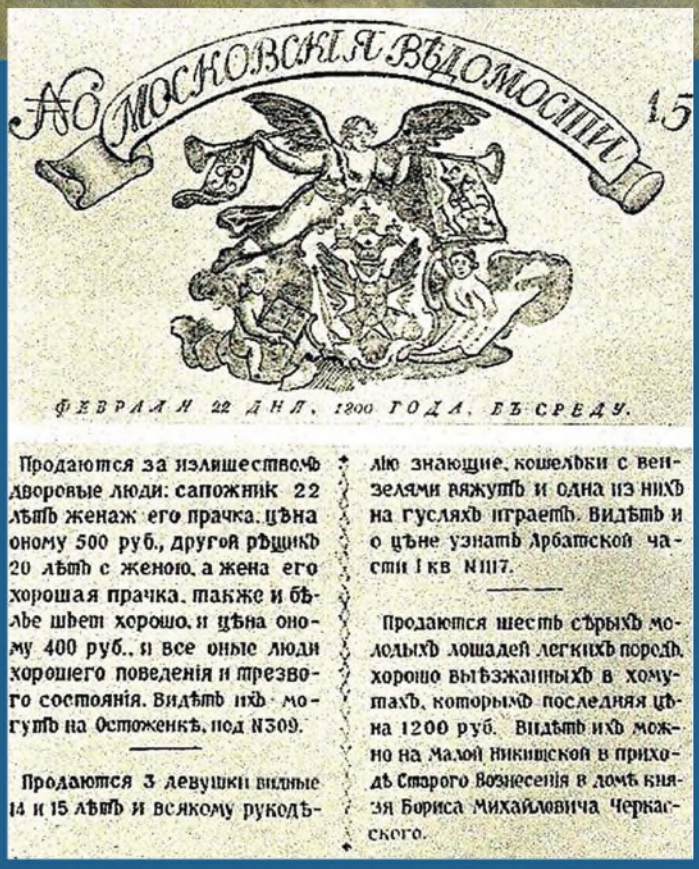
Курские крестьяне XVIII — первой половины XIX в. делились на несколько социальных групп: *помещичьи, монастырские, государственные и однодворцы*.

Самыми многочисленными среди них были помещичьи крестьяне. Они являлись частной собственностью своих владельцев–дворян, а стать свободными людьми могли только получив у своего хозяина *отпускную* грамоту или попав на военную службу. В последнем случае свободу получал не только солдат, но и вся его семья.

Если свободный человек вступал с крепостным в брак, то он также становился крепостным. Это правило действовало даже тогда, когда супруг не знал о том, что вступает в брак с зависимым человеком. Свободным он мог остаться, только если владелец крепостного соглашался взять за него деньги. Именно так поступил курский помещик И.П. Анненков, который 22 июня 1754 г. дал «своеручное письмо болховскому купцу Дмитрею Иванову сыну Шетунову, который женат на беглой моей девке Ольге поваровой Антоновой дочери Никитина сына Иванова, чтоб об ней не бить челом, а взято за нее с него 50 р.». В случае, когда женились крепостные разных хозяев, владелец парня должен был взамен отдать девушку или же возместить потерю невесты деньгами.

Юридически крепостные были имуществом, с которым его владелец мог делать всё, что пожелает: продать, подарить, обменять, наказать или проиграть в карты. Крепостной даже не мог покинуть пределов поместья, не имея *увольнительного письма* от своего владельца. В случае отсутствия этого документа крепостной считался беглым и подлежал возвращению хозяину. Если крепостному причиняли увечье или смерть, то с его владельцем обычно рассчитывались как за испорченную вещь, выплачивая обговоренную сумму денег.

Совершенно обыденно среди описаний различных хозяйственных дел в «Дневнике» курского помещика И.П. Анненкова встречаются следующие записи: «1746 год. Апреля 24 числа дочь наша Анна сговорена... за капитана Бориса Григорьевича Сонцова... В приданые ей дано вещей, серебра, платья и протчего по цене на 1 500 р. Да в Курском уезде... деревня Меренякина с принадлежащими к ней зем-



№ МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ 15

ФЕВРАЛЯ 22 ДНЯ, 1800 ГОДА, ВЪ СРЕДУ.

Продаются за излишествомъ дворовые люди: сапожникъ 22 лѣтъ женаж его прачка. цѣна оному 500 руб., другой рѣщикъ 20 лѣтъ с женою, а жена его хорошая прачка, также и бѣлье шьет хорошо, и цѣна оному 400 руб., и все оные люди хорошего поведенія и трезвого состоянія. Видѣть ихъ могутъ на Остоженкѣ, под N309.

Продаются 3 девушки видные 14 и 15 лѣтъ и всякому рукодѣлію знающие, кошелѣки с вензелями вяжутъ и одна изъ нихъ на гусляхъ играетъ. Видѣть и о цѣне узнать Арбатской части 1 кв N1117.

Продаются шесть сѣрыхъ молодыхъ лошадей легкихъ породъ, хорошо выѣзжанныхъ в хомутахъ, которымъ последняя цѣна 1200 руб. Видѣть ихъ можно на Малой Никитской в приходѣ Старого Вознесенія в домѣ князя Бориса Михайловича Черкасского.

Крепостные крестьяне князя И.И. Барятинского. Фрагмент картины «Жатва». Художник А.О. Бруни. Конец 1821 — 1-я половина 1823 гг.

Торг. Сцена из крепостного быта. Художник Н.В. Неврев.

Объявления о продаже крепостных в газете «Московские ведомости» за 22 февраля 1800 г.

Курские крепостные крестьяне отрабатывают барщину, убирая помещичье поле. Фрагмент картины «Жатва». Художник А.О. Бруни. Конец 1821 — 1-я половина 1823 гг.

лями, да людей и крестьян мужеска полу 100 душ з женами и з детьми»; «1753 год... Сентября 20 дня принято Архангелогородского пехотного полку у сержанта Алексея Лаврентьева сына Борыкова за убитого мишковского крестьянина Фатея Петрова сына Киреева по договору денег 50 р.»; «1755 год. Генваря 31 дня учинена зделка в Курске со вдовой Ксеньею Васильевою дочерью... на крестьянина Алексея Антипова с женою и с детьми за 100 р.». В «Записках» новооскольского дворянина И.О. Острожского–Лохвицкого за 1790 г. читаем: «Месяц январь. Будучи в Чернявки во время прохода рекрутской с Воронежа партии, видел проданного мною в рекруты Шидловскому крестьянина Феодора, которого я продал за дурные его дела и намерение к побегу. Боже! Управь путь его… 4 апреля поехал к Шидловскому и о успехе по делу пересказал… За сие Шидловский благодарил мене доволно и подарил мне вдову Пелагею, крестьянскую жену с двумя сыновьями, Герасимом и Тихоном, и дочерью Анастасиею, да денег до тысячи рублей».

Имущественное положение крепостных крестьян было различно. Посетивший Россию в 1735–1736 гг. шведский путешественник К.Р. Берк в своих «Путевых заметках о России» сообщал, что «среди крепостных крестьян есть очень и очень богатые, они становятся такими, если живут хорошо и имеют возможность продавать свой скот или ухитряются вести по деревням запрещенную торговлю сельскохозяйственными продуктами. Много они зарабатывают и подрядами, то есть на строительстве, поставляя балки, доски и кирпич, для чего требуется только сама работа, поскольку в России много неисчерпаемых лесов. Среди 35 тысяч мужских душ, которыми владеет князь Черкасский, есть, говорят, несколько, имеющих по 15–20 тысяч рублей, а сам их хозяин по уши в долгах. Ибо хотя дворянин является господином всей крестьянской собственности, нет, однако же, примеров тому, чтобы господа отняли все имущество крестьянина, если он не совершил кражи или других тяжких преступлений».

Большинство крепостных крестьян было занято в сельском хозяйстве, обрабатывая как свои наделы, так и господскую пашню. Составленные в начале 1780-х гг. «Экономические примечания к генеральному межеванию» сообщали, что в принадлежащем И.П. Анненкову с. Карманове «крестьяне состоят на изделье, земли на господ пашут 520 десятин, а достальную (491 дес.) на себя». Крепостные крестьяне И.П. Анненкова выполняли все трудовые повинности в пользу своего владельца безвозмездно, в рамках *барщины*, которая обычно исчислялась продолжительностью отработанного времени или объемом выполняемых ими работ.

Часть крепостных, так называемая *дворня* или *дворовые люди*, жила в поместье и выполняла обязанности домашней прислуги. «Второй вид крепостных, — пишет К.Р. Берк, — домашние слуги, такие как дворецкие, приказчики, камердинеры и

Пахарь. Художник Д. Аткинсон. 1814 г.
Из быта русских крестьян 1790–х гг.

лакеи, получают свободу с кончиной господина, но если они сразу не поступают на государственную службу или не объявляют капитал для начала торговли (что, правда, рискованно для того, кто занимался сбором податей, так как наследники обычно затевают процесс, утверждая, что слуга их обокрал), то должны на прежних условиях продолжать службу у детей и наследников умершего хозяина либо же у каких–то иных господ».

Чтобы повысить качество своей жизни и увеличить получаемые доходы, владельцы часто обучали крепостных различным ремеслам. «Дневник» И.П. Анненкова сообщает, что в 1753 г. «в Москве отданы ребята Иван Трубилин, Андрей Домашев в науку поваренную и приспешную дому действительного статского советника и кавалера барона Н.Г. Строганова служителям Федору Афиногенову, Никифору Михайлову на 2 года, а за обучение денег 50 р., муки ржаной 12 чети, круп 1 четь, солоду осьмина, гороху осьмина, мяса 4 пуда, масла коровьего пуд, поснова 2 ведра, соли полтора пуда, за мытье рубашек 2 р.», в 1763 г. «жеребцовскому крестьянину Архипу Феоктистову сыну Банникову написано увольнительное письмо в город Курск для обучения кожевенной, юфтевой и опояшной работы, марта с 1 числа сего году впредь на 3 года», а в 1766 г. «отдан в науку женских башмаков Василия Романова сын Петр служителю Ивана Васильевича Левашева Афанасью Петрову сыну Санникову на год за 17 р. за науку и за запас».

Огородник. Художник Д. Аткинсон. 1814 г.
Из быта русских крестьян 1790–х гг.

Игра в городки. Художник К. Речберг. 1812–1813 гг. На миниатюре изображены дворовые, играющие во дворе дворянской усадьбы.

Господский кучер с женой. Художник В.Ф. Тимм. 1843 г. На акварели изображены представители дворовых крепостных людей.

Наказание батогами. Художник Г. Гейслер. 1805 г. Из русского быта 1790–х гг.

Владеющие ремеслами крепостные могли зарабатывать ими на жизнь, выплачивая часть полученных денег своему владельцу в качестве *оброка*.

Иногда в желании получить от труда своих крепостных максимальную прибыль их владельцы забывали о всякой человечности. Криком отчаяния является поданное на имя Александра I 25 января 1822 г. прошение крестьян генеральши О.К. Брискорн, работавших на её суконной фабрике в с. Прилепы Дмитриевского уезда. «Государь, отец наш премилосердный, убивает нас то, что детей наших в сущем младенчестве побрала на суконную фабрику и поморила их голодною и холодною смертью, где прошлую зиму сотни их померло, до и больших людей померло без числа много, и не поспевали могил рыть, а очистили возле фабрики хоромы и днём туда мёртвых валили, а по ночам караульщики накладут мёртвых на воза и отвезут в село наше ж Обжи, где близ кладбища были хлебные ямы, то туда и навалят полную яму и засыпят без попа… И потому–то осмеливаемся просить о повелении твоем разрыть те ямы, где найдут вороха остовов человеческих, и прикажи справиться, с священниками хоронили ли они тех людей, и есть ли они у них в записке. Пускай так бог судил, видно, нам страдать на земле, да чем же мы согрешили, чтоб и в будущем нашим детям места не иметь с православными христианами?». По повелению императора против О.К. Брискорн было предпринято официальное следствие, по результатам которого она была отстранена от владения фабрикой в Прилепах и уехала в Санкт–Петербург, а сама фабрика была взята под государственную опеку.

Почти полная безнаказанность хозяина–дворянина относительно принадлежавшего ему крестьянина–крепостного была повсеместно распространённой

и воспринималась большинством окружающих как нечто само собой разумеющееся.

Великий русский актёр М.С. Щепкин, вспоминая нравы курских дворян начала XIX в., писал в своих «Записках»: «Была одна дама в городе [Курске], собою прекрасивая; не буду называть ее, старожилы, верно, узнают. Весь город сожалел об ее болезни, которою она, несчастная, страдала. Болезнь ее состояла в страшной тоске, и вся медицина тогдашняя не могла найти средства облегчить ее; но случай открыл лекарство. Как–то, в самом сильном страдании, одна из крепостных ее девок принесла ей какую–то оконченную работу, весьма дурно сделанную; быв в волнении, она вместо выговора дала ей две пощечины и — странное дело! — через несколько минут почувствовала, что ей как будто сделалось получше. Она это заметила, но сначала приписала это случаю. Но на другой день тоска еще более овладела ею, и, будучи в безвыходно–страдательном положении, она, бедная, вспомнила о вчерашнем случае и, не находя другого, решилась попробовать вчерашнее лекарство. Пошла сейчас в девичью и к первой попавшейся на глаза девке придралась к чему–то и наградила ее пощечинами, и что же? — в одну минуту как рукой сняло, а потом каждый день после того начала лечиться таким образом, и общество даже заметило, что она поправляется».

Достаточно распространённым явлением было принуждение помещиками–мужчинами своих крепостных девушек к сожительству, причём некоторые составляли из таких наложниц целые гаремы. К примеру, описывая жившего в слободе Чернянке Новооскольского уезда помещика Ф.М. Полтарацкого, бытописатель Н. Решетов сообщал, что тот «устроил себе в восточном вкусе баню, куда имел обыкновение ходить ежедневно с молодыми и красивыми женщинами из крепостных, которые его парили и холили особенным способом, а затем обливали холодной водой, как он говорил, для подкрепления его физических сил».

Надоевших наложниц хозяева обычно выдавали замуж за своих крепостных.

Изредка эти отношения могли заканчиваться женитьбой дворянина на своей любовнице–крепостной, приобретавшей после свадьбы дворянское достоинство.

Самой известной историей такого рода являются отношения графа Н.П. Шереметева со своей крепостной актрисой П.И. Ковалёвой–Жемчуговой, но были такие случаи и в истории Курского края. Новооскольский дворянин И.О. Острожский–Лохвицкий в своих «Записках» сообщает, что в 1788 г. живший в слободе «Пещанке, которая от Слоновки в 8 верстах» штык–юнкер И.И. Одинцов женился на своей крепостной, от которой к тому времени имел уже двух детей. «Довольно после сего объявления было в народе речей и смеху, а от родственников от такой подлости слез… Сестра ж родная его, прапорщица Шидловская, которой нынешняя Одинцова жена была крепостная девка, не знала, что делать, видя из своей крестьянки невестку». На своей крепостной был женат и умерший в 1815 г. кум автора «Записок» В.И. Туфермахер, оставивший «превеликое свое имение» ей в наследство.

Описание взаимоотношения помещиков и их крепостных с точки зрения дворян находим мы в статье бывшего новооскольского предводителя дворянства Н. Решетова, писавшего в 1886 г. следующее: «Я никогда не был сторонником крепостного права… но вместе с этим не могу не высказать правды, касающейся этого предмета, взятой прямо из жизни того времени. Быт и состояние помещичьих крестьян были отнюдь не так дурны и ужасны, как многие не жившие в деревне и не знавшие их жизни об этом представляли, и как описывают их теперь. Из рассказов этих можно вывести заключение, что помещики как будто только тем и занимались, что секли своих крестьян и производили над ними разные бесчинства, в подкрепление чего с большой точностью приводятся только безобразные деяния разных самодуров, злоупотреблявших своею властью, но при этом не обращается должного внимания на общее благосостояние всех бывших помещичьих крестьян, которых при освобождении в 1861–м году было в России более 13–ти миллионов мужеского пола душ. Нельзя отвергать, что между помещиками и крестьянами существовала некоторая связь, которая взаимно скрепляла и поддерживала их хорошие отношения между собой. Известно, что по закону крестьяне принадлежали помещику и были его гражданскою неотъемлемою собственностью. Каждый владелец, что бы то ни было, по присущему всякому человеку желанию приобретения и сохранения своей собственности, старается оберегать своё достояние, заключается ли оно в земле или в другой недвижимости, а тем более в живых существах, доставлявших ему тогда все выгоды своими работами, а своим существованием сообщавших ему многие сословные преимущества. В видах своей же пользы, помимо гуманного чувства, каждому помещику было несомненно выгодно, чтобы его крестьяне жили хорошо и зажиточно. Всякий расчётливый хозяин, чтобы не допустить своё имение до упадка и разорения, помогал крестьянам в их нуждах, выдавая в случае надобности лошадей, скот и прочие необходимые предметы, составлявшие потребность в хозяйстве. Во время неурожайных годов помещичьи крестьяне продовольствовались из запасных магазинов, тогда повсеместно существовавших, и при недостатке содержались на средства помещика. Вообще крестьяне были уверены, что при всяких напастях и бедствиях они найдут защиту и покровительство, и что барин не

Поздравление молодых в доме помещика. Художник Г.Г. Мясоедов. 1861 г.

Танец трепачок перед помещиками. Художник К.А. Трутовский. К.А. Трутовский родился в Курске в 1826 г. В своём творчестве часто изображал сцены из курской жизни.

оставит их и поможет, что и бывало на самом деле. Земская полиция не касалась помещичьих крестьян, за всё отвечал помещик; все повинности, разлагавшиеся по количеству владеемых душ, взыскивались с владельца имения, а в случае недоимки продавалось имущество помещика, но ни в каком случае не крестьянское. Тягловые крестьяне, т.е. наделённые землей, обязаны были работать на помещика три дня в неделю, а оброчные — платить положенный оброк, чего только и мог требовать помещик. Я не говорю о злоупотреблениях. Они, разумеется, были и в этом отношении; но их должно считать исключением. Оброчным помещичьим крестьянам… жилось ещё льготнее, чем хлебопашцам, в особенности в больших имениях, как например у графа Шереметева и других крупных владельцев, доказательством чего могло служить богатство этих крестьян. Многие крестьяне из таких имений торговали по гильдейским свидетельствам и при всём том не желали откупаться на волю… Если между помещиками встречались иногда люди недостойные и безнравственные, то они не могли долго оставаться безнаказанными: против них принимались правительством энергичные меры, а имения их отбирались в опеку… Уездным предводителям вменялось в непременную их обязанность наблюдать за помещиками своего уезда, чтобы они не злоупотребляли своей властью, а при встречавшихся жестокостях принимать надлежащие меры; в противном случае сами предводители подвергались ответственности».

К помещичьим крестьянам тесно примыкали *крестьяне монастырские* (до 1764 г.).

В отличие от помещичьих, являвшихся собственностью конкретного человека, монастырские крестьяне являлись собственностью коллективной, т.к. монастырские земли и имущество находились в общей собственности монахов.

Монастырские крестьяне делились на *старожильцев, нововходцев и бобылей*.

Согласно историку И.К. Смоличу, старожильцами называли крестьян, издавна живших на землях, перешедших затем в монастырскую собственность. Как правило, они продолжали нести те же повинности, что и при прежних владельцах. Монастырские власти лишь заново подтверждали эти договоры, внося при этом некоторые изменения, чаще всего облегчающие повинности крестьян. В основном это облегчение касалось оброка натурой и барщинных работ для монастыря.

Нововходцами, или *новопорядчиками,* были крестьяне, поселившиеся на монастырской земле с разрешения монашеской общины. Они почти всегда на некоторое время — от 3 до 5, реже до 10 лет — освобождались от оброка или оброк этот значительно сокращался, а также получали от монастыря денежную «подмогу» на обзаведение. В поручной записи, которую нововходцы заключали с монастырем, очень точно оговаривались срок аренды и условия, связанные с подмогой, с трудовой и оброчной повинностями монастырю, государственными податями, а также право монастырских властей требовать исполнения всех повинностей и преследовать законным порядком крестьян, не исполнивших этих повинностей.

Принадлежавшие к третьей категории монастырских крестьян *бобыли*, как правило, получали землю лишь для своего двора, не заключали никаких поручных записей с монастырем и не платили податей, в крайнем случае, платили небольшой оброк, если у них был свой огород или крохотное поле. Кормились бобыли работой, выполняемой для монастыря: они были рыбаками, мастеровыми, портными, пчеловодами и т. д. Для монастырей бобыли были дешевой рабочей силой, пригодной для самых разных занятий.

Число монастырских крестьян в Курском крае в первой половине XVIII в. было весьма значительным. Д.И. Багалей сообщал, что перед 1764 г. за Курским Знаменским монастырём числилось 4 836 дворов, за Курским Троицким — 455 дворов, за Валуйским Успенским монастырём — 49 дворов, за Рыльским Николаевским монастырём — 1 365 дворов. Среди принадлежавших этим монастырям крестьян были уроженцы самых разных мест — Москвы, Тулы, Калуги, Костромы, Владимира, южного русского пограничья и Малороссии.

Указ Екатерины II от 26 февраля 1764 г. «О разделении духовных имений» передал все церковные имения Коллегии экономии, а жившие там крестьяне получили личную свободу и стали называться *экономическими*. Вместо барщинной работы и разных оброков с 1 января 1764 г. они стали облагаться подушным оброком в размере 1 рубля 50 копеек. К концу XVIII века экономические крестьяне слились с государственными крестьянами.

Государственные, или *казенные, крестьяне* появились при осуществлении податной реформы 1723 г. в результате объединения разных групп лично свободного крестьянства. В отличие от владельческих, государственные крестьяне рассматривались как лично свободные юридические лица, которые могли выступать в суде, заключать сделки и владеть собственностью. Земля, на которой работали такие крестьяне, считалась государственным владением, за право пользованием которой эти крестьяне платили государству не только подушную подать, но и денежный оброк.

Однако, несмотря на относительную свободу, казённые крестьяне были прикреплены к земле и рассматривались как государственное имущество, которое могло быть пожаловано частным лицам в качестве крепостных.

Эта практика появилась при Петре I, но особый размах приобрела во второй половине XVIII в. По подсчетам А.И. Васильчикова, размеры этих раз-

Русский крестьянин в летней одежде. Художник Р. Портер. 1813 г.

Деревня. Художник Д. Аткинсон. 1814 г.
Из быта русских крестьян 1790–х гг.

Сельский сход. Художник Д. Аткинсон. 1814 г.
Из быта русских крестьян 1790–х гг.

Изба. Художник Д. Аткинсон. 1814 г.
Из быта русских крестьян 1790–х гг.

Русская крестьянка в летней одежде. Художник Р. Портер. 1813 г.

Крестьянское семейство перед обедом. Художник Ф.Г. Солнцев. 1824 г.

Переселенцы из Курской губернии. Художник К.А. Трутовский. 1864 г. На картине изображены костюмы русских крестьян–курян различных возрастных групп.

Курская крестьянка–«саянка» в праздничном костюме. Начало XX в. (с открытки «Народная женская одежда. Великороссы Курской и Орловской губерний». Художник И.А. Шарлемань. 1916 г.). «Саяны» — одна из этнографических групп русского населения Курской губернии.

дач были поразительны: «по сведениям, которые мы могли собрать, и которые, разумеется, далеко не полны, в течение XVIII века приобретено было высочайшими пожалованиями, до восшествия на престол Екатерины II 389 195 душ, при Екатерине около 800 000 душ и в царствование Павла 114 896 душ, приблизительно 1 304 000 душ».

Дарения затронули крестьянское население, проживавшее почти на всей европейской части Российской империи, в том числе и на курских землях. Так, в 1797 г. император Павел I пожаловал тайному советнику графу Х.С. Миниху в вечное потомственное владение 600 крестьян в с. Селино Рыльской округи, генерал–прокурору А.А. Беклешеву — 1 000 крестьян в селе Звенячка, село Глубое и село Пробожье Поле Фатежской округи, генерал–майору А.И. Нелидову — 1 000 крестьян в селе Гламаздино (Гремячее), село Старшее Рыльской округи, земли в Белгородской, Корочанской, Старооскольской и Суджанской округе, курляндской принцессе А.М. Бирон в Рыльской округе — 639 крестьян сёл Дубовицкое и Обжи, её старшему сыну гвардии прапорщику принцу Густаву–Каллисту — села Соколовку, Восков, Высокий Холм, Клевень и деревни Доброе Поле, Прилепы, Борщовку и часть деревни Святозерки с 1 929 крестьянами, её младшему сыну корнету Кавалергардского корпуса принцу Петру–Алексею — села Веть и Сальное, деревни Лабки, Алексину, Мельничищи, Ярославку и часть деревни Святозерки с 1 192 крестьянами.

Лишь после восшествия на престол Александра I в 1801 г. обычай пожалования казённых крестьян в частные руки был упразднён.

Совершенно особое место среди курских крестьян занимали *однодворцы*.

Курский губернский землемер И. Башилов в своём «Описании Курского наместничества» 1785 г. сообщал: «Однодворцы суть люди в хлебопашестве упражняющиеся. Наименование ж сие получили от того, что они для очищения границ российских и защищения от татар в царствование государя царя и великого князя Иоанна Васильевича населены из разных городов и селений, казенных и помещичьих, по одному двору из каждого, и потому, что заселивая пустые места, занимали себе дворы не по порядку и не вместе, а кому где выгодно показалось и вздумалось каждый особою усадьбою с своей семьею. Во время ж 1 переписи переписчики, по нескольку таковых дворов соединивши в свои книги и переписав их семейство, заключили, что живут они однодворками, отчего и вышло наименование сие однодворцы. И как места были тогда обширные, выгодные для скотоводства и хлебопашества, так же и лесу было весьма довольно, то многие дворяне, уклонясь от регулярной наконец службы, оставя свои в других губерниях местности, написалися в подушный оклад и, присоединя себя к роду сих людей, поселились в сей губернии, чему доказательство есть, что у многих на поместья и вотчины сохранены доныне жалованные от государей грамоты, и всякие однодворческие фамилии в землях имеют свои собственные так же по грамотам и выписям. Отчего они ныне стали безземельны, потому что земли свои распродали дворянам, которые, поселя деревни и умножая распоряжениями своими хозяйство, сделали и делают себе немалый прибыток. Образ жизни сих людей во всей губернии единообразен. Дворы имеют они не порядочные, улиц в селениях их нет, а к проезжей дороге стоят их гумны с хлебом, через которые, или особливым переулком, к каждому на двор въехать надобно. Живут в чёрных избах [с печью без дымохода, вследствие чего стены и потолок покрывал толстый слой копоти]. Обуваются в лапти, пищу употребляют суровую, и самые богатые к трудам не весьма прилежны, ибо они во время работнее ездят по полям с ястребами на лов перепелок, а зимою с тенетами и собаками на ловлю зверей; в извозы и в работу от своих домов почти не отдаляются, отчего много бедных. Мастеровых никаких в роде их совсем почти нет.., а со всякою таковою надобностью в рабочее время (не жалея о потере оного) ездят по другим селениям… Наречие их грубое».

Однодворцы платили подушную подать и денежный оброк государству, но в остальном имели практически такие же права, как дворяне (в частности, могли владеть крепостными). Земля передавалась в пожизненное пользование главе семьи — «большаку», который имел право передавать участок по наследству старшему сыну.

Поскольку в число однодворцев попали и обедневшие потомки старинных дворянских и княжеских родов, 5 мая 1801 г. им было предоставлено право отыскивать и доказывать потерянное их предками дворянское достоинство. В 1816 г. Государственный совет признал, что одного доказательства наличия дворянских предков для однодворцев недостаточно, необходимо еще достижение дворянства через службу. Для этого однодворцам, представившим доказательства их происхождения от дворянского рода, предоставлялось право поступления на военную службу с освобождением от повинностей и производством в первый обер–офицерский чин через 6 лет.

Изданное в 1850 г. «Военно–статистическое обозрение» Курской губернии определяло общее количество курских крестьян в 1 493 998 человек обоего пола, т.е. 90,5% от общего числа жителей (1 651 394 человека).

Согласно «Обозрению», подавляющее большинство населения Курской губернии было русским (1 269 937 чел., или 76,93%), за ними шли малороссы–украинцы (380 188 чел., или 23%), число представителей других народов было крайне невелико (0,07%).

Это характерное для Курского края соприкосновение и взаимодействие представителей двух родственных народов придавало облику его населения удивительное своеобразие, заметное не только в быте, одежде и устройстве жилищ, но также в обычаях, характерах и нравах. Особенно ярко это своеобразие проявлялось у крестьянского населения южной части Курского края, где проживавшие по соседству русские и украинские крестьяне во многом отличались друг от друга.

Сравнивая русских и украинских поселян Суджанского уезда, курский археолог и этнограф А.И. Дмитрюков в 1831 г. писал: «Домашнюю жизнь малороссийские простолюдины проводят в сельских занятиях и полевых работах. Приветливое и ласковое провождение времени с гостями проходит у них обыкновенно в угощении, состоящем в пище и питье, которое по сравнению с русским доходит до лакомства… Русские не менее склонны к гостеприимству, но угощение их заключается в простой пище, и вообще они не наблюдают в пище такой разборчивости, как малоруссы. Кушание их состоит в постные дни, большею частию в одном хлебе и квашеной капусте, с квасом и солью, а в скоромные в щах и каше; у малороссиян же и в постные дни бывает в обед и ужин горячая, и часто переменная пища…

Русские живут обыкновенно большими семействами, которые иногда состоят из сорока и более обоего пола душ, в одном дворе живущих и составляющих одно семейство, управляемое старшим в роде, дедом или дядею, у которого все находятся в повиновении, как у отца. Без

Крестьяне–малороссы. Художник Г. Гейслер. 1803 г. По материалам экспедиции П. Палласа 1793–1794 гг.

важных причин никогда не разделяются братья, а тем более сыновья с отцами. Сыновья ж малороссиян, большею частью, скоро после женитьбы просят отцов об отделении их, и сии отпускают их от себя. Последствия сего очевидны: в случае болезни, смерти или взятии в рекруты отделившегося хозяина, остаётся не своевременно обработанным или вовсе не обработанным поле, расстроенное хозяйство, сироты без призрения, запущается недоимка и крайняя скудость доводит семейство до худых последствий, между тем как у русских, по многочисленности рабочих рук, сего почти не бывает.

Отличительные черты народного характера, как русских, так и малороссиян, состоят в приверженности к вере предков и к царствующему дому; но у первых твердость в исповедании веры больше, нежели у последних, и терпимости других вер не примечается… Трудолюбие есть свойство, преимущественнее принадлежащее русским, нежели малороссиянам. Первые переносят труды с неимоверным терпением. Многие из них, не имея земли, имеют всегда значительное количество хлеба в запасе. Они нанимают землю, или берут её изполу, и засеяв оную своими семенами, сжинают хлеб и свозят половину его тому, кому принадлежит земля, а другую половину в свои *огуменники*, которые часто отстоят от взятой земли верст за 20. Для обрабатывания поля выезжают они, с сохами и серпами, и проживают в поле иногда до двух недель и более, питаясь одним хлебом с солью и водою, и не употребляя ничего горячего. Накладенная вокруг повозок солома составляет тогда убежище от непогоды, а суконный чекмень защищает от ночной стужи, бывающей в весеннее и осеннее время… После тяжёлых летних занятий, казалось бы, свойственно отдохнуть в зимнее время; но русских труды не тяготят. Они в это время обмолачивают хлеб, возят оный в Черниговскую, Орловскую и другие губернии, где только есть значительные цены; делают сани (называемые здесь *дровни*), колеса, самопрядки, плетут лапти, и нанимаются в извоз, во все места в России и даже за границу… Малороссияне с меньшею охотою переносят труды и в приобретении вообще беспечны до лености. Разлучаются с домом неохотно, разве по крайней надобности, а в дальние дороги редко кто из них отваживается. Зато, они с большей охотой занимаются ремёслами: кузнечным, горшечным, сапожным, да и ко всем прочим имеют большую склонность и переимчивость…

В заключение, о характере жителей простолюдинов Суджанского уезда можно сказать, что малороссияне вообще весьма откровенны, чистосердечны, покорны с робостью, а в случае раздражения, в обидах им причинённых, отважны до безрассудства, но незлобивы. Почтительность и учтивость их к старшим заметны во всяком случае. Увидев священника, чиновника или кого–либо из старших себя, они, если что–нибудь не препятствует, заблаговременно снимают шапку и униженно кланяются. Дети, даже малолетние, нередко подражают сему примеру родителей. Для приведения их в послушание, не столько нужна палка, сколько ласковое слово. Напротив того, русские более скрытны, предприимчивы, упорны при достижении своих намерений, и склонны к тяжбам… Несравненно менее они почтительны, нежели малороссияне, а особливо к тому, кто не имеет над ними никакой власти».

Изданный 19 февраля 1861 г. Манифест об отмене крепостного права упразднил личную зависимость крестьян от своих помещиков и сделал их лично свободными людьми. Однако сложившиеся во времена крепостничества особенности мышления, социального поведения и отношения к государственным институтам ещё спустя многие десятилетия после его уничтожения определяли жизнь и воззрения крестьянского населения как Курского края, так и всей России.

КУРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО

Курск конца XVIII в. уже ничем не напоминал суровую порубежную крепость, какой был город за сто с лишним лет до того. В прошлое отошли набеги татар, исчезла опасность со стороны «литовских людей». Ныне главную роль в его жизни играли не служилые люди, стоявшие здесь на страже границ, а люди куда более мирные — купцы.

Из общего числа населения в 6000 душ в городе на 1786 г. числилось 1 883 купца. Всякий день открывали они торг в своих лавках, находившихся в «изрядно устроенных деревянных рядах». Товаров было обильно. Современник отмечал, что «без излишних прихотей можно пробавиться тамошними товарами без всякаго недостатку». Он же с гордостью сообщает, что курское купечество «получает лучшие товары из заграничных мест... а имянно: из Лейпцига и Данцига льняные тонкие полотна, сукна и разную галантерею, из Вены всякие разные шёлковые и бумажные материи и галантерею ж и для хлебопашества разные орудия серпы, косы и пр. Из Китая также разные материи и чай, а из Херсона виноградные напитки и весьма хорошие апельсины, которые во множестве и в разные города через [Курск] провозют».

Купечество являлось сословием торговым, однако занятие торговлей вовсе не являлось непременным условием принадлежности к нему. Торговать мог и не купец, а купец мог и не торговать. В купцы записывались мещане, достигшие определённого уровня благосостояния, и наоборот, обедневшие купцы переходили в категорию обычных мещан. Не брезговали коммерцией и дворяне. Так, курский помещик и прокурор нижней расправы Курского суда Н.И. Переверзев успешно сочетал продвижение по службе с содержанием на откупу питейных домов. В результате он закончил свои дни в чине статского советника, за первые же три года своей коммерческой деятельности сколотил капитал в 50 000 рублей и вдобавок увеличил свои имения более чем вдвое.

К концу XVIII в. сложилось разделение купечества на 3 гильдии, согласно состоятельности. Объявившие за собой капитал более 10 000 руб. причислялись к 1–й гильдии; лица с капиталом от 1 000 до 10 000 руб. — ко второй, а обладатели состояния от 500 до 1 000 руб. — к третьей гильдии.

Позднее установленные для членства в гильдиях размеры капиталов повышались, и к 1807 г. для членства в 1–й гильдии требовалось иметь 50 000, во 2–й — 20 000, в 3–й — 6000 рублей. С объявленного капитала платился налог в размере 1%, делались взносы на городские нужды. За неуплату сборов могли последовать меры вплоть до

исключения из гильдии. Так, тот же Н.И. Переверзев в течение двух лет не выплачивал со своего капитала процентных денег в казну и не отчислял средств на общественные нужды города. В итоге в 1790 г. возникло дело о взыскании с него нужной суммы. Городской магистрат 12 марта вынес по этому поводу постановление, приговорив Н.И. Переверзева за «необъявление на нынешний 1790 год капитала» и «теряние чрез то казённого интереса» к исключению из числа «благородных гостей», изъяв его капитал из окладных книг. Лишь после этого надворный советник спохватился и бросился с объяснениями к курскому городничему — коллежскому советнику К.А. Удаму.

В мае 1790 г. он заверял его в том, что «процентныя деньги мною в тот магистрат отданы будут; а на общественные расходы денег я взносить в тот магистрат ныне не могу по притчине той, что тех денег магистрат налагает на меня весьма великую сумму не объяснив на какое употребление оныя надобны; а как по случаю сего налога и по другим обстоятельствам считаю я себя от того магистрата обиженным то и подано от меня по аппеляции в Курской губернской магистрат на тот магистрат жалоба».

Купец 1–й гильдии имел право бывать при императорском дворе, получать звания коммерции— и мануфактур–советников, носить шпагу, а «при Русской одежде саблю». Также он мог носить и мундир той губернии, где был записан. Мундир Курской губернии был «из гарнитура пунцоваго цвета с обшлагами и воротниками голубого цвета». Это хорошо видно на примере Г.И. Шелихова и его компаньона курского купца И.Л. Голикова — оба они «за успехи в промышленности» были награждены золотыми шпагами, а вдова и сын Шелихова позднее даже получили потомственное дворянство.

Денга. 1750 г. Екатеринбургский монетный двор. Медь. Курский государственный областной музей археологии. Обнаружена во время археологических исследований усадьбы «Палаты бояр Ромодановских».

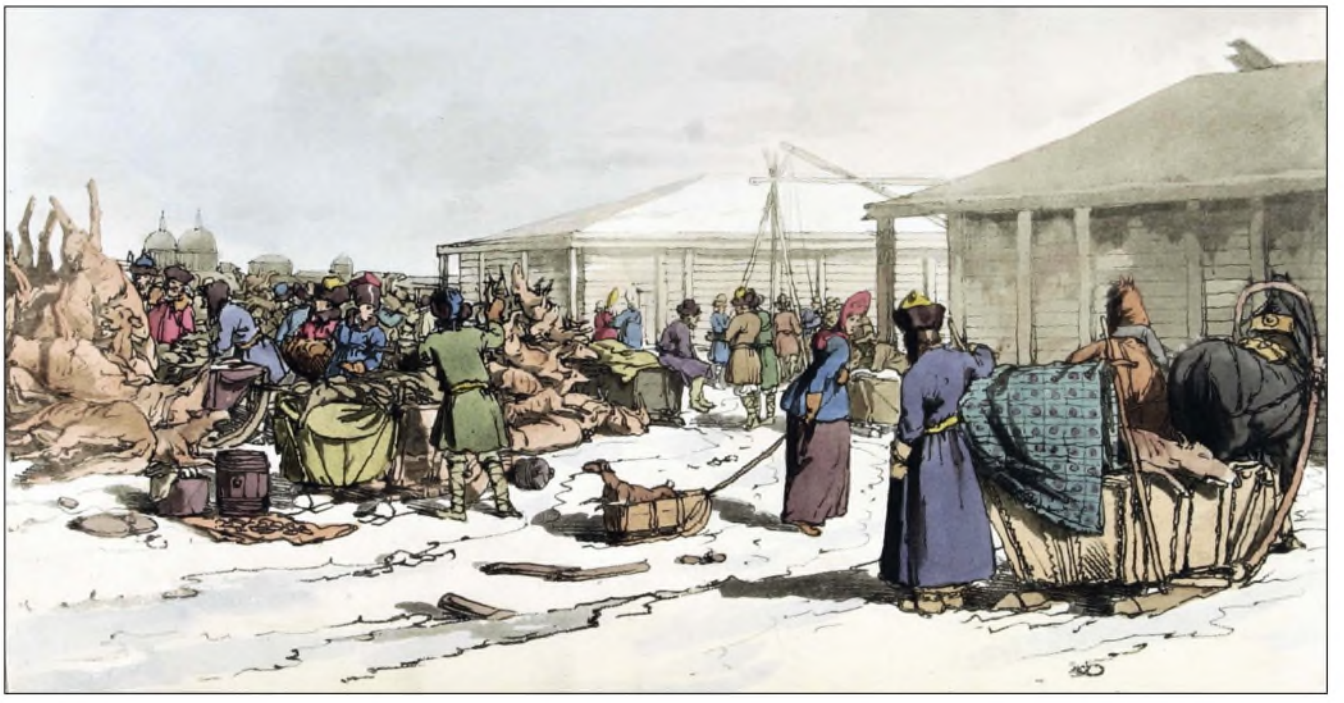
Замок навесной. Железо, позолота. XVIII в. Свято–Троицкий храм г. Курска. Дар протоиерея Александра Нечукина. Курский государственный областной музей археологии.

Рыльский же купец 1–й гильдии Иван Федотович Фолимонов, который вёл обширную торговлю австрийскими косами, в конечном итоге оказался в рядах европейского дворянства. Согласно указу императора Священной Римской империи от 22 декабря 1788 г. «Фолимонов Иоганн, бюргер в Рыльске в Великороссии и оптовый торговец, получил дворянство с правами рыцаря и приставкой «фон» и разрешением именовать себя по приобретаемым поместьям. После этого купец–рыцарь И.Ф. фон Фолимонов был внесён в дворянскую родословную книгу Курской губернии и одновременно продолжал вести торговые дела в Вене, Граце и Штейере. Дворянство Ивана Федотовича унаследовал и его сын Павел, женившийся на черниговской помещице М.И. Янкиной, владевшей деревнями в Рыльском уезде.

За «особенно важные заслуги лица купеческого звания Христианского исповедания» могли награждаться орденами и чинами. Купцы, пожалованные российскими орденами в период с 30 октября 1826 г. по 10 апреля 1832 г., получали личное дворянство, а купцы, которые были пожалованы российскими орденами после 10 апреля 1832 г., получали потомственное почетное гражданство. Почётные граждане освобождались от подушного оклада, от рекрутской повинности, от телесных наказаний, могли избираться в городские общественные должности не ниже тех, куда избирались купцы первых 2–х гильдий, имели право записываться не в ревизские сказки, а в свои особые книги. Обращаться к лицам купеческого звания полагалось «Ваше степенство».

Далеко не все купцы, особенно первогильдейские, соответствовали распространённому стереотипу тёмного бородатого торгаша. Например, Андрей Петрович Баушев, по свидетельству хорошо знавших его людей, был «купец званием, но по образу жизни и обращению похожий на германского барона». Он вёл торговые дела с различными городами Германии, владел немецким языком, а дома имел библиотеку с книгами на иностранных языках.

Купцы были освобождены от рекрутской повинности (с 1739 г.), от уплаты подушной подати (с 1775 г.), имели право покупать крепостных. Так, в 1792 г. курский купец А.С. Голиков приобрёл у помещика поручика Д.Г. Артюшкова 18–летнюю крепостную Евдокию Мамоновскую. Известный



Мясной рынок зимой. Художник Д. Аткинсон. 1814 г. Из русского быта 1790–х гг.

Русский купец. Художник Д. Аткинсон. 1814 г. Из русского быта 1790–х гг.

же рыльский купец Г.И. Шелихов, по просьбе и на деньги своего кума, путивльского помещика Ф.И. Шечкова, купил дворового человека Максима Немова.

Но, поскольку «по некоторым обстоятельствам человек тот к нынешнему его господину отправлен быть не мог, то от реченного Шелихова и назначен быть при коммерческих делах его в Охоцке и во всей тамошней области». Шечков, похоже, так и не увидел своего нового дворового, зато Северо–Американская компания Шелихова приобрела ещё одного сотрудника.

Немало курских купцов владело купленными у кочевых казахов на степной границе рабами–калмыками, попавшими в плен во время межплеменных схваток.

Купцы избирали из своих рядов городскую управу, гильдейских старост и старшин, ведавших их сословными делами. Городские общества имели право «для совещаний по общественным их делам составлять собрания... общия для целого общества, или частныя по сословиям: купеческому, мещанскому и ремесленному и по частям города». Собрания эти происходили через каждые три года, либо «когда нужда и польза городская потребует, и в другое время». В собрании могли присутствовать все граждане, не моложе 25 лет и

Русская купчиха в летней одежде. Художник Р. Портер. 1813 г.

Женские украшения. Конец XVII–XVIII вв. Курская область.

Купец и торговец квасом. Художник Г. Гейслер. 1803 г. Из русского быта 1790–х гг.

имеющие капитал, с которого проценты были не ниже 15 рублей серебром в год. Граждане с запятнанной репутацией и бывшие под судом могли быть исключены городским обществом из своего числа. Граждане, не достигшие 25 лет и «бескапитальные», могли находиться в городском собрании, но не должны были там сидеть и лишались права голоса. Совещания обсуждали выборы по различным должностям, «замещение коих предоставлено городским обывателям», выслушивали предложения губернатора, сообщали ему о своих «общественных нуждах и пользах».

Основным органом городского самоуправления, согласно Жалованной грамоте 1785 г., являлась городская дума, избиравшая свой исполнительный орган — «шестигласную думу» из своих членов (гласных) на три года. Дума составлялась «из людей, занятых торгами, промыслами и ремеслами». Глава думы, городской голова, избирался,

Гиря безменная. Бронза.
1-я половина XIX в. Курская область.

Русский безмен «калужского» типа.
Российская империя. 1-я половина XIX в.

Русский купец («Купец из г. Калуги»).
Художник Э. Хардинг. 1811 г.

Мясник со свиньей на подносе и купчиха.
Художник Г. Гейслер. 1803 г.
Из русского быта 1790–х гг.

как правило, из купцов 1–й гильдии, а гласные — в основном из купцов 3–й гильдии.

Другим важным органом городского самоуправления были городовые магистраты — преимущественно судебные органы, рассматривавшие различные внутригородские нужды и вопросы. В магистратах присутствовали два бургомистра и четыре ратмана, избиравшиеся купечеством и мещанством через каждые три года. При магистратах учреждались «Торговые Словесные суды» для разбора и решения торговых споров, «дабы торгующие без крайней необходимости не вступали в судебное производство письменное, которое сопряжено с важной для них потерей времени».

Купеческое семейство на прогулке. Художник Р.К. Жуковский. 1843 г.

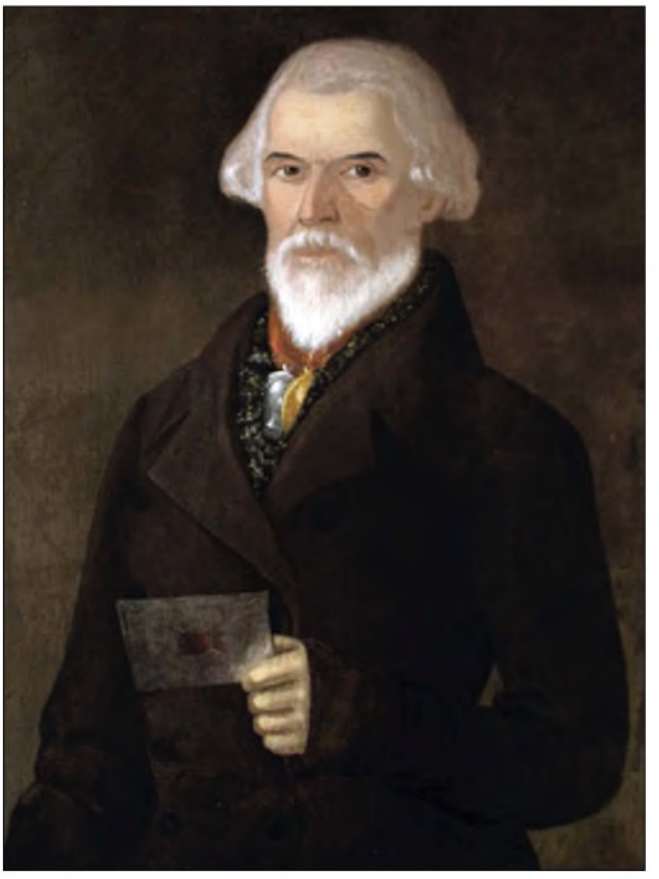
По окончании службы старосты, судьи словесного суда, ратманы и бургомистры, которые «справедливостью и добропорядочными поступками» отличились, награждались похвальными листами. Бургомистров с такими листами определялось называть «степенными» и в другие низшие должности не выбирать. Заседали купцы также в палатах уголовного и гражданского судов.

Деятельность заседателей палат могла оцениваться очень высоко. Так, в 1846 г. Николай I «Всемилостивейше пожаловать соизволил Заседателю Курской Палаты Гражданского суда 2–й гильдии купцу Дубровскому золотую медаль на Аннинской ленте», с надписью «за усердную службу», для ношения на шее. Но далеко не все купцы готовы были служить на выборных должностях, отвлекавших их от коммерции. Некоторые шли на разные уловки, например «для избежания городской службы, перечислились в другие города, но живут в Курске и торгуют на праве иногородных купцов, а иные передав все недвижимое имение жёнам своим, от имени их ведут торг в городе Курске, и хотя числятся купцами других городов, но действительно торговли там не ведут».

Вершиной для общественной карьеры купца было получение почётного гражданства. Примером такого солидного купеческого семейства может послужить рылянин В.А. Шелихов и его сыновья. В 1833 г., добиваясь почётного гражданства, Иван Васильевич Шелихов писал:

«Отец мой Василий Афанасьевич Шелихов во всю жизнь его находился в купеческом звании и состоял в первых двух гильдиях с своим семейством... Во время жизни своей не подвергался ни несостоятельности и не был опорачиваем никакими судебными приговорами, напротив того пользовался доверием и уважением к себе от граждан, по выбору которых находился в должностях в городовом магистрате: начально в 1780 по 1783 год ратманом, потом с 1804 по 1807 первым бур-

гомистром продолжал и кончил сии должности без всякого предосуждения от высшего начальства с доброю признательностию от граждан, как свидетельствует данный ими, гражданами, похвальный лист 16 генваря 1807 года в Городовой Магистрат в книгу записанный, а также и в частном быту он, Василий Шелихов, как усердный сын Отечества и верноподданный Государю Императору устроя для себя прибыток интересный при заготовлении в казну провианта и овса, покупал довольное количество и с выгодою для казны уступал по собственной своей цене; за что Всемилостивейше пожалован подарком состоящим в бриллиантовом перстне, как свидетельствует письмо, полученное им Шелиховым от графа Виктора Павловича Кочубея 29 майя 1807 года под № 361–м. Засим Всемилостивейше награждён золотою медалью на владимирской ленте для ношения на шее. После смерти означенного отца своего купца Василия Шелихова он, проситель, купец Иван Шелихов... находится во 2–й гильдии... с платежом установленных повинностей, никогда не подвергался несостоятельности и не был опорачиваем судебными приговорами... напротив сего, по выбору рыльских граждан находился в должности градского головы с 1828 года целое трёхлетие отправлял и кончил оную с хорошим вниманием от губернского правления, которое... опубликовало по губернии изъявленную ему, г. Шелихову, признательность за устройство по выданному плану значительными издержками граждан, дома с околичными пристройками для градской больницы, а граждане также изъявили ему, г. Шелихову, признательность по окончании должности в похвальном листе...».



Неизвестный курский купец. Середина XIX в. Курский областной краеведческий музей (по «Курская губерния и Отечественная война 1812 г.»).

Курские купеческие роды — Полевые, Бесходарные, Мухины, Климовы, Лоскутовы, Дружинины — были широко разветвлены и связаны между собой родством, что в немалой степени сказывалось на коммерции. Нередко роднились купцы и с мелкопоместным дворянством. Так, сестра Г.И. Шелихова Аграфена была выдана замуж за небогатого льговского помещика П.Я. Дьякова (он имел всего девять душ крепостных), путивльский помещик Ф.И. Шечков крестил дочь Г.И. Шелихова, а курский купец И.И. Мухин был женат на дочери помещика Василия Башкирева.

Купечество Курска, равно как и других провинциальных российских городов, отнюдь не отличалось широтой взглядов. Ярко характеризует царившие среди него нравы и настроения эпизод с проездом через город турецкого посла беглербея румелийского Рашида Мустафы–эфенди в июле 1793 г. Местное купечество наотрез отказалось снабжать проезжающих «басурман» какими–либо припасами, невзирая на возможную выгоду и даже вопреки прямому распоряжению губернатора. Лишь после усиленного нажима властей поставки «врагам христианской веры» взяли на себя двое купцов 3–й гильдии. Ни один из крупных коммерсантов города на подобную сделку так и не согласился.

Торговля была делом небезопасным. Один из купцов Полевых погиб в Персии во время переворота Надир–шаха, другой провёл полгода в осаждённом пугачёвцами Оренбурге, третий был убит туземцами на Алеутских островах.

Да и под самым Курском подстерегали путников не меньшие опасности. По *Крымской стороне*, как по старинке называли тогда в Курске местность за Сеймом, нередко встречались волки, но хуже волков были таившиеся в придорожных оврагах лихие люди. Разбойники не только грабили, но и убивали проезжих на Дубоссарской дороге в виду самого города. *«Чуть показались вдали маковки курских церквей,* — делится детскими воспоминаниями один из старожилов, — *как мы трое вооружились: мой отец взял в руки заряженное ружьё, я между коленей укрепил мешок с песком, чтоб засыпать глаза разбойникам в случае их нападения, а попутчик отца, усевшись задом к лошадям, держал в руках увесистую дубинку... Дело было днём и проехали благополучно».* Иным везло меньше: напри-

мер, в 1767 г. разбойниками был убит рыльский купец Михайла Петрович Шелихов.

Не всегда ладили с законом и сами курские коммерсанты, что прекрасно показал случай с купцом Семёном Лавровичем Полевым. В ночь с 18 на 19 ноября 1785 года два солдата и три служителя конторы питейных сборов стояли на посту для досмотра подвод на предмет отыскания корчемного вина.

На дороге из Клюквы в Курск они встретили возок купца С.Л. Полевого, при котором было ещё два–три человека. Когда у них спросили, не везут ли они корчемного вина, купец ничего не ответил, но «бежал в Стрелецкую слободу крича разбой... сделавши в слободе болшую тревогу». На крики его выбежало десятка полтора местных однодворцев. Купец не переставая звал на помощь, уверяя, что за ним гонятся разбойники. Однодворцы, отчётливо видя, что гонятся за ним солдаты и служители, тем не менее без раздумий напали на преследователей и «вообще с купцом Полевым без всякой винности солдат били немилосердно и находящихся при них служителей также побили и перевязали яко сущих злодеев». После этого связанные были доставлены на гауптвахту и сданы караулу под видом пойманных разбойников.

Незадачливые досмотрщики утверждали позднее, что лично видели в повозке Полевого 18–ведёрный бочонок и явственно чуяли винный дух.

И.Л. Голиков же, заподозрив своего служащего Василия Тернавского в утайке денег, попросту заковал его в цепи и «держал ево неповинно в своей питейной конторе под караулом три месяца времени от августа по 24 число октября того 1772 года, причём жену ево и детей и родственников неведомо для чего к нему не допущал и морил гладом и... бил ево плетьми троекратно смертными побоями едва не до смерти».

Угрожая побоями и впредь, И.Л. Голиков, «по душевредству своему», вынудил Тернавского выписать ему вексель на 80 рублей и только после этого освободил из–под стражи. В 1774 г. пострадавший подал на Голикова жалобу за понесённую обиду и «вымучивание векселя». Дело, однако, затянулось и кончилось ничем. Иван Ларионович от дачи показаний уклонялся, в суд не являлся и представителя своего туда также не посылал. Трижды за один день он обещал отправить поверенного своего в суд, но когда за ним пришли в последний раз, намереваясь привести в суд силой, Голиков окружил себя своими многочисленными служащими и «уехал из города даже в другую губернию».

Но тот же Иван Ларионович не был просто богатым самодуром. Не чуждаясь идей просвещения, он в 1784 г. выразил желание пожертвовать дом на улице Золотаревской, капитал в 20 тысяч рублей и доход с лавок на устройство в Курске коммерческого училища. Предполагалось, что в училище будет содержаться на полном пансионе 20 учеников с наставником и надзирателем. Туда планировалось принимать детей бедных родителей из купцов и мещан и преподавать им в основном арифметику и бухгалтерию, «дабы чрез то получить способных людей для коммерческих дел». Ради этого Голиков просил предоставить ему место в Гостином дворе для постройки шести каменных лавок, доходы с которых жертвовались им в вечное пользование училищу.

Однако тут ему пришлось столкнуться с косностью и завистью курских купцов и обывателей. Купец Первышев с другими торговцами стал претендовать на указанное место, а по городу поползли слухи, будто детей в школу будут брать неволею. «От такой безрассудной мысли, — жаловался Иван Ларионович, — рождается в простых людях ко мне ненависть». В итоге ему пришлось оставить своё похвальное намерение.

Купцы Антимоновы были более традиционны и долгом «своим почитали они заботу о бедных и страждущих: для раздачи милостыни в их доме был назначен особый день недели, щедро жертвовали они на храмовое строительство и украшение церквей». Купец 2–й гильдии Гостев преуспел на ниве благоустройства родного города. В 1844 г. он получил благодарность губернатора за устройство им моста, затем был награжден за развитие судоходства по реке Сейм, а в 1848 г. Николай I по представлению министра государственных имуществ наградил Гостева золотой медалью на Владимирской ленте, для ношения на шее, с надписью «за усердие».

Хотя Курск тогда и относился к городам, откуда, по словам гоголевского городничего, «три года скачи, ни до какого государства не доскачешь», местные купцы вполне уверенно прокладывали дороги в дальние страны. Они торговали в Сибири, по всей России, включая столицы, в Персии, Австрии, добирались и до Америки. В иных курских купеческих родах в XVIII в. своеобразной семейной традицией успело стать занятие морскими пушными промыслами у берегов Аляски.

Купцы не только наживали капиталы, но и жертвовали их на нужды родного города, его обустройство (хотя не всегда достаточно щедро), строительство украшавших Курск храмов. Их имена остались в названиях городских улиц — Дружининская, Чикинская, Золотаревская.

Из купеческого же сословия происходил и целый ряд курян, прославившихся отнюдь не коммерческими успехами, как например историк И.И. Голиков, писатель и журналист Н.А. Полевой, астроном Ф.А. Семёнов или канонизированный православной церковью старец Серафим Саровский (Мошнин).

КУРСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В XVIII ВЕКЕ

На протяжении XVIII в. правителями Российской империи был осуществлён ряд преобразований, лишивших Русскую Православную Церковь самостоятельности и полностью подчинивших её государству.

Начало этому процессу было положено Петром I. После смерти патриарха Адриана в 1700 г. новый патриарх так и не был избран, а всеми духовными делами стал ведать образованный в 1721 г. *Святейший Всероссийский Правительствующий Синод*, состоящий из *президента*, двоих *вице–президентов*, четырех *советников* и четырех *асессоров*. Президент и вице–президенты назначались из архиереев, остальные члены коллегии — из представителей монашествующего и белого духовенства (архимандритов, игуменов и протоиереев). Представителем государя в Синоде являлся *обер–прокурор*, обязанный наблюдать за ходом синодальных дел и бывший посредником между Синодом и государственной властью. Синод являлся высшей церковно–административной и церковно–судебной инстанцией. Он также осуществлял надзор за деятельностью *епархий* Русской Православной Церкви.

Курский край в XVIII в. не был един в церковно–административном отношении. Его южные уезды входили в состав основанной в 1667 г. *Белгородской епархии*, которая к 1764 г. включала в себя Белгород, Обоянь, Курск, Хотмыжск, Карпов, Суджу, Мирополье, Вольный, Корочу, Яблонов, Старый Оскол, Новый Оскол, Нежегольск, Болхов, Алешню, Верхососенск, Усерд, Ольшанск, Коротояк, Недригайлов, Чугуев, Салтов, Харьков, Изюм, Змиев, Валуйки, Ахтырку, Каменный, Боросиль, Краснополье, Сумы, Лебедин, Межиричи, Красный Кут, Богодухов и Печенеги. Управляющие епархией архиереи носили титул «Белгородского и Обоянского».

Северная часть Курского края (Рыльск, Путивль и др.) в начале XVIII в. входила в состав *Патриаршьей области*. Однако в 1705 г. гетман И.С. Мазепа добился передачи расположенных в принадлежавших ему частях Рыльского и Путивльского уездов церквей и монастырей под управление киевского митрополита. Только после учреждения Синода эти церковные десятины были изъяты из ведения киевских иерархов и переданы в *Синодальную область*. Вероятно, возвращение вызвало противодействие со стороны Киева, т.к. постановление Синода от 11 ноября 1731 г. строго указывало, чтобы «Синодальной области городов Путивльского, Севского и Рыльского уездов, имеющиеся ныне в ведомстве Киевской епархии церкви от-

Крест нательный. Бронза, эмаль. 1–я половина XVIII в. Приходское кладбище церкви Иверской иконы Пресвятой Богородицы. с. Капыстичи (Рыльский район). Раскопки А.В. Зорина. Курский государственный областной музей археологии.

решить же совершенно и отныне впредь тем церквам всем и обретающимся при них священникам, и диаконам, и причётникам ведомым быть в Синодальной области всякими делами в духовной дикастерии; а данными и прочими надлежащими с них доходы — в Синодальном Казенном Приказе для того, что оные города — Севск, Путивль, Рыльск и уезды — из древле Патриаршей ныне же Синодальной области, а Киевскому архиерею оных церквей, попов, диаконов и причетников ведать, сборов никаких имать и ни в чем интересоваться не велеть».

С 1744 г. курские северные церковные десятины вошли в *Московскую епархию*, а в 1764 г. — в образованное в её составе *Севское викариатство* с городами Севск, Брянск, Орёл, Карачев, Рыльск, Путивль, Трубчевск, Кромы и Белополье. Управляющие епархией пастыри носили титул «Севского и Брянского».

Русские православные епархии возглавлялись архиереями в сане *митрополита, архиепископа* или *епископа*. Главу епархии утверждал лично император, выбирая из трех предложенных Синодом кандидатов. При возведении в сан архиерей давал клятвенное обещание соблюдать церковные предания и святые каноны, охранять церковный мир, управлять паствой в духе евангельской кротости, оказывать послушание высшей церковной власти, никого не предавать анафеме и отлучать от церкви по личным побуждениям, а с отпадшими поступать миролюбиво, кротко и благоразумно.

Круг приближённых к архиерею людей был достаточно велик.

По штатам 1763 г. при главе причисленной к 3–му классу Белгородской епархии должны были состоять *эконом, духовник*, 2 *крестовых иеромонаха, ризничий* (он же казначей), приписанный к нему *копиист*, 2 *иеродиакона, «житенный и сушиленный», чашник*, 2 *келейника*, 4 *служителя* и 40 человек обслуги (*истопники, хлебники, повара* и проч.).

Управление епархией было сосредоточено в *Духовной Консистории*. Она состояла из 5–7 членов, утверждаемых Синодом из представленных епархиальным архиереем архимандритов и игуменов. Консистория ведала назначением и смещением приходских священно— и церковнослужителей, привлекала их к церковному суду за правонарушения по должности, осуществляла надзор за ведением церковного хозяйства, строительством и благоустройством храмов, следила за исполнением синодальных указов и т.п.

Для производства дел при консистории состояла особая *канцелярия*, которую возглавлял назначавшийся и увольнявшийся обер–прокурором Синода светский чиновник–*секретарь*. Помимо него в состав консистории епархии 3–го класса входили 3 *канцеляриста*, 6 *копиистов*, 2 *сторожа*, 6 *приставов* и 1 *стряпчий*.

Одной из важнейших обязанностей архиерея были регулярные объезды подчиненной его власти епархии. Вот как в своих воспоминаниях Г. Добрынин описывал одну из пастырских поездок епископа Севского и Брянского Кирилла (Флиоринского) в 1768 г.: «По первому зимнему пути последовал поход нам в город Рыльск, Белополье, в местечко Михайловку и в прочия по сему тракту лучшия селения «для осмотра благочиния», к наблюдению котораго обязаны пастыри данными им от Синода правилами, коими велено им каждые три года посещать единожды свою епархию, обозревать: «како пребывают братия». Сеять им семя евангельскаго учения и утверждать в единоверии; явить им собою правило веры, образ кротости, воздержание учителя, и проч.: все это сделать во столько времени, сколько онаго станет на то, чтоб заехать им в лучшие монастыри и домы, попокоиться и попировать, а нередко получить и подарки. В Рыльске преосвященный говорил свои поучения к народу, наполненныя гонением на староверов, и жарким доказательством их заблуждения. А как сей старой веры держался один из дворян, обер–офицер в отставке, Сисой Воропанов, то преосвя-

Митрополичий двор в Белгороде. Фрагмент чертежа 1693 г. (по А.А. Танкову, 1913).

щенный столь ярко на него наступил, что принудил его торжественно в церкви «проклясть и анафеме предать» все старообрядческие толки, и раскольникам не покровительствовать. Купцы, выслушав с христианским терпением архиерейскую, в сильных выражениях, проповедь и угостя его жирными своими обедами, пивами, медами и добрыми наливками, остались по прежнему при старой вере и при своих промыслах. А ревностный свой подвиг архиерей напоследок увенчал обрезанием бороды Воропанова; но как, по силе древней пословицы: «волос глуп, он везде ростет», то и Воропанова борода после выезда архиерейскаго выросла по–прежнему, не меньше архиерейской. В Белополье архиерей изъяснял обедню; в прочих местах говорил поучения, соображаясь свойствам и состояниям паствы своей. Я и в сем походе не остался без труда. Переписка поучений занимала меня нередко по целой почти ночи, но труд сей растворяем был наградою, от часто посвящаемых ставленников [соискателей должностей приходского духовенства]. Издержки дорожныя не тяготили не только преосвященнаго, но и весь его штат, потому что везде было всего совершенное довольство. Промысл Вышняго не оставлял без награждения труждающихся, поющих и предстоящих на тот конец, чтоб иметь велию и богатую милость, почему и возвратились домой сыты».

Святитель Иоасаф (Горленко), епископ Белгородский и Обоянский. Неизвестный художник. 1870–е гг.

Священники. Художник Д. Аткинсон. 1814 г. Из русского быта 1790–х гг.

По итогам архиерейских поездок обычно издавались послания и указы, направленные на устранение выявленных в епархии недостатков. Нередко они касались нравов и обычаев окормляемой священниками паствы и интересны содержащимися в них бытовыми описаниями.

Так, в указе белгородского епископа Иоасафа (Горленко) к протопопам и духовным управителям от 30 мая 1749 г. архиерей ставил на вид, что «многие из народа, наипаче же купцы и прочие разночинцы от заматерелого своего суеверия или раскола не пускают, вопреки церковным правилам, детей своих — сыновей и дочерей девок — в церковь, не только в праздничные дни, но и в воскресные, кроме лишь одного воскресенья великим постом, когда сподобляются Христовых Тайн, а на игрища и позорища людские собираются повседневно». В связи с этим преосвященный предписывал «всем священникам подтвердить накрепко с подпискою, чтобы приходских своих людей поучали и понуждали, дабы они детей своих, сынов и дочерей, пущали в церковь, по крайней мере в воскресные и праздничные дни, для слушания божественного пения, и для того, списав с указа копии, отдать каждому священнику с роспискою для прочтения в церквах при собрании народа в воскресные и праздничные дни в течение месяца, а кто противен и непокорлив правилам восточной православной церкви учиниться, на таковых доносить его преосвященству, дабы учинено было с ними, как святых апостолов и отцов правила повелевают».

Святитель Иоасаф был наиболее прославленным из белгородских епископов XVIII в. Он родился 8 сентября 1705 г. в г. Прилуки, в семье полковника Прилукского казачьего полка А.Д. Горленко и был крещен под именем Иоаким. В 18 лет святитель принял постриг в Киево–Межигорском монастыре, а спустя два года принял «великое пострижение» в Киево–братском монастыре под именем Иоасафа. В 1748 г. его назначают епископом Белгородским и Обоянским. Согласно А.С. Лебедеву, «шесть с половиной лет управлял преосвященный Иоасаф Белгородской епархиею с неутомимою ревностию. Ни один из Белгородских иерархов не обозревал так часто и так внимательно своей епархии, как он, обращая при этом строгое внимание как на храмы и общественное богослужение, так и на нравственное состояние духовенства и мирян».

Особым вниманием Иоасафа пользовалось приходское духовенство.

Для поднятия уровня его образованности Белгородская консистория по приказу епископа закупила в большом количестве книжицу о церковных таинствах и Иоасаф издал указ о её обязательном изучении духовенством наравне с катехизисом — руководством, содержащим основные положения христианского вероучения. Во время объездов епархии преосвященный испытывал священников в знании двух этих сочинений, а «неумеющих» вызывал в Белгород в архиерейский дом и держал в разных послушаниях до успешной сдачи экзамена.

Относительно поведения священников епископ строго предписывал протопопам смотреть: «не пьянствуют ли попы, не ходят ли в корчмы и на игрища, не безчинствуют ли, не кощунствуют ли и не дерутся ли с людьми», а также — «не ходят ли в коротких и светлых одеждах, паче же — не служат ли в лаптях, також утрени, вечерни и прочее церковное отправление не отправляют ли в единых кафтанах, без ряс, подпоясаны, накинув на себя епитрахиль, что всё являет безобразие».

Не менее пристальное внимание святитель обращал и на религиозное просвещение народа. Указом от 23 ноября 1750 г. Белгородской консистории приказано было объявить священникам, чтобы они во все воскресные дни в конце литургии учили народ молитвам, а именно: «во имя Отца,

Деревенская девушка с мальчиком, молящимся перед иконой на дороге. Художник А.Д. Печенкин. 1836 г.

Проповедь в селе. Художник В.Г. Перов. 1861 г.

и Сына, и Святого Духа, аминь; Царю небесный; Пресвятая Троице; Отче наш; Верую во Единого; Богородице Дево и Помилуй мя Боже, — учили всех, начиная от малых младенцев до престарелых людей, наизусть произнося им эти молитвы, а они за священниками приговаривали бы, пока им то священническое научение в память углубится; при этом предписывалось священникам учить народ и тому, как творить на себе крестное знамение троеперстным изображением «показуя им три первые великие перста».

Святитель Иоасаф скончался 10 декабря 1754 г. в с. Грайворон в возрасте 49 лет и был погребён в Свято–Троицком соборе г. Белгорода. Спустя два года после захоронения было обнаружено, что тело архипастыря осталось нетленным. Слух об этом вскоре разнёсся далеко по окрестностям и привлёк к усыпальнице множество верующих.

Новооскольский помещик И.О. Острожский–Лохвицкий в своих «Записках» оставил следующее описание посещения чудесных мощей в сентябре 1787 г.: «21 после заутрени в соборной церкви пел угоднику Христову Иоасафу Горленко панихиду и был допущен с женой, дочерью Любовью и сыном Петром к его мощам, лежащим… нетленно под церковью Воспоминания страшного суда Божия, что в приделе. Они лежат в гробище зеленой во всем одеянии архиерейском и весма сухи. Одежда вся нетленна, токмо сапоги мало начали от ветхости вредится по швам, которым мы приложась, просили открыть лицо его, которое так же нетленно и весьма сухо».

В декабре 1908 г. курским епископом Питиримом (Окновым) Святейшему Синоду был представлен ряд прошений от духовенства и мирян о прославлении Иоасафа. Торжества канонизации и открытия мощей состоялись 4 сентября 1911 г. при Курском Преосвященном Питириме и викарном Белгородском епископе Никодиме. В церемонии также принимали участие представители императорской семьи: Елизавета Фёдоровна и Константин Константинович Романовы.

Первичной церковно–административной единицей русской епархии является *приход*. В XVIII в. он обычно состоял из 100–300 дворов и имел хотя бы один храм с *причтом* (приходским духовенством), состоявшим из *священно–* и *церковнослужителей*.

К священнослужителям относились рукоположенные в священнический сан *пресвитеры (иереи и протоиереи),* имевшие право священнослужения, и их помощники *диаконы*. К церковнослужителям причислялись *причетники* (т.е. «причтенные» к приходскому храму: *пономари, псаломщики* и пр.), прислуживавшие священнику во время богослужения и исполнявшие другие его поручения по храму.

Вплоть до конца XVIII в. церковный приход имел право сам избирать себе священника. Согласно «Прибавлению» 1722 г. к «Духовному регламенту», прихожане должны были знать соискателя как «доброго человека, а именно, не пьяницу, в домостроении своем не ленивого, не клеветника, не сварливого, не любодейца, не бийцу [склонного к дракам], в воровстве и обманстве не обличенного». Канонические правила также запрещали избирать для священнослужения ростовщиков, актеров, содержателей игорных домов, а также людей с физическими недостатками, препятствующими исполнению ими священнических обязанностей.

Приход заключал с соискателем договор *(«заручную запись»),* в котором перечислялись его обязанности, виды и размеры вознаграждения. В приходах, населённых вотчинными крестьянами, выбор соискателя обычно определялся волей помещика, от имени которого и подавалась «заручная». Архиереи под страхом наказания требовали, чтобы при подписании «заручных» составители не допускали обмана, а духовные тщательно следили за правдивостью изложенных в них сведений. Так, белгородский епископ Иоасаф в указе от 9 сентября 1748 г. предписывал, чтобы «приходские выборы подписывать по самой сущей христианской совести без всяких своих прихотей и проклятых корыстей; если же явиться в подписи какая либо фальшь, за такое духовных правителей нерадение править штрафу по 30 рублей, неприемля от них никаких употребляемых ими отговорок».

С ходатайством об утверждении в сане *(«заручное прошение»)* соискатель–*ставленник* отправлялся к епархиальному архиерею, который удостоверялся в его «научении закона, знании Святого Писания и беспорочном житии».

Обычно этим занималась консистория, но архиерей мог изменить порядок проверки качеств соискателя. Так, по свидетельству Г. Добрынина, управляющий Севской епархией Кирилл (Флиоринский) в 1768 г. образовал при себе специальную «Ставленническую контору» и «предписал своеручно брать со всякаго производящагося в попы — за производство дела, за выучку катихизиса, за бумагу, за письмо и проч. 7 рублей, с дьякона 5 рублей, а с посвящаемых в стихарь 3 рубля 50 копеек... Сие собственноручное предписание прибито в ставленнической конторе на стене для сведения и исполнения... Всех кандидатов на священство и диаконство поручил обучать катихизису консисторскому члену крестовому иеромонаху Иринарху, который был человек с латынью, и брать с них в кружку вышеопределенное число денег, а мне поручил всех стихарных [церковнослужителей] свидетельствовать в чтении, писании, знании церковнаго устава и катихизиса, и сие свидетельство подписывать на деле, которое свидетельство было удостоением их к посвящению в стихарь; буде же бы который из них не заслуживал еще таковаго одобрения, тот доучивался в определенной на то ставленнической школе; при засвиде-

тельствовании же должен мне был каждый положить, по предписанию, в общую кружку 3 рубля 50 копеек, а чем скорее кто хотел засвидетельствования, тем меньше жалел прибавки для меня сверх кружки, почему и был я в состоянии получше других одеться, иметь порядочное белье и побольше денег, нежели кто получает из кружки… Новое сие введение родило во всём архиерейском штате, а особливо в консисторском секретаре и приказных, жестокое против архиерея негодование, а против меня самую ядовитую зависть».

По завершении обучения епархиальный архиерей рукополагал соискателя в священнический сан и выдавал *«ставленную грамоту»*, в которой указывался вверяемый священнику приход и давалось краткое наставление об исполнении им своих обязанностей.

Одним из обязательных условий утверждения в сане было наличие супруги. При этом соискателю запрещалось жениться на разведенной женщине, близкой родственнице, актрисе или представительнице другой религии. После смерти жены священники–вдовцы могли выполнять свои обязанности лишь частично, так как были ограничены в проведении ряда ритуалов. Если священник вступал во второй брак, то он был обязан сложить с себя сан и выйти из духовного сословия.

В повседневной жизни священнослужители придерживались определённых правил. У себя в доме священник не должен был допускать семейных ссор, пения светских песен и держать в услужении «посторонних женщин». Всем духовным запрещалось предаваться пьянству, азартным играм, заниматься охотой, хирургической практикой и прочими несовместимыми с духовным званием промыслами, а также принимать участие в спектаклях и других светских развлечениях. Наказание за нарушение этих запретов было довольно суровым. Так, в 1767 г. в Коренной монастырь был прислан приходской дьячок Казанской церкви с. Бахтеевки Корочанского уезда Назар Филипов, осуждённый на жестокое наказание плетьми и два года тяжёлых монастырских работ за то, что «танцевал в доме корочанской помещицы бригадирши Анисьи Кириловой, при бывших у нея гостях, нарядясь в немецкое женское платье».

Надзор за деятельностью приходского духовенства для «охранения порядка в церкви и исправности в её служителях на пользу христиан и на славу Божию» был возложен на *благочинных*. Они назначались правящим архиереем из числа подчинённых его власти священников и руководили округами–*благочиниями*, обычно объединявшими от 10 до 30 приходов.

Источниками существования приходского духовенства были плата за требы, пожертвования и подаяния прихожан, а также доходы с церковных земель, предоставленных государством в пользование духовенству. В случае невозможности наделения прихода землей в качестве возмещения назначалась руга — выплата хлебом или деньгами.

По своему образу жизни сельский священник часто ничем не отличался от окормляемых им крестьян. Так, в датированном 1767 г. послании Синоду белгородского епископа Порфирия сообщалось, что «священники, оставя церковь Божию, сами ходят за сохою, сами косят сено, сами навоз вывозят на пашни».

Экономическая недостаточность сельских священников приводила к их полной зависимости от зажиточных прихожан или местного дворянина–помещика и делала совершенно беззащитными к их притязаниям и оскорблениям. В упомянутом выше послании епископ Порфирий жаловался Синоду на то, что «многие помещики и обыватели безвинно нападают на священно— и церковнослужителей, причиняют разные им притеснения и побои немилосердные, ведая, что священник на помещика или обывателей судом искать не похочет, да и отлучиться ему от церкви по большей части и в судебные дела по светской команде вступать невозможно, потому что во отправлении церковных и мирских треб крайняя учинится остановка, а в высокоторжественные и викториальные дни, також и государственные панихиды последует упущение, почему священники, опасаясь указанного штрафа, оное оставляют без прошения и всегда остаются обиженными».

Безнаказанность и всевластие помещиков над священниками расположенных в их владениях приходов порой выражалась в самых отвратительных формах.

Весьма показательна в этом плане история молодого дьякона церкви села Лунова, находившейся в поместье известного льговского помещика–самодура конца XVIII — начала XIX вв. Ф.И. Ширкова. Согласно А.А. Танкову, дьякон отказался во время празднования именин владельца провозгласить в конце торжественного молебна многолетие «болярину Феодору», т.к. это противоречило церковным уставам. «Не смотря на то, что священники и даже сам архимандрит, подсказывали дьякону: «болярину… болярину», непокорный провозгласил прямо: «всем православным христианам». Ширков сделался мрачен, как ночь. Он кивнул головой камердинеру и когда тот в мгновение ока очутился подле своего властелина, прошептал несколько слов. По окончанию службы, многочисленные поздравления расточались перед Ширковым. Архимандрит кланялся в пояс. Направились все из церкви. Задумчивый Ширков вышел к своему экипажу и бросил взор на деревню. Лицо его сразу просветлело. — Молодцы, ребята, — сказал он многочисленной своей дворне. За что похвала? За то, что по приказу оскорбившегося барина, дворовые в пять–десять минут разнесли дом и усадьбу

Архимандрит в повседневном костюме. Художник Р. Портер. 1813 г.

Монахи. Художник Д. Аткинсон. 1814 г. Из русского быта 1790–х гг.

дьякона. Когда последний из церкви поплелся к себе, то увидел, что от жилища его не осталось камня на камне, а жена с детьми воют благим матом, ломая руки на развалинах… Дьякон бросился в Курск, к архиерею… — Что ты наделал, дурак, — заметил ему старик–архиерей. — Скорее просись в другой приход… И через неделю не только дьяконского дома, но и его самого с семейством уже не было в Лунове».

Монахини. Художник Д. Аткинсон. 1814 г. Из русского быта 1790–х гг.

Печной изразец. Конец XVII — начало XVIII вв. Курский Свято–Троицкий женский монастырь. Курский государственный областной музей археологии.

Архимандрит и иеромонах в мантиях. 1–я половина XIX в. Художник Г.Ф. Солнцев.

Соборная церковь Знамения Курской Богоматери Курского Богородицкого Знаменского мужского монастыря. Рисунок 1807 г. (по А.А. Танкову, 1913).

Феоктист (Мочулинский), первый архиепископ Курский и Белгородский (1799–1813 гг.). Неизвестный художник. Конец XVIII — начало XIX вв.

В Русской Православной Церкви приходское духовенство составляет низшую ступень церковной иерархии и относится к *белому духовенству*.

Более высокое положение занимает т.н. *чёрное*, или *монашествующее, духовенство*, из которого назначаются или избираются все высшие чины церковной иерархии. Главенствующее положение чёрного духовенства определяется тем, что именно его Церковь признает идеальным путем к Богу, как «причисленное к ангельскому чину» и отрекшееся от всего мирского.

Согласно изданному в 1722 г. «Прибавлению» к «Духовному регламенту», желавший стать монахом человек должен был пройти послушание: «пребыти в монастыре три лета неисходно в кротости и трезвости, и на всяк год исповедатися и приобщатися четырежды в четыре поста Святым Тайнам».

По окончанию испытательного срока послушник с благословения архиепископа мог принять монашеский постриг. «Прибавление» запрещало допускать к нему не достигших 30 лет мужчин, должников, имевших супругов и несовершеннолетних детей. Состоявшим на военной или гражданской службе постриг был разрешен только после выхода в отставку, а крепостные могли постричься только с разрешения своих помещиков. Женщинам было разрешено постригаться лишь в возрасте 50–60 лет.

Во главе монашеской общины стоял настоятель–игумен (в женском — игуменья), на котором лежала забота о духовном совершенствовании всех иноков монастыря и экономическом процветании обители.

В Государственном архиве Курской области хранится уникальный документ, благодаря которому мы можем представить обстановку кельи игумена одного из курских монастырей в середине XVIII в.

Это «Опись вещей Хотмыжского Знаменского монастыря», составленная в 1760 г. его настоятелем Владимиром и опубликованная И.А. Припачкиным.

Согласно «Описи», «в оном монастыре настоятельская прихожея келия, в оной келии две картины на полотне Спасителя и Богоматере образы. Портрет Его императорского высочества [Петра III], стол липовый, на оном килим [домотканый коврик] простой, гребы [льняная ткань] зеленыя, лавки обиты простыми килимами, стул… четыре обиты черною кожею. С оной келии через сени маленькая келия с чуланом, в оной греба зеленая, в ней картина на полотне Распятие Господне, образ маленький на скле [стекле] в раме Коронование пресвятые Богородицы, образ небольшой на скле Спасителя, стол небольшой малеваной красною глиной, лавки обиты простыми килимами, на стене маленькой шкаф, на дверях и на окнах размалевано разными красками. Подсвечник желтой меди средней, чайник красной меди, что воду на чай греет, поднос оловянной на четырех ножках, поднос круглой на трех ножках оловянной. Против вышеописанных настоятельских келий чрез сени келия с тремя чуланами в ней, греба зеленая ветхая, во оной стол липовый, три картины небольшие на полотне, первая Троица, вторая Усекновение главы Иоанна Предтечи, третия Спасителя, Богоматере, Петра и Павла. Да во оных же настоятельских келиях разных картин десять, на полотне. А именно, две картины небольшие Спасителя и Богоматере в рамах резных и позолоченных, большая картина образ Спасителя с праздники богородичными, картина на полотне Тайная вечеря, картина святителя Христова Афонасея, образ Спасителя и Богоматере в рамах, Усекновение Честные главы Иоанна Предтечи, картина пресвятые Богородицы с пророчествами, картина Снятие со креста Спасителя, картина Усекновение главы Иоанна Предтечи».

Настоятель крупного мужского монастыря обычно имел чин *архимандрита*. Одним из самых уважаемых курских архимандритов 2–й половины XVIII в. был Иакинф (Карпинский), в 1767–1771 гг. управлявший Рыльским Свято–Николаевским мужским монастырём. По свидетельству Г. Добрынина, «он был особа в числе ученых; в латинском языке называли его Цицероном. Его сочинения есть книга печатных проповедей. Он был малоросл и тонок; чрезмерно честолюбив и горяч, а иногда чрезмерно скромен, иногда же чрезмерно весел, говорлив и забавен. Все архиереи его времен, знали его и почитали за ученость, но не любили за самолюбие. Многие были из его учеников архиереями, в том числе и оба севские, то есть Якубовский и Флиоринский. Ему неоднократно по старшинству и учености доставалось быть епископом, но, как я слыхал от преосвященнаго Флиоринскаго, один из синодальных членов на сей случай сказал: «Он по натуре пигмей, а думает о себе, что он с Ивановскую московскую колокольню». А другой: «Он достоин быть архиереем, но всю ризницу по своему росту перепортит» между тем как великаны пересуживали пигмея и переводили его из монастыря в монастырь, с архимандрии на архимандрию, то есть из Севскаго Спасскаго, — что потом архиерейский дом, — в Рыльский Николаевский, из Рыльскаго — в Голутвин, из Голутвина в Белоозерский Кирилловский, — Карпинский дожил до глубокой старости и скончался мирно, не получа архиерейства по причине, что был малаго роста и высокаго ума».

Одной из основных обязанностей настоятеля было назначение подчинённым его власти монахам различных послушаний, заключавшихся в выполнении поручений или занятии определённых должностей. Монастырскими штатами 1763 г. были утверждены должности исповедовавшего братию и дававшего ей духовные наставления *духовника*, наблюдавшего за пополнением и расходом монастырской казны *казначея*, надзиравшего за хозяйственной и строительной частью монастыря *эконома*, хранившего церковную утварь, облачения и храмовое имущество *ризничего*, выпекавшего просфоры и хлеба для богослужений *просвиряка* (просвирника, просфорника), хранившего ключи от хлебных амбаров *ключника*, раздававшего хлеб во время трапезы *хлебодара*, заведовавшего напитками и винными погребами *чашника* и т.д. Важными монастырскими послушаниями были послушания, связанные с совершением богослужения. За порядком в храме следил *пономарь* («кадил овозжигатель»), который зажигал и гасил свечи, лампады, паникадила, звонил в колокол или било, созывая братию на службу, открывал и запирал церковные двери. В богослужении участвовали *чтецы* и *певцы*. Священниками в монастыре чаще всего также были сами монашествующие, посвященные в священнический сан и называвшиеся иеромонахами.

В случае неисполнения монахами принятых ими при пострижении обетов и наложенных на них послушаний настоятели издавали поучения, в которых напоминали своей братии правила поведения монашествующих. Так, в 1780 г. архимандрит Курского Знаменского мужского монастыря Лаврентий писал: «здесь всякий недовольно, что без воли

настоятеля вне монастыря ходит, но ещё, к стыду звания нашего, монашествующие впадают в такие постыдные погрешности, каковые немало не простительны и светскому человеку! Вследствие чего я по должности своей напомянуть приемлю, чтобы впредь от таковых самовольных из монастыря отлучек коль возможно воздержались и власть настоятеля содержали бы в надлежащем уважении, убегая по возможности сколь дерзкой, столь и огорчительной для закона независимости. Если ж кого нужда позовёт за монастырь, в таком случае может объясниться мне и для безопастности своей получить за рукою [подписью] моею билет. Но когда упорство сие продлится долее, то я принуждён буду употребить власть начальника и нужную на истребление сего зла строгость, а наконец за презрение настоятельского сана принести мою покорную жалобу его преосвященству».

Самым известным монастырем Курского края является *Курская Коренная Рождества Пресвятой Богородицы Пустынь*, основанная в 1597 г. на месте чудесного обретения Курской Коренной иконы Божией Матери «Знамение».

Составитель «Описания Курского наместничества» (1786 г.) С. Ларионов сообщал, что Коренная пустынь или Коренной Рождественский монастырь «отстоит от Курска в 27 верстах при большой дороге к Орлу в правую сторону… В 1597 году при Благоверном Государе Царе Феодоре Иоанновиче… создана была Соборная церковь во имя Рождества Богородицы каменная, по причине обретения иконы чудотворныя в оное число. И ныне сияж церковь состоит, в ней приделы Рождества, Иоанна Предтечи гораздо после того сооружённый, другая церковь каменная ж Живоносного Источника, тогда ж создана при кладезе [колодце], где найден чудотворный образ… До сей последней церкви, понеже она есть под горою у самой реки Тускари, от ограды соборной церкви сделана весьма покойная по горе лестница каменная, довольной широты с разными остановками и крытая вся на каменных столбах, заключающая в себе с лишком 130 ступеней; куда во время празднества о 9 пятнице великое множество стекается народа для приношения молебствия чудотворной иконе Богоматери носимой ко кладезю из церкви соборной… Кругом монастыря находится каменная ограда с железною решеткою и каменные кельи, при коих есть домовая домовая церковь с престолами Архангела Михаила и св. Параскевии наречённыя Пятницы… В монастыре сем теперь монашествующих и с начальником пять человек».

Дополнительные сведения о монастыре этого времени находятся в «Дневной записке» саратовского паломника Г.А. Скопина, посетившего Коренную пустынь в 1787 г.: «И пришел в монастырь, в котором явление Курския Богоматери… и пошел на ключ. Ход сделан с горы очень низко: ступеней со ста, или более, и покрыть; и там церковь над колодезем каменная. Оной колодезь среди самой церкви, над которым сделана балдахин весьма предивная и высокая — на четырех столбах: на верху Господь Саваоф резной, большой; на углах ангелы также резные; и между столбами резныя висят на подобие чашек, и в них будто масло горит; все вырезано и наподобие огня выкрашено, и вся оная балдахин позолочена червонным золотом и удивления достойна. Думаю, что подобной еще такой нигде не увижу. Храм во имя Живоноснаго Источника; иконостас — тумбами, гладкой; золочен по полименту и хорошей работы. В колодезе вода весьма хорошая, и бежит из него под алтарь; наружу вышла по желобу; (отсюда бежит) опять в колодезь, где все приходящие пьют и черпают довольно. А ход к оной церкви из монастыря сделан все уступами и вымощен; по обе стороны каменные столбы с деревянной решеткой, покрыты тесом, так же и ограда сделана с решеткой, железной, фигурной; кельи каменныя, все двухэтажныя, и довольно много их... Пришел к вечерни в настоящую церковь во имя Рождества Богородицы, которая стоить среди монастыря, пятиглавая, продолговатая, четвероугольная, с приделом (по правую сторону, небольшой) Иоанна Предтечи; в настоящей внизу окошек нет, а вверху по три окошка на стороне, выше дверей, и темна. Она же вся расписана до верха; иконостас старинной, хорошей работы, только все уже ветшает; пол деревянной... Июня 1 числа, вставши, был у заутрени, которая была очень нерано в том же храме. После заутрени пели акафист Богоматери; потом купцы многие с женами взяли образ, списанной с явленнаго, и иеромонах в ризах пошли в ту церковь, где колодезь, и там пели акафист (где и я был) и опять пошли в верхнюю церковь и образ нести все хотят и часто переменяются много раз. Потом ходил на ярмарке, и еще (видел) народу всякаго множество, как дворян, (так) купцов и греков, и видно, что ярмарка бывает велика. Думаю, что подобной ей в России нет».

Основой благосостояния православных монастырей были принадлежащие им земли и труд зависимых людей.

Иногда монастырские вотчины были весьма значительными. Так, за Курским Знаменским мужским монастырем в 1763 г. числилось 16 сёл и деревень (Смородинное, Поныри, Виногробль, Служня, Долгая, Тазова, Жерновец, Хутор Гремячий, Ясенок, Старая Слободка, Новая Слободка, Березовец, Водяная, Охочевка, Будановка, Родительная) с 4 836 крестьянами. Монастырские крестьяне выполняли все необходимые для обителей повинности: пахали, сеяли, молотили, косили, пасли стада, ловили рыбу, строили и т.п. Нередко некоторые из этих натуральных сборов заменялись денежными выплатами.

26 февраля 1764 г. императрица Екатерина II издала указ о секуляризации церковных имений, согласно которому все имения Синода, архиерейских домов и монастырей поступали в казну и передавались в управление Коллегии экономии. Монастырям были оставлены только небольшие сады и огороды, по одному рыбному пруду или озеру и пастбища в размере от 9 (1–й класс) до 6 (3–й класс) десятин земли.

Указ делил православные епархии «по благопристойности и достоинству санов» на три класса, определял численность также делившихся на три класса штатных (взятых на содержание государством) и заштатных монастырей (не поддерживаемых государством), с установлением в каждом из них определённого числа (штата) монашествующих.

Согласно этому указу Белгородская епархия была отнесена к третьему классу с выделением на епархиальные нужды 4 232 рублей 20 копеек ежегодного содержания. Лично архиерей получал из этой суммы 1000 рублей на расходы и ещё 800 рублей на «муку крупчатую и пшеничную, разные масла и крупы, рыбу, соль, мёд и вино горячее; …за дрова, железо и уголье, …за овёс и сено для лошадей». Все остальные деньги шли на жалование состоящих при архиерее людей, хозяйственные и строительные работы.

Среди находящихся в пределах Белгородской епархии обителей только *Курскому Богородицкому Знаменскому мужскому монастырю* был присвоен 2–й класс со штатом в 34 человека и выплатой 1 311 рублей 80 копеек ежегодно. Возглавлявшему монастырь архимандриту выплачивалось 300 рублей. В штат монастыря входили казначей (27 руб.), 6 иеромонахов (13 руб.), один из которых исполнял обязанности ризничего, 4 иеродиакона (13 руб.), 2 пономаря (10 руб.), просвиряк (9 руб.), ключник, он же хлебодар (9 руб.), чашник (9 руб.), подьячий (19 руб.), 16 служителей (8 руб.). Остальные деньги шли на закупку продовольствия, дрова, ремонт и другие нужды.

Остальные курские монастыри были определены в 3–й класс. *Белгородский Николаевский мужской монастырь* со штатом в 21 служителя получал 806 рублей 30 копеек ежегодной выплаты. В штат монастыря входили игумен (150 руб.), казначей (22 руб.), 4 иеромонаха (13 руб.), 2 иеродиакона (13 руб.), пономарь (10 руб.), просвиряк (8 руб.), ключник, он же хлебодар (8 руб.), чашник (8 руб.), подьячий (19 руб.) и 8 служителей (8 руб.).

Девичьи монастыри *Белгородский Рождественский–Богородицкий* и *Курский Троицкий* имели штат в 24 человека с 375 рублями 60 копейками ежегодных выплат. Их штат состоял из игуменьи (40 руб.), казначеи (15 руб.), 15 монахинь (10 руб.), двух священников (20 руб.), двух дьяконов (10 руб.) и трёх служителей (8 руб.).

Находившиеся в Севском викариате *Путивльский Молченский Печерский мужской монастырь* и *Рыльский Николаевский мужской монастырь* также были отнесены к 3–му классу.

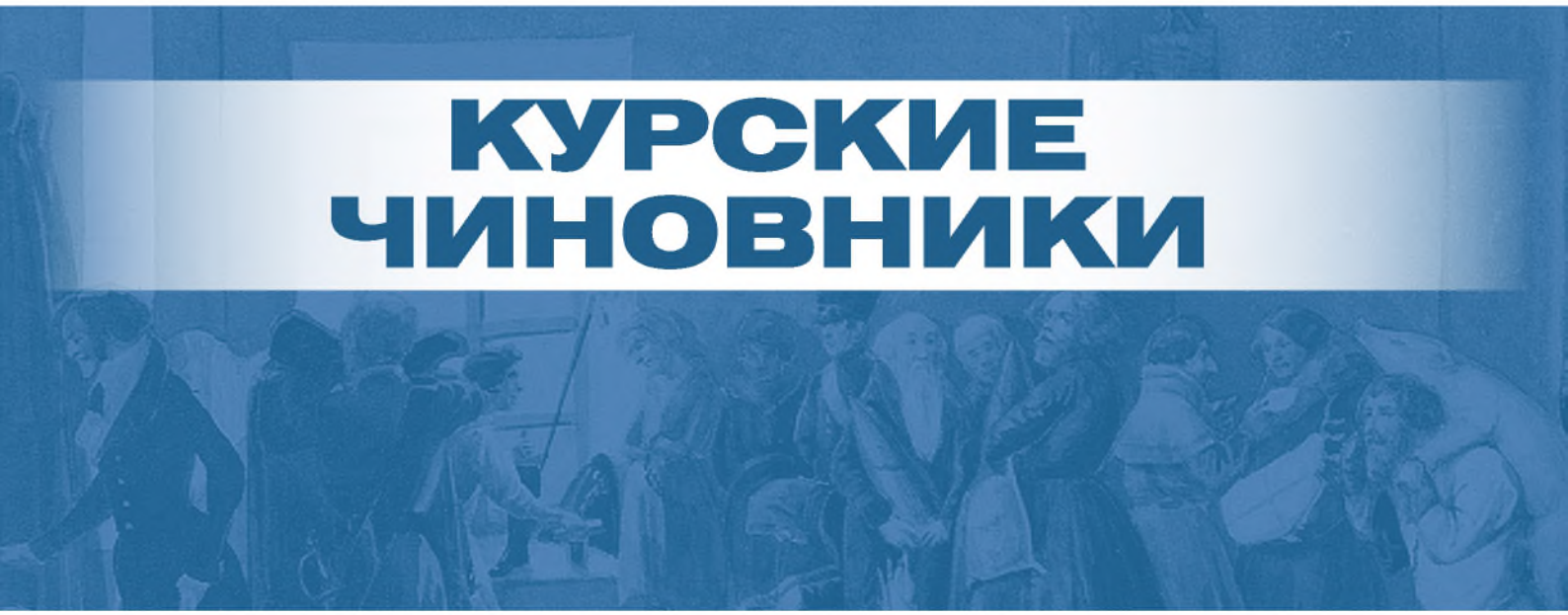
Остальные курские обители были вынесены за штат. Их тоже разделили на три класса в зависимости от числа монашествующих, которые находились «на своем содержании», питаясь за счет своих «рукоделий» и «мирского подаяния». Особняком стояла лишь *Борисовская девичья Тихвинская пустынь*, т.к. покровительствовавшему ей графу П.Б. Шереметеву в 1788 г. было дозволено «оную оставить на его волю, наблюдая токмо, дабы в оной число монашествующих не превосходило установленного для пустынь на собственном содержании оставленных».

В 1779 г. было образовано Курское наместничество, и с 15 марта 1787 г. правители Белгородской епархии стали именоваться «Белгородскими и Курскими». Следящий за церковной жизнью новооскольский дворянин И.О. Острожский–Лохвицкий по этому поводу отметил в своих «Записках», что: «по полученному из святейшего синода указу, начали в церквах поминать на место уволенного архиерея Аггея, Феоктиста, епископа белгородского и курского, а что прежде поминали епископов белоградскими и обоянскими, то оное отменено, а вместо обоянской велено сказывать везде курский».

6 мая 1788 г. в состав Белгородской епархии были включены все приходы Курского наместничества (Рыльск, Путивль и др.), ранее находившиеся под властью севских викариев. 17 октября 1799 г. Белгородская епархия была разделена на две части: Слободско–Украинскую (затем Харьковскую) и Курскую, находившиеся в пределах одноименных губерний. Церковным центром последней стал г. Курск, а управляющие епархией архипастыри стали именоваться «Курскими и Белгородскими».

Первым курским архиереем был назначен архиепископ Феоктист (Мочулинский), управлявший Белгородской епархией с 1787 г. Несмотря на перенесение столицы епархии в Курск, преосвященный продолжал жить в Белгороде, где и скончался 30 апреля 1818 г. в возрасте 90 лет и был торжественно погребен в Белгородском Свято–Троицком соборе.

КУРСКИЕ ЧИНОВНИКИ



Для осуществления своих преобразований Петр I создал совершенно новый аппарат управления государством, для успешной работы которого были необходимы многочисленные и профессиональные чиновники–управленцы. Согласно утверждённому императором в 1720 г. Генеральному регламенту коллегий, гражданские чиновники должны были «паче всего Его Царскому Величеству и Ея Величеству Государыне Царице, и Высоким Наследникам, верные, честные и добрые люди и слуги быть, пользу и благополучие Их всяким образом и по всей возможности искать и споспешествовать, убыток, вред и опасность отвращать, и благовременно о том объявлять, како сие честным людям и подданным Его Царского Величества пристойно и принадлежит».

Утверждённый в 1722 г. «Табель о рангах» разделил гражданскую службу на классы и создал чёткую иерархическую лестницу российского чиновничества.

К высшей категории относились чиновники 1–5 классов (канцлер или действительный тайный советник 1–го класса, действительный тайный, тайный, действительный статский и статский советники). В столице представители этой группы были членами Государственного совета, министрами, сенаторами, директорами министерских департаментов. В губерниях — занимали должности генерал–губернаторов, губернаторов, вице–губернаторов, председателей казенных палат, председателей палат уголовного и гражданского судов.

К средней группе принадлежали чиновники 6–8 класса (коллежский и надворный советники, коллежский асессор), занимавшие должности советников центральных и губернских учреждений, начальников отделений департаментов министерств, полицмейстеров, градоначальников, губернских прокуроров, судей. Именно они составляли ядро губернской администрации.

В низшую, самую многочисленную, входили служащие 9–14 класса (титулярный советник, коллежский, губернский и провинциальный секретари, коллежский регистратор). В высших и центральных учреждениях (Сенат, министерства, ведомства и др.) они занимали низшие исполнительные места, но в масштабе уездной власти, пирамиду которой венчала должность городничего (9–й класс), — играли решающую роль, будучи уездными судьями, казначеями, землемерами, заседателями и секретарями.

Канцлер граф Г.И. Головкин. Художник И.Н. Никитин. 1720 г.

За пределами «Табели о рангах» находились канцеляристы («подьячие с приписью» уездных воеводских канцелярий, канцеляристы, подканцеляристы, писцы, копиисты, писчики и писари), обычно использовавшиеся для технической работы, прежде всего для переписки бумаг.

По образному высказыванию С.М. Троицкого, «в целом чиновничество Российской империи можно представить в виде пирамиды, широкое основание которой составляли канцелярские служители в офицерских рангах и канцеляристы без табельных чинов. Над ними возвышался сравнительно немногочисленный слой членов разного рода «присутствий», составлявший костяк чиновничества. На верху пирамиды был весьма тонкий слой сановной бюрократии во главе с монархом, обладавшим всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти».

Несмотря на постоянное стремление высшей власти приобщить дворян к гражданской службе, на протяжении почти всего XVIII в. лишь очень немногие из них выбирали её в начале своей карьеры.

Об одном таком курском дворянине–чиновнике середины 1770–х гг. вспоминал Г. Добрынин: «Ещё гонимый злобною судьбою молодой дворянин по фамилии Луцевин, бывая у меня часто, разделял и соединял со мною горькую свою участь. Он от 12 лет своего возраста, проходя в рыльской воеводской канцелярии и в рыльском магистрате канцелярские должности, испытал просиживать над бумагами целые ночи не спавши. Имел чувствительное мучение сидеть с пьяными приказными, был от них посажен в железа; а глупой секретарь смотрел на это с равнодушным смехом; был от воеводы, носившего всегда за губой табачную жвачку, бит палками за переписание челобитной, посыланной на него от гражданства к губернатору или в Сенат. Потом был он счастлив в путивльском магистрате, зажиточен, покоен, от всех граждан почитаем и любим; но без чинов и без возможности к получению оных. Такие обстоятельства загнали его в севскую консисторию, где получил он чин канцеляриста».

Впрочем, поскольку на гражданскую службу дворяне чаще попадали уже после выхода в отставку со службы военной, то в органах гражданской власти они обычно занимали должности среднего и высшего уровня.

Согласно Л.Ф. Писарьковой, в губернских городах отставные военные чаще всего служили советниками, асессорами и дворянскими заседателями (чины 6–10 класса). В уездных городах они занимали должности городничего, уездного судьи, земского исправника, казначея, заседателей, получая чины с 8 по 11 класс «за уряд» (время пребывания в должности). Верхней ступенью уездной чиновной лестницы считались должности городничего и судьи с жалованьем 300 рублей в год.

Интересные сведения о превратностях служебной деятельности курских чиновников–дворян содержатся в биографических «Записках» ново–оскольского помещика Ивана Осиповича Острожского–Лохвицкого (1749–1825 гг.).

Проживавший в слободе Слоновке автор «Записок» был внуком корочанского священника и сыном сотника Острогожского слободского казачьего полка, получившего потомственное дворянство в 1765 г. В возрасте 10 лет отец записал его на военную службу в свой полк подпрапорным, и Острожский–Лохвицкий был отпущен домой для обучения разным наукам. Однако военная служба не привлекала Ивана Осиповича, и когда настало время идти в армию, он с «великим трудом, коштом и пособием зятя своего Ивана Енохина, который тогда был уже при губернии Харьковской регистратором губернским, начал искать увольнения от службы, и показав неспособность за приморожением ног», в 1769 г. был

Заседание Сената петровского времени. Художник Д.Н. Кардовский.

переведен с военной службы в гражданскую с чином регистратора.

Все семидесятые годы XVIII столетия И.О. Острожский–Лохвицкий занимается семейными делами и приведением в порядок своего небольшого имения. Лишь в 1780 г., в возрасте 31 года, он решает поступить на статскую службу в нижний земский суд Нового Оскола — уездного центра только что учреждённого Курского наместничества.

В начале декабря Острожский «со взятым от оного земского суда рапортом» отправился в Курск. «По приезде... явился к правителю наместничества, господину генерал–порутчику Петру Семеновичу Свистунову, от которого принят был весьма ласково и в тот же день положенною резолюцею определен в исправление в ново–оскольском нижнем земском суде секретарской должности. А о произведении в секретари меня в 13 день от курского наместничества представлено бывшему тогда в должности государева наместника, графу Петру Александровичу Румянцеву–Задунайскому, и со взятым указом отправился в Новый Оскол к своей должности, где, по приводе к присяге, исправлял оную добропорядочно 1781 года марта по 25 число, со взятием полного секретарского жалования».

«Добропорядочная», по утверждению Острожского–Лохвицкого, чиновничья деятельность закончилась возбуждением уголовного дела о служебных злоупотреблениях. Он был арестован и 25 марта 1781 г. под караулом отправлен в г. Корочу для проведения следствия.

«А как прибыл в Корочу 26–го, — пишет автор «Записок», — то, явясь в уездный суд, увидел всех рыкающих и поглотити хотящих; вспрашиван об оном деле был со строгостию и увещеванием... Однако не приняты были ответы, ни просьбы, ни другие рекомендации: взят того ж марта в 26 день в 1м часу пополудни и посажен под жестокий караул, в бывшую прежде открытия войсковую ратушу… Какие там были горести и печали, может разсудить всяк: стыд от всех знаемых и родственников, которые имеют жительство в Короче, поношения от

наветствующих врагов... Но что делаю я, Иван?.. Не показал себя ни одного мгновенья печальна... чтобы не подать больше способа к радости врагам, которые, видя всегда весела, неоднократно присылали выпытывать той веселости причину, на что ответ всегда был один, что, не имеющему причины быть виновату, за правду умереть всегда готов. От чего стали и умягчаться сердца, и велено было допущать ко мне всяких людей... Потом давали свободу ходить по городу, хотя и за караулом. Наконец, видя неблагополучный успех злого своего умысла и не робость человека, на коего напали безвинно, переворотя разными хитрыми способы дело... решились отпустить... на поруки в дом, что и совершили в 24 день июня».

В начале декабря по указу Наместнического Правления И.О. Острожского–Лохвицкого вызвали в Курск и на две недели посадили в городническое правление на хлеб и воду. «Но ходатайством свояка своего, Ефима Васильева, к вице–губернатору Авраму Ивановичу Анненкову, был на другой день освобождён на квартиру наёмную в Курске ж с приставом солдата, и хотя хлеба и воды не ел, однако свободы две недели не имел выходить с квартиры, в исполнение соблюдения законного права».

После отбытия наказания Ивана Осиповича определяют на службу в Курское Наместническое Правление. Затем он переходит в Казённую Палату, возглавляемую его одноклассником З.Я. Карнеевым, благодаря покровительству которого Острожский в 1783 г. получает чин коллежского регистратора. Однако постоянно увеличивающееся количество дел и невозможность заниматься своим поместьем начинают тяготить его, и в октябре 1783 г. Острожский уходит в отставку.

Более трёх лет Иван Осипович наслаждается домашним покоем, однако в марте 1787 г. он снова решает поступить на гражданскую службу. Для этого ему пришлось пройти выборную кампанию, победив в которой, он на три года занял должность дворянского заседателя Нижнего земского суда Ново–Оскольского уезда. «23 в 12 часов приведён к присяге от суда земским исправником Туфермахером, а приводил духовный правитель Александр Смоленский, и когда пришел на своё место в присутствие, то многие поздравляли а потом принялся за дела... [На Пасху] приехал с Питербурга секретаря Ивана Яковлевича сын Николай и привёз на чин мой патент... По делам был в суде и уезде всегда один, по причине той, что исправник Туфермахер в дела почти ни в какие суда не входил и свои исправлял по должности своей весьма медленно... а с секретарём здесь случилось на одной неделе поднять двух человек мертвых тела и сыскивать убивцев, производить следствия, повальные обыски, а между тем о спорных землях и лесах свидетельства, быть при описи имений, поступающих в опеки, шататься с конца уезда на другой конец для взыскания рекрутских денег, понуждения в платеже подушных... Господь сам помогал мне во всём, и я был исправен и успевал добре в сих делах, больше отвагою, без фалтировки ни тому, ни другому». Отслужив три года, И.О. Острожский–Лохвицкий не стал переизбираться на новый срок и 10 января 1789 г. покинул службу, получив от уездных дворян «о добропорядочном моем бытии в должности и исправлении дел аттестат».

Вероятной причиной ухода из судейских чиновников могло стать желание занять более выгодную должность новооскольского казначея, однако вспыхнувшая между высшим губернским руководством «война» отвратила его от этого замысла.

На страницах своего дневника Иван Осипович следующим образом описывает эту «войну» и её последствия: «В Курске как было у нас между начальниками мирно и многие тому завидовали, то ныне тое прервалось и началися между наместником Дебалменом, губернатором Зубовым и вице–губернатором Яновым великие ссоры, тако ж и между протчими. Началось же за зловредство, после чего открылось великое похищение казны, из уездных казначеев почти все поступили в уголовную палату на суждение. И в бытность мою в Курске, привезен рыльский казначей Харин за похищение двадцати девяти тысяч, скован и отдан суждению уголовной палаты, а по нем и многие как из судей рыльских, так и купечества, по имению с ним некоторых дел... Видя таковые времена и перемены со строгостию, оставил намерение [добиваться должности казначея], а буду лучше жить в покое и тишине в доме с любезною мне женою и детьми. Пусть умру я и с хлеба куском, да на месте покойном таком. Новооскольский же наш казначей Попов так же в Курске при мне взят под арест (в каменный мешок), а поступивший на место его секретарь Пенковской от должности за незнание отрешен вовсе».

Только спустя пять лет Острожский решается снова участвовать в выборах на должность заседателя уездного земского суда. «Записки» сообщают, что 6 декабря 1794 г. претендовавшие на разные должности дворяне со всей губернии прибыли в Курск. 11 декабря все собравшиеся были приведены к присяге архиепископом Белгородским и Курским Феоктистом. «12 начались выборы дворянским предводителям, 13 в земские уездные суды. Тут и я многогрешный попал на место в земской новоскольский суд 1–го заседателя. Мне помощник подпоручик Софрон Попов, а исправником порутчик Петр Волков. В уездные судьи майор Федосей Раевский; заседатели к нему порутчики: Андрей Билолипский и Александр Скибин, а предводителем избран статский советник и кавалер князь Григорий Иванович Вяземский. 14 избранные, после литургии, слушав речь его пре-

освященства, им же приведены были к присяге на должность и 15 разъехались по домам».

Однако на этот раз служба Острожского была недолгой и прекратилась самым неприятным для него образом. 25 марта 1795 г. он арестовал в слободе Слоновке торговавшего сукном человека, которого обвинили в убийстве товарища. Изъятые при аресте ткани и деньги были разворованы местными судейскими чиновниками: «денег часть и сукон почерпнули мой исправник и заседатель щедрою рукою, оставили же и мне часть».

Но хозяином изъятого оказался не арестованный в Слоновке человек, а калужский купец Чудин, который прислал в Курское Наместническое Правление письмо, содержащее требование вернуть ему изъятое имущество и деньги на общую сумму 1 400 рублей. В Курске ни о каких изъятых по этому делу ценностях не было известно, и по распоряжению губернатора Уголовная Палата начала расследование, в ходе которого вскрылись учинённые новооскольскими чиновниками злоупотребления.

Расхитители вещественных доказательств были вызваны в Курск и попали в руки мздоимцев губернского уровня. «Боже Всемогущий! — восклицает в ужасе автор «Записок», — какое горькое житьё быть под судом уголовной палаты: нет день и ночь покоя от приказных оной, всякого напои и накорми, сам дорого всё покупая, но на то не смотрят, хоть шкура долой! Судьи в амбиции и без докладу не ходи, а чтоб доложили, дай за труды и малому. Секретарь хоть и знаком, но что ни давай, чести мало, или все ничто. Мне кажется, как пиявицы сосут кровь, так они человека в их руках сущего».

С огромными трудами подследственные собрали требуемую сумму и 24 января 1796 г. полностью расплатились с купцом Чудиным. Получив деньги, тот отказался от всех претензий к И.О. Острожскому–Лохвицкому и его подельникам.

Но на этом злоключения подследственных не закончились. «Кровопийцы палатские, — пишет автор «Записок», — содрав овчинку с исправника, отпустили его к должности, а меня до окончания следствия оставили в Курске и забирая, и призывая прежних свидетелей, давали, при увещевании священника, мне с ними очные ставки... Только и было отрады, что ежедневное прибежище в церкви для молитвы, а от рождения ехидина, то есть приказных, часто уже и скрывался, ибо оные, всякий день посещая, требовали или денег, или питья, чем жестоко понаскучили».

Лишь 15 июля 1796 г. Курская Уголовная Палата прекратила следствие и, предложив наказать Острожского лишением всех чинов, передала его дело на рассмотрение прокурору. Не дожидаясь окончательного приговора, Иван Осипович покинул Курск и уехал в своё поместье. Однако спустя полгода, 26 января 1797 г., по обвинению в неуплате денег по векселям и самовольной отлучке из–под следствия, он снова был арестован, доставлен под караулом в Курск и посажен в тюремный замок. В заключении И.О. Острожский–Лохвицкий провёл более двух лет. Только 18 августа 1800 г. Сенат принял благоприятное для него решение, и судебное расследование было окончательно прекращено.

После этих событий Иван Осипович прожил ещё 25 лет, но уже никогда не пытался вернуться на гражданскую службу, занимаясь делами своего поместья и оказывая частные юридические услуги местным дворянам.

Если поступавшие в статскую службу дворяне обычно занимали средние и верхние части чиновничьей лестницы, то её низшие ступени заполнялись выходцами из непривилегированных сословий (священники, купцы, мещане, крестьяне), которых гражданская служба привлекала освобождением от уплаты податей и рекрутской повинности, а также возможностью получения дворянского достоинства.

«Путь наверх был труден, — пишет Л.Ф. Писарькова, — и трудности возрастали с каждой новой ступенью (вершиной для большинства была 9–я — титулярный советник). Его продолжали сыновья, происходившие уже «из обер–офицерских детей» и получавшие со временем потомственное дворянство, но иногда эту задачу решали только внуки».

Центром гражданской власти Курской губернии в конце XVIII — первой половине XIX вв. было *Губернское Правление*, с помощью которого губернатор осуществлял общее управление губернией.

Согласно утверждённым 31 декабря 1796 г. «Штатам Курской губернии» в Правление входили губернатор, 2 советника 6–го класса, 1 секретарь и канцелярские служители (протоколисты, регистраторы, архивариусы, переплётчики, сторожа), число которых определялось Правлением, но в рамках выделенных на его нужды сумм.

Среди служащих Правления также был швейцар, получавший за службу 65 рублей в год. По распоряжению генерал–губернатора А.А. Беклешова он должен был носить перевязь, трость и украшенную позументом большую чёрную шляпу с перьями красного и голубого цветов. В 9 часов утра швейцар встречал у дверей приезжающих на службу высших чиновников, а при встрече вице–губернатора и губернатора докладывал им о состоянии здания, после чего шёл впереди до служебного кабинета, оповещая об их приближении караульных вахмистров словами: «Господин губернатор!» или «Господин вице–губернатор!».

С 1793 г. Губернское Правление размещалось в *Присутственных местах*. Это было массивное двухэтажное кирпичное здание, протянувшееся от современного Знаменского собора до поворота современной улицы Сонина на Красную площадь.

Высшие губернские чиновники Российской империи. Слева направо: полицмейстер, губернатор, правитель канцелярии (по «Альбому гоголевских типов по рисункам художника П. Боклевского». СПб., 1894).

Выходящая на косогор к р. Тускари часть здания имела не два, а три этажа. Фасад Присутственных мест выходил на Красную площадь, а его центральный вход украшала группа колонн, поддерживающих сферический купол. Губернское Правление занимало верхний этаж. Вместе с ним располагались Казённая, Гражданская и Уголовная Палаты, прокуратура и Приказ общественного призрения. На втором этаже находились Рекрутское Присутствие, Казначейство, отделение питейного сбора, суд, архивы и типография. На выходившем к Тускари первом этаже размещались караульня, денежная кладовая и винные склады.

По мнению Л.Ф. Писарьковой, служба русских чиновников низшего уровня в XVIII в. была весьма нелегким делом. Рабочий день в учреждениях длился по 12 часов: с 5 утра до 2 часов дня и с 5 до 10 часов вечера. Повсеместным явлением в жизни учреждений, особенно губернских и уездных, были наказания приказных. Они карались за опоз-

Губернская канцелярия 1–й половины XIX в. Художник В.И. Быстренин. 1901 г. Иллюстрация к поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души».

Высшие губернские чиновники Российской империи. Слева направо: почтмейстер, председатель палаты, прокурор (по «Альбому гоголевских типов по рисункам художника П. Боклевского». СПб., 1894).

дания или неявку на службу, нерадение и леность, пьянство, побеги с места службы и многие другие провинности. Канцелярских служителей держали под арестом на хлебе и воде, сажали в колодки на цепь, били розгами, палками и плетьми, а в крайних случаях сдавали в солдаты. Лишь по достижению приказным чина коллежского регистратора, который до 1845 г. давал личное дворянство, служащий освобождался от телесных наказаний. Поэтому чиновникам среднего звена за проступки задерживали выплату жалованья или, приставив охрану, запирали «безвыходно» в учреждении до окончания работ.

Только в 1804 г. был принят специальный указ «О нечинении в присутственных местах над приказнослужителями бесчиния и жестокости». Он объявлял, что «в некоторых губерниях советники губернских правлений наказывают приказных служителей непристойно и бесчинно, как то: сажают под стражу в тюрьму, содержат в цепях, та-

Поздравление подчинённого. Художник Н. Загорский. 1890 г.

скают за волосы, бьют по щекам и в присутствии, наконец, и самых больных понуждают к отправлению должности», и указывал «наистрожайше подтвердить, кому следует, так как и в прочих местах Губернских и уездных наблюдать, чтобы такого безчиния и жестокости нигде допускаемо не было».

Власть начальника была всеобъемлющей и требовала от нижестоящих постоянного раболепия и безоговорочного признания превосходства своего руководства. Жёсткая соподчинённость особенно ярко проявлялась в праздничные дни. По свидетельству М.Л. Назимова, в 1820–1840–х гг. «чиновный люд не мог и думать под страхом административных взысканий не явиться в Новый год или царские дни с поздравлением к своему начальству, начиная с низшего до высшего — губернатора. Чтобы поспеть туда и сюда, чиновники с раннего утра были на ногах, а побогаче в экипажах, в мундирах и треугольных шляпах, несмотря ни на какой дождь или мороз. Я видел, как дядюшка мой, губернский прокурор, принимал этих ранних гостей в халате и затем сам надевал мундир и являлся к губернатору».

Общение с работающими в государственных учреждениях чиновниками оставляло у посетителей яркие и, нередко, отрицательные воспоминания. Вот как описывал один из таких случаев В.А. Инсарский, занимавший должность управляющего курскими имениями князя А.И. Барятинского в сороковых годах XIX века: «губернатор и предводитель [дворянства] приняли меня отлично, вежливо, изъявили готовность сделать все к полному моему удовольствию и дали соответственные приказания подчинённым. Но когда я обратился к этим подчинённым, меня буквально обдало холодом. Я мгновенно убедился в двух вещах: во–первых, что дело совершенно в их руках, и, во–вторых, что тут без денег ничего не сделаешь, не смотря ни на какие отношения... Я не имел ни охоты, ни умения спуститься в это грязное болото и, предоставив моему доверенному заключать там всевозможные торги, условия и сделки, оставил за собою, так сказать, высшее покровительство и право утверждения. Когда сделки были сделаны, задатки даны — дело закипело и тотчас были посланы вопросы едва ли не во все концы земного шара».

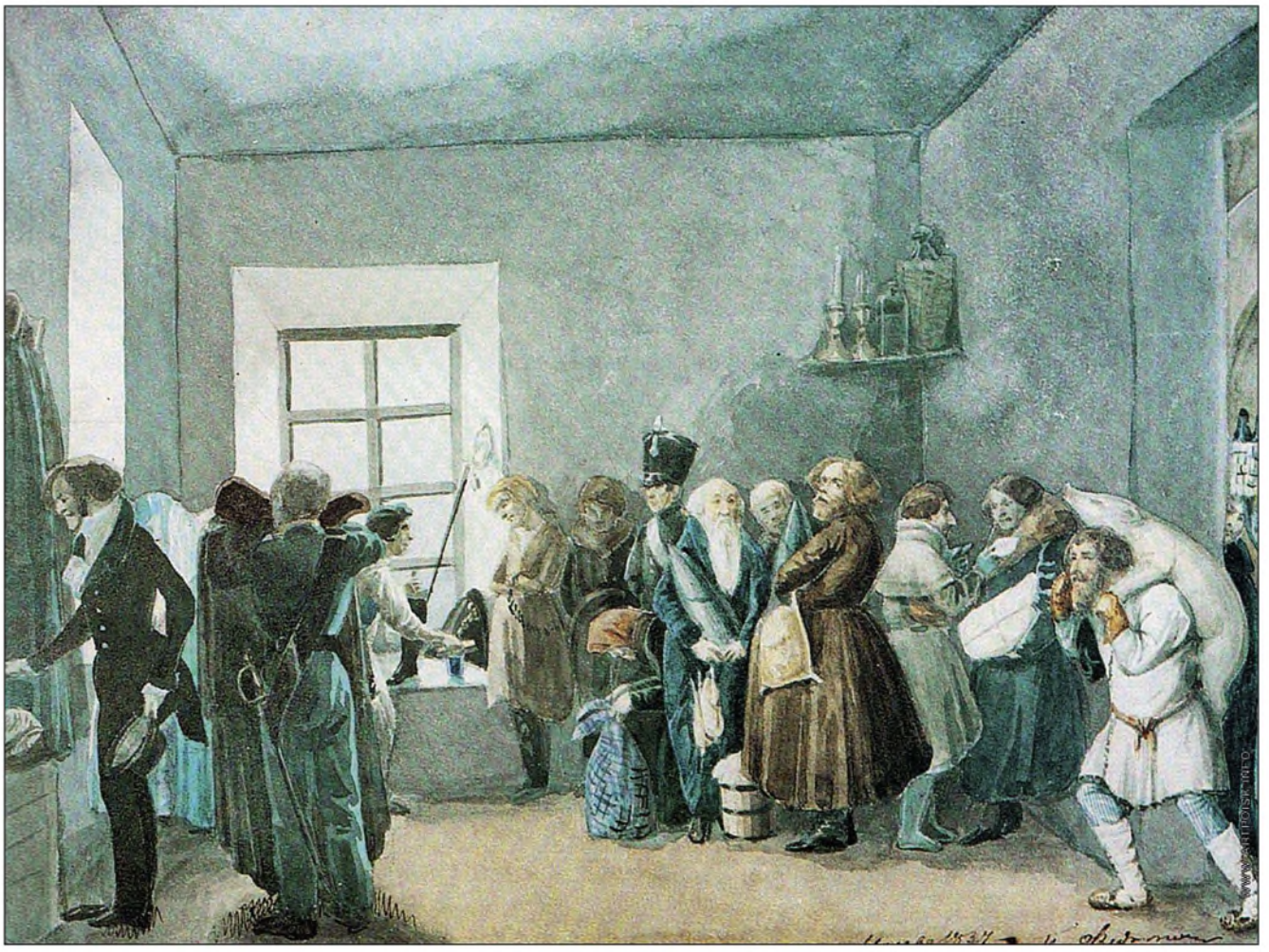
Отказ от дачи взятки мог привести к очень тяжёлым последствиям — многолетней волоките или обременительному проигрышу. К тому же, вручая взятку, просители были уверены в том, что их дела решатся быстро и с благоприятным для них результатом. По этому поводу даже существовала специальная присказка, которую приводит в своих «Записках» новооскольский помещик И.О. Острожский–Лохвицкий: «Отягчу руки златом, умяхчу сердце мздою, хотя б он и был свят, потянет за мною».

Характерной особенностью того времени было то, что большая часть общества не испытывала презрения к взяточникам. Наоборот, недоумение вызывали чиновники, не бравшие взяток.

По воспоминаниям знаменитого актера М.С. Щепкина, управлявший Курской губернией в 1811–1818 гг. А.И. Нелидов вызывал у местного «общества» много нареканий своей борьбой с роскошью и бессмысленными тратами, «но главное, что возмущало все общество, это то, что он не брал взяток. «Что мне в том, — говорил всякий, — что он не берет? Зато с ним никакого дела не сделаешь». А в этом веке не было и жалобы на взятки, а был попрек от общества следующий: «Вот, говорят, был дурак — покойник такой–то: двадцать пять лет был секретарем гражданской палаты, а умер — похоронить было нечем». В самом Курске было два человека, которых имена были записаны у каждого гражданина, имеющего дела, или в святцах, или в календаре: это П.М. Торжевский и Л.С. Баканов; да в Судженском уезде было знаменитое лицо Котельников — тот самый, о котором Гоголь сказал в «Мертвых душах» несколько слов, и в том числе фразу: «Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит». Все означенные три лица считались за благороднейших людей, потому что брали и делали; а то всё служащее брало и ничего не делало. Последний был по веку удивительное лицо, хотя служба его была как бы черновая; он был всю жизнь письмоводителем при исправниках. Я как его узнал, то он выражался, что он уже на тринадцатом исправнике ездит. «Как приведут, — говорит, — с выборов нового исправника, а особливо который служил прежде в военной службе, — приступу нет, точно дикий жеребец, бьется и задом и передом, и даже кусается; а как обгладишь хорошенько, так такой в езде хороший станет, что любо–дорого!». Этот человек отличался необычной памятью, так что очень часто приезжали из других губерний спрашивать, что вот по такому делу не знает ли какого–нибудь закона, который бы был в пользу этого дела? И даже при выходе какого нового указа приезжали спрашивать: «Ну, что, Иван Васильевич, что вы скажете о новом указе?» — «Что же, ничего! Лазейки две есть». И когда где случится дело, которое подходило под смысл этого указа, то, разумеется, тотчас бежали к Ивану Васильевичу, и он указывал лазейку, за что брал условленную плату. И его всегда считали за благороднейшего человека».

Одной из возможных причин широкого распространения мздоимства среди русских чиновников в XVIII — первой половине XIX вв. был низкий уровень оплаты их труда.

Приводимые Л.Ф. Писарьковой данные говорят о том, что находившиеся в самом низу служебной лестницы копиисты в уездных учреждениях по шта-



Передняя частного пристава накануне большого праздника. Художник П.А. Федотов. 1837 г.

там 1763 г. получали 30 рублей в год, в губернских — 60 рублей в год, а в центральных и высших учреждениях — от 100 до 150 рублей в год.

По расходным документам конца XVIII в. экзекутор получал 200 рублей в год, протоколист — 175 рублей, регистратор — 120 рублей, архивариус — 100 рублей, столоначальники — 120 рублей в год, их помощники — 80 рублей, копиисты — 60 рублей, а привратник и приставы — по 30 и 36 рублей. Доходы классных чиновников были выше. Так, находившийся в должности советника коллежский асессор, а также губернский прокурор и надворный советник получали 800 рублей в год; секретарь — около 330 рублей в год. Жалование выдавалось четыре раза в год по кварталам. Только с 1805 г. зарплату чиновникам стали выплачивать каждый месяц.

Чтобы соотнести чиновничье жалование с ценами на продукты, можно указать, что в 1780 г. в Курске ведро [около 12,3 л] французской водки стоило 10 рублей, фунт [около 0,41 кг] изюму — 8 копеек, фунт чернослива — 5 копеек, фунт риса — 12 копеек, фунт маслин чёрных — 12 копеек, фунт икры малосольной — 19 копеек, фунт осетра малосольного — 6 копеек, фунт севрюги малосольной — 5 копеек. В 1789 г. в Новооскольском уезде четверть [8 пудов, или 131,04 кг] ржи стоила от 2 рублей 50 копеек до 2 рублей 60 копеек, четверть гречки — 2 рубля 20 копеек, четверть пшеницы и пшена — 4 рубля 50 копеек и 5 рублей, вина пенного ведро — 1 рубль 80 копеек, полугарного от 1 рубля 70 копеек до 1 рубля 80 копеек, дров воз воловый — 45 и 40 копеек, конский — 35 и 30 копеек, фунт говядины — 2 копейки и 1 деньга, пуд [около 16,4 кг] сала свиного — 4 рубля, фунт сала бараньего и говяжьего нетопленого — 6 копеек, топленого — 8 и 9 копеек, пуд рыбы красной — 3 рубля 50 копеек, щуки бочковой — 1 рубль и 1 рубль 20 копеек.

В 1820-е годы во многих ведомствах оклады были значительно увеличены. Высший оклад опытного канцеляриста в губернии составлял

Проводы начальника. Художник А.Л. Юшанов. 1864 г.

20 рублей в месяц (240 рублей в год), а столоначальника губернского правления — 33 рубля в месяц (396 рублей в год).

Но эта прибавка не особенно сказалась на росте благосостояния честных чиновников. Л.Ф. Писарькова считает, что причина крылась в выплате чиновникам жалования бумажными ассигнациями. Они имели более низкую стоимость относительно денег из серебра, и чиновники значительно теряли при существующей разнице курсов. По подсчётам исследовательницы, «если 600 рублей ассигнациями, получаемые столоначальником Пермского горного правления, в 1806 году соответствовали 438 серебряным рублям, то его оклад, через 13 лет возросший до 1200 рублей, равнялся только 320 рублям серебром, а еще через 18 — в связи с некоторым увеличением курса бумажных денег, составлял 343 серебряных рубля».

Низкие оклады, не обеспечивавшие нормальные условия жизни, толкали чиновника на путь должностных преступлений, злоупотреблений и взяточничества. В «Записке» созданного в 1827 г. Комитета для соображения законов о лихоимстве указывалось, что именно «близкое к нищете положение большей части посвящающих себя гражданской службе часто самого благорасположенного и лучшей нравственности чиновника невольным образом превращает во врага правительству».

Обычно высшее руководство губернии старалось не вмешиваться в привычное течение чиновничьей жизни и нередко даже пользовалось её незаконными плодами.

Но время от времени губернаторы начинали бороться с распоясавшимися чиновниками–взяточниками, стараясь если не исправить их окончательно, то хотя бы на время утихомирить мздоимство. Для этого использовались различные и иногда весьма неожиданные методы.

Так, один из современников сообщал о курском гражданском губернаторе графе П.Н. Демидове (1831–1834 гг.), что он «платит по три тысячи рублей чиновникам, оценивая в такую сумму доход,

Форма гражданских чиновников Российской империи в 1856 г. Три фигуры слева — парадная и повседневная форма чиновников IV класса. Две фигуры справа — повседневная форма чиновников V класса.

который может принести им мошенничество, но пообещав при этом, что с ними обойдутся самым суровым образом за малейшую провинность, так что приказы выполняются с величайшей точностью и все довольны».

Впрочем, остальные курские губернаторы при борьбе с чиновничьими злоупотреблениями более полагались на устрашения и наказания.

Особенно отличился в этом генерал–майор В.И. Ден, занимавший пост курского губернатора в 1861–1863 гг. и прославившийся постоянными и энергичными преследованиями взяточников. По воспоминанию П.В. Дворжецкого–Богдановича, после приезда его в Курск «вся сила губернаторского гонения обрушилась на чинов существовавшего в то время питейного отделения казённой палаты и других лиц, почему либо причастных к откупному делу. Рассказывают, что бывший в то время советник питейного отделения даже удавился от страха преследования Дена. Другое же лицо купеческого звания бежало из Курска… спрятавшись не то в возу с сеном, не то в пустой бочке, в таком виде купец и выехал в Москву, где проживал инкогнито до тех пор, пока Ден не был переведён из Курска». Не гнушался В.И. Ден и провокациями. Согласно И.Т. Шатохину, он надевал костюм оборванца и, притворившись пьяным, ночами бродил по улицам Курска. Попав в таком виде в руки полицейских, откупался от них десятирублёвками, а уже на другой день руководившего нарядом чиновника указом губернатора увольняли со службы.

Однако все попытки искоренить чиновническое мздоимство оказались безрезультатными. Лишь осуществлённые Александром II в 1860–1870–х годах «Великие реформы» смогли нанести сокрушительный удар по сложившейся за полтора века системе взаимодействия чиновничества с государством и обществом. Под её обломками погибли и рождённые этой системой типы чиновников, так ярко и чётко описанные в воспоминаниях и литературных произведениях того времени.

КУРСК И КУРЯНЕ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В начале XVIII в. Курск окончательно утрачивает своё значение в качестве пограничной крепости и превращается в один из провинциальных центров Российской империи.

Вплоть до 1780–х гг. город занимает относительно небольшой участок центральной части современного Курска. Согласно Ф.И. Лаппо, «на месте старой крепости был монастырь, окруженный стенами и башнями, одна из которых, древней архитектуры, была покрыта разноцветной муравленой черепицей. Внутри группа деревянных изб, соборная церковь... Остальная часть Курска состояла из слобод, расположенных вокруг церквей: Солдатской, Рассыльной, Подьяческой, Черкасской, Городовой. Жители посада населяли район Преображенской, Фроловской, Николаевской, Сергиевской и других церквей. На окраине были Стрелецкая, Ямская, Пушкарная и Казацкая слободы. Курск не был заселен сплошь: берега реки Кура, затоплявшиеся в половодье, представляли собой луга и пастбища. Местность между Сергиевским собором и Московской дорогой, с одной стороны, и нынешней Мирной улицей, с другой, была покрыта небольшими озерами, около которых разводились огороды. В промежутках между слободами находились кирпичные заводы и кузницы. Части города соединялись деревянными мостами через реку Кур, и двумя лавами [временными деревянными мостами] через Тускарь. Через реку Сейм по Белгородской дороге был перевоз». Городские улицы были узкими и извилистыми и во время непогоды превращались в непролазные грязные топи.

Опубликованные Ф.И. Лаппо выдержки из документов второй половины XVIII в. позволяют нам представить жилища курян того времени, обладавших различным уровнем дохода.

Так, усадьба проживавшего в Курске крестьянина Знаменского мужского монастыря Азара Машонина состояла из следующих построек: «В том дворе изба мерою дву сажен разного лесу, ветхая, внутри лавки, полицы, пол и помост, ветхие же, оконница стеклянная; дверь на крюках. При той избе сени в две стены без потолку с помостом, ветхие ж. При сенях пуня плетневая, ветхая ж; из сеней как на двор, так и в показанную пуню двое дверей на крюках же железных. На дворе две пуни плетневые, одна с дверью, обгнилые и опаленные. Вкруг двора огорожа плетневая и несколько опалая. При том дворе ворота щитовые, вереи сосновые, ветхие. В тех воротах засов железный».

Намного богаче был расположенный в Сергиевском приходе двор купца Григория Пчелина: «На том дворе строения: изба с белою печью, при ней сени, против их анбар... на заднем крылце чулан с мостами, потолками, с лавками. А в избе и в сенях два стола. На дворе погреб каменной, на нем анбар

пластовой, конюшня забрана досками. Позади ж оного строения светлица с сенми и чуланом и с крылцом, амбар разного лесу. Оной двор спереди и по сторонам забором забран. Баня с прибанником. Позади того двора сад разных древ с воротами, да подле него сарай плетневый. Между избы и светлицы сарай, да близ чулана заднего погреб рубленой. Впереди двора ворота с щитом. Оные все строение и вороты разного лесу и крыты дранью».

Данные письменных источников дополняются матералами археологических исследований, проведённых в 2008 г. экспедицией Курского государственного областного музея археологии под руководством А.В. Зорина на ул. Гайдара в пределах бывшей *Закурной Троицкой слободы*.

В ходе раскопок учёные обнаружили два котлована, являвшихся остатками подвальных частей наземных домов конца XVII — начала XVIII вв. и середины — второй половины XVIII в. Обе постройки являлись жилыми наземными домами на заглублённых в землю *подклетах*.

Размер котлована, оставленного подклетом дома конца XVII в., составлял примерно 3 х 4 м и достигал в глубину 1 м. Конструкция подклета была каркасно–столбовой, т.е. бревна закладывались в пазы столбов. Поверх подклета было уложено три бревна, служивших опорой сруба и пола жилой части здания. Для облегчения сооружения крыльца брёвна под срубом могли делаться выпускными, т.е. выступающими за границу стен. Таким образом, они являлись опорой для помоста, к которому вели ступени. Над крыльцом, вероятно, находился навес на столбах.

Наземная часть сооружения, в отличие от подклета, представляла собой сруб, собранный в «ласточкин хвост». Подобный приём применялся с целью более бережного расходования древесины по причине нехватки строевого леса, а также для удобства последующей обмазки стен глиной. Предположительно сруб мог быть внутри и снаружи обмазан глиной, замешанной с резаной соломой, и побелен, как это издавна практиковалось на территории Курской губернии.

Судя по обнаруженным в заполнении котлована обломкам кирпичей и найденным рядом с ним частям рельефных неглазурованных изразцов, дом мог отапливаться украшенной изразцами кирпичной печью.

Изразец с изображением играющего на рожке пастушка. Глина. XVIII в. Красная площадь. Раскопки Н.А. Тихомирова. Курский государственный областной музей археологии.

Найденные во время раскопок предметы (железная наковальня, обрезки и заклёпки из цветного металла) позволяют предположить, что исследованная археологами постройка являлась жилищем ремесленника.

Котлован постройки второй половины XVIII в. имел размеры 3 х 3,3 м и был углублён в землю на 0,66 м. Вдоль его краев шла ступенька. Вероятно, сруб был впущен в котлован и опирался своими нижними венцами на эту ступеньку. Можно предположить, что в отличие от предыдущего сооружения, сруб был рубленным в «ласточкин хвост» во всю высоту постройки. Лишь при подобной конструкции сруба могли оставаться столь ровные углы котлована.

Столбовые ямы, прослеженные по углам и в дне котлована, поддерживали балки настила пола и служили дополнительной опорой для печи. В западной части котлована ступенька, идущая вдоль стены, разрушена, что наводит на мысль о том, что в этом месте находились ворота — вход в подклет.

Восстановивший облик постройки А.В. Зубков предположил, что сооружение являлось типичным для Курска жилищем — отапливаемым по–чёрному срубом, обмазанным глиной и крытым соломенной крышей.

Если две описанные выше постройки служили жилищами горожан среднего достатка, то владельцами расположенных поблизости от них так называемых «Палат бояр Ромодановских» были очень богатые люди.

Этот уникальный архитектурный комплекс, состоящий из двухэтажного здания и одноэтажного флигеля, располагается на пересечении улиц Гайдара и Пионеров. Необычный облик главного здания породил среди курян множество легенд и преданий, связывавших его с несколькими представителями знатной русской княжеской династии Ромодановских, исполнявших обязанности курских воевод в XVII в.

Однако документы того времени не дают нам возможности связать «Палаты» и князей Ромодановских. Окончательный же удар по этим легендам нанесли исследования, проведенные на территории усадьбы в 1987–1988 гг. группой московских археологов под руководством М.В. Фролова. Оказалось, что начало строительства «Палат» относится к середине XVIII в. Об этом свидетельствует

Виды Курска из «Альбома К.М. Бороздина». 1809–1810 гг. Художник Д.И. Иванов (по А.И. Раздорскому, 2010). Сверху вниз:

«Здесь представлен Богородицкой Знаменской мужеской второклассный монастырь и присутственные места в губернском городе Курске… Вид сей взят с юго–восточной стороны, с противулежащего левого берега реки Тускори, от слободы, называемой Стрелецкою».

«Курск столь изобилен садами, что оне издали закрывают строение и представляют одну лишь приятную зелень. В самом даже городе находятся совершенно деревенские виды… Вид сей взят с правого берега реки Куры [Кура]».

«Здесь представлен предыдущий же вид, взятой с другой стороны».

характерная для того времени конструкция фундамента «Палат» и обнаруженный при шурфовке внутренних помещений в слое кирпичного щебня фрагмент расписного печного изразца, датируемого 1760–ми гг.

Так как место около храма в те времена было очень престижным, можно предположить, что каменные постройки на территории усадьбы принадлежали одному из местных прихожан, пожертвовавшему большую сумму на богоугодное дело. Уникальными же «Палаты» делают не легенды, а то, что расположенные на усадьбе здания являются самыми старыми светскими постройками, сохранившимися в Курске на сегодняшний день.

Первым известным владельцем усадьбы является упоминающийся в датированном 1792 г. «Описании дворовых мест г. Курска, согласно Высочайше конфирмованному плану 1782 г.» *Семён Иванович Хлопонин* — купец 1–й гильдии и ратман Курского магистрата. В документах указывается, что занятая в то время под постоялый двор усадьба была приобретена им «по купчей крепости», но от кого и когда — неизвестно.

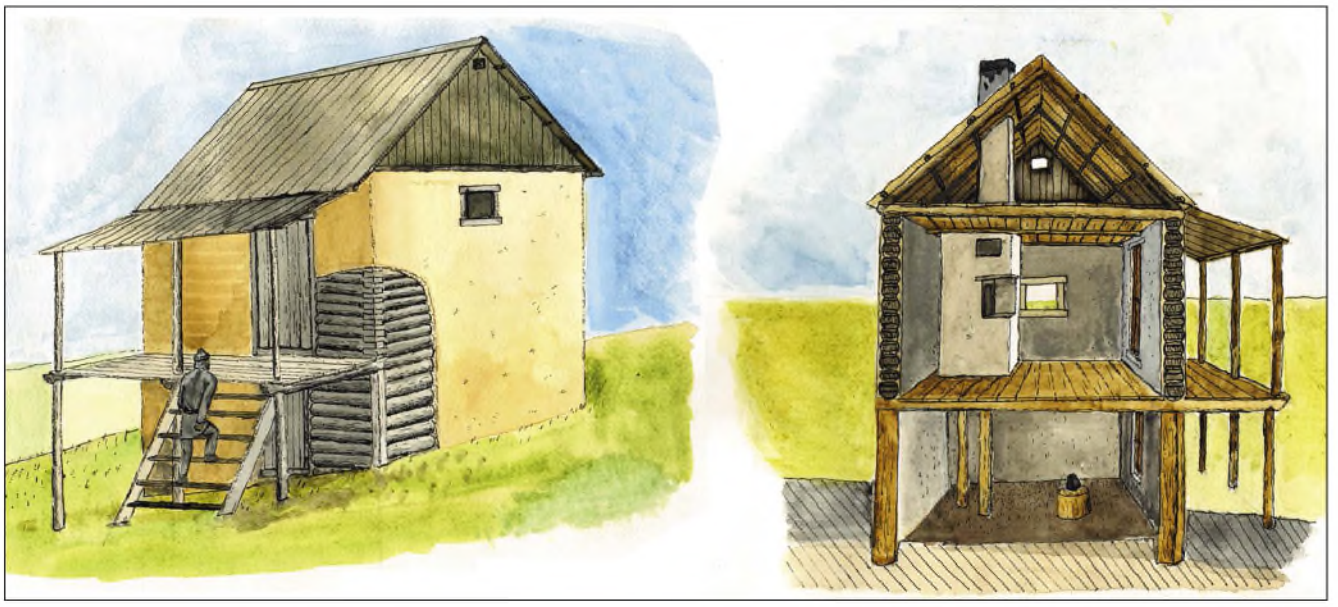
Последняя четверть XVIII в. стала судьбоносной для Курска. 27 декабря 1779 г. он становится столицей новоучреждённого Курского наместничества.

В центре города строятся новые административные здания (дворец наместника, присутственные места и др.), в которых размещаются управляющие губернией коллегии и палаты, а также надзирающий и руководящий их работой генерал–губернатор.

Посетивший Курск летом 1781 г. географ В.Ф. Зуев в своих «Путешественных записках» оставил нам достаточно подробное описание города, в котором всё ещё отчетливо были видны приметы русского пограничного города эпохи Позднего Средневековья.

«Город Курск знатной и старинной… стоит на вышеописанном взлогистом уступе при реке Тускаре, впадающей за 5 верст ниже города в реку Семь, а в Тускарь посреди города впадает небольшой ручей Кур… Строение его [Курска] расположено по склонению сего уступа и при том на горе и под горою, промеж которого как по косогорам, так и в долинах имеются сады и огороды, кои город со всех сторон представляют будто в лесу стоящий. Домы по большей части деревянные, беспорядочные и по дороговизне леса, который привозится из дальних мест, нехорошие. Церквей всех 17, в том числе три деревянные и сверх того два монастыря, один мужской каменный [Знаменский], другой женский деревянный [Троицкий]; первый весьма старинный стоит на самом переду горы и будучи окружен высокою каменною стеною представляет будто городскую крепость; он числится по штату во втором классе и содержит Архимандрита и 17 монахов. В нём имеется три церкви, все хотя ветхие и ежегодно починиваемые, однако внутри украшены хорошею живописью и снабжены богатою золотою и серебряною утварью. Между прочими приходскими церквами многие есть хорошие: наипаче Сергиевской собор архитектурою и внутренним украшением всех превосходит. Казённого строения Наместнический дом деревянный и шесть корпусов деревянных же для присутственных мест, все построены по край горы на реку Тускарь. Обывательских домов всех числом 2340, в том числе каменных купеческих четырнадцать; кузниц каменных и деревянных около шестидесяти; лавок торговых каменных девять, деревянных более ста; питейных домов 30; улица прямая по большой дороге только одна, прочие все неправильные; они прежде за грязью были не проходимы, но ныне старанием г. Губернатора Свистунова начали все вымащивать ломаемым в помянутом уступе плитнягом, который к тому и весьма способен. Мостов деревянных пять: один через перекоп [старый крепостной вал], которая сделана от реки Кура через мыс к реке Тускари и тем отделяет монастырь и присутственные места, состоящие будто в крепости; два через реку Кур деревянные и двои лавы через реку Тускарь. Заводы в городе кроме кирпичных, известниковых, кожевенных и шерстяных других нет. Жители в городе, сверх некоторого числа дворян, купцы числом 1071, мещане 2688, однодворцы 1602, малороссияне и других званий, всех с вышепоказанными около шести тысяч душ мужеска полу. К сему ж городу принадлежит и Ямская слобода, что за Тускарью в 3 верстах от города находящаяся, в коей 729 душ. Промыслы купечества состоят в торгах как российскими, так и иностранными товарами… мещане ж промышляют наиболее кожевенным и скорняжим ремёслами, а другие хлебопашеством и плодами. На реке Тускарь имеются две мельницы мучная и пильная. Город разделялся прежде на шесть частей отделённых между собою или буераками, или реками, и оныя называются: Пушкарская, при въезде в город из Москвы, населённая изстари пушкарями, ныне в число однодворцев помещённых, так как и прочие подобного происхождения слободы; Казацкая по за Куру, происходящая от населённых прежде служивых козаков, ныне также в числе однодворцев считающихся; Разсыльщикова вниз по Тускарю, населённая старинными рассыльщиками; по другую реки сторону против города Стрелецкая, населённая стрельцами; Городская и проч. Ныне же по новому расположению разделён город на три части, просто числами означаемые и в каждую из них входит как городское, так и загородное строение».

«Путешественные записки» В.Ф. Зуева были изданы в 1787 г., но Курска, который он в них описывал, уже не существовало. В августе 1781 г., вскоре после отъезда учёного, пламя пожара истребило



Внешний вид и разрез дома конца XVII — начала XVIII вв. Реконструкция А.В. Зубкова по материалам раскопок А.В. Зорина в г. Курске (ул. Гайдара).

Предметы конца XVII–XVIII вв. из раскопок А.В. Зорина в г. Курске на ул. Гайдара. Курский государственный областной музей археологии. Детская игрушка — «коник». Глина; Две копейки. Россия. 1763 г. (перечекан монеты 4 копейки 1762 г.), Петербургский монетный двор. Медь; Изразец печной. Глина; Тыльник рукоятки ножа. Медный сплав, эмаль. Конец XVII — 1–я половина XVIII вв.

Русский нож. Начало XVIII в. Ливрусткаммарен (Стокгольм, Швеция).

большую часть города.

Решив воспользоваться представившейся возможностью, курский генерал–губернатор князь А.А. Прозоровский распорядился о срочной подготовке нового градостроительного плана, который был спешно разработан в столичной «комиссии по делам строений» под руководством архитектора И. Лема. Уже в январе 1782 г. Прозоровский представил Екатерине II новый план г. Курска, утверждённый императрицей 26 февраля 1782 г.

Согласно Л.Н. Познякову, по созданному столичными архитекторами плану город был разделён на две части. Первая, по–старинному *Нагорная*, располагалась между реками Куром и Тускарью.

Внешний вид и разрез дома середины — 2–й половины XVIII в. Реконструкция А.В. Зубкова по материалам раскопок А.В. Зорина в г. Курске (ул. Гайдара).

Вторая, *Закурная*, лежала по другую сторону реки Кур. Обе части были разбиты перекрещивающимися улицами на прямоугольные кварталы.

В отличие от предыдущего времени, теперь каждая улица имела название. В «Нагорной» части устраивались Тускарская набережная, Сергиевская, Большая Московская, Фроловская, Кодрянская, Княжая береговая, Мясницкая, Гостинная, Москалевская (на запад от Московской), Троицкая Верхняя, Чистая, Первышевская, Золотая, Можаевская, Чикинская, Весёлая, Садовая, Мирная и Верхняя Мещанская.

В «Закурной» — Литовская, Луговая, Троицкая, Преображенская, Херсонская, Покровская, Солдатская, Авраамовская линия, Авраамовская улица, Луговая, Золотаревская, Архангельская, Пастуховская, Ртищевская, Дружининская, 1–я Мещанская, Чумаковская, 2–я Мещанская, Даньшинская, 3–я Мещанская, Нижняя Кузнечная, Городовая, Россыльная и Черкасская.

В городе были запланированы кварталы из каменных построек и кварталы из деревянных казённых, публичных, обывательских домов и прочих строений. Здания следовало строить по типовым моделям фасадов. Крыши на каменных строениях нужно было крыть железом или черепицею, а на деревянных — тёсом или гонтом.

При въездах в город, в начале Московской (современная ул. Ленина) и Херсонской (современная ул. Дзержинского) улиц, были оставлены большие «въезжие площади». В центре города также устраивалась большая *Красная площадь*, при сооружении которой планировалась засыпка старого крепостного рва. Небольшие свободные от застройки пространства были оставлены и около каждой курской церкви. Так, в «Закурной» части имелись площади Покровская, Георгиевская, Троицкая и Преображенская. Такая же ситуация была и в «Нагорной» части. Исключения составляли лишь расположенные здесь Сергиевская церковь и Троицкий Девичий монастырь, оставленные в пределах соответствующих кварталов. По границам города план предусматривал возведение рва и вала.

Для руководства подготовительными работами была создана специальная *Комиссия по строению г. Курска*, куда вошли землемер И.Ф. Башилов, городничий и один из членов Городового Магистрата. Комиссия должна была разъяснять обывателям пользу от переустройства города и уговаривать строиться по новому плану, осведомляя о льготах при немедленной застройке.

Вся юридическая сторона вопроса была возложена на Курский городской магистрат. Он рассматривал дела о вводе во владение купленными усадебными местами и домами, торговыми лавками, о выкупе родовых усадебных мест, проданных родственниками, об утверждении купчих и выдаче их копий, о продаже усадебных мест, домов, торговых лавок и имущества с публичных торгов, о спорных домах и имуществах. В магистрате также хранились планы дворовых мест с указанием их размеров, составленные губернскими землемерами и архитекторами.

Согласно Т.Г. Михайленко, при распределении участков учитывался достаток каждого горожанина. Чиновники стремились привести в соответ-

Вид на центральную часть г. Курска со стороны р. Кур. Фрагмент гравюры А. Ухтомского по рисунку И. Рамбауэра. 1821 г. (по «Курская губерния и Отечественная война 1812 года»). В центре изображены мужская гимназия (слева), Знаменский мужской монастырь, дворянское собрание, здание присутственных мест с губернским правлением.

ствие материальные возможности жителей и пожелания населения, касающиеся выбора места дальнейшего проживания. Вместо того, чтобы использовать силы и средства для принудительного сноса обветшавших строений, градоначальники просто выжидали, когда такие дома разрушатся сами собой. Об этом свидетельствует один из документов того времени: «В конфирмованном её императорским величеством городу Курску плану между прочим написано: у которых обывателей строения не придут в линии, оставить до такого времени, когда сами собой обветшают, повалятся, и другим каким случаем уничтожатся, или хозяева сами добровольно и прежде того перестроить по плану пожелают, или правитель генерал–губернаторской должности обывателям пособие к той перестройке изыщет, дабы обыватели не претерпели убытка от сломки дворов, ещё к житию годных. А у которых дворовые места разделять будут улицы и площади, и затем на старых строиться не могут, в таком случае сим обывателям отводить другие порожние места, под каменные или деревянные дома, где бы каждый по своему состоянию построиться мог. По обветшании и по уничтожении нынешних их строений прежние их, разделённые улицами и площадями места, придавать соседским дворам, как способно покажется».

Сразу же после утверждения плана начались подготовительные и строительные работы. На местности были разбиты улицы, начался отвод мест под новые усадьбы. Уже 12 ноября 1784 г. И.Ф. Башилов докладывал генерал–губернатору Ф.Н. Кличке: «Город Курск по высочайше конфирмованному плану… в натуре расположен; открыты вновь проложенные улицы; и знатная часть оного построена».

При этом, по словам Башилова, один новый двор составлялся из трёх–пяти и более старых дворов «в таких кварталах и улицах, где кто по своему состоянию выстроиться может». В случае, если владельцы усадьбы не могли построить дома в соответствии с утверждённым планом, они должны были или переселиться в городские предместья, или перенести свои старые дома в специально устроенные кварталы. Занимавшиеся хлебопашеством жители Казацкой и Пушкарной слобод вообще были выселены за пределы новой городской черты. Остались лишь те, кто занимался ремёслами или промыслами.

Общее число городских жителей Курска в 1785 г. достигало 15 291 человека обоего пола — 7 962 мужчины и 7 329 женщин.

По данным И.Ф. Башилова, среди них было 320 *дворян* (136 мужчин и 184 женщины). Вместе с дворянами жили выполнявшие обязанности домашней прислуги *крепостные*: дворня — 766 человек (365 мужчин, 401 женщина), помещичьи крестьяне — 172 человека (70 мужчин и 102 женщины) и 117 помещичьих цыган (55 мужчин и 62 женщины). Все крепостное население Курска составляло 1055 человек.

Число *чиновников* и приказных с их семьями достигало 495 человек (345 мужчин и 150 женщин), духовенства (священно— и церковнослужителей)

Вынос иконы Знамения в девятую пятницу 1839–го года.
Литография Бишебуа, Адама и Бушо с оригинала Ф.А. Джунковского. Париж. Около 1840 г.

Учение солдат в провинциальном городе. Неизвестный художник. 1820–е гг. (по «Курская губерния и Отечественная война 1812 года»). На акварели изображена ныне не существующая Спасо–Преображенская церковь г. Курска, располагавшаяся в южной части квартала между современными улицами Красной Армии, Софьи Перовской и Гайдара.

— 165 человек (70 мужчин и 95 женщин), купцов обоего пола насчитывалось 3 609 человек.

Самой многочисленной группой городского населения были мещане — 4 531 человек (2 303 мужчины и 2 228 женщин). К мещанам причислялись те, кто имел состояние, не превышающее 500 рублей: мелкие торговцы, ремесленники, наемные работные люди. Они не освобождались от телесных наказаний по суду, облагались подушной податью и были связаны между собой круговой порукой в отношении уплаты податей.

Почти не уступали в численности мещанам *однодворцы* — 4 525 человек (2 384 мужчины и 2 141 женщина), обитавшие в пяти городских слободах: Солдатской, Рассыльной, Подьяческой, Городовой и Черкасской. В начале XIX в. занимавшиеся «большею частию упражнениями, городским жителям свойственными» слобожане были причислены к мещанам.

Среди горожан также числились 65 *отставных солдат*, 484 (231 мужчина и 253 женщины) *«войсковых малороссиянина»* и 42 (19 мужчин, 23 женщины) *«казенных» цыганина.*

Все горожане были разделены на шесть разрядов. В состав *первого разряда* входили «настоящие городовые обыватели» — имевшие в городе дом или землю дворяне, чиновники и духовенство. *Второй разряд* составляли купцы трех гильдий, вносившие налог с объявленного ими капитала. *Третий разряд* охватывал записанных в цехи ремесленников. *Четвёртый разряд* состоял из постоянно живших в городе иностранцев. *Пятый разряд* включал «именитых граждан»: учёных, архитекторов, живописцев, скульпторов и «музыкосочинителей»; владельцев капитала свыше 50 000 рублей; банкиров с капиталом от 100 000 до 200 000 рублей; не имеющих розничных лавок оптовых торговцев и кораблехозяев, «кои собственные корабли за море отправляют». К *шестому разряду* причислялись не внесенные в другие разряды посадские люди, «которые промыслом, рукоделием или работой кормятся в том городе».

По Городовому положению 1785 г. управление Курском осуществлялось *Городской общей думой* и *Городской шестигласной думой.* Члены Общей думы — *гласные* — избирались *Городскими избирательными собраниями* от каждого из шести разрядов населения раз в 3 года. Общим председателем Дум был *городской голова*.

Представители исполнительной городской власти также избирались городскими обывателями. *Городской глава, бургомистры* и *ратманы* выбирались через каждые три года, *старосты* и *судьи совестного суда* — на год. Все выборы проходили в зимнее время при разрешении генерала–губернатора или губернатора.

К началу 1790–х гг. преобразование города в основном было завершено. В это время в Курске насчитывалось 2 363 домовладения, разделенных на четыре административные части.

Свой окончательный облик дореволюционный Курск приобретает лишь в первые десятилетия XIX в.

Составитель «Исторического и географического путеводителя по Курской губернии» В.Н. Левашов в 1837 г. писал о Курске следующее: «Проехавши дачу Знаменское, окруженную рощами и принадлежащую Курскому архиерейскому дому, лежащую в правой стороне на $1^1/_2$ версты от дороги, увидите небольшую часть города… Прямо возвышаются Московские ворота, сооруженные в 1823 году иждивением курского дворянства… далее по Тускари простирается почти на две версты Ямская слобода... Перед въездом в заставу, около кирпичных заводов, устроенных над глубокими оврагами, видны вправо два кургана, далее же встречается церковь Никитская, построенная на городском кладбище, а другая — каменная Ахтырская. Наконец, хижины селений, разбросанных по долине, чистый и прохладный воздух и зелёные рощи внезапно исчезают пред путником, въехавшим в Московские ворота, и представляется широкая Московская улица, обстроенная на протяжении полутора версты деревянными и каменными красивыми домами, а напротив неё, на Красной площади, возвышается великолепная церковь Знаменского монастыря, в которой каждое воскресенье и торжественные дни вы увидите большое стечение народа и услышите поистине величественное архиерейское служение.

Город Курск… разделяется на четыре части, в каждой из них по 3 квартала, в которых 82 улицы, из коих более замечательные вымощены камнем, два монастыря, 18 церквей, до 30000 домов и с лишком 23 000 обоего пола жителей; одарён чистым и свежим воздухом, чему много способствуют плодовитые сады, коими окружены почти все домы… Сверх того, в смежности с городом находятся составляющие как бы одно с ним целое пригородние слободы: Ямская, Стрелецкая, Казацкая и Пушкарная, в коих считается до 10 000 обоего пола душ, которые однако ж, как находящиеся в черте уезда, зависят от управления земской полиции… В Курске замечательно освещение города, украшению которого много способствует и само местоположение. По всей Херсонской и Московской улицам, на протяжении более 3–х верст, в тёмные ночи от зажжённых фонарей тянется огненная аллея, расположенная совершенно в прямом направлении и идёт, сливаясь в одну огненную струю, то понижаясь, то поднимаясь по огромной продолговатой горе, до Херсонских ворот…

На протяжении Московской улицы, начиная от ворот, вы увидите три красивые церкви и небольшую лютеранскую кирху, а вправо в небольшом переулке ланкастерскую школу, устроенную пожертвованием курского купца Силина для полутораста бедных детей всякого звания; так же недавно купленный училищным начальством каменный дом для уездного училища, …потом большое каменное здание почтовой конторы, далее с обеих сторон каретные ряды, разные магазины, книжная лавка Полевого и другая в доме Полторацкого, в них можно абонироваться для чтения книг и разных журналов за очень умеренную цену. Таким образом путешественник, проехавши по шоссе, устроенному по этой улице бывшим губернатором Демидовым, останавливается у высокого каменного четырёхэтажного дома полковницы Полторацкой, в нижнем этаже коего помещается, кроме разных лавок, магазин галантерейных и косметических товаров, а возле другой с оптическими инструментами и вещами, принадлежащими к токарному искусству…

Проходите мимо каменного гостиного двора в два этажа, выстроенного в виде двух квадратов, в средине коих устроены мелочные лавки и так называемый толкучий рынок; все сие пространство наполняется множеством народа, преимущественно два раза в неделю во время базарных дней; далее встречаете около лавок красивую галерею, построенную в 1836 году иждевением курского помещика Григорьева из мергельного камня… К этой галерее примыкает квадратная аллея высоких тополей, только что засаженная, а посреди неё находится площадь… На левой стороне площади находится главная гоубвахта [караульный дом], а далее за ней остается незастроенным самое красивое место в городе, на котором некогда был дом генерал–губернатора.

К правой же стороне её и к лавкам примыкает Херсонская улица, обстроенная каменными домами, идущими прямою линиею по двум высоким горам, перерезанным рекою Куром на две части; отсюда видна вся противоположная сторона города; влево возвышаются большие каменные здания на протяжении полуторы версты, а вправо разосланы обширные сады. Горы сближают предметы и здания, ряды домов, расположенных около Кура, стелятся у ног ваших и, поднимаясь на противоположную часть горы, оканчиваются высокими воротами, воздвигнутыми в 1836 году усердным курским дворянством в память проезда государя императора [Николая I] чрез Курск 22 октября 1835 года. В правой стороне этой улицы встретите каретные ряды; потом, переехав реку Кур по каменному мосту и подымаясь на противоположную сторону горы, остается в левой стороне Георгиевская церковь и при ней часовня, а близ ее торговая площадь той части города; вообще все церкви в Курске велики, выстроены в новом вкусе и усердием прихожан довольно великолепно убраны. Далее по левой стороне улицы находится каменный дом в два этажа для помещения начальника губернии и его канцелярии, а подле оного красивая каменная

гоубвахта собственно для полковых караулов, построенная в 1836 году усердием курского помещика Бурнашева.

Все сии здания явственно видны с Красной площади от вышеупомянутой галереи; прямо ж перед вами на противоположной стороне бульвара и площади возвышается огромная великолепная церковь Знаменского монастыря новейшей архитектуры, в коей купол имеет в диаметре 28 аршин и саженью более купола петербургского Казанского собора. В этой церкви замечателен иконостас огромного размера, весь вылитый из чугуна и с обеих сторон его отличной живописи иконы Спасителя и Богоматери работы известных петербургских художников Шебуева и Иванова. В левой стороне в киоте стоит Коренская явленная икона Знамения Богоматери, осыпанная бриллиантами и другими драгоценными камнями, и ещё особо на стене повешен образ Богоматери превосходной живописи, привезенный из Италии курским помещиком графом Потемкиным.

Рядом с сим монастырем, служащим и соборной церковью… увидите большое каменное здание, в котором помещены губернские присутственные места, а за ними на утесистой горе в 1836 году построена из мергельного камня красивая беседка с гротом и ротондою и около ее бульвар, в одно время с нею устроенный, вдоль возвышенного берега Тускари; отсюда видна обширная долина, усеянная рощами и дачами; в левой стороне за рекою простирается Ямская слобода, видны разные заводы, а прямо в отдалённости примыкающая к Сеймской долине дача помещика Стундинского с красивым каменным домом и церковью. На берегах же Тускари тянутся ряды улиц Стрелецкой слободы, соединяющейся с городом двумя мостами: один из них выстроен помещиком Бурнашевым… Вправо между плодоноснейшими огородами из–за густых деревьев выказываются разбросанные хижины и красиво выстроенные домики слобод: Очаковской, Кожевенной и Солдатской, несколько каменных церквей, городская мельница и крупчатка, устроенные на реке Тускари, кожевенные заводы и иные заведения, далее большое село Рышково, а за ним виднеют дубовые рощи, которые простираются по берегам Сейма и оживляют живописными картинами эту долину…

Сойдя с бульвара мимо духовного училища и консистории, построенных на крутой горе при р. Тускори, увидите вправо ряд больших каменных зданий, расположенных прямою линею на скате горы; за ними Знаменский монастырь и при нём большой каменный дом архиерейский. Здании сии суть: Дворянское собрание с особым отделением для помещения театра, а возле него гимназия и начатое великолепное строение в три этажа для помещения благородного пансиона… На упомянутой горе, оканчивающейся крутизною, разводятся пред самым зданием сад и бульвар, которые ещё более придадут красоты сей разнообразной и вместе величественной картине…

Обозревши город и повернувши отсюда вправо, въезжаете в Херсонскую улицу, а поднявшись на гору за заставою, примыкающею к Харьковской почтовой дороге, увидите в некотором расстоянии в поле огромный каменный двухэтажный тюремный замок, окончательно сооружённый в 1835 году для 200 арестантов… Осмотревши острог, проезжаете мимо городского [Всехсвятского] кладбища, замечательного могилою певца Душеньки [И.Ф. Богдановича] и памятником, сооружённым над оною из мрамора в 1831 году бывшим губернатором Демидовым».

Среди документов и воспоминаний того времени дошли до нас и описания внешнего вида, нравов и обычаев жителей Курска конца XVIII–XIX вв.

Так, в опубликованном И.Ф. Лаппо отрывке из «Топографического описания» И.Ф. Башилова сообщается, что «города сего жители добронравны, не сварливы, не тяжебники и миролюбивы; к промыслам прилежны, в торгах осторожны и благо–успешны. Живут чисто и опрятно одеваются; охотники до хороших лошадей. Женщины доброличны и добронравны, склонны к роскоши и вольной жизни, прилежны к церковным служениям, особливо церемониальным. Девки ж до замужества в церкви не ходят (кроме великого поста, когда говеют), а показываются людям в праздничные дни на улицах, составляя небольшие круги или карагоды. За водою и мыть белье на реку ходят в нарядах. В замужество ж выходят в летах совершенных, отчего и здоровы. На свадьбах у простых и бедных людей по совершении брака поезжане и свахи ездят по улицам с песнями и вместо музыки бьют по сковородкам косарями или каким другим железом. Протчий же обряд свадебный самой старинной русской. Одежды женщин: сарафаны из сукна, китайки из шелковых материй, обложенные у бедных лентами, а у богатых позументами, сверх коих душегрейки, это все покрывается кафтаном мужеским русским сборами. На головах носят бабы кички, покрываясь белыми кисейными, флиоровыми и шелковыми покрывалами, подвязывая оные кругом шеи и опуская концы назад, а девки на головах носят венцы и повязки. По открытии ж наместничества многие купеческие жены и девки стали одеваться в кофты и юбки с принадлежащими к тому приборами и на головах стали носить платки».

Не менее интересны и воспоминания Е.А. Авдеевой, жившей в Курске в 1820–х гг. «Большая половина жителей Курска ходит в *Русском* платье, но многие женщины из купеческого и мещанского сословий, в так называемом ими *Немецком*, то есть, носят на голове вместо кички платок. Теперь во многих купеческих домах женщины и

Курские женщины из «Альбома К.М. Бороздина». 1809–1810 гг. Художник Д.И. Иванов (по А.И. Раздорскому, 2010). Верхний ряд (слева направо):

«Девушка города Курска. На голове у ней надета повязка. Повязки сии носят оне до двенадцатилетнего возраста, а с сего времени начинают уже надевать венец».

«Курская девушка в венце. На шее у ней под жемчужными нитками надето род ожерелья называемое ими перединкою. Заметить должно, что перединки сии носили прежде лет за пятьдесят назад, а ныне оне уже не в употреблении».

Нижний ряд: Курская женщина в повойнике.

девицы оставили и *Русскую* и *Немецкую* одежду: одеваются, как и везде, в длинные платья, носят шляпки и чепчики; потому из иной свадьбы, или в каком нибудь собрании, увидите женщин в разных костюмах, что походит несколько на маскерад. Мужчины одеваются в Русское платье, оставляют бороду, волосы обстригают в кружок; только и тут есть нововведение: некоторые носят галстухи и подстригают немного бороду, и весьма редко встретите старинную стрижку Русскую, т.е. темя выстреженное, с опущенными по краям волосами. Русская женская одежда Курская отлична от одежды других мест России. Все–дневную одежду составляет *сарафан*, который называют в Курске *шубкою*, а если он суконный, то *сукнею*, рубашка делается с широкими рукавами, с узкими запястьями и высоким воротником, застёгнутым запанкою; на голове *повойник*, похожий на Павловскую гренадёрскую шапку; сарафан подпоясывается шелковым кушаком. Летом при такой одежде, когда выходят со двора, покрывают голову платком сверх повойника и надевают *кафтан*; будничный бывает нанковый, или китайчатый, а праздничный шелковый, из какой нибудь материи, по большей части малиновый *штофный*. Парадный наряд составляет также сарафан, но только штофный, или парчевой; рубашка бывает тонкой кисеи, вышитая в узор; по сарафану подпоясываются кушаком *Персидским*, с золотом; сверх сарафана надевают ещё парчевую душегрейку, которую называют *полушубком*; на голове бывает кокошник, похожий на древний русский клобук, из парчи, или из бархата, но материи почти не видно, потому что кокошник бывает весь обшит золотым позументом; сзади подвязывают к нему *подзатыльник*, нанизанный жемчугом с каменьями, иногда настоящими, а чаще поддельными. Прежде, когда во всех богатых домах носили Русскую одежду, кокошники низали дорогим жемчугом, с каменьями и такой кокошник стоил иногда более 1000 рублей. На шею надевают жемчуг, янтари и серебряную вызолоченную цепочку, на которой висит крест. Таков наряд Русской женщины в Курске. Когда выходят со двора или в гости, парадно, то надевают на описанный наряд кафтан, а сверху кокошника повязывают тогда кисею особенным манером, обмотав концы около шеи и распуская их по спине. Наряд девиц отличается повязкою из позумента и косою, искусно заплетённою и украшенною лентами. Серьги носят жемчужные, с каменьями, вынизанные разными манерами. Лет около 20–ти тому, как ввелись в одежде русской изменения. Теперь многие женщины, носящие Русское платье, дома и запросто выходят в ситцевых *саянах*; это уже не сарафан, но однакож и не длинное платье, а просто *юбка*, которая подходит под самые плечи и держится на плечах лентами; сверх него надевают *фартук*, ситцовый или кисейный, обшитый лентами, но в таком варианте нельзя выйти летом без кафтана, а зимой надевают коротенькую шубу или длинную, смотря по погоде. Женщины, которые ходят по *Немецки*, т.е. в платках, одеваются в платья шелковые и кисейные, обшитые кружевом и лентами; повязывают их особенным манером так, что они составляют треугольник. Салопы летние, вместо воротника, обшиты вверху маншетами из той же материи. Шубы носят без мехового воротника, с капюшоном, какие делывали прежде у салопов; капюшон и вся шуба опушены мехом.

Все девицы в Курске, выключая дворян, ведут жизнь совершенно затворническую; не только никуда они не показываюся, даже редко ходят и в церковь. Но ведь девушка не домашний товар: где же может увидеть её суженый? Для того есть особый манер *показать невесту*. Трудно поверить, что прежде выдавали замуж девиц 15 и 14–ти лет, и чем невеста была моложе, тем более было похвалы. Обыкновенно говаривали и хорошенькой девушке: «Красавица, дородница — не засидится в девках!». Благодаря мудрому закону, зло ранних браков прекращено. Прежде, когда девушке наступало лет 15–ть, то её начинали, говоря по Курски, *невестить*: шьют ей бывало, нарядное платье, и в праздничные дни, выключая ненастье и мороза, позволялось ей выходить за ворота, в сопровождении старушки родственницы; тут девушка садится на лавочку у ворот и смотрит на проходящих. Осенью на такое сиденье девушки берут, бывало, с собой подсолнечник, которого зерна любят лущить и есть, или кедровые орехи, и как почти все женщины и девушки выходили на улицу, то тут могли они толковать обо всем — девицы о нарядах и рукодельи, а замужние о детях, мужьях и своем житье–бытье. Неженатые молодцы могли между тем ходить и *высматривать* невест. Ещё можно было видеть девушку, дочь мещанина, или цехового, когда она носит воду с реки, то есть, одевшись опрятно и взявши коромысло с двумя вёдрами на плечи, идёт за водой, помогая в работе матери... В последние 20–ть лет во многом изменилась жизнь домашняя и внешняя, много оставлено, так, что кажется, скоро не останется даже следов прежнего быта».

Слова Е.А. Авдеевой оказались пророческими. Описываемый ею город почти полностью исчез под беспощадным натиском времени. Лишь немногочисленные воспоминания современников, архивные документы, материалы археологических раскопок, старинные картины, гравюры и акварели дают нам возможность представить жизнь Курска и его обитателей в один из важнейших переходных периодов его истории — превращения из южнорусской пограничной крепости в столицу одной из губерний Российской империи.

Курская мещанка в старинном костюме. Художник Г.С. Седов. 1871 г.

ГЕРАЛЬДИКА КУРСКОГО КРАЯ

Самыми древними гербами городов, в разное время находившихся в пределах Курского края, являются гербы Курска, Белгорода, Рыльска и Путивля. Они появились в 1730 г. благодаря преобразованиям ландмилицейских полков.

Эти полки были сформированы Петром I в 1723 г. из однодворцев Киевской и Воронежской губерний, в основном проживавших в пределах современных Курской, Белгородской, Воронежской и Тамбовской областей России. Первоначально, как и многие другие русские соединения, полки назывались по фамилиям своих командиров, однако уже Петр I намеревался изменить этот обычай и дать воинским подразделениям имена областей, в которых они располагались. Об этом свидетельствует сообщение Военной коллегии от 1727 г., согласно которому в 1724 году «по указу… Его Императорского Величества… когда все полки действительно квартиры примут, тогда всех велено именовать по провинциям тех квартир… Имена полкам дать и гербы полковые на знаменах изобразить тех провинций, в которых кои полки расположатся».

Однако осуществился этот замысел уже при наследниках Петра Великого.

В 1727 г. император Петр II 6 ноября издает указ «Об именовании ландмилицких полков по названию городов, а не по фамилиям полковых начальников». Согласно указу «как полевые, так и гарнизонные и ландмилицкие полки, кои поныне состояли под именами полковников, писать по городам». Важной особенностью указа было то, что помимо переименования полков он предписывал сделать гербы полков официальными гербами городов, чьи имена эти полки носили: «а которых городов, как у прежних, так и вновь именованных полков гербов не было, те учинить вновь Герольдмейстеру и для апробации объявить в нашем Верховном Тайном Совете, а как апробированы будут, тогда сделать печати, которыми Губернаторам и Воеводам все отписки, доношения и прочие отправляемые письма, кроме партикулярных *[частных. — А.Ш.]*, печатать».

11 июля 1728 г. Военная коллегия поручает генералу *Бурхарду Христофу фон Миниху* (в России — Христофор Антонович) начать работу по созданию городовых гербов и «для того рисования определить к нему… живописца Андрея Баранова, которому… дать за работу и на краски и александрийскую бумагу *[качественная бумага большого размера для рисования или черчения. — А.Ш.]* за каждый герб по пятнадцати копеек». Спустя почти два года работа была завершена созданием *«Гербовника знамен»* (т.н. «Гербовник Миниха»), и 8 марта 1730 года Сенат по повелению императрицы Анны Иоанновны утвердил находящиеся в нем изображения городовых гербов для размещения на знамена полевых, гарнизонных и ландмилицейских войск.

На утвержденном этим указом гербе Курского ландмилицейского полка были изображены «3 куропатки натуральные летящие в синем поле наискось, а по обеим сторонам белые поля». Вероятно, в основу герба было положено соотнесение имени Курска, получившего его от протекающей по городу реки Кур, со среднерусской белой куропаткой.

Герб размещался на овальном щите, обрамленном золотым картушем. Его венчала золотая «земельная» корона с семью видимыми зубцами, шесть из которых были остроконечными, а седьмой (средний) заканчивался трилистником. Такой тип короны использовался для обозначения русских губерний и провинций, не имевших в древности статуса царства или княжества.

Герб г. Курска. 1730 г. «Гербовник знамён».

В «Гербовнике» также был помещен и проект знамени «Украинной дивизии Курского ландмилиционного пехотного полка», представлявшего собой прямоугольное полотнище из чередующихся поперечных зеленых (3) и белых (2) полос с наложенным в середине курским гербом и красными треугольными вставками с вензелем Екатерины I по углам.

Герб Путивльского ландмилицейского полка — «поле сверху белое, а снизу желтое, в середине сукно красное с черным, на сукне 2 челнока золотые с цевками *[полые трубочки для наматывания ниток. — А.Ш.]* красными» символически был связан с основанной в 1719 г. Путивльской суконной мануфактурой, располагавшейся в современном пгт. Глушково Курской области. Герб помещен на овальном щите, обрамленном золотым картушем и увенчанном золотой «земельной» короной.

Герб Рыльского ландмилицейского полка — «на желтом поле черная кабанья голова», вероятно, появившаяся благодаря протекающей в окрестностях города р. Рыло. Герб помещен на овальном щите, обрамленном серебряным картушем и увенчанном серебряной «земельной» короной. В нижней части страницы сделана подпись: «Рисовал сей герб полевой артиллерии сержант Александр Чирков».

По предположению историка–геральдиста Г.В. Калашникова, сержант Чирков мог быть не только рисовальщиком, но и автором герба. «Сам рисунок весьма живописен, тонко и со вкусом проработан. По манере исполнения он не слишком геральдичен (художник не пользуется традиционной в геральдике манерой условно–достоверного изображения фигур: когда животные, с одной стороны, изображаются узнаваемо, с другой — в достаточно условной манере, с четкими, резкими контурами), напротив, отличается чертами профессиональной анималистической изобразительной манеры. Кабанья голова изображена с претензией на реалистичность: она черно–коричневого (бурого), а не черного, как предписано описанием герба, цвета, с тщательно проработанным изображением щетины. Вместе с тем художник, безусловно, знаком с азами геральдического художества, вероятно, более по «насматриванию» материала, чем по его профессиональному преподаванию: в рисунке явно чувствуется стремление следовать канонам геральдического художества без четкого понимания того, зачем эти каноны установлены. Голова поставлена вертикально на шейный срез. Акцентированы и выделены цветом глаза, клык; пасть открыта и также акцентирована цветом, в пасти подчеркнутый «живой» красный (червленый) язык. Голова намеренно понижена в щите, дабы композиционно акцентировать внимание не собственно на голове, а на важнейшем в данном случае ее геральдическом элементе: рыле. Рыло вытянутое, утолщенное, с подчеркнутым цветом и немного неправильной перспективы пятачком. Композиционно герб решен образцово. Геральдически — небезупречно: из–за натуралистичности рисунка герб не слишком хорошо читается и воспринимается слишком живо, эмоционально».

На гербе Белгородского полка был изображен «лев лежачий желтый, а над ним орел черный одноглавый, под ним земля зеленая, поле синее». Герб помещен на овальном щите, обрамленном золотым картушем и увенчанном золотой «территориальной» короной с пятью видимыми зубцами, два из которых — остроконечные с круглыми навершиями, а три — в виде листьев. Такие короны обычно венчали городские гербы.

В описании отмечено, что герб «старый». Это значит, что он появился ещё во времена Петра I, когда согласно указу от 10 марта 1708 г. 34 пе-

Проект знамени Украинной дивизии Курского ландмилиционного пехотного полка. 1730 г. «Гербовник знамён». Украинными (окраинными) в XV–XVIII вв. называли пограничные земли Русского государства. Территории современной Северной и Центральной Украины в XVII–XVIII вв. обычно называли Гетманщиной или Малороссией.

хотным полкам были присвоены имена русских городов, а на ротных их знаменах в обязательном порядке стали изображаться их гербы. Если город или провинция не имели своего герба, эмблему выбирали из популярной в то время книги «Символы и эмблемы».

Вероятно, одним из таких заимствованных символов или его переосмыслением и стал герб, помещенный на знамена Белгородского пехотного полка. Согласно описи полкового имущества, в 1712 г. полк получил «семь знамен цветами чёрной да зеленой камки наперекрест, меж ими полосы красные, прошиты желтым, писан золотом лев от орла бежит».

Интересно отметить, что эти знамена несколько отличались от образца, помещенного в *«Гербовой книге»*, созданной в конце 1700 — начале 1710–х годов и служившей руководством при создании знамен петровской армии. Образцовое знамя было «черное с зеленым, пересеченное крестом из зеленых и синих полос, с изображением в верхнем углу, у древка, золотого льва и над ним орла. В середине — золотая четырехконечная звезда».

Утвержденный в 1730 г. белгородский герб, повторяя прежний в общем, отличался от него важными деталями — лев теперь был повернут влево и лежал, орел стал черным и располагался в середине верхней части щита, а не в его левом верхнем углу.

Следующий этап создания курской городской геральдики приходится на правление императрицы Екатерины II.

8 января 1780 г. она подписывает закон *«О гербах городам Курского наместничества»*. Согласно ему, «Курская Провинция учреждена Наместничеством, и к оному приписаны города. Но как они по новому их учреждению гербов не имели, то по приказанию Сената в должности Герольдмейстера Действительным Статским Советником Волковым для оных городов сочинены гербы и представлены Сенату…

I. Город *Курск* имеет старый герб. В серебряном поле синяя полоса и на оной три летящие куропатки. Сие внесено и во все гербы в первую часть щита принадлежащие Курскому Наместничеству.

II. *Суджи*. Во второй части щита сидящий в тростнике серый дикий гусь в серебряном поле означающий великое в таковых птицах изобилие.

III. *Нового Оскола.* Во второй части щита три большие рыбы называемые вырезуб, ловящиеся в реке Осколе, каковых в других реках нигде не находится.

IV. *Дмитриевска*. Во второй части щита пять горок называемые сопки в зеленом поле, каковыми натура оный город от прочих отличила.

V. *Льгова*. Во второй части щита птица драхва [дрофа], которых в окрестностях сего города плодится много.

VI. *Обояни*. Во второй части щита зверок называемый хорек, в золотом поле по той причине, что таковых множество в окрестностях оного города ловится.

VII. *Корочи.* Во второй части щита большие яблоки в серебряном поле для того, что сей город оными производит торг довольно знатный.

VIII. *Богатенска*. Разделенный щит надвое, из которых в первой части в зеленом поле золотые грабли, а в другой в красном поле ружье.

IX. *Фатежа*. Разделенный щит надвое, из которых в первом в красном поле ружье, а во втором в зеленом поле золотая борона.

X. *Тимска*. Разделенный щит надвое, в одной части в красном поле ружье, а в другом в зеленом поле золотая коса.

Изображение знамени Белгородского пехотного полка в «Гербовнике старом, по которым имеются знамёна». Конец 1700 — начало 1710–х гг. (по К.В. Татарникову, 2012).

Проект знамени Белгородского пехотного полка в «Гербовнике, который рисовал Сантий». 1725–1727 гг. (по К.В. Татарникову, 2012).

Старинные гербы городов Курского края по «Гербовнику знамён» 1730 г. Сверху вниз: г. Белгород, г. Рыльск, г. Путивль.

Гербы городов Курского наместничества, утверждённые Екатериной II в 1780 г.

Верхний ряд (слева направо): г. Суджа, г. Льгов, г. Дмитриев.

Нижний ряд (слева направо): г. Обоянь, г. Короча, г. Новый Оскол.

XI. *Щигры*. Разделенный щит надвое, в одной части в красном поле ружье, а в другом в зеленом поле золотой серп.

XII. *Старого Оскола*. Разделенный щит надвое, в одной части в красном поле ружье, а в другом в зеленом поле золотая соха.

Из вышеписанных последние пять гербов сделаны так для того, что в оных селениях жители суть старинные воины упражняющиеся в свободное время в хлебопашестве, чего для и в гербах сих военное орудие с орудиями тщательного хлебопашца соединено».

Три уездных города Курской губернии — *Путивль, Рыльск* и *Белгород* в этом описании не упоминались, т.к. они вместе с Курском имели «старые» гербы, утвержденные ещё в 1730 году.

Указом Павла I от 12 декабря 1796 г. *«О новом разделении государства на губернии»* было ликвидировано Харьковское наместничество, вместо которого император велел «Слободско–Украинскую губернию восстановить в те точно границы, в каковых она в 1765 году устроена была, приписав к ней отшедшие и отчисля к другим приписанные к ней после того места».

Гербы городов Курского наместничества, утверждённые Екатериной II в 1780 г.

Верхний ряд (слева направо): г. Богатый, г. Щигры, г. Старый Оскол.

Нижний ряд (слева направо): г. Тим, г. Фатеж.

Мундир дворянина Курского наместничества. 1784 г.

По этому указу ранее входившие в состав Белгородской губернии города *Хотмыжск* и *Мирополье* в 1797 г. были переданы Курской губернии с сохранением ранее утверждённых для них гербов.

24 апреля 1802 г. город Хотмыжск становится уездным центром вместо г. Богатого, однако уже 23 марта 1838 г. центр уезда переносится в бывшую казенную слободу г. Грайворон, а уезд переименовывается в Грайворонский. 25 октября 1841 г. императором Николаем I утверждается официальный герб г. *Грайворона*: «Щит, разделенный на две равные части: верхняя из них заключает в себе герб губернского города Курска, а нижняя имеет в золотом поле летящего в правую сторону черного ворона, с распростертыми в диагональном положении крыльями».

В 1854 г. утверждается официальный герб г. Путивля. В указе Александра II от 6 октября дается его описание: «щит разделен на две части: в верхней изображен Курский губернский герб, а в нижней, золотой, червленого цвета горизонтальная полоса, на коей две золотые цевки *[полые палочки для наматывания ниток. — А.Ш.]*; щит украшен золотою городскою короною». При неизменности основного элемента утвержденный в 1854 г. герб г. Путивля отличался от герба 1730 г. расположением полос (в 1730 г. — наклонное, в 1854 г. — продольное) и цветом щита (в 1730 г. — золотой и серебряный, в 1854 г. — золотой).

Спустя три года Александр II проводит общероссийскую геральдическую реформу, разработанную специалистом гербового отделения Геральдического департамента Сената коллежским советником *Бернгардом Карлом фон Кёне* (в России — Борис Васильевич). Целью утвержденной указом от 4 июля 1857 г. реформы было установление единообразной системы изображения губернских и городских гербов.

Опираясь на правила европейской геральдики, Б.В. Кёне предложил герб губернии помещать в правом (т.е. слева от зрителя) верхнем углу щита, в так называемой «вольной части» (не несущей какой–либо фигуры) городского герба; в крайнем случае, если правая часть была занята — в его левой (т.е. справа от зрителя) части.

Вводились атрибуты, указывающие на статус города в административно–территориальной системе империи. Императорская корона поверх щита предназначалась для губерний и столиц; древняя царская корона — для уездов и областей; шапка Мономаха — для бывших столиц русских княжеств; золотая башенная корона о пяти зубцах — для городов, имеющих более 50 000 жителей; серебряная корона с тремя зубцами — имеющих менее 50 000 жителей; червленая башенная корона о трех зубцах — для заштатных городов. Короны, дополненные двуглавым орлом, означали города–крепости.

Перекрещенные за гербом императорские скипетры символизировали столицы или города, в которых размещались императорские резиденции (Петергоф, Царское Село и Гатчина). Помещенные вокруг щитов дубовые листья, перевитые голубой лентою ордена Св. Андрея Первозванного, обозначали столицы губерний и областей. Перевитые красной лентой ордена Св. Александра Невского парные предметы, перекрещенные за щитами обычных городов, говорили о занятиях их жителей. Золотые молотки указывали на промышленные города, золотые колосья — столицы земледельческих областей, золотые якоря — приморские города, золотые виноградные лозы — города, развивавшие виноделие, серебряные кирки — центры горных промыслов, знамена — крепости.

Окончательный вариант герба Курской губернии утверждается Александром II 5 июля 1878 г. Согласно императорскому указу курский герб вы-

Мундир дворянина Курской губернии. 1798 г.

Гербы Мирополья (слева) и Хотмыжска после 1797 г.

Официальное изображение герба Курской губернии. 1878 г.

Пуговицы с изображением герба Курской губернии. XIX в.

глядел следующим образом: «В серебряном щите лазуревая перевязь, обремененная тремя серебряными же летящими куропатками. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою». Именно этот герб лежит в основе герба современной Курской области, утвержденного Законом *«О гербе и флаге Курской области»*, принятым Курской областной Думой 17 декабря 1996 г.

Поскольку курский герб со времени своего первого утверждения в 1730 г. не претерпел никаких изменений, он является одним из старейших городских гербов современной России, отметившим в 2015 г. свое 285–летие.

Гербы ещё двух курских городов — Белгорода и Рыльска были окончательно утверждены только в конце XIX в.

Гербы курских уездных городов, официально утверждённые во 2–й половине XIX в. Слева направо: г. Путивль. 1854 г., г. Белгород. 1893 г., г. Рыльск. 1893 г.

Согласно историку–геральдисту Г.В. Калашникову, причиной этому стало сообщение курского губернатора А.Д. Милютина в Министерство внутренних дел о том, что городские управы Рыльска и Белгорода пользуются печатями с официально неутвержденными гербами. Прошение было рассмотрено, и 21 июля 1893 года император Александр III утверждает белгородский и рыльский гербы.

Герб уездного города Белгорода был следующим: «В лазуревом щите золотой с червлеными глазами и языком лев, сопровождаемый сверху парящим серебряным орлом с золотыми клювом, глазами и когтями; в вольной части герб Курской губернии. Щит увенчан серебряною башенною о трех зубцах короною. За щитом два накрест положенные золотые молотка, соединенные Александровскою лентою».

Герб уездного города Рыльска: «В золотом щите черная отрезанная кабанья голова, с червлеными глазами и языком и серебряными клыками; в вольной части герб Курской губернии. Щит увенчан серебряною башенною о трех зубцах короною. За щитом два накрест положенные золотые молотка, соединенные Александровскою лентою».

Помимо городских гербов, геральдическую нагрузку несли на себе официальные костюмы губернского чиновничества и дворянства.

В 1781 г. Екатерина II указом от 24 октября вводит для русских дворян особые губернские мундиры. По распоряжению императрицы, т.к. «присвоены для каждой губернии одинаковые цветы для платья, то и дозволяется носить таких же цветов платье не только при должностях находящимся, но всему дворянству той губернии обоего пола, с тем, что могут они в таковом одинаковом платье иметь приезд и в столицах во все публичные места и ко двору Ея Величества. Всемилостивейшая Государыня предполагать изволит, что сие Высочайшее дозволение толь приятнее всем будет, поколику служит оно к сбережению собственного их достатка на лучшее и полезнейшее и к отвращению разорительной роскоши». Историк Л.Е. Шепелев отмечает, что указ не определял фасон платья. «Имелось в виду, что он будет соответствовать моде того времени: кафтан, камзол, короткие штаны с застежкой под коленями, белые чулки, туфли, черная треугольная шляпа и шпага как атрибут дворянства. Основными элементами дамского платья были жакет (кафтан) и широкая юбка до пят».

9 апреля 1784 г. Екатерина II издает уточняющий указ *«О мундирах для дворян и губернских чиновников»*: «Позволив указом Нашим от 23 октября 1782 года объявленным, присвоить в каждом Наместничестве особые цвета для платья… Мы ныне разсудили за благо назначить оные цвета по трем полосам Империи Нашей, с отменами и различиями для каждой Губернии, взаимствованными болшею частию из гербов ими употребляемых». Северным губерниям (включая Петербургскую) был дан светло–синий цвет, губерниям средней полосы (включая Московскую) — красный и южным губерниям (включая Киевскую) — тёмно–вишневый. Курский мундир включал в себя «красный кафтан с голубым воротником и косыми обшлагами, с 4 на разрезе пуговицами; подбой и камзол белые, пуговицы белые». Во всех официальных случаях ношение мундиров было обязательно.

В том же 1784 г. рисунки губернского форменного платья были опубликованы в особой книге–альбоме. На каждом листе давалось изображение фигуры в мундире, а внизу — губернского герба. В 1794 году эти рисунки повторно издали в виде альбома *«Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров»*.

С воцарением Павла I указом от 15 февраля 1797 г. устанавливается система «губернских статских мундиров» с единым покроем и цветом кафтанов — темно–зеленого сукна, однобортных, с отложным воротником, без лацканов. Для отличия губерний теперь служили лишь расцветка воротника и обшлагов, которые, как это специально разъяснялось, должны были быть «тех цветов, какие заключаются в губернских гербах» (имелся в виду цвет гербового щита). Таких цветов было пять: красный, белый, голубой, палевый и светло–зеленый. Штаны, как и прежде, полагались одного цвета с камзолом. На желтых или белых пуговицах изображался губернский герб. Были утверждены «образцы таковых мундиров», разосланные затем «ко введению в употребление как служащим в губернских штатах, так и имеющим свои поместья». В 1798 г. их рисунки, как и в 1784 г., были опубликованы в книге–альбоме *«Изображение всех статских мундиров для всех губерний»*. Помещенный в этом альбоме мундир Курской губернии был следующим: «Воротник и обшлага суконные голубые, подкладка того же цвету, камзол и штаны палевые, пуговицы желтые».

Согласно историку Л.Е. Шепелеву, в таком виде губернские мундиры просуществовали вплоть до восшествия на престол Александра I. В первые годы его царствования вместо прежних «немецких» кафтанов с отложным воротником вводятся «французские» со стоячим воротником и с вырезом юбки кафтана спереди.

К 1805 г. мундиры всех губерний были заменены новыми двух несколько различающихся покроев: один — с косым (наклонным) разрезом карманов с 4 пуговицами и таким же количеством пуговиц вдоль по рукаву выше обшлагов, другой — с горизонтальными клапанами карманов с 3 пуговицами и 2 пуговицами на обшлагах (те и другие карманы — сзади). Переход на новый фасон мундира закрепил указ от 3 августа 1809 г. Устанавливалось, что губернский кафтан сохранял тёмно–зелёный цвет с зелёной же подкладкой (для Петербургской

губернии — красной); «камзол и исподница» (в данном случае — штаны) должны быть белыми. «Прочие же между губерниями различия, — разъяснялось в указе, — состоят в воротниках, обшлагах, выпусках или опушках». В зависимости от цвета воротника и обшлагов устанавливалось восемь «разборов» (групп) мундиров: красный, голубой, светло— и тёмно–зелёный, чёрный, тёмно–синий, фиолетовый, малиновый и оранжевый.

В апреле 1824 г. цветовые различия губернских мундиров несколько изменили «сообразно разделению губерний на округи управления генерал–губернаторов». Красные воротники и обшлага остались на мундирах Петербургской и Московской губерний. Широкое распространение получили «опушки» по воротнику, обшлагам и бортам мундиров. Осенью того же года закон о реорганизации купеческих гильдий предоставил право носить губернские мундиры со шпагой купцам первой гильдии — не дворянам. По закону они «составляли особый класс почётных людей в государстве». Право на мундир считалось особой привилегией купечества. Купцу полагался «мундир той губернии, где он записан». Лишь в середине 1854 г. купеческие мундиры стали отличаться от дворянских: с тёмно–зелёным воротником и обшлагами, отделанными красным кантом. Губернская принадлежность купеческих мундиров определялась по пуговицам, на которых обозначались название губернии и герб.

1 января 1831 г. различие между мундирами разных губерний по цвету воротников и обшлагов было ликвидировано: отныне их начали кроить из красного сукна. Отличие мундиров разных губерний теперь заключалось лишь в чеканке на пуговицах, изображавшей герб и наименование губернии. Все пуговицы были одного «золотого» цвета, т.е. делались из жёлтого металла.

Законом от 1 мая 1832 г. *«О введении по всему государству дворянских мундиров»* эти мундиры выделили из всей массы губернских мундиров и реформировали. Несколько изменили их фасон, ввели золотое шитье общего для всех губерний рисунка. Вместо трёх пуговиц на обшлагах полагалось лишь две, с изображением увенчанного императорской короной герба губернии и её названием под щитом. К парадному мундиру и сюртуку полагалась шпага. Все эти новшества подтвердил закон от 27 февраля 1834 года, установивший общую систему всех гражданских мундиров в империи и включавший особый раздел «О дворянских губернских мундирах».

В 1862 г., в начале царствования Александра II, парадный мундир приобрёл полную юбку, а сюртук стал двубортным и получил отложной воротник, что позволило носить его с расстегнутым воротом. На мундирах, фраках и сюртуках сохранялись медные матовые выпуклые пуговицы с губернскими гербами. В таком виде дворянская форменная одежда просуществовала фактически до Февральской революции 1917 г.

Единственное существенное дополнение к ней относится к апрелю 1913 г. Тогда дворянам разрешили в летнее время «вместо установленных полукафтанов при треугольной шляпе носить… белый летний двубортный сюртук с золотыми пуговицами с гербом империи под императорской короной и фуражку с красным околышем при белом чехле».

Изображения губернских гербов во 2–й половине XIX — начале XX вв. также помещали на кокардах полицейских, знаках должностных лиц, официальных и общественных организаций.

Должностные знаки с гербом Курской губернии. 2–я половина XIX — начало XX вв.

ОТ УЕЗДА К ГУБЕРНИИ

Административно–территориальные реформы в Курском крае XVIII века

В череде потрясших до основания весь прежний уклад русской жизни реформ Петра Великого одними из самых значительных стали преобразования административно–территориального устройства России. Согласно П. Мрочеку–Дроздовскому, их целью было создание строго централизованной вертикали государственного управления, в которой работают получающие жалование чиновники–исполнители. Новая модель управления должна была сменить старую систему приказов с их часто пересекающимися полномочиями и назначением воевод на «кормление», то есть обеспечением их за счет подвластной земли или города.

Первая попытка административного разделения России была предпринята Петром I в 1707 г. Указом от 18 декабря царь предписывал создать 5 *округов* и расписать все города Европейской России, «кроме тех, которые в 100 верстах от Москвы» к Киеву, Смоленску, Азову, Казани и Архангельску.

По этому указу Курск был приписан к *Киевскому округу*, фактически появившемуся почти за год до этого, когда 10 февраля 1707 г.: «Великий государь указал: Киев, тако ж и прочие замки в Черкасских городах, в которых Русские Воеводы, приписать к Белугороду; и из Белагорода Комнатному Стольнику и Воеводе Князю Дмитрию Княж Михайлову сыну Голицыну осмотря их, быть к весне в Киев, где много исправления требует; и для того ему Белогородским разрядом то исправлять; а за честь Киевскаго места, писать его Князя Дмитрия, Воеводою Киевским, а не Белогородским; и ведать Белгород со всем разрядом ему ж, князю Дмитрию, а Киев с прочими замки Черкасскими взять в Розряд». В этом документе интересно то, что Киев «приписывается» к Белгороду и включается в состав городов, подчиненных Белгородскому Разряду, а правитель нового административного образования получает титул «воеводы киевского» только из–за исторически более высокого статуса («за честь киевскаго места») подчиненного его власти города.

На следующий год указом от 9 декабря 1708 г. Россия делится на 8 *губерний*: Московскую, Ингерманландскую (с 1710 г. Санкт–Петербургскую), Киевскую, Смоленскую, Казанскую, Азовскую, Архангелогородскую и Сибирскую. Курск входит в состав *Киевской губернии*, полностью или частично включавшей в себя современные Курскую, Белгородскую, Брянскую, Калужскую, Орловскую

и Тульскую области России, а также современные Киевскую, Черниговскую, Сумскую и Харьковскую области Украины.

Поскольку управление такими огромными областями, какими являлись учрежденные в 1708 г. губернии, было делом весьма непростым, вскоре в составе некоторых из них возникли новые административно–территориальные единицы — *провинции*, занявшие промежуточное положение между губернией и городами с прилегающими к ним округами. Киевская губерния в 1718 г. состояла из 10 провинций: Севской, Белгородской, Курской, Брянской, Карачевской, Белевской, Орловской, Обоянской, Старооскольской и Ливенской.

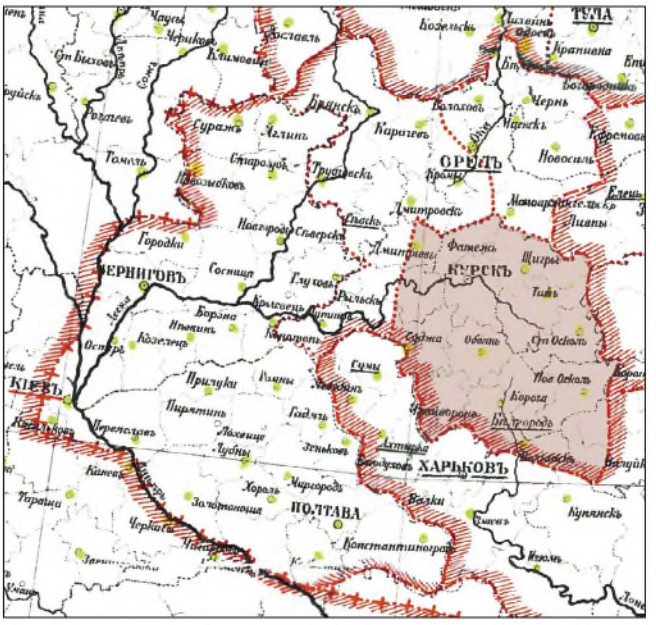
По мнению А.И. Раздорского, пределы ново–образованной *Курской провинции* ограничивались лишь территорией самого Курского уезда, то есть фактически ему был просто придан более высокий провинциальный статус без приписки к нему других прилегающих уездов, как это происходило в случае с большинством других провинций. Годом образования Курской провинции исследователь считает 1712 г., поскольку именно его С.И. Ларионов указывает в своем «Описании Курского наместничества» (1786 г.) как год учреждения в Курске самостоятельной губернской канцелярии, т.е. канцелярии отдельной провинции.

Судьба других современных курских городов была различна: Рыльск вошел в состав Севской провинции, а Обоянь наравне с Курском получила статус провинциального центра.

Согласно М.М. Озерову и И.П. Бабину, с 1712 по 1719 г. в состав *Обоянской провинции* входили Обоянь, Суджа, Мирополье, Путивль, Каменный, Яблонов с уездами, а также отдельный город — Недригайлов. Таким образом, Обоянская провинция занимала почти все междуречье левых притоков Днепра, Сейма и Псла, протянувшись узкой полосой с востока на запад, огибая город Сумы с его уездом. На востоке она граничила с *Оскольской*, на западе — с *Севской*, на севере — с *Курской*, на юге — с *Белгородской* провинциями Киевской губернии.

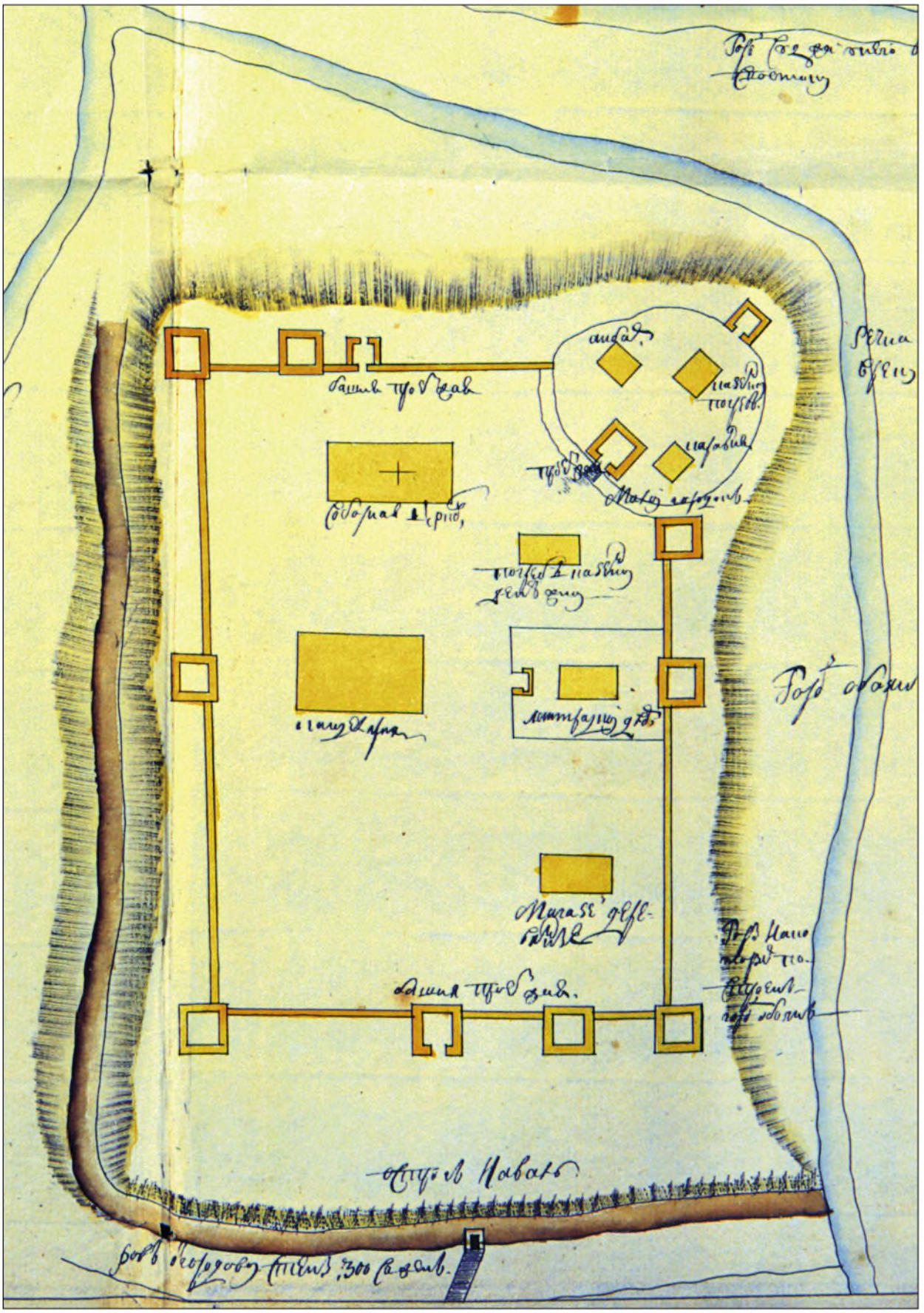
В 1710 г. для облегчения сбора налогов и выполнения повинностей указом от 14 октября губернии были дополнительно разделены на *доли* — территории, обычно насчитывающие по 5536 тяглых дворов. Самое большое число долей насчитывалось в Московской губернии — 44,5, самое маленькое в Киевской губернии — 5 долей.

Высшей исполнительной властью в губерниях были *губернаторы* (в пограничных губерниях — генерал–губернаторы). Это были полновластные правители, соединявшие в своих руках военные, судебные, полицейские и административные полномочия. Первым киевским губернатором стал князь *Дмитрий Михайлович Голицын*, правивший с 1707 по 1719 гг., его сменил сенатор и князь



Курский край в составе Киевской губернии. Карта. 1720–1727 гг. (по Ю.В. Готье, 1913).

Курский край в составе Белгородской губернии. Карта. 1727 г. (по Ю.В. Готье, 1913).



План города Обояни — столицы Обоянской провинции.
Между 1712 и 1719 гг. (по М.М. Озерову, И.П. Бабину, 2013).

Петр Алексеевич Голицын, преемником которого в 1723 г. был назначен генерал–аншеф и кавалер князь *Иван Юрьевич Трубецкой*.

Вторым лицом в губернии был *вице–губернатор*, который находился при губернаторе в качестве помощника и руководителя отдельных направлений общего губернского управления. Иногда вице–губернаторы могли управлять отдельными частями губернии или, в отсутствии губернатора, губернией целиком.

Провинции возглавлялись *обер–комендантами*, а входящими в них городами управляли *коменданты*. Руководя местными гарнизонами, они соединяли в своих руках не только военную власть, но и были правителями города и его округи. Таким образом, в ведении комендантов находились вопросы военного, административного, полицейского и финансового управления, а также суда на подведомственных им территориях. По С.И. Ларионову, первым комендантом Курской провинции в 1712 г., вероятно, был полковник *Григорий Алексеевич Калтовский*, а «городовое правление» в 1713–1715 гг. имел стольник и обер–комиссар *Иван Иванович Вельяминов–Зернов*.

Судебную деятельность в губерниях выполняли *обер–ландрихтеры* и *ландрихтеры*, независимость которых была обеспечена тем, что они сами и их имения были изъяты из власти губернаторов, а подотчетны и подсудны они были только Сенату. В 1720 г. в значительных городах учреждены были *Надворные суды* для дел гражданских и уголовных, являвшиеся высшей судебной инстанцией в губернском управлении. Среднюю инстанцию составлял *Провинциальный суд* и последнюю — *Нижний городовой суд*. Должности руководителей Надворных судов исполняли обер–ландрихтеры. В Киевской губернии статус судебной столицы был предоставлен Курску, вероятно, как одному из её самых крупных городов. Согласно С.И. Ларионову, суд был учрежден в 1719 г. и существовал вплоть до 1727 г., до упразднения Киевской губернии. Первым судьей Курского Надворного суда стал стольник *Иван Григорьевич Липунов*.

Указом от 24 апреля 1713 г. Петр I вводит должность *ландрата*, который возглавляет долю, управляет земскими делами, проводит переписи, обеспечивает исполнение различных повинностей и сборов. По этому указу число ландратов зависело от размеров губернии — в больших губерниях утверждалось по 12 ландратов, в средних — по 10, в маленьких — по 8, а их главная обязанность заключалась в том, чтобы «все дела с губернатором делать и подписывать и губернатор у них не яко властитель, но яко президент, и иметь оному только два голоса, а прочим по одному, и никакого дела без оных не делать». Помощниками ландратов были *ландратские комиссары*, собиравшие и записывавшие все казенные доходы, кроме пошлин.

Первоначально ландраты утверждались Сенатом из двух представленных местным губернатором кандидатур, однако уже указом от 20 января 1714 г. Петр I указал ландратов «выбирать в каждом городе или провинции всеми дворянами за их руками», а заверенные подписями избирателей итоги выборов посылались на утверждение в Сенат. Однако это нововведение не прижилось, и в ландраты указами Сената стали назначать уволенных по старости или здоровью офицеров, исполнявших в губерниях должность чиновников по особым поручениям.

Указ от 28 января 1715 г. уточнял права и обязанности ландратов. В соответствии с ним два ландрата должны были постоянно находиться при губернаторе в качестве советников, сменяясь через 1–2 месяца. В конце года все ландраты съезжались в столицу губернии на общий совет для составления губернской отчетности и вынесения решений по общим вопросам управления. *Ландратский совет* заседал под председательством губернатора, а решения утверждались большинством голосов, причем ландраты имели по одному голосу, а губернатор — два. Указ строго запрещал ландратам вмешиваться в посадские дела, так как управление городом и суд над городскими обывателями были предоставлены *бурмистрам*. В пограничных («украинных») городах, имеющих ланд–милицейские гарнизоны, обязанности ландратов исполняли *коменданты*, получавшие одинаковое с ними жалование.

Вопросами делопроизводства на всех уровнях губернского управления занимались *земские канцелярии*, управлявшиеся *дьяком* или *секретарем*. Персонал канцелярий состоял из определенного числа высших и низших служителей — старших, средних и младших *подьячих, рассыльных* и *сторожей*, считавшихся государственными служащими и получавших казенное жалование. Помимо делопроизводства подьячие могли привлекаться для сбора налогов, контроля за выполнением каких–то повинностей, участия в переписях и т.п. Количество подьячих не было одинаковым в разных провинциях и определялось текущими нуждами. Так, в 1717 г. в Московской провинции числилось 89 старших, 85 средних и 252 младших подьячих, а в Киевской — 23, 28 и 68 подьячих. Кроме канцеляристов, в губерниях были чиновники, заведовавшие отдельными частями управления: *судебные и финансовые комиссары, надсмотрщики и писцы крепостных дел, провиантмейстеры, ратушские инспекторы* и т.д.

Все чиновники получали от государства ежегодное денежное и хлебное жалование, установленное указом от 28 января 1715 г.: губернатор — 1 200 рублей и 600 четвертей хлеба, вице–губернатор — 600 рублей и 300 четвертей, ландрихтеры — 300 рублей и 150 четвертей, коменданты

Окрестности г. Курска на карте 1724–1729 гг. Национальная библиотека Франции.

и ландраты — по 120 рублей и 120 четвертей, дьяки — 120 рублей и 60 четвертей. Служившим в Санкт–Петербурге чиновникам жалование выплачивалось в двойном размере.

Выплата жалования производилась губернаторами из местных доходов. Однако если губернатор себе или своим подчиненным назначал жалование незаслуженное, то последнее взыскивалось обратно в казну с прибавлением к выплачиваемому штрафа. В случае невыполнения предписаний центральных органов или злоупотреблений по службе высшие чиновники губернии, как правило, отделывались штрафами и арестами, тогда как чиновники среднего и низшего уровня могли быть подвергнуты и телесным наказаниям.

Указ Петра I от 29 мая 1719 г. увеличивает число губерний до 11. Киевская губерния была уменьшена в размерах (из 56 городов оставлено 41) и разделена на четыре провинции: Белгородскую (20 городов), Севскую (9 городов), Орловскую (6 городов) и Киевскую (6 городов).

Обоянская провинция была разделена между Белгородской (Обоянь, Суджа, Мирополье, Яблонов) и Севской (Путивль, Каменный и Недригайлов) провинциями, а Курская полностью вошла в состав *Белгородской провинции*, ставшей самой населенной провинцией Киевской губернии. В нее входило 20 городов: Белгород, Курск, Обоянь, Суджа, Валуйки, Чугуев, Мирополье, Яблонов, Карпов, Болховец, Короча, Хотмыжск, Нижегольск, Салтов, Вольный, Алешня, Старый Оскол, Новый Оскол, Тополи и Полатов, в которых насчитывалось 25579 дворов разных сословий. Самым крупным городом Белгородской провинции был Курск (7211 дворов), столичный город Белгород состоял из 2728 дворов, а наиболее маленьким (41 двор) являлись Тополи (совр. Харьковская область, Украина).

Внутри провинций также произошли изменения. Ландратские доли были упразднены, а вместо них учреждаются *дистрикты* — округа, обычно состоящие из 2000 крестьянских дворов, с которых собиралась подушная подать на определенную воинскую часть. Во главе управления дистриктами стояли *земские комиссары*, осуществлявшие сбор податей, исполнение повинностей, правоохранительные мероприятия. Земским комиссарам подчинялась выборная сельская полиция — *сотские* и *десятские*, обычно избиравшиеся представителями крестьянских обществ на особых сходах и утверждавшиеся в должности воеводской канцелярией. Они наблюдали за соблюдением правопорядка в пределах округи, занимаемой *сотней* и *десятком* крестьянских дворов, ловили преступников и содержали их под стражей до вынесения приговора.

Окрестности г. Курска на карте 1724–1729 гг. Национальная библиотека Франции.

Высшей властью в провинции становятся *воеводы*. Согласно выпущенной в январе 1719 г. «Инструкции или Наказа воеводам» в круг их обязанностей входила борьба с вражескими шпионами, поддержание в надлежащем состоянии обороноспособности городов и крепостей, защита православия и борьба с ересями, обеспечение расположенных в провинции войск, надзор за судопроизводством, взиманием налогов, выполнением повинностей, состоянием дорог, деятельностью полиции и добросовестным исполнением чиновниками своих обязанностей, за правильностью переписей, сохранностью дубовых лесов, поддержание общественного спокойствия, поощрение и развитие торговли, производств, ремесел и промыслов, борьба с бродяжничеством и попрошайничеством и «во всем Царского Величества интерес и Государственную пользу тщательно остерегать, и о важных делах доносить Сенату и Коллегиям, о чем куда надлежит, и об оном определения ожидать и по присылаемым к ним указам исполнять, под опасением за несправление неотменного истязания по указам».

По мнению М. Богословского, вводимая этой реформой система управления была сложной и громоздкой. «Во главе управления провинцией — воевода с асессорами, так называемый провинциальный суд; при них под начальством земского секретаря канцелярия с целым штатом подьячих; далее, земская контора с камериром, при котором состоит земской писарь с подьячими и которому подчинены таможенные избы и кружечные дворы, находящиеся под начальством особых надзирателей из отставных обер и унтер–офицеров; провинциальная рентея с рентмейстером; провиантмейстеры при имеющихся в провинции хлебных магазинах... ядро провинциального управления осложняется ещё множеством других обыкновенных и чрезвычайных должностных лиц и учреждений, канцелярий и контор, каковы были: контора крепостных надсмотрщиков или нотариусов, фискал от шляхетства, фискал от купечества, канцелярия вальдмейстерских дел, наблюдавшая за лесами, с вальдмейстером и лесными надзирателями; канцелярия рекрутных дел, принимавшая рекрутов; канцелярия «розыскных дел», в которой заседал офицер, присланный в провинцию со специальной миссией истребления разбойников; канцелярия свидетельства душ и расположения полков, оканчивавшая перепись, располагавшая полки, взимавшая штрафы за утайку душ; полковые дворы расположенных в провинции полков; канцелярии «от земли комиссаров», состоявшая в полковых дистриктах; канцелярии старых зем-

ских комиссаров, продолжавших свое существование и действовавших по старым дистриктам; судебные комиссары в отдаленных от провинциального центра городах; особые «управители» из подьячих с канцеляриями для передачи указов и исполнительных действий в ближайших городах».

В 1727 г. императрица Екатерина I рядом указов проводит очередную административно–территориальную реформу, отменившую большинство петровских преобразований. Главной причиной этой реформы стало массовое разорение налогоплательщиков и падение государственных доходов. По мнению князя А.Д. Меншикова, в основном это происходило из–за того, что «теперь над крестьянами десять и больше командиров находится, вместо того, что прежде был один... из которых иные не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися, назваться могут».

Решением этих проблем стало снижение налогового бремени, уменьшение органов управления в губерниях и удешевление их содержания. Во главе губернии этого времени стоит единоличный правитель — *губернатор* со своими помощниками–*ассесорами*. Губернатор имеет в своем распоряжении *губернскую канцелярию* с *секретарем* во главе. Губерния распадается на несколько *провинций*, управляемых *провинциальными воеводами*. В состав каждой провинции входят несколько возглавляемых *городовыми воеводами* самостоятельных *уездов* с ещё допетровскими границами. Во главе городовых канцелярий стоят *подьячии с приписью*, т.е имеющий право подписывать документы. Ещё ниже стояли *пригородки*, также управляемые воеводами.

В ходе реформы изменяется и количество губерний — с 11 до 14. Одной из новообразованных губерний стала *Белгородская губерния*, учрежденная 1 марта 1727 г. Она делилась на три провинции (Белгородскую, Севскую, Орловскую) и включала территории современных Белгородской, Курской, Орловской и части Брянской областей России, части Харьковской и Сумской областей Украины.

Всего в пределах новой губернии проживало около 717265 душ обоего пола. Кроме этого, к Белгородской губернии были отнесены слободские казачьи полки с центрами в Харькове, Сумах, Ахтырке, Изюме и Рыбинской слободе под Острогожском, подчинявшиеся Белгороду только по гражданским делам. Первым белгородским губернатором стал князь *Юрий Юрьевич Трубецкой*, а первым курским воеводой — капитан *Семен Артемьевич Раевский*.

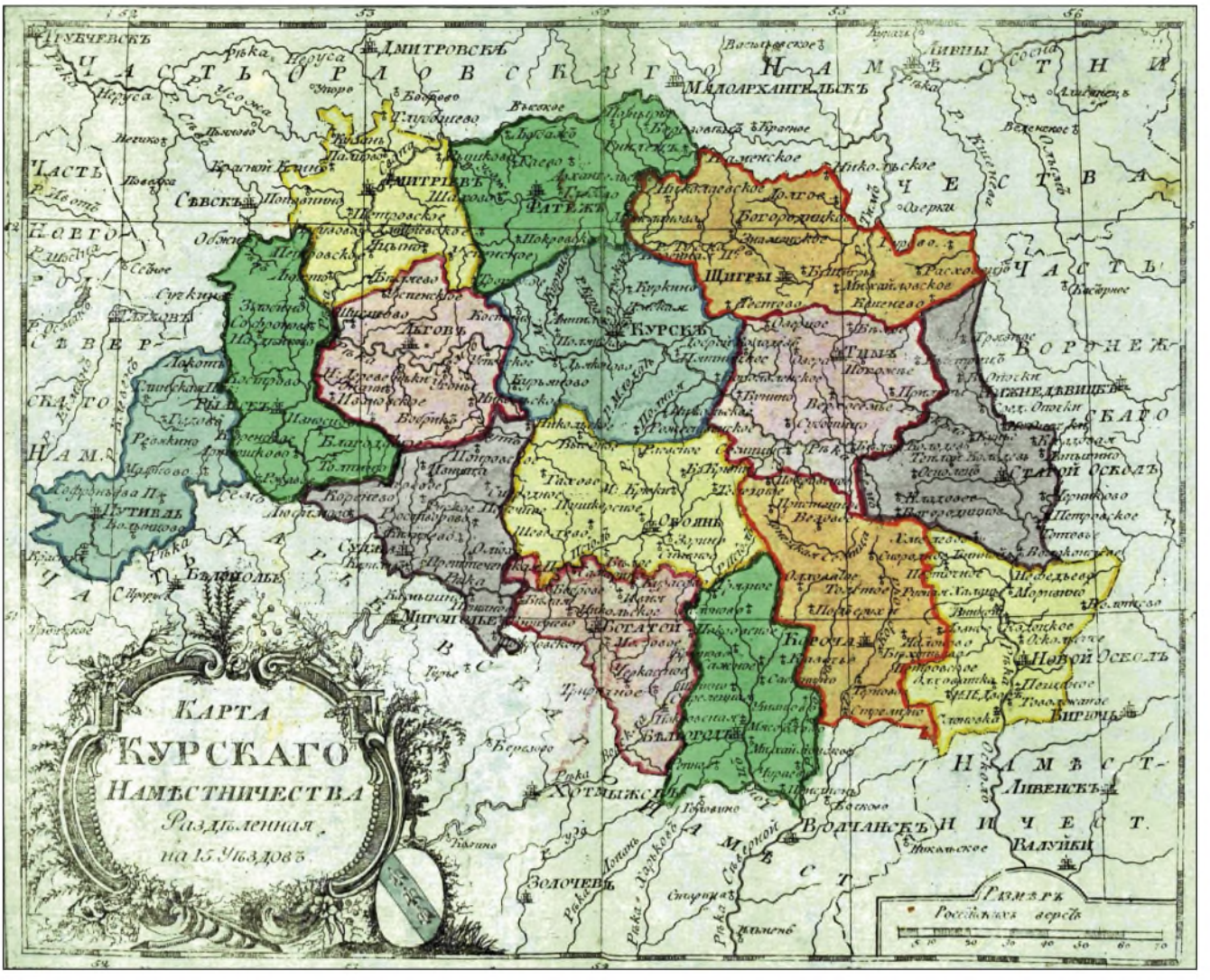
Установленное реформой 1727 г. деление просуществовало почти полвека.

7 ноября 1775 г. императрица Екатерина II подписывает «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», в соответствии с которым страна делилась на *губернии* или *наместничества*, население которых для удобства управления не должно было превышать 300–400 тысяч человек.

Одна или несколько губерний получали статус *генерал–губернаторства* и подчинялись назначенному Сенатом наместнику *генерал–губернатору*, деятельность которого контролировалась непосредственно императрицей. *Генерал–губернатор,* или *государев наместник,* обладал всей полнотой власти на местах. Он надзирал за правильным исполнением закона и деятельностью всех местных органов власти, был наделен правом самостоятельно отменять распоряжения губернаторов, вмешиваться в судебные решения и останавливать исполнение приговоров, мог возбуждать преследования и утверждать приговоры по уголовным делам. Командовал полицией, городскими гарнизонами и полевыми войсками, размещенными в пределах наместничества.

Второе по значению лицо в губернии — *губернатор,* или *правитель наместничества,* осуществлял гражданское управление всеми правительственными учреждениями губернии и сословными судами. В финансовых вопросах губернатору помогал *вице–гу-*

Картуш с карты Курского наместничества 1792 г.



Курское наместничество. Карта 1796 г.

бернатор, а в контроле за исполнением законов — *губернский прокурор* и *стряпчие*. Все вопросы управления губернией решались в *губернском (наместническом) правлении*, состоящем из генерал–губернатора и губернатора с двумя *советниками*.

Губернии состояли из *уездов* или *округов* с населением от 20 000 до 30 000 человек.

В уезде высшим органом управления был подчиненный губернскому правлению *нижний земский суд* в составе *земского исправника* или *капитана* и двух *заседателей*. Все эти лица избирались уездным дворянством. Исправник следил за исполнением законов и постановлений, производил предварительное следствие, наблюдал за местной торговлей, следил за исправностью дорог и мостов, поддержанием чистоты, благоустройством, нравственностью и политической благонадёжностью жителей уезда. Власть исправника распространялась на весь уезд за исключением уездного города, который находился в подчинении *городничего* или *коменданта*.

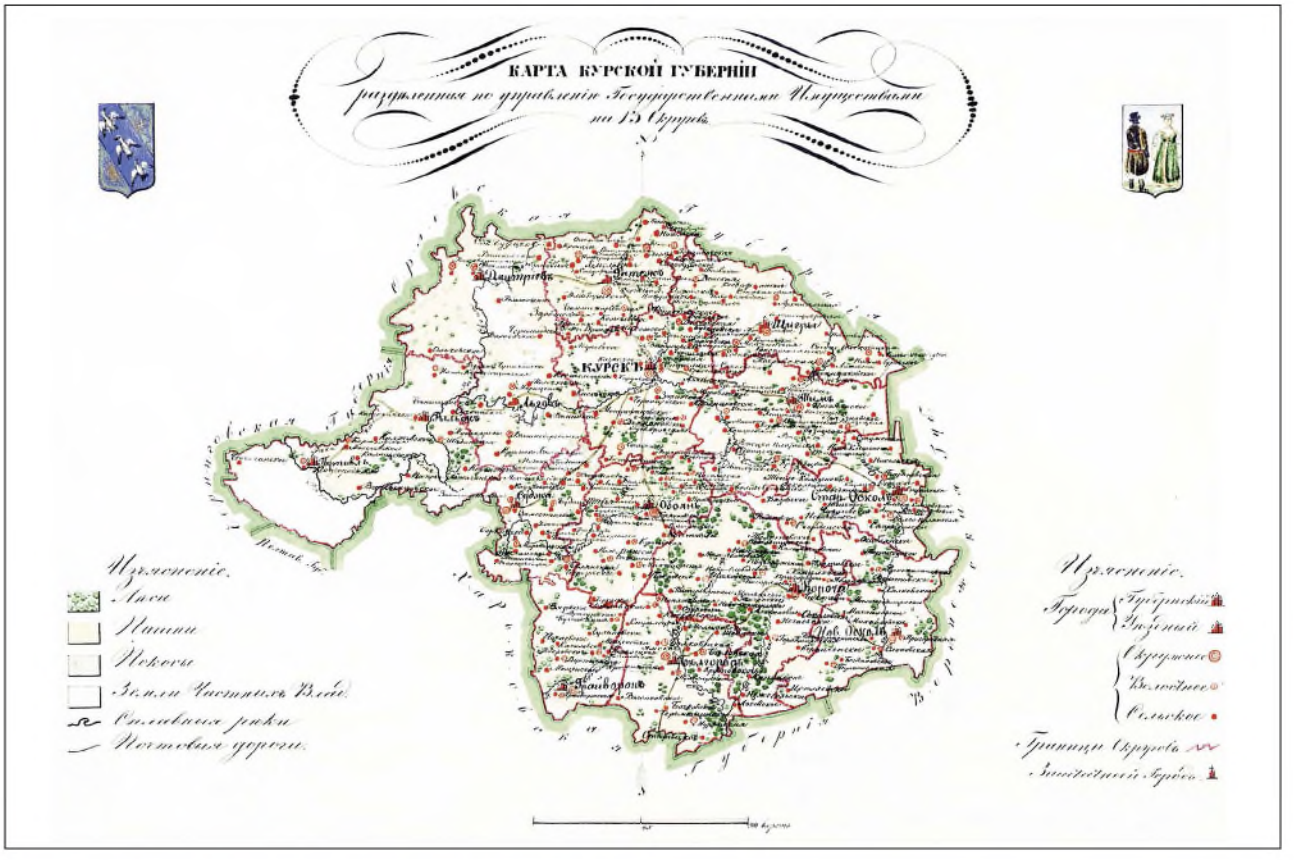
Процесс упразднения старых и образования новых губерний продолжался целое десятилетие (1775–1785 гг.), а после его окончания Российская империя состояла из 38 наместничеств, трех губерний (Петербургской, Московской и Псковской) и 1 области на правах наместничества (Таврическая). Размер и границы большинства образованных в 1775–1785 гг. губерний Европейской России почти не менялись до 20–х годов XX в.

В ходе реформы Екатерины II Белгородская губерния исчезла с карты Российской империи. Основанием для этого послужил буйный и беспокойный дух её обитателей, о чём прямо говорится в императорском указе тайному советнику Волкову от 23 февраля 1777 г. Текст указа гласил: «По разным доходившим до Нас сведениям известны Мы, к сожалению Нашему, что в Белгородской Гу-

Курская губерния. Карта игральная. Лицевая и оборотная стороны. Художник К.М. Грибанов. 1827 г. Игральная карта входила в набор «Географические карты России с изображением гербов, костюмов и назначением верст от двух столиц для пользы юношества. Сочинённые Константином Грибановым», изданный в 1827–1830 гг.

бернии, паче прочих, между жителями оной происходит несказанное множество ссор, тяжб, ябед и следствий, которые инако прекращены быть не могут, как разделением сей обширной и многолюдной Губернии на сходные с учреждением Нашим от 7 ноября 1775 года части, и для того поручаем вам оную Губернию объехать и осмотреть города её и уезды; при чем данным вам для того нарочным офицерам приказать примерно назначить будущие округи и сочинить нужные карты, как к будущему открытию Наместничества по силе Нашего учреждения, так и к межеванию, которое в будущем году туда конечно перенесено будет; но если бы вам и сверх того для разобрания дел ещё некоторая помощь потребна была; то вы имеете о том прямо к Нам представлять и несомненно всем тем снабдены будете, что Нашу службу и ваше к ней усердие спошествовать может».

Вероятно, именно следствием инспекционной поездки Волкова стало уничтожение Белгородской губернии и понижение статуса её столицы до уров-



Курская губерния. Рукописный атлас Грибовского. 1843 г.

ня уездного города *Курской губернии*, образованной указом Екатерины II от 23 мая 1779 г.

Утверждавший появление новой губернии императорский указ гласил: «Всемилостивейше повелеваем Нашему Генерал–Фельдмаршалу, Малороссийскому, Слободско–Украинскому и Курскому Генерал–Губернатору Графу Румянцеву–Задунайскому, по изданным от нас в 7 день Ноября прошлого 1775 года учреждениям, для управления Губерний Империи Нашей, исполнить в Декабре настоящего года, равномерно и в Курской Губернии, составя оную из 15 уездов, а именно: Курского, Белгородского, Обоянского, Старооскольского, Рыльского, Путивльского, Новооскольского, Короченского, Судженского, Богатенского, Фатежского, Щигровского, Тимского, Льговского и Дмитриевского. В следствие чего переименовать городами однодворческие села: Фатеж, Богатое, Троицкое, что на Щиграх, да экономическое село Дмитриевское и урочище бывшего монастыря Льгова с слободкою при оном монастыре, называемою Подмонастырною, под именованием города Фатеж, Богатой, Щигры, Дмитриев и Льгов, да однодворческое село Выгорное, назвав город Тим. От сей губернии отчислить к Слободско–Украинской до 120.000 душ; да к Воронежской весь Валуйский уезд, и от других уездов до 20.000 душ; а в прочем, назначение границ сего Наместничества, с прикосновенными ему предоставляем на соглашение Генерал–Губернаторов и правящих ту должность, о котором, так как и о числе душ, сколько к другим Губерниям приписано будет, имеют они донести Нашему Сенату».

Согласно С.И. Ларионову, торжественное учреждение Курского наместничества (губернии) прошло в Курске 27 декабря 1779 года. На торжестве присутствовали наместник (генерал–губернатор) генерал–фельдмаршал граф *Петр Александрович Румянцев–Задунайский*, правитель наместничества (губернатор) генерал–поручик *Петр Семенович Свистунов*, его заместитель вице–губернатор (поручик) бригадир *Александр Анисимович Чаплыгин*, а также собравшиеся со всех уездов наместничества 389 курских дворян.

После восшествия на престол Павла I указом от 12 декабря 1796 г. многие наместничества были уничтожены, ряд губерний упразднен, а их части приписаны к оставшимся. Именно тогда к Курской губернии из уничтоженного Харьковского наместничества отошли ранее входившие в состав Белгородской губернии города Хотмыжск и Мирополье. С этого времени границы Курской губернии оставались неизменными вплоть до 1925 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Авдеева Е.А. Воспоминания о Курске // Курский край. №3–4 (66–67), 2005.

Акты Московского государства. Т. I. М., 1890.

Анненков Николай Петрович // Русский биографический словарь. Т. II. СПб., 1900.

Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII вв. М., 1967.

Бабулин И.Б. Битва под Конотопом 28 июня 1659 г. М., 2009.

Багалей Д.И. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1882.

Багалей Д.И. Повесть о граде Курске и о Знаменской иконе Божьей Матери // Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1888 г. Курск, 1887.

Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украйне Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.

Берк К.Р. Путевые заметки о России // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997.

Богданов А.П. Известия Кариона Истомина о книжном читании // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1986. Л., 1987.

Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М., 1902.

Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 130. Юрьев, 1909.

Васильев А. Битва под Берестечком 1651. Реестровые казаки войска Богдана Хмельницкого // Цейхгауз, №2, 1998.

Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. I, СПб., 1876.

Военно–статистическое обозрение Российской империи. Курская губерния. Составители Дуброво и Рельи. Т. XIII. Ч. 3. СПб., 1850.

Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. II. СПб., 1842.

Воротникова И.А., Неделин В.М. Кремли, крепости и укреплённые монастыри Русского государства XV–XVII веков. Т. 2. Кн. 1–2. Крепости Юга России. М., 2016.

Воскресенский Н.В. О Кудояре–разбойнике и кладоискателях // Воронежский юбилейный сборник. В память 300–летия г. Воронежа. Т. 2. Воронеж, 1887.

Гербовник знамен Российской империи, содержащий рисунки гербов городов, провинций, а также знамен полков, их гербов и знаков // Президентская библиотека имени Бориса Николаевича Ельцина.

Гербы губерний и областей Российской империи. СПб., 1880.

Голубков Р.О. Реконструкция Курской крепости XVII века (URL http://old–kursk.ru/post/p170630.html [Доступно по состоянию на 01.10.2017])

Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. М., 1913.

Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. II. М.–Л., 1941.

Дмитрюков А.И. Нравы, обычаи и образ жизни в Судженском уезде Курской губернии // Московский телеграф. 1831 г. Ч. 39, №10–11.

Добротворский Н.А. Из истории одного присеймского села // Киевская старина. Т. XVII. Март. 1887.

Добротворский Н.А. Домик Петра Великого в Борисовке // Исторический вестник. Т. XXI. 1885.

Добротворский Н.А. Историческая справка о Глушковской суконной фабрике // Киевская старина. Т. XVI. Декабрь. 1886.

Дворжецкий–Богданович П.В. Воспоминания о бывшем курском губернаторе Дене // Киевская старина. Т. XXVI. 1889.

Дневник курского помещика И.П. Анненкова // Материалы по истории СССР. Т. V. Документы по истории XVIII века. М., 1957.

Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.

Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991.

Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989.

Записки Ново–оскольского дворянина И.О. Острожского–Лохвицкого (1771–1846 г.) // Киевская старина. Т. XIV–XVI. 1886.

Зорин А.В. Из прошлого курской школы // Курские тетради. Вып. 4. Курск, 2002.

Зорин А.В. Лисовчики. Александр Юзеф Лисовский и его полк в истории Смутного времени. М., 2017.

Зорин А.В. «Битва на Красной Поляне»: история и миф // Studia Internationalia. Материалы международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях XVII–XX вв.» 22–24 июня 2011 г. Брянск, 2011.

Зорин А.В. «Аспиды Лисовского» (1616–1618) // Сіверщина в історії України. Випуск 3. Київ–Глухів, 2010.

Зорин А.В. Осада Курска в 1612 г.: датировка, ход событий, последствия // Путивльський краєзнавчий збірник. Випуск 7. Суми, 2013.

Зорин А.В., Раздорский А.И. Порубежье. Курский край в XVII в. Курск, 2001.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края. Курск, 2008.

Зорин А.В., Зубков А.В. Две постройки Курска XVII–XVIII вв. // Город Средневековья и Раннего Нового времени. Археология. История. Материалы IV Всероссийского семинара. Тула. Ноябрь 2011 г. Тула, 2013.

Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873.

Иванов П.В. Курск в первой половине XVII в. Восстание 1648 г. // Научные труды Курского государственного педагогического института. Курск, 1973.

Иванов Б.П. Русский картограф XVII века // Труды Географического факультета Харьковского государственного университета им. А.М. Горького. Т. 4. 1958.

Ильин А.И., Ткаченко А.И., Битюгин К.Е. Белгородские воеводы. Конец XVI — начало XVIII века. Белгород, 2004.

Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1965.

История русской литературы / ред. тома А.С. Орлов, В.П. Адрианова–Перетц, Н.К. Гудзий. Т. 2, ч. 2: Литература 1590–1690 гг. М.; Л., 1948.

Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина (прожившего 72 года 2 месяца 20 дней) им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752–1823. В трёх частях // Русские люди XVIII века. Этнографический сборник. М., 2015.

Калашников Г.В. Материалы к истории рыльской символики // Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре. Сборник материалов межрегиональной научной конференции (г. Рыльск, 3 июня 2011 г.). Рыльск, 2012.

Київський літопис першої чверті XVII ст. // Український історичний журнал. №2, 5. 1989.

Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 2005.

Книга Большому Чертежу. М–Л., 1950.

Князьков С.А. Допетровская Русь. М., 2005.

Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства. М., 1994.

Костомаров Н.И. Казаки. М., 1995.

Костомаров Н.И. Руина. М., 1995.

Костомаров Н.И. Мазепа. М., 1995.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988.

Кулаковський П.М. Чернігово–Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). Київ, 2006.

Лаппо Ф.И. Курск в период разложения крепостных отношений (вторая половина XVIII века) // Курск. Очерки истории города. Воронеж, 1975.

Ларионов С.И. 1786. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нём известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества верхней расправы прокурором. — М.

Лебедев А.С. Вотчинный быт монастырей: Курского Знаменского и Белгородского Николаевского (по архивным документам) // Сборник Харьковского историко–филологического общества. Т. 4. Харьков, 1892.

Лебедев А.С. Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности (по архивным документам). Харьков, 1902.

Лебедев А.С. Сведения о некоторых архивах Духовного ведомства в губерниях Курской и Харьковской // Сборник Харьковского историко–филологического общества. Т. 13. Харьков, 1902.

Левашов В.Н. Исторический и географический путеводитель по Курской губернии от орловской границы до харьковской на 241 $^1/_2$ верст. Составлен В.Н. Левашовым в 1837 г. СПб., 2010.

Леонид (Кавелин). Историческое описание Борисовской Тихвинской девичей пустыни, составленное по монастырским документам и записям. М., 1872.

Марков Р.Л. Голубец на Красной поляне // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911.

Марков Р.Л. Недавняя старина (отрывки из семейной хроники) // Исторический вестник. Август. 1891.

Марков А. (Шарки). Родные гнезда. Сан–Франциско, 1965.

Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903.

Материалы к истории рода дворян Анненковых // Труды Пензенской Ученой Архивной Комиссии. Кн. III. Пенза, 1905.

Машкин А.С. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник. Вып. V, СПб., 1862.

Медведев С.А. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I. М., 1990.

Михайленко Т.Г. Формирование «дворовых» мест курских жителей по реформе Екатерины II // Вестник Челябинского государственного университета. №12 (150). История. Вып. 31, 2009.

Мрочек–Дроздовский П.Н. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Часть I. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 г.). М., 1876.

Народная проза. М, 1992.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.–Л., 1948.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. // Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М., 1994.

Озеров М.М., Бабин И.П. Петровские административные реформы в Суджанском крае // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре. Сборник статей и материалов. Курск, 2015.

Паласиос–Фернандес Р. Московские стрельцы. «Неприметные войска» Русского государства XVII века // Цейхгауз, №1, 1991.

Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. I. Книга сеунчей 1613–1619 гг. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень–зима 1615 г.). М.–Варшава, 1995.

Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. М., 1993.

Папков А.И. 2000. Оборона Белгорода от черкас летом 1633 г. // Малые города России. Материалы II Всероссийской научно–практической конференции. 1–3 июня 2000 г., г. Рыльск. Курск–Рыльск, 2000.

Папков А.И. Оборона Белгорода от черкас летом 1634 г. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002.

Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI — первая половина XVII века. Белгород, 2004.

Папков А.И. Поход российских войск на Миргород осенью 1633 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2005.

Плохинский М.М. Гетман Мазепа в роли великорусского помещика // Сборник Харьковского историко–филологического общества. Т.4. Харьков, 1892.

Позняков Л.Н. Курский острог (крепость) XVII века // Курский сборник. Вып. VII. Курск, 1912.

Позняков Л.Н. История застройки г. Курска // Курский архивист. №1–3 (январь–март), 1933.

Писарькова Л.Ф. Чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX в. // Человек. №3, 1995.

Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно–исторического, статистического и географического исследования. Т. 2 (XVIII–й век). Казань, 1913.

Припачкин И.А. Обстановка игуменской келии середины XVIII века // Из истории монастырей и храмов Курского края. Курск, 1998.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. IV. 1700–1712. СПб., 1830.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. V. 1713–1719. СПб., 1830.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. VII. 1723–1727. СПб., 1830.

Полное собрание законов Российской империи. Т. XX. 1775–1780. СПб., 1830.

Полунин Ф.А. Географический лексикон Российского государства. М., 1773.

Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. 1726–1730. Т. III (январь–июнь 1727 г.) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 63. 1888.

Раздорский А.И. Князья, наместники и воеводы Курского края XI–XVIII в. Курск, 2004.

Раздорский А.И. Из истории областной реформы Петра Великого (административно–территориальный статус Курска и Обояни в 1708–1719 гг.) // Государство и общество в России: XV — начало XX в.: Сб. ст. памяти Н. Е. Носова. СПб., 2008.

Раздорский А.И. Осада Курска польско–литовскими войсками во время Смоленской войны 1632–1634 гг. (сопоставительный анализ известий «Повести о граде Курске» XVII в. и отписки курского воеводы П.Г. Ромодановского 1634 г.) // Клио. №4. 2003.

Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 7. М., 2003.

Решетов Н.А. Помещичьи и государственные крестьяне до 1861 г. // Русский архив. Вып. 2, 1886.

Ригельман А.И. Летописное повествование о Малой России и ея народе и козаках вообще. М., 1847.

Романович–Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870.

Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т.1. СПб., 1886.

Самсонов В.И., Стоюшкина В.А. План Курской крепости // Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963.

Сенаторский Н.П. Исторический очерк г. Рыльска в политическом и церковно–административном отношениях. Курск, 1907.

Соловьева Л. О кладах и Кудеяре // Курские губернские ведомости, 1901. №28.

Сотников А.В., Шпилев А.Г. Украшения и металлические детали костюма XVII–XIX вв. из Курской области. Часть 1. Серьги, подвески, кулоны, цепи, броши, пуговицы, детали пояса, детали обуви // Город Средневековья и Раннего Нового времени. Археология и история. Материалы IV Всероссийского семинара. Тула, 2013.

Сотников А.В., Шпилев А.Г. Украшения и металлические детали костюма XVII–XIX вв. из Курской области. Часть 2. Перстни и кольца // Город Средневековья и Раннего Нового времени II (V). Археология и история. Материалы V Всероссийского семинара / Под ред. И. Бурцева. Тула, 2016.

Скрынников Р.Г. Социально–политическая борьба в русском государстве в начале XVII в. Л., 1985.

Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981.

Соловьев С.М. Сочинения. Книга VIII. История России с древнейших времен. Т. 15–16. М., 1993.

Смолич И.К. Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997.

Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917 гг. // https://www.sedmitza.ru/lib/text/439961/

Сташевский Е.Д. Смета военных сил Московского государства на 1632 год / Сметный список 140 году // Военно–исторический вестник, издаваемый при Киевском отделе имп. Русского военно–исторического общества. №9–10. 1910.

Сущенко–Званный И. История села Званное // http://www.proza.ru/2012/11/21/1141. Дата посещения 1.03.2017.

Таирова–Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. М., 2011.

Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. Т. 1. М., 1913.

Татарников К.В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2008.

Татарников К.В. Знамена и гербы полков Российской армии царствований Екатерины I и Петра II (1725–1730) // История военного дела: исследования и источники. Т. I. 2012 // www.milhist.info.

Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.

Черепнин Л.В. 1944. Русская хронология. М., 1944.

Черников С.В. Дворянские имения Центрально–Черноземного региона России в первой половине XVIII века // Новейшая российская история: исследования и документы. Т. 5. Рязань, 2003.

Шаменков С.И. Новый изобразительный источник по истории костюма украинского казачества середины XVII в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2013. Т. IV. // http://www.milhist.info/2013/10/21/shamenkov_5> (21.10.2013).

Шатохин И.Т. Курские губернаторы середины — второй половины XIX века в воспоминаниях современников // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. №3 (34). Вып. 2. 2007.

Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991.

Шепелев Л.Е. Однорядки // Родина. №8–9. 1992.

Шепелев Л.Е. «Противные изящному вкусу» // Родина. №10. 1992.

Шереметев С.Д. Борисовка // Русский архив. Вып. 10. 1892.

Шпилев А.Г. «Палаты бояр Ромодановских». Курск, 2001.

Шпилев А.Г. Денежно–вещевой клад 1–й трети XVIII в. из деревни Тураевки Курской области // Позднесредневековый город III: археология и история. Материалы III Всероссийского семинара. Тула, 2011.

Шпилев А.Г. Этнографические параллели к костюму танцующей девушки на браслетах XII в. из ГИМа // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Материалы международного научно–образовательного семинара 25–26 ноября 2011 г. М. СПб., 2011.

Шпилев А.Г. «Было двенадцать разбойников, был Кудеяр атаман» (Разбойники юго–западного порубежья России в XVI–XVII вв.) // Русский сборник. Труды кафедры Отечественной истории древности и Средневековья Брянского государственного университета им. Академика И.Г. Петровского. Вып. 7. Брянск, 2013.

Шпилев А.Г. Перстни с христианской символикой конца X–XVII вв. из Курской области // Stratum plus, №6, 2014. Время войны. Победители и побежденные. Спб.–Кишинев–Одесса–Бухарест, 2014.

Шпилев А.Г. Женские серьги эпохи Позднего средневековья и Нового времени из собрания Курского государственного областного музея археологии // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Материалы Международного научно–образовательного семинара. 24–25 сентября 2015 года. Вып. 3. Составитель, редактор Ю.В. Степанова, научный редактор Н.В. Жилина. Тверь. 2015.

Щербина В.И. Киевские воеводы, губернаторы и генерал–губернаторы от 1654 по 1775 г. // Чтения в историческомъ обществе Нестора летописца. Кн. VI. Отд. II. Киев, 1892.

Фёдоров В.А. Русская Православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003.

Федотова Н.А. Глушковская суконная фабрика — крупнейший центр курского текстильного производства (по материалам Государственного архива Курской области) // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. — Курск: КГУ, 2014. — №3 (31). URL: http://scientific–notes.ru/pdf/036–009.pdf

Tomkiewicz W. Jeremi Wiśniowiecki. Warszawa, 1933.

Wisner H. Lisowczycy. — Warszawa, 2004.

Зорин Александр Васильевич — главный хранитель фондов Курского государственного областного музея археологии, кандидат исторических наук. Почётный работник культуры и искусства Курской области. Лауреат премии губернатора Курской области имени Н.Н. Гордеева (2005 г.), премии Министерства культуры РФ имени И.Е. Забелина (2011 г.), премии областного конкурса общественного признания «Человек года» (2015 г.). С 1985 г. принимает участие в полевых археологических исследованиях на территории Курской области. Автор более 140 научных публикаций по истории Русской Америки, истории североамериканских индейцев, древнерусской археологии, русской истории XVII в., прошлого Курского края, а также соавтор ряда коллективных работ.

Шпилев Андрей Геннадьевич — заведующий экспозиционным отделом Курского государственного областного музея археологии. Лауреат премии губернатора Курской области имени Н.Н. Гордеева (2007 г.), премии Министерства культуры РФ имени И.Е. Забелина (2011 г.), премии областного конкурса общественного признания «Человек года» (2015 г.). С 1988 г. принимает участие в исследованиях археологических памятников на территории Курской области. Область научных интересов: комплекс украшений населения Курского края 2–й половины VIII–XIX вв., курский народный костюм, клады и кладоискатели Курского края, курские разбойники XVI–XIX вв. Автор более 80 научных и научно–популярных публикаций, соавтор ряда коллективных работ.